ДЕЛИЯ РОССИ

Законный БРАК

16+

Законный брак
Делия Росси

Аннотация
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Эпилог
Конец.

Аннотация

Что делать одинокой вдове, у которой почти не осталось денег, но зато в избытке долгов и обязательств? Правильно. Попытаться найти состоятельного мужа. Именно к такому убеждению я пришла, когда мне в очередной раз отказали в ссуде, а домовладелец настойчиво потребовал оплатить жилье. И теперь у меня осталось всего несколько дней, чтобы найти супруга и при этом избежать сетей одного из самых известных уэстенских сердцеедов, лорда Джеймса Кейна, объявившего меня своей добычей. А еще мне предстоит раскрыть тайну своего рождения и разобраться с собственной магией, совершить странное путешествие и… Впрочем, обо всем по порядку.

Озеро было круглым, как капля ртути, и таким же безжалостно-равнодушным.

Оно неподвижно застыло в расщелине между гор, заполняя бездонную каменную чашу до самых краев, и обнимая отражение огромного лунного диска. Ар-та-Авир. Озеро Жизни и Смерти.

Над его ровной безмятежной гладью, почти касаясь ее, сияли яркие, мерцающие голубоватым светом звезды, далеко внизу виднелись огни Большой Алайи — главного города алайетов, а здесь, в отрогах Ареи, стояла оглушительная тишина. Ни дуновения ветра, ни шепота листвы, ни крика вездесущих ночных птиц, ни шороха вышедших на охоту хищников. Только тени — безмолвные, облаченные в длинные белые хламиды, бесшумно парили в небе, выстраиваясь в ритуальном танце Избранных, и их тонкие руки замыкали магический круг. Движения бестелесных были плавными, они перетекали одно в другое, как вода, завораживали и манили случайного путника за собой. Но сегодня здесь не было никого из тех, кто забрел бы в Арею случайно. Сегодня здесь был только один чужак — тот, ради кого и собрался суд Старейших. Преступник, посягнувший на самое святое для алайетов и до

сих пор не признавший своей вины. Маг, наказание для которого уже вынесли и готовились привести в исполнение. Бессмертный, обреченный навсегда утерять свое бессмертие и силу.

— Во имя Великой Матери! — прозвучал тихий напевный голос.

Поверхность озера подернулась едва заметной рябью.

— Во имя Жизни!

В глубине, под огромной толщей воды, раздался низкий басовитый гул.

— Во имя Смерти!

Гул становился все громче, он словно бы поднимался вверх, к серебряной ртутной глади, а потом оборвался на высокой пронзительной ноте, и тени тут же ринулись вниз, туда, где в самом центре отражения лунного диска лежал обнаженный мужчина, и тишину Ареи разорвал протяжный, полный боли и отчаяния крик.

Глава 1

Парадная дверь громко хлопнула, заставив меня поморщиться. Ушел. Еще один пустой эпизод моей жизни, который закончился так быстро, что я даже привыкнуть не успела — ни к мужчине, ни к его запаху, ни к его глазам. Спроси меня, какого они цвета, я бы толком и не ответила. То ли серые, то ли грязно-голубые. Сплошная неопределенность, как и в наших недолгих отношениях. Три месяца… Три месяца непонятных хождений вокруг да около и попыток уложить меня в постель, без единого слова о женитьбе. И вот сегодня, после моего прямого вопроса о том, что будет после, потенциальный кандидат в мужья оказался слишком нерешительным, чтобы противостоять собственной маменьке. Та посчитала меня недостаточно состоятельной для законного брака с ее сыном. «Ты же понимаешь, Кэролайн, моя мать не позволит мне жениться на девушке без приданого», — заявил Гордон. Конечно, как же не понять!

Сердце неприятно заныло. Представилось, что будут говорить знакомые и соседи, какие лю-

бопытные и приторно-сочувствующие взгляды придется вытерпеть, сколько удовольствия испытают мои так называемые подруги…

А, плевать! Мне не привыкать к пересудам и сплетням. В нашем благословенном Уэстене это единственное бесплатное развлечение для горожан, так стоит ли удивляться тому, что они столь охотно ему предаются?

Я подошла к окну и раздвинула занавески. Яркие солнечные лучи хлынули в комнату, мгновенно обнажив то, что при тусклом освещении не слишком бросалось в глаза: дешевую мебель, отсутствие ковра на полу, чуть более темные квадраты на обоях, оставшиеся от проданных картин. Точнее, я предпочитала думать, что все это не очень заметно, но сейчас, в безжалостном свете, льющемся из высоких створок, мое пристанище выглядело удручающе неприглядным. Видела бы матушка, до чего я докатилась…

— Госпожа, там приехал господин Вейс.

В дверь гостиной бочком протиснулась Ильда.

— Стучит у ворот.

Боже! Только этого упыря не хватало! Что ж за день-то такой?

— Сказать ему, что вас нет дома? — спросила служанка, поблескивая сметливыми темными

глазами.

— Нет, пусть подождет, я сейчас спущусь.

Толку обманывать? Долги-то за меня никто не выплатит, нужно идти договариваться об отсрочке.

— Хорошо, госпожа, — кивнула Ильда, но в голосе ее послышалось сомнение.

Ничего удивительного. Иль как никто другой знает, что у меня почти не осталось денег. Я и ей за пять месяцев задолжала, но она пока не уходит. Видимо, надеется, что я как-нибудь выкручусь. Раньше ведь тоже тяжелые времена бывали, но мне всегда удавалось удержаться на плаву. Хотя, сдается мне, что Ильда не уйдет, даже если я ей вовсе платить не буду. Разве кто-то еще выдержит ее бесконечное ворчание и постоянное самоуправство? Вряд ли. За те десять лет, что Иль у меня служит, она сумела полностью прибрать к рукам мой быт и приобрести твердую уверенность в том, что без нее я не выживу. Что ж, не мне ее разубеждать.

— Предложи господину Вейсу чаю, — открыв потайной ящичек секретера, велела служанке. — Может, подобреет.

— Простите, госпожа Кэролайн, но чай у нас еще третьего дня вышел, — сомнение в голосе

Ильды сменилось на неодобрение.

— Да? Странно, а я не заметила.

— Еще бы вы заметили, — проворчала служанка. — Я ведь вместо заварки травки и сушеные ягоды в чайник кидаю. Прошлым летом заготавливала, вот и пригодились. Не простые травки, особые — они и настроение улучшают, и силы придают, и хандру прогоняют.

Иль приосанилась, выпятив свою едва заметную грудь, и вскинула подбородок. Мать Ильды была деревенской знахаркой и кое-какие знания передала дочери, вот моя служанка и применяла их на практике, тобишь на мне.

— Что бы я без тебя делала? — подсчитывая оставшуюся наличность, пробормотала я.

— Да уж с голоду бы померли, не иначе, — хмыкнула служанка и спросила: — Так что, сказать этому, чтобы ждал?

— Да, проводи его в кабинет, я сейчас подойду.

Ильда что-то тихо проворчала и покинула комнату, а я снова принялась пересчитывать деньги. Глупое занятие, конечно. И без пересчета ясно, что там и половины нужной суммы нет. Взгляд пробежался по гостиной. Что я могу заложить? Маленькое бюро? Последнюю оставшуюся картину мэтра Джовелли? Рояль?

Я подошла к инструменту и коснулась гладких холодных клавиш. Нет, с ним я ни за что не расстанусь. Пусть у меня не так много учеников, но это мой единственный заработок.

Рука потянулась к стоящей на маленьком придиванном столике шкатулке. Может, продать отцовские часы?

Сердце болезненно сжалось. Нет. Не смогу. Это ведь единственная память о моей семье! Ладно. Попробую уговорить Вейса еще немного подождать, а сама тем временем что-нибудь придумаю.

Поправив волосы, вскинула голову и решительно направилась к выходу. Ничего. И не с такими справлялась, что мне какой-то домовладелец?

***

— Господин Вейс, рада вас видеть!

Голос звучит приветливо, по губам скользит радушная улыбка. Главное, не показывать неприязни и волнения, но в этом я мастер. Жизнь научила улыбаться даже тогда, когда хочется плакать.

— Добрый день, госпожа Дерт, — на худом, желчном лице гостя появилась кислая мина, которая должна была изображать радушие. Правда,

чего-чего, а радушия Вейсу судьба при рождении не отмерила. Забыла, наверное.

— А вы все хорошеете, — уголки тонких губ чуть приподнялись, но общей картины это не улучшило.

Странное дело. Почему-то всегда, когда вижу Вейса, мне кажется, что у него что-то болит. То ли печень, то ли желудок, а может, даже сердце, если оно имеется. Уж слишком вид у домовладельца несчастный. Или это издержки профессии? Вейсу принадлежат несколько домов в Среднем Уэстене, и он регулярно обходит каждый, лично взимая с жильцов арендную плату

— Не желаете ли чаю? Мне недавно привезли из Уинкса новый сорт, — оставив ненужные размышления, обратилась к гостю.

Ильда, застывшая у двери, издала какой-то странный горловой звук.

— Не откажусь, госпожа Дерт, — после небольшой паузы кивнул домовладелец. — Погода нынче ветреная, неплохо бы согреться.

— Ильда, завари нам чаю, того, что в синей коробке, — с намеком посмотрела на служанку.

— Да, хозяйка, — сообразив, к чему я клоню, откликнулась та. — Уже иду.

Вот за что ценю Иль, так это за смекалистость.

Дверь за служанкой закрылась, а я указала гостю на кресло.

— Присаживайтесь, господин Вейс.

— После вас, госпожа Дерт, — вспомнил о вежливости домовладелец, но от меня не ускользнул его цепкий, полный безжалостного расчета взгляд.

Хотя, чего еще ожидать от дельца?

Я уселась на диван, не забыв чуть приподнять юбку и приоткрыть ноги. Хороший отвлекающий маневр никогда не бывает лишним при разговоре с мужчинами. Особенно, если речь идет о деньгах.

— Госпожа Дерт, вы ведь догадываетесь, зачем я пришел? — глуховато кашлянув, спросил Вейс.

Он медленно оглядел комнату и остановился на мне. Точнее, на моих щиколотках.

— Ах, господин Вейс, только не говорите, что вас привела ко мне работа.

Я произносила слова легко и беззаботно, совсем не испытывая ни первого, ни второго. Скорее бы Ильда принесла чай, может, ее травки сделают свое дело, и домовладелец окажется более сговорчивым?

— Увы, госпожа Дерт, я бы и рад заглянуть к вам просто так, но, сами понимаете, дела…

На желчном лице снова появилось странное выражение. Нечто среднее между гримасой боли и дружеским оскалом. Длинные желтые клыки обнажились, напомнив, что в роду почтенного домовладельца наследили вампиры, лоб сморщился, и тонкие, будто выщипанные брови исчезли в складках дряблой кожи.

— Вот, кстати, о делах…

— Чай, госпожа, — громко протрубила от двери Ильда и, ловко обогнув гостя, поставила поднос на стол.

А потом встала между мной и Вейсом и выжидательно посмотрела мне в глаза.

— Спасибо, Иль, ты можешь идти, — улыбнулась я служанке, разливая по чашкам душистый золотистый отвар. — Чувствуете, какой аромат? — посмотрела на Вейса. — Лучший высокогорный чай с плантаций Ридии. Угощайтесь, — я поставила перед домовладельцем изящную чашку из тонкого верейского фарфора.

Когда-то у меня был полноценный сервиз, но большую его часть пришлось сдать в ломбард, и сейчас от былого великолепия остались всего две чайные пары, да и те Ильда доставала только в очень особенных случаях. Например, как сегодня.

— Да, пахнет… незнакомо, — в голосе гостя послышалась доля сомнения. — Но вкусно.

— Пробуйте, — я старалась быть насколько возможно милой. — Уверена, вам понравится.

Вейс поднес чашку к губам, сделал глоток и одобрительно кивнул.

— Дорогие сорта сразу чувствуются.

Еще бы! Не знаю, что за травки кидает в чайник Ильда, но вкус у них отменный. И чего, спрашивается, я раньше на заварку тратилась? Хотя, глупый вопрос, конечно. Хороший чай всегда был моей слабостью. Что может поднять настроение лучше, чем чашечка ароматного горячего напитка? А уж в условиях нашей вечной сырости, так и подавно!

— И совсем не похожи на обычные, — добавил Вейс.

Я из-под ресниц посмотрела на домовладельца. Тот выглядел если не счастливым, то хотя бы не таким желчным, как обычно. Он сделал еще один глоток, поднес чашку к длинному крючковатому носу, вдохнул аромат и снова одобрительно кивнул. А потом откинулся на спинку кресла, продолжая держать в тонких, почти женских пальцах белоснежный фарфор, и закинул ногу на ногу.

— Как поживает ваша супруга, господин Вейс?

Я торопилась увести разговор в русло обычной светской беседы, зная по опыту, что после нее домовладелец будет настроен более благодушно.

— Благодарю. Госпожа Вейс чувствует себя хорошо. Недавно вот на воды ездила. Вы не поверите, госпожа Дерт, вернулась она оттуда помолодевшей лет на десять.

— Ваша жена была в Лоубридже?

— Да. Там сейчас самый сезон, — зачерпнув ложкой из креманки варенье, ответил домовладелец. — Тепло, знаете, и нет этой несносной сырости, от которой вечно ноют суставы. Удивительно, как вашей служанке удается готовить такое вкусное варенье из ревеня? — отвлекся он. — Надо бы нашу Мэри к ней направить, пусть бы поучилась.

— Думаю, Ильда с радостью поделится с Мэри рецептом, — ответила я и тут же услышала, как за дверью что-то грохнуло.

Ну да! Иль не могла не подслушать наш разговор.

— Я пришлю ее к вам, — на лице домовладельца снова появилось то непонятное выражение.

— А как ваши девочки? Мне сказали, они вернулись из пансиона?

— Да, только вчера.

Вейс задумчиво поскреб длинным ногтем плохо выбритый подбородок.

— Госпожа Вейс собирается устроить в честь их возвращения ужин. Накладно, конечно, но что поделаешь? Мы не можем не отпраздновать такое важное событие. К тому же, и соседи этого ждут.

В глазах домовладельца мелькнуло сожаление. Я буквально физически ощущала, как борются в нем нежная отцовская привязанность к детям с неискоренимой жадностью.

— Накладно, да, — снова повторил он и резким движением отставил чашку. Ложечка жалобно звякнула о край блюдца.

— Госпожа Дерт, спасибо вам за чай, но я хотел бы получить свои деньги. Все десять олдеров и ни кером меньше, — решительно произнес домовладелец.

— Господин Вейс, могу я попросить вас о небольшой отсрочке? — после короткой паузы подняла взгляд на гостя. — Буквально на днях я должна получить чек от полковника Рента — вы ведь помните его? Я занимаюсь с дочерью полковника музыкой. И тогда сразу же отдам вам всю сумму.

Я с улыбкой смотрела на Вейса, а в голове би-

лось только одно: — «Ну же, соглашайся! Ты должен согласиться!»

— Госпожа Дерт, это ведь не первая отсрочка. Вы уже должны мне за два месяца, и я хочу быть уверен, что однажды получу свои деньги. Что бы там ни говорили, а они мне нелегким трудом достаются!

На правой щеке домовладельца дернулся желвак.

— Господин Вейс, вы же понимаете, как сложно в наши дни выживать несчастной вдове, — я поднесла к глазам платочек и склонила голову, делая вид, что утираю слезы. Искорка магии, что тлела внутри, разгорелась чуть ярче. — Я стараюсь, так стараюсь…

— Госпожа Дерт, ну что же вы, не нужно! — заерзал в кресле Вейс. — Такая красивая женщина не должна плакать.

Я еще ниже склонила голову и плотнее прижала к глазам платок. В горле запершило, как перед настоящими слезами.

— Ну, хорошо, — сдался домовладелец. — Я дам вам неделю, но исключительно входя в ваше положение. Надеюсь, за это время вы сумеете найти деньги, иначе вам придется съехать. У меня все-таки не благотворительная гостиница.

Он кашлянул, поднялся и, неуверенно протянув руку, коснулся моего плеча. Правда, тут же, будто обжегшись, отдернул ее и неловко переступил с ноги на ногу.

— Вот что я вам скажу, госпожа Дерт, — после небольшой заминки произнес Вейс. — Найдите себе мужчину и переложите на него весь груз своих забот. Не годится такой нежной и благородной женщине самой разбираться с делами. Всего доброго.

Он повернулся и вышел из комнаты, а я подняла глаза и посмотрела на тихо закрывшуюся дверь. Получилось! Малой толики силы, что досталась мне от маменьки, хватило на то, чтобы сделать из бездушного скряги Вейса нормального человека! Жаль, что ненадолго.

Я подошла к окну и чуть отодвинула штору, наблюдая за спустившимся со ступенек гостем. Тот попрощался с Ильдой, бодро дошел до ворот, но потом остановился и повернулся, окидывая особнячок растерянным взглядом. Ага. Похоже, я была права, надолго моего внушения не хватило. Вон как Вейс нахмурился! Видно, осознал, наконец, что произошло.

Я видела, как он скривился, что-то пробормотал и расстроенно махнул рукой. А потом резко

развернулся и почти бегом выскочил за калитку. Что ж, хотя бы не вернулся, и то хорошо!

— Вот старый хрыч, ведьмой вас обозвал!

Ильда протиснулась в комнату и застыла при входе, скрестив на впалой груди тонкие жилистые руки. Была у моей служанки странная привычка никогда не открывать дверь полностью. Сначала появлялась узкая щель, потом она становилась чуть шире, и в нее протискивалась нескладная тощая фигура.

— Что, снова заговорили его до потери памяти и соображения? — понимающе усмехнулась Иль. На ее худом, смуглом лице еще резче обозначились морщины. — Впрочем, как и всегда.

— Скажешь тоже, — покачала головой, раздумывая, где взять денег. — Мы всего лишь побеседовали, и Вейс согласился дать мне отсрочку.

— Знаю я ваши беседы, — пробормотала Ильда. — Небось, через пять минут он уже готов был есть у вас с рук.

— Брось, Иль, — отмахнулась я.

Признаваться, что воспользовалась магией, не хотелось. Не слишком-то в нашем королевстве магию внушения жалуют, и мне, если не хочу прослыть ведьмой, лучше о своих способностях особо не распространяться.

— Это все твои травки, — посмотрела я на служанку. — Вейс после них просто шелковым стал.

— Ну, так-то да, лорник от душевных недугов хорошо помогает, а если его с арникой смешать, то даже самую лютую тоску прогонит.

Ильда приосанилась и уставилась на меня своими черными, похожими на крупные вишни, глазищами.

— Вот видишь, — улыбнулась я. — У господина Вейса просто не было шансов.

— Ладно, от одной беды избавились — это хорошо, а с деньгами-то что? Мясник отказался в долг отпускать, и у бакалейщика нам кредит закрыли, а госпожа Олдени грозится в суд подать, если мы ей за прошлые три месяца не заплатим.

— Деньги я найду, — как можно тверже ответила служанке. — Не переживай, Иль. Я обязательно что-нибудь придумаю.

Ильда кивнула, будто нисколько не сомневалась в моей способности добыть нужную сумму, и молча пошла к двери.

— А этот ваш что? — уже взявшись за ручку, неожиданно обернулась она. — Насовсем ушел?

Иль никогда не называла Гордона по имени, ограничиваясь неодобрительным «этот». С самого первого дня, как Гордон Стрейн появился

у нашего порога с букетом гиацинтов и нерешительной улыбкой, Ильда не скрывала своей неприязни к моему новому ухажеру. «Госпожа Эдит не одобрила бы этого знакомства, — ворчала служанка. — Не годится дочери приличного человека со всякими безродными связываться!». Иль не хотела понимать, что Гордон довольно востребованный доктор с обширной практикой и неплохим годовым доходом. Нет. Упрямая служанка никак не могла забыть, что начинала свою службу в доме моего папеньки, господина Логана Уэтерби, отставного полковника кавалерии личного императорского полка.

— Или вернется, как всегда? — не отставала Ильда.

— Насовсем, — вздохнула в ответ.

— Ну, коли дурак, так туда ему и дорога, — буркнула Иль и вышла из кабинета, а я покачала головой и поднялась с дивана, собираясь наведаться в банк. Может, удастся взять небольшую ссуду?

***

Одевалась я тщательно. Перелицованный шерстяной костюм сел идеально, тонкий кружевной воротничок блузки удачно оттенил глаза

и легкий румянец, маленькая фетровая шляпка увенчала собранные в высокую прическу волосы, а тонкие перчатки плотно облепили руки. Взгляд, брошенный в зеркало, заставил улыбнуться. Все-таки, несмотря на мои почти тридцать, больше двадцати мне никто не даст!

«Выше нос, Кэри, — подбодрила себя. — Нет такой ситуации, из которой невозможно было бы не найти выход!». Этой фразой я пользовалась последние пять лет. И знаете? Она меня еще ни разу не подвела. Как бы ни было сложно, выход действительно всегда находился.

Я поправила непокорную светлую прядь, подхватила со столика сумочку и решительно вышла из дома.

На улице было прохладно. Лето в этом году выдалось сырым, больше похожим на осень. Наш благословенный Эшер погода и так не слишком-то балует, а тут, как назло, за месяц почти ни одного по-настоящему теплого дня.

Я посмотрела на небо. Серые свинцовые тучи нависли над городом, срываясь первыми крупными каплями. Дождь падал на ступеньки крыльца, оставляя на светлых плитах темные следы. Ветер раскачивал ветви растущего напротив клена, безжалостно трепал остроконечные листья, в

воздухе отчетливо пахло влагой.

Да, хорошую погодку я выбрала для похода в банк! Не хватало еще промокнуть!

— Ильда! — приоткрыв дверь, позвала служанку.

— Иду! — послышалось из глубины коридора, а вслед за этим раздался оглушительный грохот.

— Принеси мой зонт, — попросила я, стараясь перекричать звенящие металлические звуки.

— Да слышу я, не глухая, — отозвалась Иль и выругалась: — Проклятое ведро!

Ага, теперь понятно, откуда взялся этот шум. Похоже, Ильда затеяла уборку.

Служанка появилась спустя пару минут с зонтом в одной руке и метелкой для пыли в другой.

— Неужели снова дождь? — высунувшись за дверь, удивилась Ильда. — А ведь еще полчаса назад никаких туч не было.

Я усмехнулась. Полчаса назад я никуда не собиралась, потому и туч не было. Дождь «охотился» за моим единственным приличным костюмом, несомненно! Только за последние две недели это был уже пятый случай!

— Может, не пойдете? — озабоченно нахмурилась служанка.

— А деньги кто искать будет? — хмыкнула в

ответ.

— Видела бы госпожа Эдит, до чего вас жизнь довела, — горестно вздохнула Иль.

Я не стала отвечать на провокацию. Молча открыла зонт и спустилась по ступеням. Дождь, будто того и ждал, припустил сильнее.

— Ох и погодка! — не дождавшись от меня желаемого продолжения нашего вечного спора, проворчала Ильда и захлопнула дверь, а я упрямо стиснула зубы и пошла к калитке.

Ничего. Возьму ребс. Полкера — не те деньги, из-за которых стоит портить свой единственный прогулочный костюм.

На Карстон-сел было немноголюдно. Редкие прохожие укрывались от дождя зонтами, на дороге уже успели появиться лужи, порыв ветра кинул мне в лицо мелкую водяную пыль и попытался сбить шляпку. Как бы не так! Не для того я полчаса делала укладку!

Я поправила волосы, укрылась зонтом и вскинула руку, останавливая проезжающий ребс.

— Куда вам? — вяло поинтересовался извозчик.

Был он худым, длинноносым и выглядел таким же неприкаянным, как и пара костлявых лошадей, запряженных в повозку.

— На Кеттер-сел. К банку «Кейн-Имериал».

Я нырнула в темное, пропахшее мышами нутро и уселась на жесткую скамью.

— Но! Трогай! — выкрикнул извозчик, ребс дернулся и покатил в сторону Велльской площади. Дождь припустил сильнее. Он стучал по крыше, хлестал по грязным стеклам окошек, просачивался сквозь неплотно подогнанные швы в стенах кабинки.

Я отодвинулась подальше от стекающего по черной краске тонкого ручейка и задумалась. Дадут ли мне ссуду? Сто олдеров — не такой уж большой заем. В прошлый раз мне не составило труда убедить банковского служащего в своей кредитоспособности, удастся ли сделать это снова? Если будет работать тот молоденький паренек, вполне возможно, а вот если кто-то постарше — мою просьбу вряд ли одобрят. В залог-то мне оставить нечего. Разве только папенькины часы, но примут ли их в качестве обеспечения?

В этот момент ребс качнуло на повороте, и я больно ударилась локтем о выступающий поручень. Какие все-таки неудобные эти кабинки! Потерев руку, выглянула в окно и увидела мелькнувший размытый силуэт. Уэстенский Малый театр. В мутных потоках воды, стекающих по

стеклам, большое приземистое здание казалось декорацией к мрачной пьесе Шентона.

Ребс свернул на Кеттер-сел, проехал еще немного и остановился перед серым гранитным фасадом банка. На портике сияла золотом огромная, заключенная в круг буква К — символ процветающего семейства Кейнов, одного из самых известных и богатых родов Уэстена. С самим владельцем, лордом Джеймсом Кейном, я была знакома, но в последние годы мы почти не виделись, так что это знакомство можно было считать условным.

Я открыла дверцу, подняла над головой зонт и ступила на залитую водой мостовую. Вот оно, главное место города. Когда-то мой отец был вкладчиком «Кейн-Империал», но те благословенные времена ушли в далекое прошлое…

— Благодарю, — я сунула в протянутую руку извозчика мелкую монетку и заторопилась к массивной двери, открывающей вход в денежное капище.

Внутри было прохладно и тихо, как в святилище. За прошедшие с моего последнего визита два года здесь многое изменилось. Раньше посетители попадали в небольшой холл, из которого можно было пройти в главный зал, но теперь пе-

регородку убрали, и сразу от входа открывалось огромное полукруглое пространство, заполненное многочисленными служащими. Они сидели за конторками, стоящими вдоль стен, и что-то усердно писали, а прямо в центре, под огромной люстрой, располагалась бронзовая скульптура, изображающая богиню равновесия Верею и застывших у ее ног людей. Вверху, под самым потолком, бесшумно плавали плоские магсы — магические лампы, рассеивающие мягкий, похожий на солнечный свет. У дверей замерли двое дюжих охранников в темно-синих мундирах. На фоне позолоченных колонн парни смотрелись довольно внушительно, а крупные пуговицы их формы соперничали блеском с пилястрами колонн.

— Вам помочь?

Пока я рассматривала изменившийся зал, ко мне подошел один из служащих — высокий, похожий на циркуль человек.

— Да, я хотела бы взять ссуду.

Я улыбнулась, по опыту зная, что это всегда располагает мужчин. Правда, на «циркуль» моя улыбка не подействовала. Он окинул меня безразличным взглядом и сухо сказал:

— Я вас провожу.

Служащий отправился к одной из конторок, и я двинулась за ним. Мы шли мимо длинного ряда стоек, я разглядывала склонившихся над бумагами клерков, гадая, кому из них повезет со мной общаться, но «циркуль» все не останавливался. Он чуть раскачивался на ходу, отчего его длинное тело склонялось то вправо, то влево, а полы темно-синего сюртука хлопали по ногам с неприятным свистящим звуком. Интересно, что же это за ткань такая? Стук моих каблуков казался слишком громким в окружающей тишине, но склонившиеся над бумагами люди не обращали на нас никакого внимания. Похоже, служащие «Кейн-Империал» были полностью поглощены работой.

— Господин Кроули, к вам клиентка, — «циркуль» наконец остановился и представил меня сидящему за одной из конторок серьезному седому мужчине. На лацкане его пиджака виднелась небольшая бирка. «Уинстон Кроули» — прочитала я.

— Добрый день. Чем могу вам помочь? — внимательно посмотрел на нас Кроули, и мне показалось, что он одним-единственным взглядом оценил и меня, и мою платежеспособность. Точнее, отсутствие таковой.

Мой провожатый не торопился уходить. Он встал чуть поодаль и сверлил мою спину внимательным взглядом. Непозволительное любопытство!

— Здравствуйте, — стараясь не терять уверенности, обратилась к служащему. — Пять лет назад я брала в вашем банке ссуду. И сейчас мне хотелось бы взять еще одну.

— Ваше имя?

— Кэролайн Дерт.

— Минуточку, — Кроули подошел к огромному шкафу, сделал неуловимый пасс и ящичек с табличкой, на которой значились буквы Г и Д, бесшумно выдвинулся вперед.

Надо же! Видимо, Кейн не только перестроил банк, но и оснастил его магической системой учета. Впрочем, чему я удивляюсь? Эта семья всегда шла в ногу со временем, наверное, потому и удержалась на плаву и в печально известное правление императора Трина, и в нелегкие годы депрессии.

— Карстон-сел, двадцать пять? — доставая тонкую папку, спросил он.

— Да.

— Что ж, госпожа Дерт, какую сумму вы рассчитываете получить?

— Сто олдеров.

— Так, посмотрим. В прошлый раз вы брали сто десять олдеров на три года. Но выплаты процентов были нерегулярными, а последний платеж вы задержали больше, чем на месяц.

На лице служащего промелькнуло едва заметное недовольство.

— У меня были некоторые обстоятельства, не позволившие расплатиться в срок.

Я смотрела на Кроули, посылая тому волну доверия и благодушия, и надеялась, что моя магия сработает. Но, похоже, новая стеклянная перегородка, отделяющая работников банка от клиентов, полностью защищала сотрудников от воздействия извне.

— Прошу прощения, госпожа Дерт, вам придется немного подождать, — в голосе служащего сквозило вежливое сожаление.

— Но…

Договорить я не успела. В тишине зала что-то произошло, мне показалось, что воздух задрожал, завибрировал, сгустился и стал похожим на сливочное масло. Странное ощущение. Я услышала неясный шум, обернулась и увидела стремительно пересекающего холл лорда Кейна — владельца банка и главного ловеласа не только Уэстена, но

и всей округи. О его победах не слышал разве что глухой, а я глухой никогда не была.

Сердце неровно дернулось. Дыхание сбилось, и мне пришлось приложить усилие, чтобы взять себя в руки.

— Горди, через несколько минут должен прийти господин Блайт, — донесся до меня низкий голос владельца «Кейн-Империал».

Лорд Кейн на ходу просматривал какие-то бумаги, а рядом с ним семенил маленький, похожий на мяч для скрибола человечек, одетый во все черное и больше напоминающий не клерка, а гробовщика.

— Да, лорд Кейн, — голос Горди оказался удивительно высоким и тонким, как у маленькой девочки.

— Проследи, чтобы барон без задержек прошел сразу ко мне.

— Хорошо, лорд Кейн, — пискнул Горди.

Хозяин банка быстро миновал зал и исчез за одной из дверей, а я, вспомнив, зачем пришла, повернулась к Кроули.

— Итак, вам нужны сто олдеров на… Минуточку.

Он отвлекся на зазвонивший переговорник. Вот, кстати, еще одна новинка. Такие устройства

только входили в обиход и завести их могли лишь самые обеспеченные жители Эшера.

— Кроули, — ответил служащий, молча выслушал говорившего, а потом оторвал трубку от уха, удивленно посмотрел на нее и аккуратно положил на рычаг.

— Простите, госпожа Дерт, но банк не может выделить вам необходимую сумму, — после небольшой паузы, произнес Кроули.

— Но почему?

— Видите ли, это новые правила банка. Клиент, не оправдавший нашего доверия, больше не способен быть заемщиком «Кейн-Империал».

— Я могу как-то убедить вас в своей кредитоспособности?

Я не собиралась уходить ни с чем.

— Что, простите? — перевел на меня рассеянный взгляд Кроули.

— Я говорю, что постараюсь выплатить ссуду без задержек.

— У вас есть залог?

— Нет, но…

— А поручители? Вы можете представить нам поручителей?

— Нет, но…

— Всего доброго, госпожа Дерт, — отрезал Кро-

ули, возвращая папку с моим именем обратно в ящик.

— Думаю, я могла бы попробовать найти поручителей.

Я не хотела сдаваться так просто. Мне нужны были деньги, и я собиралась их получить.

— В таком случае, мы продолжим этот разговор после того, как вы приведете с собой двух уважаемых граждан, у которых есть вклады в нашем банке. Прощайте, госпожа Дерт.

Кроули дежурно улыбнулся и склонился над листом с длинными колонками цифр. Что ж, понятно. Этого сухаря ничем не проймешь.

Я взяла со стола свою сумочку, развернулась и пошла к выходу, раздумывая на ходу, кого взять в поручители. Может, поговорить с бакалейщиком Барнсом? Он всегда хорошо ко мне относился. Или зайти к господину Мунку? Старый букинист уверял, что с радостью готов мне помочь. Вот только рискнет ли он за меня поручиться?

На улице было по-прежнему сыро, но дождь уже закончился, и я решила сэкономить на ребсе и пройтись пешком.

— Госпожа Дерт! — послышался с противоположной стороны улицы высокий пронзительный голос. — Какая приятная встреча.

Я повернулась и беззвучно застонала. О нет! Долли Марчем, первая сплетница Уэстена. Только ее мне сегодня и не хватало!

— А что вы делаете так далеко от дома? — продолжала кричать Долли.

Она торопливо перешла через дорогу и загородила тротуар, не позволяя мне пройти.

— Да еще и в такую погоду, — маленькие черные глазки жадно обежали меня с ног до головы и замерли на лице. — Ах, дорогая, я слышала про доктора Стрейна, — с сочувствием произнесла Марчем.

Ее крупное, туго перетянутое корсетом тело колыхнулось мне навстречу. Могучая грудь быстро поднималась и опускалась, а из маленького рта с присвистом вылетало хриплое дыхание, но Долли, невзирая на астму, была полна решимости выяснить все подробности моей несостоявшейся помолвки.

Надо же, как быстро распространяются новости!

— Ох, я так и знала, милочка, — отдышавшись, сказала Долли и ухватила меня за руку. — Мне очень жаль, вы были такой красивой парой! Ума не приложу, что же между вами произошло?

Цепкий взгляд впился в мои глаза, выискивая

там ответ на свой вопрос.

— Обычное несходство характеров, — я беспечно пожала плечами.

— Ну да, ну да, — закивала головой Долли, и перья на ее шляпе смешно задергались в такт. — Это очень важно, чтобы характеры подходили. Я всегда говорю, что это самое главное для счастливого брака.

М-да. Видно, поэтому сама Марчем так и осталась старой девой. Мало найдется мужчин, способных выдержать все грани ее характера.

— Бедняжка доктор Стрейн! — не отступала Долли. — Боюсь, его матушка очень расстроена, она так надеялась понянчить внуков.

Расстроена? Ха! Скорее наоборот. Старая грымза просто счастлива, что сумела избавить своего единственного отпрыска от «матерой хищницы и охотницы за деньгами». Это ее дословное выражение, переданное мне Розмари, моей подругой по пансиону. Родители Роз живут по соседству с госпожой Стрейн, и подруга лично слышала, как называла меня потенциальная свекровь. «Мой бедный неопытный мальчик угодил в руки этой беспринципной особы, — негодовала Амелия Стрейн. — Но ничего. Кэролайн Дерт плохо меня знает, если рассчитывает, что ее смазливая

мордашка перевесит материнскую любовь. Я не допущу, чтобы какая-то нищая вдова заграбастала в свои ловкие ручки блестящее будущее моего сына». Вот так вот. Блестящее будущее… Что ж, Гордон действительно оказался хорошим сыном и не пошел против воли маменьки, не стал объявлять о нашей помолвке. А я… А мне теперь предстоит испытать на себе всю любовь уэстенского общества к сплетням. Боюсь, что если не случится чего-то более скандального, местные кумушки еще долго будут перемывать мне косточки при каждом удобном случае.

— Но вы не отчаивайтесь, моя дорогая, — продолжала захлебываться фальшивым сочувствием Долли. — Вы еще достаточно молоды, конечно, не так, чтобы первой свежести, но ведь в городе достаточно мужчин, пусть даже и почтенного возраста, которые не отказались бы назвать вас своей супругой. Вот хоть полковник Бакст или аптекарь Роунс.

Лицо Марчер приобрело хищное выражение, она решительно взяла меня под руку и, чуть понизив голос, сказала:

— Буквально на днях я слышала, как полковник сетовал на одиночество и говорил, что не прочь бы жениться. Если хотите, я могла бы…

Долли не договорила, многозначительно посмотрела на меня и жеманно улыбнулась, а я едва удержалась от крепкого словца. Полковник Бакст? Тот самый, который был на пять лет старше моего отца? Дряхлый и трясущийся, как свиной студень? Да ему впору не жениться, а завещание составлять!

— Благодарю, госпожа Марчем, но я не думаю, что это хорошая идея.

Я аккуратно высвободилась из цепкого захвата.

— Простите, мне нужно идти.

— Да-да, конечно, дорогая, — ответила Долли, улыбаясь той фальшивой улыбкой, за которой дамы Уэстена обычно скрывают обиду. — Не буду вас задерживать.

— Всего доброго.

Я обогнула похожую на флагманский корабль фигуру и заторопилась в сторону Малого театра. Слова Долли не шли у меня из головы. Не первой свежести? А то, что я не выгляжу на собственный возраст, ничего не значит? И рассчитывать на брак с молодым мужчиной мне не стоит? Да уж, печально — в двадцать восемь внезапно осознать, что тебя записывают едва ли не в старухи.

Мысли снова вернулись к Гордону Стрейну.

Как же обидно, что у нас ничего не вышло. Если бы не старая госпожа Стрейн, я уже готовилась бы к свадьбе и не думала бы о деньгах, а теперь… До конца месяца у меня назначены пятнадцать уроков, но только за тринадцать из них я смогу получить плату. Родители двойняшек Бернс уже второй месяц просят об отсрочке, потому что все средства уходят на лечение младшего сына, а Бетси Рой платит продуктами со своего огорода, и у меня язык не повернется сказать ей, что этого недостаточно. Старушка так истово верит в талант своей внучки и так настойчиво умоляла меня не прерывать занятий с Амандой… Разве могла я отказать?

«Найдите себе мужчину, госпожа Дерт», — неожиданно всплыли в голове слова домовладельца Вейса, и я задумалась. То, что Гордон соскользнул с крючка, еще ничего не значит. Да, я рассчитывала исключительно на его деньги, да, я не испытывала к нему большой и светлой любви, но кто сказал, что я была бы плохой женой? Нет, я была бы отличной женой, только вот Стрейн оказался глупцом и не оценил своего счастья. А ведь у нас все могло бы получиться. Как там советовала Марчем? Мужчины постарше?

Я вздохнула и подняла взгляд на небо. Тучи

немного рассеялись, и кое-где уже проглядывали синие окошки, похожие на первые небрежные мазки ультрамарина на сером загрунтованном холсте. Ветер с залива уносил тяжелые дождевые облака в сторону Престона, небольшого городка, расположенного к северу от Уэстена, а может, и дальше, к самой столице графства. Скорее всего, жителей Сарджента сегодня тоже ждет ненастье.

«В городе достаточно мужчин почтенного возраста» — будто наяву услышала я голос Долли, и подумала — а что, если она права, и я просто не там ищу? Сердце тоскливо сжалось. Да нет, это уж слишком! Даже думать о таком не хочется…

Я так погрузилась в свои мысли, что совсем забыла об окружающей действительности, но тут позади послышался шум мотора, и мимо меня на огромной скорости промчался мобиль, из-под колес которого во все стороны летели брызги. Я не успела отступить в сторону. Секунда — и мой отутюженный костюм оказался залит водой. Да чтоб тебя!

Я посмотрела вслед огромному черному монстру. Тот насмешливо рыкнул, выпустил из трубы темный клубящийся дым и исчез за поворотом. Так-так… Насколько я знала, в Уэстене был только один мобиль. Угадайте, кому он принадлежал?

Правильно. Лорду Кейну. У остальных горожан просто не хватало денег на содержание столь дорогостоящих игрушек. Интересно, кто был за рулем — сам лорд или его шофер? Что ж, если судить по манере езды, ответ очевиден. Сомневаюсь, что степенный господин Доусон позволил бы себе так небрежно относиться к хозяйскому добру.

Я достала платок и попыталась отчистить испорченный костюм. Увы, мокрые пятна только сильнее размазывались по шерстяной ткани, и теперь ни о каких визитах к бакалейщику Барнсу или к господину Мунку не могло быть и речи.

Я беззвучно выругалась. Знаю, леди не пристало сквернословить, но как еще выразить переполняющие душу обиду и горечь? К тому же, я никогда не произношу ругательства вслух, а про себя не считается, так ведь?

Мобиля давно уже и след простыл, а я все стояла и смотрела на дорогу, раздумывая над тем, какая нелегкая принесла лорда Кейна в банк. Вернее, какая сила заставила его оттуда уехать? Неужели встреча с бароном прошла так быстро?

Я сжала в руке мокрый платок. Все-таки правду говорят, что дела, начатые в понедельник, успеха не приносят. Похоже, сегодня мне денег

не достать, разве что судьба сжалится и на меня свалится какое-нибудь неожиданное наследство! Но это вряд ли. Насколько мне известно, никаких родственников, способных оставить хотя бы сотню олдеров, у меня нет, а значит, и надеяться на это не стоит! «Не мечтай о несбыточном, Кэри. Тебе еще ни разу в жизни ничего не перепало просто так, и за любой, самый маленький подарок судьбы всегда приходилось расплачиваться».

Я усмехнулась. Да, так и было. Мне всего приходилось добиваться своим трудом и упорством. После гибели Роберта, когда стало известно, что от моего приданого почти ничего не осталось, мне пришлось узнать, каково это собственными руками зарабатывать на хлеб и рассчитывать только на себя.

До сих пор помню свои растерянность и страх, первые попытки найти нанимателей, унижение и стыд от того, что все узнали о бедственном положении, в котором оставил меня покойный супруг. И полученные за урок у госпожи Кролл полтора олдера.

Я смотрела тогда на них и понимала, что это первые заработанные мною деньги. Да, небольшие, но мои собственные. Потом была госпожа Позен, которая решила улучшить свои навыки

игры на фортепиано, после появилась леди Касл, дочь которой была очень способной девочкой, а там и я привыкла к своему новому положению.

Что ж, не стоит ни о чем жалеть. Маменька учила меня, что все в жизни нужно принимать с улыбкой и никогда не унывать, даже в самых крайних случаях. И я так и делала. И знаете? Если веришь, что все получится, так обычно и происходит.

***

(Из дневника Дж. Кейна)

13 августа

Занимательный сегодня выдался день. Впервые за последние двадцать лет наткнулся на заклинание внушения. Когда в зале сработала защита, я даже не сразу понял, что это значит. Большинство недобросовестных заемщиков обычно используют дешевенькие наведенные заклинания удачи, а тут вдруг — мерцающий красный огонек на магпанели, свидетельствующий о редкой, даже запрещенной магии алайетов. Очень интересный случай. А то, что этой магией воспользовалась ни кто иная, как малышка Кэролайн, наводит на еще более интересные размышления. Надо бы приглядеться к девочке повнимательнее. Не

думаю, что она имеет отношение к Избранным, но осторожность не помешает.

***

Дома было тихо. Не слышалось ни привычного шарканья Ильды, ни звона посуды, ни тихого бормотания, которым служанка обычно сопровождала любое свое действие. Похоже, Иль ушла за продуктами или решила наведаться к соседям. Что-что, а посплетничать моя служанка любила. Как и большинство уэстенских дам, она просто обожала перемывать косточки ближнему, а потому не пропускала ни одного собрания горничных, служащих в Среднем Уэстене.

Я стянула перчатки, положила на столик шляпку и прошла в гостиную. На душе было пасмурно. Как бы я ни пыталась храбриться, но призрак голодной нищеты становился все настойчивее. Бог знает, я не транжира, и стараюсь экономить на чем только возможно, но мои доходы слишком малы, чтобы поддерживать привычный уровень жизни. Когда был жив Роберт, мы ни в чем не нуждались. Муж был достаточно удачливым капером, и если бы не та ужасная буря, что разбила «Анабеллу» и послужила причиной смерти самого Бобби…

Я сжала кулаки. Нет, об этом лучше не вспоминать. Прошлое должно оставаться в прошлом. Мысли снова вернулись к настоящему. В заветной шкатулке всего десять олдеров. Если прибавить к ним те тридцать шесть, что получу за уроки, и попытаться продать что-то из вещей, то можно будет расплатиться с Вейсом и госпожой Олдени. А может быть, даже и погасить часть дядюшкиного долга.

Перед глазами всплыли суммы на долговых расписках, выкупленных у кредиторов дядюшки господином Зайнисом. Все вместе составляло две тысячи семьдесят олдеров. Из них я оплатила чуть больше половины. А вот оставшуюся часть пытаюсь погасить уже который год, но дело идет туго. Еще и кредитор угрожать начинает. «Знаете, вдова Дерт, — вспомнились мне слова Зайниса. — Я ведь только из моего хорошего отношения к вашему дяде и вам назначил такой небольшой процент. Но если вы не собираетесь придерживаться нашей договоренности и будете и дальше задерживать выплаты, то я могу и повысить сумму». Проклятый делец!

Я закусила губу и обвела глазами комнату, в которой прошла вся моя замужняя жизнь. Когда-то здесь стояла мебель из ясеня, мягкие, обитые

красивым зеленым бархатом диваны и кресла, окна закрывали дорогие, затканные цветами гардины, а на полу лежал большой ваэрский ковер. И повсюду были вазы с цветами — на столике, на подоконниках, на небольшом резном шкафчике у рояля. Роберт знал, что я люблю цветы, и первые годы просто задаривал меня ими.

И воздух всегда благоухал нежными ароматами роз и гиацинтов. А теперь… Теперь все изменилось. Большую часть мебели пришлось продать, да и оставшуюся ждет та же участь, цветов мне никто не дарит, так что с вазами я тоже рассталась. По-хорошему, так мне давно следовало бы уволить Ильду и переехать в Нижний Уэстен, но это значило бы полностью расписаться в собственном бессилии перед теми, кто еще помнит моих родителей, и стать парией. Отец бы мне этого не простил. «Запомни, Кэри, — любил повторять он. — Никогда не позволяй скинуть себя с седла. Того, кто упал, тут же затопчут». Что ж, отец был прав. Нельзя показывать слабость. Нельзя говорить о безденежье. Нельзя давать повод для жалости. Три правила, которые с самого детства вдалбливал в меня папенька, прочно отпечатались внутри и не позволяли сдаться. И я не сдавалась: тщательно скрывала свое безденежье

от знакомых, высоко держала голову и делала вид, что у меня все прекрасно.

Я подошла к роялю, открыла крышку и пробежалась пальцами по клавишам. По комнате поплыли мягкие печальные звуки. Когда-то этот инструмент стоял в гостиной нашего загородного дома рядом с большим окном, из которого долетал аромат цветущих яблонь и тонкий запах свежескошенной травы. Хорошие были времена.

Я села на потертую скамью и поставила на подставку ноты «Гаэрской рапсодии». Первые аккорды прозвучали тихо, я еще и сама не знала, точно ли буду играть, но потом музыка привычно захватила, увлекла за собой и заставила забыть о проблемах.

— Госпожа Кэролайн, вы достали деньги?

Голос Ильды заставил меня вздрогнуть. Вот она, действительность, вернулась и настойчиво заявила о себе!

— Пока нет, — ответила служанке. — А ты где была?

— У Карпентеров. У них сегодня Молли именинница. Столько народу пришло! И старый господин Рой, и молодой господин Перси Дуаль, и госпожа Эрроу. Она, между прочим, про вас говорила.

— Да? И что же?

— Сказала, что госпожа Стрейн всем рассказывает, как ее сын вас бросил.

— Бросил? Вот как.

Я усмехнулась. Узнаю мужчин. Что ж, если Стрейну так легче, пусть считает, что это он меня бросил. Он, а не его матушка.

— Да. А старая госпожа Дуайн заявила, что Стрейн дурак, если отказался от такой милашки.

Ильда блеснула темными глазами и скрестила на груди тощие руки.

— И она права, между прочим, — решительно заявила служанка. — И все, кто был у Карпентеров, с ней согласились. А господин Рой даже заявил, что готов хоть сейчас на вас жениться, — нахмурилась Иль и неодобрительно добавила: — Ну да он известный старый греховодник.

Я слушала Ильду, но мыслями была далеко. Какая разница, что обо мне говорят? Деньги — вот что важно. И то, где их достать. Что, если заглянуть к оценщику и узнать, сколько он даст мне за часы? Думаю, папенька бы не обиделся, если бы узнал, ради чего я их продала.

В душе поднялась тоска. Неужели я на это пойду? Расстаться с последней оставшейся от отца вещью?

— А уже когда все собрались расходиться, пришел господин Олдени, — продолжала рассказывать служанка. — Ну, тот, что недавно овдовел. Так госпожа Карпентер от него ни на шаг не отходила, все свою Дженни нахваливала. Ее послушать, так та не девица, а чистое золото.

Ильда насмешливо хмыкнула и без перехода спросила:

— Так с мясником что делать? Он ведь в долг больше не даст.

— Я сама к нему зайду.

Неприятно, конечно, но куда деваться? Попробую договориться.

— Сами? — задумчиво посмотрела на меня Иль и кивнула. — Ну ладно, может, что и выйдет, Веллер на хорошеньких женщин падкий. Улыбнетесь ему пару раз, глядишь, и долги нам спишет.

— Ладно, Иль, мне идти нужно, — поднялась я со скамьи.

— Да куда же вы? — нахмурилась Иль. — Ведь только пришли! У меня уже и обед поспел, хоть и не из чего было готовить, но я извернулась, овощи у Марии-зеленщицы в долг взяла, а крупа у нас своя есть, так что знатная карита получилась, пусть и без мяса.

— Схожу к Реббу. Посмотрим, во сколько он часы оценит.

— Неужто решитесь их продать? — всплеснула руками Ильда.

— Это всего лишь вещь, Иль, — отмахнулась я и посмотрела на служанку. — Неси щетку, будем отчищать мою юбку.

— Ну, как знаете, — проворчала Ильда, но возражать не решилась. — Снимайте свою одежду, я ее мигом в порядок приведу.

Я сняла костюм, и служанка, не переставая бурчать, понесла его на кухню, а через несколько минут вернула, но уже без пятен.

— Вот, — помогая мне одеваться, приговаривала она. — Совсем как новенький.

— Спасибо, Иль.

Не знаю, как служанка умудрялась придать моим вещам пристойный вид, не иначе, какой-то магией, потому что у меня так никогда не получалось.

— Идите и выжмите из этого старого скряги побольше, — напутствовала она меня.

— Не бойся, задешево я их не отдам, — укладывая в ридикюль старинные часы, пообещала я.

***

Снаружи по-прежнему было прохладно и сыро. Я окинула взглядом пустынную Карстон-сел и пошла по направлению к Истонскому каналу.

Конторы оценщиков и ростовщиков располагались на Веллер-сел, улице, идущей вдоль закованной в гранит водной артерии города. По обеим сторонам канала стояли невысокие узкие домишки, прижавшиеся друг к другу, словно худые заморыши в поисках тепла. Выглядели они уныло и безнадежно. Впрочем, как и люди, приходящие на Веллер-сел, чтобы отдать частичку собственной жизни. Или даже души.

Я прошла до перекрестка, свернула в узкий проулок и вышла на Ирбрук-роу. В воздухе ощутимо запахло тиной, рыбой и старыми прогнившими сваями, а в просвете между домами показались каменные столбы с тяжелыми чугунными цепями, преграждающими подходы к каналу. Дорога нырнула под горку и вывела меня прямо на Веллер-сел.

Я огляделась в поисках нужного дома. Ага, а вот и он, на противоположной стороне, прямо напротив. Осталось только по мосту перейти.

Сжав в руках ридикюль, решительно напра-

вилась к потемневшей от времени и от людских страданий двери. Контора оценщика Ребба выглядела мрачной и запущенной. Мутные, давно не мытые стекла окон смотрели на мир неприветливо, как подозрительный старик, разглядывающий посетителей сквозь старые треснутые очки. Кованый навес над входом зарос паутиной, а бронзовая ручка позеленела от времени.

Похоже, хозяин не слишком-то заботится о доме. Я вошла внутрь и вздрогнула от резкого звона магического колокольчика, возвестившего о моем приходе.

— Кого там нечистый принес? — тут же послышался скрипучий голос.

— Добрый день, господин Ребб, — с трудом разглядев в полутьме низкого, заставленного разнокалиберной мебелью помещения худого жилистого оценщика, поздоровалась я.

Ребб был одет в потертый, засаленный на рукавах сюртук и грязные, побитые молью штаны.

— А, вдова Дерт, — узнал он меня. — Давненько вы не заглядывали. С чем на этот раз пожаловали?

Острые маленькие глазки впились в мое лицо, ощупывая, разглядывая, оценивая, и я почувствовала острое желание смахнуть этот взгляд, как

назойливое насекомое.

— Хочу показать вам одну семейную реликвию и узнать ваше мнение, — преодолев неприязнь, улыбнулась старику.

Весь мой прошлый опыт подсказывал, что Ребб снова попытается меня обмануть, но кто сказал, что ему это удастся? Сейчас я уже не та растерянная после смерти мужа девчонка, и так легко не сдамся.

Я открыла ридикюль, достала карманные часы и положила их на темный, отполированный сотнями рук прилавок.

— Что скажете? — небрежно спросила оценщика.

Ребб осторожно коснулся золотого корпуса своими скрюченными, похожими на птичьи когти пальцами и погладил выгравированные на крышке круги. Они образовывали затейливый узор, запомнить который было невозможно — круги постоянно двигались, перетекая один в другой, становясь то шире, то уже, и меняя свое положение каждую минуту. Папа говорил, что часы создал мастер, владеющий магией.

— Обычная безделица, — с деланным равнодушием посмотрел на меня оценщик, но я увидела, как алчно загорелись его жесткие глаза. — Не

стоит и десяти олдеров.

— Вы шутите, господин Ребб? В столице их оценивали в сто пятьдесят олдеров, и это была начальная цена.

— Ах, дорогая вдова Дерт, — притворно вздохнул старик. — Боюсь, мои столичные коллеги попросту ошиблись. Взгляните, это ведь даже не золото, — он поднес к блестящему корпусу лупу и внимательно посмотрел на гравировку. — Подделка. Искусная подделка под мастера Гунара. Но я хорошо знаком с его работами и клеймом, которое он ставил. Видите этот хвостик на именной подписи? В настоящих «Клерво» он должен быть изогнут вниз и в сторону, а здесь — просто непонятная закорючка.

Я слушала оценщика и не верила ни единому слову. Что бы ни говорил старик, его взгляд сказал мне больше, чем язык. Ребб страстно жаждал заполучить часы. А я смотрела на двигающиеся круги и понимала, что не могу отдать любимую отцовскую вещь. Не могу и все. Перед глазами, как живое, возникло строгое мужественное лицо, серьезный взгляд серых глаз, скупая улыбка… Нет. У меня не хватит решимости расстаться с единственной памятью о папе. Лучше переборю гордость и попрошу у полковника Рента прибав-

ку, он как-то обмолвился, что в будущем готов повысить плату за уроки с Бертиль.

— Я, конечно, могу накинуть пару монет и дать вам за них… Ну, скажем, двенадцать олдеров, — Ребб прищурился. — Но это исключительно из моего доброго расположения к вам, госпожа Дерт.

— Вы необычайно щедры, господин Ребб, — решилась я, — но я не собиралась продавать часы. Просто хотела узнать их цену.

Я протянула руку, собираясь забрать «Клерво». Старик сжал цепочку и потянул ее на себя.

— Если вы полагаете, что кто-то даст за них больше…

В маленьких глазках сверкнуло беспокойство.

— Хорошо, я накину еще пару олдеров! Но знайте, это окончательная цена.

— Мне нужно подумать, господин Ребб. Я вовсе не уверена, что готова расстаться с семейной реликвией, — забрав часы, заявила старику.

— Пятнадцать! — выкрикнул тот. — Мое последнее слово!

— Всего хорошего, господин Ребб, — улыбнулась в ответ и захлопнула за собой дверь.

Проклятый крохобор… За полкера удавится.

«А ты что хотела, Кэри? Думала, старый скряга

сразу предложит тебе двести олдеров? Размечталась!»

Я вздохнула и раскрыла ридикюль, чтобы вернуть туда фамильную реликвию, но в этот момент меня кто-то толкнул, да так сильно, что я едва удержалась на ногах. Часы выскользнули из рук и упали на звонкий камень мостовой.

— О Боже! — сорвалось с моих губ.

— Забавно, — тут же услышала я низкий мужской голос. — Господом меня еще не называли. Простите, вдова Дерт, я вас не заметил. Вот, держите, — мне в ладонь лег блестящий золотой корпус. — С ними все в порядке. Такие часы невозможно разбить.

Мужчина погладил узорную крышку и провел пальцем по кругу бесконечности, а я подняла глаза и встретилась с задумчивым взглядом темно-серых, почти черных глаз. Ну надо же! Снова он. Кейн. Интересно, что банкир забыл на улице мелких ростовщиков и оценщиков?

— Мне нужно идти, — не двигаясь с места, сказала я.

Голос прозвучал хрипло. Наверное, мой лимит прогулок по сырому городу оказался исчерпан, и я заполучила простуду. Точно. Вот и щеки горят, а это всегда верный признак инфлюэнции.

— Темного вечера, — небрежно попрощался Кейн, продолжая смотреть на меня пристально, почти не мигая.

— Темного, — отозвалась я и, стараясь не обращать внимания на жар, высоко вскинула голову и пошла в сторону Ирбрук-роу.

«Поразительно, — размышляла, прислушиваясь к стуку собственных каблучков. — Вторая встреча за день. Интересно, что Кейн делал в Среднем Уэстене? Точнее даже, в Нижнем Уэстэне, почти на границе с бедными кварталами? Что привело его на Веллер-сел?»

Я не видела, откуда он взялся, но если судить по тому, что мы не заметили друг друга, скорее всего Кейн вышел из соседней конторы. А что у нас там? Правильно. Антикварная лавка господина Винса. Получается, Кейну нравятся старинные вещи? Скорее всего. Тем более что, когда мы столкнулись, он держал в руках какую-то ветхую книгу.

«Не забивай голову ерундой, Кэри, — осадила собственное любопытство. — Думай лучше о том, что делать. Не нужно было выплачивать кредитору Зайнису сразу двадцать олдеров. Но кто ж знал, что Бернсы не заплатят и за этот месяц, а леди Винс откажется от занятий?»

***

Когда я дошла до Карстон-сел жалкие лучи заката почти совсем растворились в свинцовой темноте неба.

— Слава Богу, вернулись! — встретила меня Ильда. — Я уж собиралась за вами идти. Знаемое ли дело, по темноте одной шастать?

— Успокойся, Иль. Ничего со мной не случится, — усмехнулась в ответ.

— Как же, не случится! Госпожа Фишер тоже так думала, а теперь вон пузо на лоб лезет.

— Не мели ерунду. У госпожи Фишер законный супруг имеется, так что ничего удивительного в ее положении нет.

— Может, оно и так, да только люди говорят, что…

— Иль, уймись, — оборвала я служанку. — Не хватало еще сплетням верить.

Ильда недовольно поджала губы, но надолго ее обиды не хватило.

— Я тут слышала, Болтоны в следующую среду прием устраивают, вы пойдете? — идя за мной по коридору, вкрадчиво спросила Иль. — Приглашение вам прислали?

Вот же любопытная! Все ей доложи.

Я вошла в гостиную и внимательно осмотрелась. Сейчас, в теплом свете свечей, комната казалась уютной и даже нарядной. И расшитая шелком скатерть блестела совсем как новая. И чехлы на креслах уже не казались ветхими, а ажурные салфетки на их подголовниках выглядели почти празднично.

— Так что, прислали? — не отступала Ильда, глядя на меня сверкающими глазами.

Я тихонько хмыкнула. Прислать-то прислали, только какой с того прок? Для приема нужно новое платье, а где его взять? Да и что мне там делать? Дать уэстенцам новую пищу для сплетен? Встретиться с кучей прежних знакомых, помнящих меня беззаботной Кэролайн Уэтерби?

Я провела ладонью по крышке рояля. А что, если посмотреть на все под другим углом? Может, приглашение на бал — это перст судьбы? Подсказка небес? Мелькнувшая мысль была не особенно приятной, но что еще мне оставалось?

— Пойду, — кивнула я и уже решительнее добавила: — Обязательно пойду!

Вот только с платьем нужно что-то придумать. Может быть, перешить шелковое синее? Или попробовать обновить лиловое? Хоть строгий траур и закончился, но лучше не рисковать и

не использовать слишком светлые наряды. Эх, сейчас бы надеть одно из тех бальных платьев, что я носила в юности! Нежно-розовое, или цвета топленого молока, или светло-сиреневое…

— Ну и правильно, — вклинился в мои размышления голос Ильды. — Нечего этим курицам потакать, пусть знают, что вас не сломать!

Я усмехнулась, глядя на воинственно подбоченившуюся служанку.

— Ты права, Иль. Нужно заткнуть старым сплетницам рты. И я даже знаю, что надену. Неси выкройки и рулон бордового шелка, что на верхней полке шкафа лежит.

— Того, что госпожа Дантер вам на двадцатилетие подарила?

— Точно. Хватит ему пылиться. Пора пустить его в дело.

Я повернулась и посмотрела на Ильду, но та не собиралась уходить. Она застыла на месте и сверлила меня недоверчивым взглядом.

— Чего ты ждешь? — поторопила я ее. — Иди.

— Это что же вы такое задумали? — подозрительно прищурилась Иль.

— Ильда!

Я строго взглянула на служанку, досадуя на ее проницательность.

— Что Ильда? — с вызовом ответила та. — Я, считай, сколько лет уже вас знаю. Меня не проведете. Неужто соблазнить кого надумали?

Она насупилась и сложила на впалом животе натруженные руки.

— Не твое дело, — твердо ответила служанке.

Не хватало еще, чтобы она мне мораль читала!

— Еще как мое! — не отступала Ильда. — Как я людям в глаза посмотрю, если ваше имя склонять начнут? А матушка ваша? Она ведь когда умирала, слово с меня взяла, что я за вами присмотрю. Как же я обещание могу нарушить?

— Да уймись ты, — вздохнула я. — Никого я соблазнять не собираюсь.

— Да? А шелковое платье вам зачем? Да еще и бордовое.

— Мой траур давно закончился, так что вполне могу себе позволить. А новое платье… Как думаешь, есть у меня шанс найти мужа в старом перелицованном наряде?

— Так вы мужа искать собрались? — взгляд служанки оттаял. — А чего сразу не сказали? Я-то подумала…

Она не договорила и покачала головой.

— Знаю я, что ты подумала. Неси ткань и выкройки. На этом приеме я должна блистать.

— Слушаюсь, госпожа, — почтительно отозвалась Ильда, как всегда нюхом чуя, когда следует отступить. — Уже бегу! Да ради такого дела мы с вами самое лучшее платье сошьем! И пусть эти старые грымзы от зависти лопнут!

Я только усмехнулась на заявление служанки, прошла в столовую и принялась снимать со стола скатерть.

А спустя несколько минут вернулась Иль, мы разложили на столешнице тонкий переливающийся шелк и картонные лекала, и принялись за снятие мерок и шитье.

Глава 2

Особняк Болтонов сиял огнями.

Ребс остановился неподалеку от парадного крыльца, я осторожно ступила на мокрую после дождя мостовую и огляделась. Улица перед домом была запружена каретами и наемными экипажами. Они высаживали своих пассажиров и отъезжали, чтобы уступить место вновь прибывшим, по высокой белокаменной лестнице поднимались нарядно одетые гости, в лужах отражались блики от сверкающих теплым желтым светом окон и уличных фонарей.

Похоже, на этот вечер съехалась добрая половина Уэстена, что и неудивительно — Болтоны славились своим гостеприимством.

Влажный ветер прошелся по лицу, попытался растрепать прическу, но ему это не удалось, и тогда проказник оставил на моей щеке поцелуй и сбежал, как и всякий неверный любовник.

Я разгладила складки платья, поправила легкую накидку и пошла по дорожке к ярко освещенному особняку. Впереди медленно семенили пожилые супруги Гамильтон, позади слышался

густой бас начальника станции, ему отвечал жидкий тенорок господина Ферраса, столичного инженера, заведующего перестройкой железнодорожного вокзала. Городок у нас небольшой, все друг друга знают, и даже те, кто приехал недавно, легко вписываются в местное общество, вот как Тобиас Феррас.

— Господин и госпожа Гамильтон! Очень рады, — долетел до меня возглас хозяина вечера. — Очень рады, — повторил господин Болтон и, не дожидаясь от Гамильтонов ответа, быстренько перепоручил их своему дворецкому и повернулся ко мне.

— Вдова Дерт, — радушно улыбнулся Болтон, облизывая меня масляным взглядом. — Как замечательно, что вы пришли!

Владелец галантерейного магазина и держатель контрольного пакета акций «Транс-авери» стоял на верхних ступенях лестницы — тучный, беспрестанно утирающий большим платком потный лоб и поправляющий тугой ворот сорочки. Его высокая худощавая супруга застыла рядом с мужем, вцепившись в него, словно клещ. Она жеманно улыбалась и оглядывала окружающих с видом королевы, принимающей приветствия от подданных. Обратив свой взор на меня, госпожа

Болтон прощебетала тонким, совсем не подходящим к ее внешности голоском, как она счастлива, что я почтила своим присутствием их прием.

— Ваша кузина с супругом уже здесь, — радостно сообщила Эмили Болтон, и я поняла, почему ко мне отнеслись с таким вниманием.

Моя двоюродная сестра была замужем за местным судьей, Бенджамином Кроу, и по уэстенским меркам считалась весьма влиятельной особой. Что ж, так и было. Особняк на Арвер-роу, собственный выезд, солидный счет в банке, — Бетси, в отличие от меня, не бедствовала.

О, а вот и она!

Я успела миновать холл, вошла в зал и увидела в толпе гостей знакомую точеную фигурку. Элизабет, как и всегда, привлекала внимание ярким нарядом и обилием драгоценностей: модное платье, сшитое из переливающейся малиновой тафты, выглядело немного вульгарным, а на бриллиантовое колье было больно смотреть, так ярко оно сверкало. Мне вспомнилось, как дядюшка Джобс однажды сравнил милашку Бетси с разноцветным какаду, и улыбнулась. Хоть дядя и слыл старым чудаком, но в людях разбирался отменно.

Я опустила взгляд на подол своего платья. Ду-

маю, дядюшке оно бы понравилось — строгое, подчеркивающее фигуру, с умеренно пышной юбкой и глубоким декольте, открывающим плечи и грудь, правда, ровно настолько, чтобы оставаться в рамках приличий. Ильда хоть и ворчала, что негоже так выставляться, но возражать не решилась, буркнув, что «господа дураками будут, ежели такую красоту без внимания оставят».

Я отдала накидку и ридикюль слуге и двинулась вперед, пробираясь к окруженной подругами родственнице.

— Кэролайн! — увидев меня, воскликнула кузина. — Неужели это ты? Удивительно. И какое шикарное платье! Такое… яркое, — в голосе Бет прозвучало неодобрение.

— Кузина Элизабет, дамы, — поздоровалась я, не обращая внимания на шпильку сестры.

— Госпожа Дерт, очень рады вас видеть, — раздался в ответ нестройный хор голосов.

— Ох, Кэри, ты все-таки пришла, — прощебетала Бетси. — Все были уверены, что после того, что произошло…

Кузина не договорила, многозначительно сверкнув глазами.

Дамы вокруг зашушукались.

— А что произошло? — уточнила я, делая вид,

что не понимаю намека.

— Ну как же? А ваш разрыв со Стрейном? — переглянувшись с подругами, спросила Бет.

На ее живом миловидном лице читалось жадное любопытство. Бетси впилась в меня взглядом и подалась вперед, крепко сжав мою руку. Казалось, она даже дыхание затаила, в ожидании ответа.

— Бет, о чем ты? Мы с господином Стрейном были едва знакомы.

— Да? — не отпуская моей ладони, протянула кузина.

— Да, — беспечно улыбнулась я, стараясь не показывать своих чувств.

В больших, похожих на детские, голубых глазах Бет мелькнуло недоверие. По толпе ее подруг пробежал тихий шепоток.

— А как же ваша помолвка?

— Не было никакой помолвки.

— А все говорят, что… О, Боже! — отвлеклась Бетси, уставившись мне за спину. — Смотрите, лорд Кейн пришел! Какой же он невероятный! — воскликнула кузина и тут же опасливо покосилась на стоящего неподалеку супруга. Тот о чем-то спорил со стряпчим Стивенсом, резко вскидывая голову, отчего его редкие пегие воло-

сы, прилизанные так, чтобы закрыть солидную плешь, смешно сползали набок. — Интересно, как он здесь оказался? — уже тише спросила кузина.

Я повернулась и замерла, разглядывая высокую, облаченную в темное фигуру. Кейн. Надменное красивое лицо, ровные брови, чуть впалые щеки. И взгляд… Опасный взгляд флибустьера. Самый богатый человек Уэстена высокомерно оглядывал окружающих, а на его чувственных губах играла презрительная усмешка.

— Какой же он… невероятный, — снова повторила Бет, как и большинство присутствующих дам буквально пожирая Кейна глазами. — Как думаете, почему он пришел?

Вопрос не был праздным. Кейны редко посещали городские приемы, видимо, не считая жителей Уэстена достойными своего общества. Еще бы! Кейны принадлежали к высшей аристократии Эшера и раньше проживали в Лариделле, лишь пятнадцать лет назад переехав в наш городок. Уж и не знаю, по какой причине он их заинтересовал. Кейнов принимали при дворе и в лучших домах столицы, отец нынешнего лорда был на короткой ноге с императором, а его мать дружила с императрицей. Что им обычные уэстенцы?

— Потрясающий мужчина, — выдохнула сто-

ящая рядом со мной Мелинда Коуэнн, супруга полицейского. — А вы слышали о его последней эскападе? — наклонившись к Бет, громко прошептала Мелинда. — Говорят, на днях он был в номере отеля с Сарой Хандбрук больше двух часов. Наедине, — многозначительно скривилась она.

— И что они там делали? — простодушно поинтересовалась юная Триш Латимер, двоюродная сестра Мелинды, приехавшая в Уэстен из Эриной-са погостить. Точнее, «поймать» жениха.

— Боюсь, моя дорогая, вы еще слишком молоды, чтобы слушать о подобном, — вмешалась в разговор Эмилия Шендон, владелица конного завода.

— Боюсь, для того, что делает со своими пассиями лорд Кейн, мы все слишком молоды и неопытны, — усмехнулась Оливия Керн, вдова покойного судьи Керна.

Мне нравилась эта женщина. Она была не особенно красива, но довольно умна и образованна, и умудрялась уверенно управлять не только собственной жизнью, но и тремя сыновьями-подростками, а также немалыми средствами, доставшимися от мужа.

— Говорят, он совершенно безнравственный, — в глазах Мелинды Коуэнн появилась

мечтательная поволока.

— А какой у него взгляд! — в тон подруге протянула Бетси. — Не будь я замужем…

Кузина не договорила, но так вздохнула, что все и без слов поняли, о чем идет речь. А я почувствовала, как щеки обдало жаром. И платье вдруг стало тесным, мешая вздохнуть.

— Мне кажется, он смотрит в нашу сторону, — пискнула Триш и покраснела.

— Точно, — с придыханием подтвердила Мелинда. — О, Боже! Он идет к нам. Патрисия, перестань на него так глядеть! И не вздумай принимать приглашение на танец, — грозным шепотом предупредила она кузину.

— Но почему?

— Потому что незамужней девушке нельзя танцевать с лордом Кейном, если она не хочет попрощаться со своей репутацией.

— Так и есть, — серьезно сказала Оливия Керн. — Лорд Кейн — известный повеса, одиноким леди лучше держаться от него подальше.

— А замужним? — наивно спросила Триш.

— А замужних общество не осудит, — в голосе женщины прозвучала едва заметная ирония. — Если только не произойдет ничего предосудительного.

Я грустно усмехнулась. Оливия очень точно отобразила мораль уэстенских дам. Если ты одинока и за тебя некому заступиться, ты легко можешь стать предметом пересудов. Тебе не простят ни чуть более теплую улыбку, ни оживленный разговор с мужчиной, ни, уж тем более, отданный признанному сердцееду первый танец.

Взгляд невольно обратился к пирату. Кейн шел прямо на нас, и люди расступались перед ним, словно море во время отлива. Он ничего для этого не делал, казалось, даже не замечал окружающих, просто двигался вперед — уверенно и неторопливо, но все тут же освобождали ему дорогу. Будто по неслышному сигналу.

Я смотрела на породистое лицо, на усмехающиеся губы, на красиво падающие на ворот фрака темные волосы и чувствовала, как быстро бьется сердце. Проклятье! Незачем ему так биться. И не отчего. Особенно в свете того, на что я решилась.

— Дамы, — остановившись рядом с Бетси, коротко поклонился Кейн.

Взгляд его пробежал по восторженным лицам, дольше положенного задержался на Бет и замер на мне.

Как и все подруги кузины, я присела в реверан-

се и поднялась, стараясь не засматриваться на лорда. В последние годы я положила за правило держаться подальше от таких вот самовлюбленных красавцев. Мне хватило и мужа, который был невероятно красив и так же невероятно любвеобилен. Причем, его любовь, как выяснилось однажды, доставалась не только мне, но и еще нескольким уэстенским дамам. Ах, как же искренне Бобби каялся, когда я узнавала о его изменах, с каким пылом уверял меня, что больше никогда… А потом мне становилось известно об очередной интрижке, и все повторялось сначала: покаяние, заверения, вымаливание прощения… Правильно говорят: красивый мужчина — чужой мужчина. Нет, увольте. Больше я ошибок прошлого не повторю, и пусть лорд Кейн хоть трижды красавец, меня это никаким образом не касается.

— Госпожа Дерт, — Кейн сделал шаг и оказался непозволительно близко. Так близко, что я ощутила тонкий, едва уловимый аромат его туалетной воды. — Оставьте за мной первый танец, — слегка склонившись ко мне, негромко сказал он.

Это не было просьбой. Это не было вопросом. Это не было общепринятым приглашением. Кейн просто ставил меня в известность о своем наме-

рении потанцевать. Пришел, увидел, захотел и присвоил. Настоящий флибустьер… Только я не собиралась превращаться в судно, которое он с легкостью возьмет на абордаж. Первый танец, еще чего! Да это же все равно, что объявить перед всеми, что мы с Кейном едва ли не любовники!

— Простите, лорд Кейн, но я уже отдала первый танец другому, — посмотрела в холодные серые глаза.

Вот так. Не хватало еще попасть в сети очередного отъявленного бабника. Нет уж. Хватит с меня Бобби.

— Да что вы говорите? Другому? — в голосе лорда прозвучала такая явная насмешка, что я невольно выше вскинула голову. — Тогда — второй.

— К сожалению, второй тоже занят. И третий. Если вас устроит четвертый или пятый…

Договорить я не успела.

— Не утруждайтесь перечислением танцевальных позиций, госпожа Дерт, — уголки чувственных губ чуть приподнялись, что должно было означать улыбку, но мне почему-то показалось, что Кейн не улыбается. Глаза, в отличие от губ, не лгали. Они были ледяными и смертельно-опасными, как дуло пистолета. — Дамы, кто из вас

желает оставить за мной полонез? — повернулся он к затаившим дыхание «кумушкам».

И сказал это так, будто предлагал не танец, а нечто большее. Мне тотчас же представилась темнота роскошной спальни, отблеск свечей на обнаженных телах, смятые шелковые простыни…

В груди стало тесно, дыхание сбилось, щеки опалило жаром. Боже! Как ему это удается? Кажется, ничего предосудительного не сделал, а в голову лезут всякие непристойности! Или это все потому, что я слишком давно одна? Или из-за проклятого прошлого, в котором я уже имела глупость подпасть под обаяние пирата?

— Моя бальная книжка еще не заполнена, — пролепетала Мелинда, с надеждой глядя на Кейна.

Ее полные щеки пошли некрасивыми пятнами, а на лбу выступили мелкие бисеринки пота.

— Ах, я, конечно, не испытываю недостатка в кавалерах, но первый танец пока никому не отдала, — легко коснувшись веером правой щеки, улыбнулась Бетси.

То, что она сделала это левой рукой, означало согласие. И мне почему-то показалось, что это согласие касалось не только танца.

— Вы мне подходите, — небрежно бросил Кейн. — Впишите меня в свою книжицу.

Он окинул Бет медленным, почти раздевающим взглядом и, коротко поклонившись, пошел прочь. Кто-то кланялся ему, кто-то пытался заговорить, но Кейн не останавливался. Он неторопливо пересекал пространство переполненной гостями залы, и я снова видела тот же эффект морского отлива. Кейн был похож на скалу, о которую разбивалось и людское любопытство, и попытка привлечь внимание, и досужие разговоры.

Я проследила, как он остановился рядом с леди Четем, и отвернулась, раздумывая над тем, где найти кавалера на первый танец. Да и на все последующие тоже. Угораздило же солгать этому несносному Кейну!

«Успокойся, Кэри! — внушала я себе. — Помни о том, зачем пришла на бал. Тебе нужно найти подходящего мужчину, и это — вовсе не Кейн, который если однажды и женится, то непременно на деньгах».

Я сжала веер и обвела глазами зал. Как назло, взгляд зацепился за широкую спину «флибустьера». Удивительно, как идет ему фрак. Одежда, в которой большинство мужчин, в зависимости от комплекции, выглядят похожими либо на пинг-

винов, либо на лакеев, на Кейне сидела идеально. Хотя, мне кажется, на нем все, что угодно, сидело бы идеально.

Крепкое тренированное тело, длинные ноги, гордая посадка головы… Что ж, его не зря называют главным сердцеедом Уэстена. Ни одна дама не способна равнодушно смотреть на самоуверенного красавчика и не испытывать желания узнать, каково это, когда тебя целуют эти твердые губы, или обнимают крупные и сильные руки…

Я так задумалась, что не заметила, как поблизости появился какой-то господин.

— Госпожа Дерт, вы окажете мне честь станцевать с вами полонез? — послышался смутно знакомый голос.

Я посмотрела на стоящего передо мной мужчину и попыталась понять, где могла его видеть. Черные волосы, бледная кожа, слегка раскосые карие глаза…

— Я Найджел Броун, нас познакомил полковник Рент, — пояснил тот, догадавшись, по моему лицу, что я затрудняюсь его вспомнить.

— Ах да, конечно, полковник Рент.

В памяти возникла размытая картинка: большая темная гостиная в старинном особняке полковника, Бертиль, играющая гаммы, и двое

мужчин, вошедших в комнату. Точно. Найджел Броун, стряпчий из Лариделла, как представил его мой наниматель.

— Вы снова в Уэстене по делам? — улыбнулась я, благодаря небеса за быстрый ответ на мою мольбу.

— Да, — кивнул Броун. — У нашей фирмы появился еще один клиент, и я приехал, чтобы заключить с ним договор. Господин Уэллс собирается застраховать свою жизнь на весьма неплохую сумму, а еще я уговорил его вписать в страховку жену и детей, так что… — Броун не договорил. — Простите, вам, наверное, это совсем не интересно, — немного смущенно заметил он.

— Вы что-то говорили о полонезе?

Я не стала отвечать на последнее замечание Броуна и перевела разговор на танцы. Сейчас это было для меня гораздо важнее, чем договора и прочая «юриспруденция». К тому же, мне не хотелось смущать Найджела еще больше.

— Да, если позволите, я был бы счастлив вас пригласить.

В темных глазах появилась надежда.

— Я польщена, господин Броун, — ответила я. — И…

Договорить я не успела.

— Ну конечно! Простите, видимо, я был слишком самонадеян, — сокрушенно сказал Броун. Он сложил руки за спиной и слегка склонил голову, словно признавая вину. — О чем я только думал? Разве у такой красивой леди может остаться незанятым первый танец?

— Вы удивитесь, но я еще никого не успела вписать в свою бальную книжку, так что полонез — ваш, — успокоила собеседника.

— Поразительная удача! — тут же просиял Найджел.

Он широко улыбнулся, отчего стал похож на большого доброго пса, и заглянул мне в глаза с почти собачьей преданностью.

Мне даже не по себе стало. Я давно уже отвыкла от такого искреннего проявления чувств. Уэстен был основан на месте одного из первых поселений варийских колонистов, перебравшихся на материк из Эрдерона, и современные жители мало чем отличались от своих предков. Здесь не признавали слабости и не одобряли тех, кто не умел «держать лицо». Может, это и неплохо, но как же иногда хотелось простого человеческого участия и честности вместо привычной игры под названием «благодарю, у меня все прекрасно!»

Я покосилась на Броуна из-под ресниц.

Найджел смотрел на меня, и в его взгляде я видела тот самый блеск, который появляется в глазах мужчин, когда они общаются с понравившейся женщиной.

И что мне это дает? Стоит ли считать появление Броуна милостью небес? И кто может сказать, есть ли у него личные средства? И даже если есть, высока ли вероятность того, что он захочет сделать мне предложение? Или что у него нет честолюбивой матушки, которая уж точно не пожелает видеть в невестках нищую вдову?

К сожалению, то, что ты красива и привлекательна, ни на что не влияет. Мужчины восхищаются, говорят комплименты, даже влюбляются, но вот женятся все равно на «хорошем приданом». А меня удостаивают лишь сомнительными предложениями «небольшой помощи» или, попросту, содержания, и заверениями в вечной преданности. Можно подумать, она мне нужна…

Я сжала кулаки, но потом заставила себя успокоиться. От нервов нет никакой пользы, только веер сломаю, а он у меня один и уже пережил две починки.

В эту минуту по залу поплыли первые звуки ритурнели, и Броун поклонился, подавая мне руку.

Не знаю почему, но прежде чем принять ее, я

взглянула на Бетси и увидела знакомую широкую спину. Кейн. Он слегка склонил голову, приглашая мою кузину на полонез, и повел ту в центр залы, где уже выстраивались остальные пары.

Я видела хозяина дома, господина Болтона, раскланивающегося перед баронессой Ярд, госпожу Болтон, улыбающуюся лорду Гришему, вставших вслед за ними лорда Коллинза и леди Феймор. Сразу после них в полонез вступили Кейн с Элизабет и лорд Грин с госпожой Редли, и танец начался.

— Госпожа Дерт, — поторопил меня Броун.

Я только улыбнулась в ответ и оперлась на предложенную руку. Глупо обращать внимание на Кейна. А еще глупее ломать голову над тем, почему он «удостоил» меня приглашением на танец.

Мы с Кейном не могли считаться близкими знакомыми. Нет, когда-то давно, в те времена, когда были живы мои родители, и я еще не вышла замуж за Роберта, лорд бывал в нашем доме, и довольно часто — они с отцом вели какие-то общие дела. Я тогда даже успела в него влюбиться. Глупо, конечно. А потом Кейн неожиданно уехал в столицу и вернулся только полтора года назад, после смерти старого лорда Кейна, чтобы заняться се-

мейным делом. И мы практически не виделись. Поговаривали, что молодой лорд надолго здесь не задержится, но Кейн не оправдал ожиданий уэстенцев. Он перестроил «Кейн-Империал», сделал грандиозный ремонт в родительском особняке и зажил на широкую ногу, регулярно разбивая сердца женщин и физиономии их разгневанных мужей.

— Как здесь многолюдно, — робко заметил Броун, отвлекая меня от задумчивости.

— Да, Болтоны славятся своим гостеприимством, — ответила я.

И это было правдой. Болтоны давали минимум три бала в год, приглашая на них почти все благородные фамилии Уэстена.

— Я так признателен полковнику Ренту, составившему мне протекцию. Не далее, как вчера, он представил меня господину Болтону, и вот я здесь.

Броун обвел глазами зал и восторженно вздохнул, а я, напротив, постаралась скрыть вздох разочарования.

Мы с Найджелом дошли до главного прохода и заняли свои места. Поклон, шаг, коснуться кончиками пальцев руки партнера и… Полонез начался, унося нас по анфиладе залов, мимо

роскошно обставленных комнат, позолоченных картин и дорогих старинных гобеленов.

Когда торжественное «шествие» закончилось, Найджел проводил меня к той самой колонне, возле которой уже шушукались Бетси с подругами, и, поклонившись, заглянул в глаза.

— Это будет слишком самонадеянно с моей стороны, если я попрошу вас подарить мне еще один танец? — голос его звучал так просительно, а взгляд был таким жалким, что на какой-то миг я почувствовала раздражение.

Боже, ну разве таким должен быть мужчина?

«Уймись, Кэри! — тут же оборвала себя. — Хватит амбиций и глупостей. Один раз ты уже нашла «настоящего мужчину», и что из этого вышло?»

— Оставлю для вас мазурку, — благосклонно улыбнулась Найджелу, скрывая за этой улыбкой боль от не вовремя всплывших воспоминаний.

— Благодарю, госпожа Дерт! — с воодушевлением сказал Броун.

Он снова поклонился, попятился назад и наткнулся на мужа Бет.

— Простите, — покраснев, пролепетал Найджел.

— Нужно быть внимательнее, молодой человек, — наставительно процедил судья Кроу, раз-

глядывая Броуна сквозь круглые стекла пенсне.

Несмотря на то, что Бенджамин Кроу приходился мне родственником, я никогда не называла его по имени. Этот упитанный самодовольный мужчина был слишком важным в собственных глазах, и мне бы и в голову не пришло обратиться к нему как-то иначе, чем господин Кроу.

— Кузина Кэролайн, — заметив меня, снисходительно кивнул судья.

— Господин Кроу, — прохладно улыбнулась я.

— Дорогая, вы слышали новость? — тут же забыл обо мне Бенджамин.

Он подошел к жене и взял ее за руку таким собственническим жестом, как если бы Бет была принадлежащей ему вещью. Впрочем, для большинства мужчин жена была именно такой вот вещью, без права на собственное мнение и уж тем более без права на проявление своей воли.

— О чем вы, дорогой?

— Городской совет решил устроить народные гуляния по случаю Авадана. Ввиду того, что праздник выпал на будни, было принято решение перенести его на воскресенье. Так что гуляния состоятся ровно через две недели, и я уверен, это будет весьма полезное событие для горожан.

Боже, этот человек даже в обычной жизни го-

ворит так, будто он на заседании суда!

Я отвлеклась от разговора супругов, обводя взглядом зал и отыскивая подходящих для моей цели мужчин. Вот Сэмюэль Ривз, средних лет вдовец и держатель акций «Пасифик Оил». А рядом с ним — Генрих Стаут, состоятельный рантье. Господин Стаут немолод, уныл и плешив, но это не мешает ему быть одним из завидных женихов Уэстена. Чуть дальше я заметила Мередита Поула, секретаря городского совета. Чиновник выглядел встревоженным и нервным, а взгляд его перебегал по лицам гостей с одинаковой тоской.

Мне стало грустно. О чем я только думала, собираясь на прием? Какое замужество? Какие женихи? Неужели я готова всю жизнь провести с одним из этих чужих и неприятных мужчин?

«Вот поэтому ты и живешь впроголодь, Кэри, — влез голос разума. — И если не образумишься, закончишь свою жизнь в долговой тюрьме, так же, как дядюшка Джобс».

Перед глазами тут же возникли неприглядные картинки: темная комнатушка в Найсберри, соломенный тюфяк на грубо сколоченной кровати, холодный очаг и хлебные корки, размоченные в миске с водой… И дядя, сидящий на колченогом стуле и невозмутимо посасывающий пустую

трубку. Помню, когда впервые увидела дядюшку Джобса в стенах Найсберри, едва удержалась от слез и вывернула все карманы в поисках хоть одной завалящей монетки. К счастью, она нашлась, и я сумела организовать старику горячий обед. А потом отправилась к кузине Бетси с просьбой помочь родственнику. Жаль, что время выбрала неудачное — господин Кроу был дома и, выслушав мой эмоциональный рассказ, посоветовал предоставить Ирвина Джобса его судьбе и больше не беспокоить их с Бет нелепыми требованиями. «Я не так богат, чтобы содержать нищих родственников жены, — посмотрев на меня поверх пенсне своими холодными выцветшими глазами, заявил он. — И уж тем более не обязан расплачиваться за ваши тунеядство и беспечность. Кстати, вам всем не помешало бы подумать о том, чтобы забыть свои былые замашки и найти себе занятие, приносящее доход». Что ж, господин Кроу был очень убедителен. Больше я никогда не обращалась к родственникам с подобными просьбами. А занятие… Занятие у меня было, только дохода от него едва хватало на покрытие текущих расходов и выплату дядюшкиного долга.

— Кузина Кэролайн, вы сегодня хорошо выглядите, — отвлек меня от раздумий голос господина

Кроу. — Это платье новое?

Родственник бесцеремонно оглядел меня с головы до ног и неодобрительно поджал губы.

— На вашем месте я бы не был столь расточителен, — заметил он.

— Стоит поблагодарить Господа, что вы не на моем месте, дорогой господин Кроу, — улыбнулась в ответ, скрывая за улыбкой иронию.

— Разумеется, дорогая кузина, разумеется, — серьезно ответил Кроу. Он не услышал в моих словах насмешки. — Когда я только начинал…

— Прошу меня извинить, я обещала господину Ривзу кадриль, — поспешила я сбежать от нотаций.

Если Кроу не остановить, он может долго вещать о пользе бережливости и разумного отношения к деньгам. А оно мне сейчас надо?

Я пробиралась сквозь толпу гостей, ненароком прислушиваясь к обрывкам разговоров и отвечая на приветствия знакомых. А заодно, размышляя над тем, кто из мужчин хоть немного подходит для моих планов.

«Воистину, Кэри, ты задумала просто невозможное дело, — ворчала про себя, разглядывая присутствующих на балу господ. — Ни одного мало-мальски сносного кандидата в мужья! И

на ком ты собиралась применить свою магию? С молодыми, как выяснилось, связываться бесполезно, у них свои «Амелии Стрейн» имеются, с людьми постарше… А захотят ли они жениться на видавшей виды вдове, когда могут взять молодую и неопытную?»

— Госпожа Дерт!

Громкий возглас заставил меня остановиться. По тому, какими заинтересованными стали лица окружающих, я уже знала, что увижу, когда обернусь.

— Вы тоже получили приглашение?

Ах ты ж слизняк! И сколько мнимого удивления в голосе! Будто не видел белую именную карточку в наш последний вечер.

— Здравствуйте, господин Стрейн, — как можно непринужденнее улыбнулась своему несостоявшемуся жениху. — Какая неожиданная встреча. Не припомню, чтобы вы собирались на этот прием.

Больше того, я твердо знала, что у доктора не было приглашения. По крайней мере, до нашего расставания так уж точно. А, понятно. Похоже, кто-то решил развлечь светское общество, позвав на бал несостоявшуюся пару, о которой судачит весь город. Что ж, узнаю уэстенцев.

— Меня пригласил лично господин Болтон, — самодовольно улыбнулся Гордон, а я почувствовала отвращение.

И с этим слизняком я собиралась связать свою жизнь?

Я незаметно огляделась и увидела, что все, кто находятся рядом, жадно прислушиваются к нашему разговору.

— Как поживаете, госпожа Дерт? — в голосе Стрейна звучала ирония и неприятная уверенность в собственной исключительности. В красивых голубых глазах больше не было прежнего обожания, одна только спесь. И этому человеку я готова была отдать свою руку?

— Благодарю, господин Стрейн, очень неплохо, — улыбнулась в ответ, стараясь не показывать своих истинных эмоций. — Как здоровье госпожи Стрейн?

Глупый вопрос. Что этой старой грымзе сделается?

— Матушка вполне здорова.

Гордон покосился на стоящих неподалеку мужчин, потом посмотрел на меня и чуть подался вперед.

— Вы танцуете, госпожа Дерт? — небрежно спросил он, но в его словах мне послышался ка-

кой-то подвох.

Неужели несостоявшийся жених рассчитывает услышать, что, после расставания с ним, я подпираю стену бального зала в постыдном одиночестве?

— Разумеется, господин Стрейн, — улыбка получилась естественной и непринужденной. — Моя бальная книжка заполнена почти полностью.

— Неужели? И следующий танец…

— Следующий танец госпожа Дерт танцует со мной, — раздался из-за моей спины знакомый низкий голос, в котором ясно слышались насмешливые нотки.

Проклятый флибустьер! Он не оставил мне выбора! Но как же вовремя он появился…

— Миледи, — Кейн остановился прямо передо мной и склонился в безукоризненном поклоне.

Слишком безукоризненном, чтобы быть принятым мной всерьез, как и обращение «миледи».

— Лорд Кейн.

Моя рука оказалась в твердых тисках, и банкир повел меня к танцующим.

Первые аккорды музыки заставили меня беззвучно выругаться. Вальс. Небеса что, издеваются? Действительно вальс? Тот танец, при котором близкий контакт с партнером неизбежен?

Будь у меня выбор…

Я вскинула подбородок и посмотрела в ледяные глаза банкира. Нет, выбора у меня не было. Если бы Кейн не появился так вовремя, Гордон вполне мог бы устроить некрасивую сцену. К этому все шло. И я даже примерно представляла, почему он это сделал. Та компания, на которую оглянулся Горди, состояла сплошь из молодых и богатых прожигателей жизни, предводительствовал которыми некто Оллес Финч, сын известного эшерского судовладельца. Многие из этих мужчин в свое время пытались добиться моей благосклонности, но, разумеется, не преуспели. Помню, поговаривали даже о некрасивом споре, который они затеяли, чтобы получить «прекрасный трофей», то есть меня. Трофей… Мерзкое слово. Только ничего у них не вышло. Похоже, они и подбили Гордона на какую-то глупую выходку.

— Можно спросить, милорд? — оказавшись почти в объятиях Кейна, спросила я.

— Да?

Флибустьер вскинул бровь, отчего его лицо стало выглядеть еще надменнее.

— Почему вы так настойчивы в своем желании со мной потанцевать?

— Считайте, что это моя прихоть, — усмехнулся

Кейн, прижимая меня к себе так плотно, что это было почти на грани приличия. Но именно что на грани, не переступая через нее, но и не позволяя мне чувствовать себя свободно.

Я всем телом ощущала его близость. И она меня тревожила, сбивала дыхание и заставляла вспомнить о том, как давно я не была с мужчиной. «Твои лучшие годы проходят в одиночестве, Кэри, — словно наяву, услышала я грустный голос дядюшки Джобса. — Это несправедливо. Молодая женщина не должна оставаться одна. У нее от этого портится характер». Что ж, скорее всего, дядя был прав. Мой характер определенно испортился и сейчас испортится еще больше, потому что я не намерена терпеть неуважение партнера.

— Не забывайте о приличиях, лорд Кейн, — как можно холоднее произнесла я и попыталась отстраниться, но сделать это в летящем круговороте вальса было не так просто. Руки партнера держали крепко, а его плечи казались выточенными из камня. Эту глыбу было не сокрушить ни словами, ни действиями.

— Разве вы не в курсе уэстенских сплетен? — спросил он.

В серых глазах мелькнула насмешка. Правда, мне почему-то показалось, что эта насмешка

касалась не столько меня, сколько самого Кейна. Он будто иронизировал над собой и забавлялся собственной дурной славой.

— Разве не знаете, что я и приличия — совершенно несовместимые понятия?

И, словно в подтверждение своих слов, Кейн притянул меня еще ближе.

— Немедленно прекратите! — возмутилась в ответ, чувствуя, как загорается в крови неконтролируемый жар. Он охватывал тело, опалял щеки, сбивал дыхание… — Если вам хочется меня скомпрометировать, то это глупо.

— Да? Почему?

— Это уже сделали до вас, так что еще одна сплетня ничего не изменит.

— Вы об этом слизняке Стрейне? — хмыкнул Кейн и закружил меня быстрее, не обращая никакого внимания на темп остальных пар.

А я удивилась тому, что банкир применил к Гордону то же выражение, что и я.

— Именно, — ответила партнеру.

— Забудьте о нем. Красивой женщине не пристало обращать внимания на сплетни. Они — неизбежная часть ее жизни.

Голос Кейна зазвучал вкрадчиво, в нем появились теплые, чувственные нотки. А рука,

лежащая на моей талии, сдвинулась чуть ниже.

И именно в этот момент мимо нас проплыла в танце пара Элизабет и господина Уайтли, и я заметила, каким взглядом одарила меня кузина.

Я улыбнулась Бет и подняла глаза на партнера.

— Верните ее на место, — не прекращая улыбаться, приказала ему.

— Что, простите?

— Ваша рука. Верните ее на место.

Кейн нагло усмехнулся, но подчинился.

— Как скажете, миледи, — нарочито серьезно произнес он, а потом наклонился ко мне и прошептал: — Однажды вы позволите мне гораздо большее, чем мои руки на ваших… м-мм… бедрах.

— Уверены?

— Я никогда не проигрываю.

— Что ж, мои поздравления. Только я не играю в подобные игры.

На душе стало тоскливо. Неужели все мужчины одинаковы? Почему им так не терпится уложить меня в постель? Можно подумать, ни на что другое я не гожусь!

Кейн ничего не ответил. Он продолжал кружить меня, и я уже даже подумала, что он не придал особого значения ни своим, ни моим

словам, но ошиблась.

Музыка стихла, банкир проводил меня на место и, поклонившись, чтобы поблагодарить за танец, негромко спросил:

— Слышал, вам нужны деньги, госпожа Дерт?

Мне стало не по себе. Неужели об этом известно всем? Что, если вдобавок к несостоявшейся помолвке, уэстенцы примутся обсуждать и мою нищету? Или Кейн все-таки заметил меня в своем банке и поинтересовался у служащих, что я там делала?

— А разве есть люди, которым они не нужны?

Я постаралась взять себя в руки. Что бы ни было, терять хладнокровие рядом с таким типом, как Кейн, точно не стоило.

— Боюсь, вам они необходимы больше, чем многим другим. И срочно, не так ли? Сколько вы задолжали? Сто олдеров? Двести?

Серые глаза стали темнее, в них снова загорелся тот опасный огонек, который делал Кейна похожим на пирата.

— Я могу решить вашу проблему, — не дожидаясь ответа, сказал банкир.

Он говорил тихо, так, чтобы не услышали окружающие, но выглядел при этом невозмутимым, будто ничего особенного в нашем разговоре не

было.

— Вы дадите мне ссуду?

Я внимательно вгляделась в красивое лицо. Очень красивое, просто до неприличия. Мужчины не должны так выглядеть, это все же прерогатива женщины.

— Ссуду? — переспросил Кейн. — Да, я готов дать вам нужную сумму безо всяких гарантий и поручителей.

Он небрежно отвел со лба волосы.

— И что вы хотите взамен? — настороженно спросила я, понимая, что глупо ждать милости от флибустьера.

— Ваше тело.

Эти слова упали между нами, и мне показалось, что они застыли в воздухе, плавая прямо передо мной и наливаясь огненными отсветами, обжигая своим оскорбительным смыслом и насмехаясь над всем, что считается правильным и порядочным.

— Только тело? Без души? Простите, милорд, но они идут в комплекте. К тому же, ни мое тело, ни моя душа не продаются.

Я насмешливо улыбнулась, про себя желая проклятому пирату провалиться в преисподнюю.

— Неужели? И это не вы раздумываете над тем,

кому себя продать? Ну же, признайтесь, кого вы выбрали для акта самопожертвования? Ривза? Стаута? Или доходягу Поула?

Кейн перечислял имена с серьезностью распорядителя аукциона, а мне хотелось закрыть ему рот рукой, чтобы не слышать, как обнажается неприглядная правда о моих не слишком чистых намерениях. Да, я действительно собиралась выйти замуж без любви, на одном только голом расчете, ну и что? Разве это не общепринятая практика?

— А может быть, вы надеетесь подцепить кого-нибудь побогаче? — не отставал Кейн. — Кто у нас тут есть?

Он демонстративно оглядел зал.

— Как вам Оливер Краун? Его последняя сделка принесла больше семи тысяч олдеров. Или лучше Ивен Грим, имеющий неплохие перспективы с наследством. Говорят, его дядя одной ногой в могиле.

— Вы не смеете…

Я задохнулась. Да что он себе позволяет?! Кто он такой, чтобы меня судить? Разве я давала повод для подобных мыслей? Три года строгого траура, еще два года бесконечных попыток удержаться на плаву, да мне не то, что о мужчинах, мне о

себе-то подумать некогда! А эти все… Холеные, сытые, уставшие от бесконечных побед… Что они понимают в моей жизни?

— Подумайте над моим предложением, госпожа Дерт, — усмехнулся Кейн и пошел прочь, не обращая никакого внимания ни на мое возмущение, ни на жадное любопытство окружающих.

Оставшаяся часть вечера прошла скомкано. Я почти не запомнила ни тех, с кем танцевала, ни тех, с кем разговаривала и смеялась, ни тех, кто бросал на меня заинтересованные взгляды. Жестокие слова Кейна не шли у меня из головы, и я придумывала все новые и новые ответы на них, а потом мучилась, пытаясь понять, чем привлекла к себе такой двусмысленный интерес. До моего похода в банк Кейн меня даже не замечал. Какая муха его укусила?

«Успокойся, Кэри, — пыталась урезонить саму себя. — Не стоит обращать внимания на всякие глупости. И на тех, кто эти глупости произносит! Кейн привык к легким победам, но ты его трофеем не станешь, пусть даже не рассчитывает! Оглянись по сторонам, найди подходящего господина и проверь на нем силу своего внушения». Да. Так и следует поступить.

Я обвела глазами зал, прикидывая, кого прине-

сти в жертву собственным матримониальным планам. Взгляд остановился на секретаре Поуле и беседующем с ним полковнике Ренте. И тот, и другой были холосты, оба обладали неплохим состоянием и оба давно лишились своих матерей. При этом Рент был уже в возрасте, а Поул — в самом соку, если использовать выражение Ильды. И мне оставалось выбрать из этих двоих того, кто не вызывал бы отвращения в качестве мужчины, с которым придется делить жизнь и постель.

Секретарь, словно почувствовав что-то, передернул плечами и завертел головой. Его худое нервное лицо побледнело, глаза тревожно забегали по толпе. Неужели почувствовал, что о нем кто-то думает?

Я решила не ждать милостей от судьбы и «пошла на абордаж»: неторопливо, стараясь не привлекать лишнего внимания, направилась к мужчинам и, проходя мимо них, невзначай обронила веер.

Полковник Рент тут же нагнулся, в попытке его поднять, но раненая нога оказала ему плохую услугу, и секретарь был быстрее.

— Госпожа Дерт, — на впалых щеках Поула вспыхнул румянец. — Кажется, это ваше.

Мередит протянул мне веер.

— Благодарю, господин секретарь, — улыбнулась в ответ, стараясь выглядеть чуточку смущенной и в то же время заинтересованной в дальнейшей беседе.

— Вдова Дерт, — коротко поклонился стоящий рядом с Рентом Эдвард Хьюз, владелец единственной уэстенской гостиницы, а сам полковник кашлянул и пригладил пышные усы, как делал всегда, когда волновался.

— Госпожа Дерт, рад видеть вас на этом приеме, — произнес он своим глуховатым голосом.

Небольшие умные глаза смотрели серьезно и пристально из-под кустистых бровей.

Полковник чем-то напоминал мне отца — статью, военной выправкой, даже небольшой хромотой. У папеньки было прострелено колено, а у Рента нога неудачно срослась после ранения. Я знала об этом из рассказа госпожи Олдени, сестры покойной жены полковника. Одно время она следила за моими занятиями с Бертиль и поведала много интересного о прошлом своего зятя. Служба в Аудакаре, саурская война, ранение и отставка — госпожа Олдени без устали живописала подробности, и мне казалось, что я знакома с Рентом очень давно, можно сказать, всю жизнь.

А еще я знала, что нравлюсь полковнику. Жен-

щины всегда чувствуют такие вещи. И Поулу я тоже нравилась. Так кого же из этих двоих выбрать?

Боже, прости, но у меня нет другого выхода…

Прислушавшись к еле тлеющей искорке магии, посмотрела в глаза Ренту, а потом перевела взгляд на секретаря и попыталась внушить своим собеседникам чувства доверия и приязни. На первый раз этого было достаточно. В моем предприятии главная сложность заключалась в том, чтобы не вызвать подозрений ни у самих «кандидатов», ни у присутствующих на балу гостей. В последние двести лет магия внушения пользовалась в Эшере дурной славой. Она уходила корнями в языческое прошлое, к акаучи, жившим на месте нынешней империи задолго до прихода на эти земли колонистов, и Верховный совет магов считал ее опасной и вредной. Может, так оно и было, да только мне эта магия досталась от матери, а ей — от бабушки, у нас в роду все женщины владели даром, кто-то большим, кто-то меньшим, и никто, кроме, пожалуй, матушки, не принимал близко к сердцу заверения столичных магов. Разве может быть то, чем тебя наградила природа, вредным?

— Не правда ли, Болтонам удаются прекрасные балы? — обращаясь ко мне, спросил Поул, а Хьюз

важно кивнул, поддерживая это утверждение.

— Прекрасный вечер, господа, — согласилась я и, услышав звуки котильона, поторопилась проститься: — Прошу меня извинить, я обещала этот танец господину Стаксу.

Генри Стакс, один из самых влиятельных жителей Уэстена, подошел ко мне сразу после ухода Кейна и был очень любезен. Правда, я не спешила обмирать от восторга. Между банкиром и Стаксом весь последний год шло негласное соревнование. Оба были молоды, богаты, и оба любили женщин. И, похоже, я сумела пробудить их интерес. Это было плохо. Точнее, не так. Это было очень плохо. В своем стремлении добиться желаемого эти господа не остановятся ни перед чем, это вам не глупый молодняк из компании Оллеса, а мне сейчас меньше всего нужно такое пристальное внимание.

— Конечно, столь прелестная леди просто обязана станцевать каждый танец на этом вечере, — немного насмешливо заметил Хьюз, а Поул неожиданно поклонился и поцеловал мне руку.

Ага. Видимо, моя магия все-таки подействовала.

— Необычайно рад нашей встрече, — негромко произнес секретарь, и его узкое, меланхоличное

лицо расцвело, став почти приятным.

— Я тоже рада, господин Поул. Очень, — повторила тихо, так, чтобы услышал только секретарь.

И в этот момент я почувствовала между лопаток странное жжение. Повернувшись, наткнулась на понимающий взгляд флибустьера. В глазах Кейна застыла насмешка, он видел насквозь и меня, и мои уловки, и это было унизительно.

Я переборола возмущение и гордо вскинула голову. Мне нечего стыдиться. Как говаривал отец, на войне годятся любые средства, если они ведут к победе.

— Госпожа Дерт, — оказался рядом со мной Стакс.

Я приняла предложенную руку и постаралась выкинуть из головы проклятого пирата.

«Ты все делаешь правильно, Кэри. В мире, где правят мужчины, у женщины есть только одно средство, помогающее остаться на плаву — ее ум».

Звуки котильона поплыли по залу, холодная ладонь Генри крепко держала мою, и вскоре мы с ним оказалась далеко и от Кейна, и от кандидатов в мужья. Я улыбалась Стаксу, легко скользила по паркету, а сама продумывала очередные шаги по

завоеванию женихов.

***

(Из дневника Дж. Кейна)

15 августа

Поразительно! Пишу и не могу поверить.

Неужели удача повернулась ко мне лицом? Кто бы мог подумать! После стольких лет бесплодных усилий найти конец той ниточки, что может привести меня к самому истоку, к самому корню наших бед и все изменить. Нашел! И где? В старом добром Уэстене. И это после многочисленных городов и стран и тех долгих лет, что я провел в поисках. Только бы все получилось… Нет, о чем я? Все обязательно получится, осталось только сделать один единственный шаг, и моя мечта станет реальностью.

16 августа

Еще раз просмотрел записи Ларье. То, что он пишет об Избранных… «Есть на земле народ, превосходящий все прочие народы, и имя этому народу — алайя, или алайеты, люди сильные духом и магией, сыны Неба и Света, самые могущественные и одаренные существа в мире». Старый маг утверждает, что они существуют до сих пор, но его ученые собратья уверяют, что это

выдумка. Якобы, алайеты, если они и были на самом деле, ушли из Эшера задолго до того, как колонисты заполонили земли древнего материка и больше их никто не видел. Знать бы, кому верить...

Глава 3

Следующие несколько суток пролетели так быстро, что я их даже не заметила. Занятия с учениками, походы по ростовщикам, расставание с обручальным кольцом и картиной мэтра Джовелли, улещивание кредиторов и разговоры с нанимателями — все это слилось в один длинный и не слишком приятный день. Но мне удалось уплатить текущие долги, выторговать у госпожи Раут повышения платы за уроки с ее сыном и найти двух новых учеников.

Сегодня, проснувшись в предрассветную рань, я впервые за долгое время почувствовала, что обруч, стягивающий душу, немного ослаб, и дышать стало легче. Удивительное ощущение!

Я поднялась с постели и подошла к окну. Край неба уже слегка порозовел, предвещая наступление утра, из дома напротив вышла служанка и поставила рядом с крыльцом пустой бидон для молока. Она сонно потерла глаза, зевнула и собралась войти в дом, но почему-то замешкалась, остановилась и повернулась в сторону переулка, соединяющего Карстон-сел с Гранви-роу. На лице

девушки отразилось удивление.

Мне стало любопытно, что же она там заметила. Я отодвинула занавеску и прильнула к стеклу. Так-так-так… А что здесь делает мобиль лорда Кейна? Да еще и в такую рань. И где сам лорд?

Похоже, служанку мучили те же вопросы. Я видела, как она осторожно, мелкими шажками, двинулась в сторону огромного черного монстра, а потом остановилась и заглянула в окошко.

Когда служанка разогнулась, на лице ее было написано удивление.

Интересно, что же такого увидела девушка? Правда, подумать об этом я не успела. Дверца мобиля открылась, и из нее появился сам Кейн.

Он что-то сказал служанке, мне показалось, он ее о чем-то спросил, и та ответила, покосившись, при этом, на мой дом. Круглое миловидное личико девушки раскраснелось, она нервно сцепила руки за спиной, и я усмехнулась. Похоже, обаяние Кейна действует на всех женщин без разбора — будь то аристократка или простая горничная, неважно.

Лорд задал еще один вопрос, выслушал ответ и кивнул. А потом достал из кармана полкера, протянул их девушке, и та охотно взяла монету. Похоже, кому-то с утра повезло…

Служанка застенчиво улыбнулась, поклонилась и посеменила к крыльцу, смешно виляя бедрами, а Кейн снова вернулся в мобиль. Смысл всей этой пантомимы был относительно понятен. Лорд явно хотел что-то узнать, но что? И какая нелегкая принесла его на нашу улицу?

Я задернула штору и задумалась. Чутье подсказывало, что появление Кейна как-то связано со мной. Только вот как? Зачем я ему сдалась? Неужели в Уэстене мало женщин, мечтающих пасть к его ногам?

— Ильда!

Звонка для вызова прислуги в моем доме не было, поэтому приходилось громко кричать.

— Да, госпожа.

Не прошло и минуты, как Ильда привычно протиснулась в узкую щель и замерла, внимательно глядя на меня своими темными выпуклыми глазами.

— Ты служанку Растов хорошо знаешь?

— Милли? Еще бы мне ее не знать. Лентяйка, каких поискать. А вы почему интересуетесь?

М-да. Бесцеремонность Ильды порой переходит все границы. Но сегодня она мне только на руку.

— Ты можешь узнать, о чем с ней говорил лорд Кейн?

— Лорд Кейн? С Милли?

Ильда уставилась на меня с недоумением.

— Уверены, что ничего не перепутали? Чтобы самый богатый и известный человек Уэстена общался с безродной служанкой? Кто вам такое сказал?

— Сама видела, не далее, как несколько минут назад. Да вон же и мобиль лорда Кейна, — я кивнула на окно, предлагая Ильде убедиться в моих словах.

Та отдернула занавеску, приникла к стеклу, повертела головой и повернулась ко мне.

— Видать, приснилось вам, госпожа. Нет там никакого мобиля. И лорда Кейна тоже нет.

— Как это нет? Я ведь его только что своими глазами видела!

— А я вам говорю, нет никого. И то, рань какая!

Я отодвинула Ильду, выглянула в окно, но улица была пуста. Солнце уже поднялось над горизонтом, превратив белые стены домов в розовую пастилу, и в этом теплом свете мир заиграл яркими красками. Даже вечно хмурый пес Карпентеров сегодня казался не таким несчастным. Он смотрел на меня из-за чугунной решетки, и в его печальных карих глазах светилась толика надежды.

— И все равно, ты потом спроси у Милли, что говорил ей лорд Кейн. Но только осторожно, и меня не упоминай. Скажи, что видела мобиль лорда, поинтересуйся, что он мог тут делать. Ну не мне тебя учить.

— Да уж верно, — кивнула Иль. — Сама разберусь. Завтрак-то вам подавать?

Она сложила руки на животе и окинула меня придирчивым взглядом.

— Похудели-то как! В чем душа держится! — покачала головой служанка. — И все равно красавица. Ничего вас не берет, ни голод, ни горе.

Иль приготовилась развивать свою любимую тему, но я не была расположена выслушивать ее рассуждения.

— Подавай завтрак, а потом поможешь мне одеться, — пресекла я ненужный разговор.

— Пойдете куда-то? — проявила бдительность Иль.

В ее взгляде появилась подозрительность.

— Нанесу парочку визитов.

Я не стала рассказывать, что собираюсь наведаться к полковнику Ренту и заглянуть в городской совет, к секретарю Поулу. Надо было закрепить недавнее внушение, а для этого тре-

бовался личный контакт — взять за руку или незаметно коснуться плеча. Глупо было рассчитывать, что полученная передышка продлится дольше нескольких недель. Мне нужно было изловчиться и найти мужчину, готового жениться сразу, без долгих приготовлений и объявлений о помолвке.

Нет, понятно, что совсем уж без объявления не получится, но я просто обязана была уложиться в четыре недели. Ни к чему тянуть, раз уж решилась, надо действовать быстро, пока не передумала.

«Все получится, Кэри. Ты должна помнить только о деле, и не отвлекаться на несущественные мелочи!»

— Ильда, ты долго будешь сверлить меня взглядом? — сурово посмотрела на служанку.

— Уже бегу, госпожа, — кивнула та.

Ильда умела поразительно чутко улавливать мое настроение, и прекрасно понимала, когда стоит отступить.

Через несколько минут служанка вернулась с подносом, на котором были чайник с чашкой и тарелочка с тонюсенькими тостами. А рядом ютились креманка с джемом и пашотница.

— Приятного аппетита, госпожа.

Ильда поставила поднос на небольшой столик, я устроилась за ним и налила в чашку светло-золотистый керский чай. Терпкий, чуть горьковатый, напоенный солнцем высокогорных плантаций и обласканный свежим ветром Аукского ущелья. Это вам не «волшебные» травки! Пусть Иль купила совсем немного, но если экономить, на пару недель нам хватит.

Я неторопливо пила ароматный чай, разглядывала знакомый до последней крапинки фарфоровый чайник, и продумывала, что лучше надеть на встречу с «мужчиной моей мечты». Это должно было быть что-то такое, что поразило бы несчастного кандидата в самое сердце, заставило бы его забыть о разуме и отдаться инстинктам, вынудило бы смотреть только на меня и желать… Желать сделать что угодно, только бы заполучить меня в безраздельное владение.

— Достань синее бархатное платье, — сделав глоток восхитительно крепкого чая, велела служанке.

— То самое? — переспросила Иль, глядя на меня с сомнением и долей растерянности.

— Да.

— Но ведь…

— Не обсуждается, — оборвала я Ильду, пре-

красно понимая, почему она растерялась.

Синее платье я надевала в день своего совершеннолетия. Оно было из той, благополучной жизни, и я берегла его, как могла, пытаясь сохранить остатки прошлого в неприкосновенности. Но сейчас… Сейчас у меня не осталось выбора. Именно это платье могло преподнести мою внешность самым выигрышным способом. Оно было того же оттенка, что и мои глаза, подчеркивало их глубину, мягко подсвечивало нежный тон кожи и золото волос.

— Ну, как знаете, госпожа Кэролайн, — проворчала Ильда, и ее голова исчезла в недрах шкафа.

— Вот, — спустя несколько минут произнесла служанка, доставая завернутый в тонкую ткань наряд. — Совсем новое, вы его и надели-то всего один раз, на балу в честь вашего совершеннолетия. А на следующий день господин Роберт сделал вам предложение. Как сейчас помню, он такой счастливый был, воодушевленный, и на вас прям наглядеться не мог.

В темных глазах Ильды появилась непривычная мягкость.

— Очень он вас любил, — расправляя платье и разглядывая его, негромко добавила служанка.

Любил… А еще он любил вино и карты, раз-

влечения и всех, без разбора, женщин. Но все это я узнала уже позже, а тогда… Тогда я была юной восторженной девочкой, влюбленной и не замечающей ничего вокруг, не обращающей внимания ни на недовольство отца, ни на мягкие уговоры матушки. О нет. Я любила и была уверена, что буду счастлива с Робертом до конца жизни. Как легко верить в подобные сказки, когда тебе восемнадцать!

— Пойду приведу его в порядок, — оборвала мои воспоминания Ильда.

Она взяла платье и вышла из комнаты, но вскоре вернулась, помогла одеться и застыла, глядя на меня с нескрываемым восхищением.

Что ж, я никогда не была тщеславной и не кичилась своей внешностью, но сейчас, разглядывая собственное отражение, готова была признать правоту дядюшки Джобса, который называл меня настоящей красавицей.

«Твоя внешность, Кэри, это беда для мужчин, — говорил он. — Каждый из них захочет тобой обладать. И каждый будет несчастен, потому что в сочетании с твоим милым личиком идет острый ум и верное сердце, а это не та смесь, которую способен переварить заурядный мужчина. Нет, Кэри. Тебе нужен тот, кто сумеет оценить по до-

стоинству не только твою привлекательность, но и разглядит за броской красотой золото души».

Эх, дядя-дядя… Где ж такого найти? Да и есть ли такие?

Я усмехнулась, наблюдая, как женщина в отражении усмехнулась в ответ, и вскинула подбородок.

«Давай, Кэри! У тебя все получится. Не может не получиться. У этих несчастных просто нет шансов».

***

— Вы к кому? — мелкий служащий совета поднял голову от учетной книги и уставился на меня поверх сползших на нос очков.

На круглом, лишенном растительности лице было написано тупое безразличие.

— К господину секретарю, — улыбнулась я, но бездушный чурбан даже не дрогнул.

— Вы записаны?

— Нет, но уверена, что господин Поул меня примет.

— Прием только по записи, — отрезал чиновник, склонился над книгой, и его перо снова заскрипело по бумаге.

— Доложите господину секретарю, что пришла

госпожа Дерт, — не отступала я.

— Не могу. Прием только по записи, — уперся служащий.

Я бросила взгляд на табличку, стоящую на конторке, и мягко попросила:

— Послушайте, господин Эберли, вы ведь можете оказать мне услугу?

Зажатая в моей руке мелкая монета перекочевала на стол и тут же исчезла, прихлопнутая толстой ладонью чиновника, а я постаралась применить свою магию убеждения.

— Мне очень нужно увидеть господина секретаря, — попросила, не отрывая взгляда от блестящей лысины служащего.

— Хорошо, — не поднимая головы, произнес тот. — Займите очередь перед кабинетом и ждите. Как только пройдут все, кто записывался, вы сможете попасть на прием.

Перо заскрипело с удвоенной силой.

— Благодарю, господин Эберли, — улыбнулась в ответ и направилась к кабинету Поула.

Городской совет занимал три этажа большого особняка, построенного архитектором Бернсом. К слову, Бернсом было построено не только здание совета. Он спроектировал большинство общественных учреждений в Уэстене: полицейскую

управу, железнодорожный вокзал, мужскую гимназию и реальное училище. А еще — дома самых известных городских богачей — Кейнов, Рочеров, Барри и Стаксов.

Я поднималась по лестнице, вспоминая, как приходила сюда с отцом. Тогда нам не было нужды записываться на прием, полковнику Логану Уэтерби были открыты двери любого кабинета, и каждый чиновник совета за честь почитал поговорить с моим папенькой.

Я поднялась на второй этаж и свернула направо, к кабинету Поула, перед которым толпились посетители. Навскидку насчитала шесть человек. Это ж сколько мне ждать придется?

Я подошла к скамье и села на свободное место рядом с ветхой старушкой в черном платье и старомодном кружевном чепце.

— Вы тоже к господину секретарю? — тут же повернулась ко мне пожилая дама. — Так и я уже второй день хожу, — не дожидаясь ответа, зачастила она. — Сынок мой, Уиллар, скончался в прошлом месяце, вот, надеюсь пенсию получить. Он ведь у меня единственным кормильцем был.

Она достала из видавшей виды сумочки платок и утерла им глаза, а потом громко высморкалась и уставилась на меня беспокойным ищущим

взглядом. Однажды я уже видела такой. У мамы. Она смотрела на отца, на его безжизненно повисшую руку и смотрела на меня с растерянностью и какой-то детской беззащитностью, словно ожидая, что я скажу, что все в порядке и папа просто уснул.

— Я уж господину секретарю объяснила, что за беда меня к нему привела, он обещал разобраться, велел завтра приходить. Я и пришла, жду вот, когда он меня вызовет, — продолжала рассказывать старушка.

— Кому она нужна со своей пенсией? — тихо проворчал стоящий поодаль пожилой господин в плохо сшитом нанковом костюме. — Никто ей ничего не заплатит, сына ее за пьянку еще месяц назад из управы уволили, так что не положено старухе ни олдера.

— Это ж завсегда, пока работаешь, так нужен, а как помрешь — никому и дела нет, — не к месту произнесла дородная дама в темно-лиловом платье, сидящая по другую руку от старушки, и, достав из ридикюля завернутый в салфетку пирожок, отломила большой кусок и отправила его в рот. — Сплошная несправедливость, — невнятно пробубнила она.

— Уж такой господин секретарь обходитель-

ный, — не слышала никого старая дама. — Всенепременно разберемся, говорит. И все так ласково, и под ручку меня. Сам из кабинета проводил. Очень хороший человек, дай ему Бог здоровья.

Я с сочувствием посмотрела на нее и вздохнула. Вряд ли Поул поможет. Если все так, как говорит тот «нанковый» господин, то не видать несчастной ни пенсии, ни компенсации.

Когда сгорел родительский особняк, я тоже надеялась на то, что получу от страховой фирмы причитающиеся деньги. Да только не вышло. Оказалось, что действие страховки закончилось ровно за полчаса до пожара — дом загорелся в полпервого ночи, а страховка действовала до двенадцати. И мой отец не успел ее продлить — долгая тяжелая болезнь отняла у него память, а мама была далека от дел и слишком расстроена папиным состоянием, чтобы проследить за управляющим и суметь остановить наше разорение.

Я вспоминала полыхающий огонь, неподвижное тело папы, безумный крик маменьки, ее побелевшее лицо и закатившиеся глаза… И два гроба у алтаря уэстенской церкви. Мама не отпустила отца на тот свет одного, ушла вслед за ним. Доктор Лесли сказал, сердце не выдержало, но я-

то знала, что матушка просто не захотела жить.

Я так глубоко задумалась, что не сразу заметила нового посетителя.

Взгляд скользнул по блестящим ботинкам, поднялся выше, остановился на знакомом надменном лице, и до меня медленно дошло, кто это. Кейн. Снова он.

Банкир взялся за ручку, собираясь войти в кабинет секретаря, и тут меня словно пружиной подкинуло.

— Здесь очередь, лорд Кейн, если вы не заметили, — сказала, с вызовом глядя на пирата.

— Госпожа Дерт, — чувственные губы растянулись в насмешливой улыбке. — Хотите, чтобы я впустую потерял полдня? Боюсь, мое время слишком дорого, чтобы тратить его так расточительно.

— Ваше время не дороже моего, лорд Кейн, — в том же тоне ответила мужчине.

Пират оценивающе осмотрел мое платье, задержался на груди, потом взглянул в глаза и усмехнулся.

— Что ж, очень может быть, — после небольшой паузы, произнес он. — Проходите.

Кейн распахнул дверь.

— Ну что же вы? — поторопил он. — Прошу.

Даже так? Его всемогущество дает мне возможность пройти без очереди?

Я гордо вскинула голову и шагнула в кабинет, ожидая, что Кейн закроет за мной дверь, но нет. Несносный пират вошел следом и взял меня под руку, придерживая и не позволяя сделать ни шагу.

В просторной комнате пахло слежавшимися газетами и табаком. Вот уж не думала, что Поул курит. Сам хозяин кабинета сидел за большим столом, на котором в идеальном порядке располагались письменные приборы, бронзовое пресс-папье, несколько разноцветных папок и раскрытая книга для записей. Сегодня Мередит выглядел совсем иначе — он казался надменным и важным, а в глазах его застыло осознание собственной значимости. Ничего общего с тем дерганым и неуверенным человеком, которого я видела на балу.

— Я же просил никого не входить, — недовольно процедил он, не поднимая глаз от бумаг.

— Добрый день, господин секретарь, — негромко поздоровался Кейн, и я усмехнулась, глядя, как меняется выражение худого лица.

— Лорд Кейн, какая приятная неожиданность! — покраснев, воскликнул Поул.

Он выскочил из-за стола и кинулся к двери.

— О, госпожа Дерт, и вы здесь! Поистине, сегодня удивительный день! — остановившись перед нами, зачастил Поул. — Рад, несказанно рад!

Секретарь кланялся и изгибался в угодливом поклоне, а я смотрела на него и думала о том, что не могу представить себя его женой. Как можно жить рядом с мужчиной, которого не уважаешь?

Улыбаться ему, слушать заискивающий голос и видеть, как он пресмыкается перед сильными и богатыми…

— Итак, чем могу служить, лорд Кейн? — заглядывая моему спутнику в глаза, лебезил Поул. Мне показалось, еще немного, и он начнет лобызать банкиру руки.

— Мой вопрос подождет, — усмехнулся Кейн, еле заметно подтолкнув меня вперед. — С удовольствием уступаю даме право начать первой.

В темно-серых глазах заплясали озорные огоньки. Уверена, Кейн прекрасно понял, что я пришла к Поулу с намерением подцепить его на крючок, и банкиру было любопытно посмотреть, как я буду выкручиваться.

Проклятый флибустьер! Как ему это удается? Мне всего-то и нужно было перекинуться с Поулом парой слов и коснуться его руки, применив

малую толику внушения, а что теперь? Не могу же я пользоваться магией при Кейне? Тот вполне может ее почувствовать, он ведь тоже маг!

Я лихорадочно соображала, что сказать.

— Господин секретарь, я хотела бы узнать насчет страховки, — решила воспользоваться давним случаем и занять мысли мужчин былым пожаром. — Когда сгорел особняк моих родителей, мне так и не удалось получить причитающиеся деньги. Не могли бы вы рассмотреть мое дело и посоветовать, как добиться от компании «Мерчем и Давенпорт» компенсации?

— Одну минутку, — засуетился Поул.

Он кинулся к высокому шкафу, открыл его и нажал кнопку небольшого магического табло. Оказывается, совет разорился на новую систему учета. Удивительно, учитывая, какой скряга наш мэр!

— В котором году случился пожар?

Чувствовалось, что Поул слегка рисуется передо мной.

— В девяносто четвертом, — ответила, наблюдая за деловитым секретарем.

— Так, тысяча восемьсот девяносто четвертый, — пробормотал тот, внося цифры в появившуюся таблицу. — Кэролайн Виктория Уэтерби

Дерт, Логан Пакс Уэтерби и Эдит Мария Уэтерби. Ага. Вот ваши бумаги.

Он вытащил появившуюся из шкафа папку и принялся просматривать документы.

— Надеетесь запудрить ему мозги? — услышала я тихий вопрос Кейна и почувствовала пирата за своей спиной — близко, слишком близко, так, что ощутила аромат туалетной воды и свежее дыхание мужчины.

— Вы обо мне слишком плохого мнения, милорд, — так же еле слышно ответила я. — Интересно, почему?

— Я и в целом не очень высокого мнения о женщинах, — наклонившись ко мне и задевая губами мочку уха, усмехнулся тот. — Опыт, — пояснил он.

— У вас какой-то неправильный опыт, милорд.

Я сделала шаг вперед, уходя от нежеланной близости.

— Не стоит применять его ко всем женщинам без разбору, — я постаралась, чтобы голос звучал ровно, но что-то внутри меня дрожало, и эта дрожь просачивалась в произносимые слова, как мука сквозь сито.

— Считаете себя особенной? — серые глаза стали темнее, в них появился опасный хищный

огонек. — Не такой, как все?

Ответить я не успела. Поул обернулся ко мне и с сожалением произнес:

— Простите, вдова Дерт, но я ничем не смогу вам помочь. По бумагам выходит, что на момент пожара особняк уже не был застрахован.

Как будто я этого не знала!

— Неужели совсем ничего нельзя сделать?

Я посмотрела на секретаря печально и чуточку беспомощно. Раз уж невозможно было воспользоваться внушением, стоило хотя бы вызвать сочувствие и желание защитить.

— Увы, — расстроенно вздохнул секретарь. — Я был бы рад вам помочь, но в данном случае бессилен.

Он нервно хрустнул пальцами. На тонком бледном лице снова вспыхнул румянец.

— Что ж, не буду отнимать у вас время. Спасибо, что выслушали, господин Поул.

Я улыбнулась краешками губ и послала секретарю особенно нежный взгляд. И даже еле слышный смешок Кейна меня не остановил.

— Всего доброго, господа, — я посмотрела на Поула, потом на банкира и пошла к двери, чувствуя на своей спине пристальные взгляды мужчин.

***

«Бессовестный флибустьер! — негодовала я, спускаясь по лестнице и пересекая просторный холл. — Почему он не может оставить меня в покое? С чего вдруг такой интерес? За те полтора года, что Кейн провел в Уэстене, мы с ним ни разу не пересекались, а тут уже четвертая встреча за две недели. Что ему от меня нужно?»

На ум приходило только одно — лорду стало скучно и захотелось новых ощущений. И я даже представляла, что именно он планирует. Куда как интересно уложить в постель добродетельную вдову и похвастаться потом перед приятелями, что «неприступная цитадель», которую ни один из них взять не смог, пала к его ногам.

Только Кейн заблуждается. Ни к чьим ногам я падать не собираюсь. Не нравится мне такая унизительная позиция.

— Всего доброго, госпожа, — открывая передо мной дверь, попрощался привратник.

— До свидания, — кивнула в ответ.

Дверь бесшумно закрылась за моей спиной, и я оказалась в гуще толпы. Повеяло влагой, мокрой шерстью и типографской краской.

В утренние часы на Келлер-роу всегда было

многолюдно и шумно. Но это неудивительно. Городской совет находился на главной улице Верхнего Уэстена, рядом располагались почта и «Уэстенский вестник», напротив высилось четырехэтажное здание полицейской управы, а чуть дальше начиналась Арвер-роу — улица богачей, на которой жили самые известные семьи Уэстена. Можно сказать, центр города, его сердце и средоточие основных богатств.

Я смотрела на двигающиеся по дороге ребсы и экипажи, на спешащих по своим делам прохожих и вездесущих мальчишек-разносчиков и думала о том, что делать. Сегодня у меня был назначен урок с Бертиль Рент, но до него оставалось еще больше полутора часов. Если прийти на урок раньше, это будет выглядеть не очень красиво. Я рассчитала время с учетом очереди в приемной Поула, но благодаря Кейну покончила с делами гораздо раньше. Правда, толку-то с того? Домой возвращаться глупо, но и бродить по городу просто так тоже неразумно. Может, зайти пока в «Ласкари», посмотреть на новые модели? То, что у меня нет денег на обновки, еще не повод отказываться от развлечений. А что такое дамский магазин, как не развлечение? Тут тебе и услужливые продавщицы, и изящные наряды, и

разноцветные ленты, и тончайшее белье.

Я представила душистый женский рай и решительно направилась к яркой вывеске «Ласкари» — большого двухэтажного универмага, расположенного на пересечении Келлер-роу и Арвер-роу. Бесшумные лифты, красные ковровые дорожки на лестницах, обилие позолоты и зеркал — все намекало о соседстве с одним из самых престижных кварталов Уэстена.

Я вошла в крутящиеся двери и огляделась.

В магазине было многолюдно. Похоже, все уэстенские дамы решили наведаться к мэтру Ласкари именно сегодня. Я заметила Мелинду Коуэнн, загородившую собой прилавок с аксессуарами, рядом с ней стояла ее кузина и что-то восторженно щебетала, примеряя длинные шелковые перчатки, чуть поодаль виднелась рыжая шевелюра Сары Браун — дочери мэра, а из обувного отдела доносился низкий голос Эмилии Тернер, супруги владельца верфи.

Я огляделась и направилась к стойке, за которой стояла миловидная шатенка.

— Чем могу помочь, госпожа? — заученно улыбнулась та.

— Я хотела бы посмотреть новую коллекцию.

Ответить девушка не успела.

— Кэри! — услышала я знакомый голос и, обернувшись, увидела кузину Элизабет. — Ты тоже решила заглянуть в «Ласкари»?

Бет говорила слегка в нос, проглатывая окончания слов на столичный манер.

— Уже видела осенние новинки? Мэтр утверждает, что в этом сезоне в моде теплые цвета и глубокие винные тона. Ах, они мне так идут! Я готова скупить все!

Я слушала воодушевленную кузину и улыбалась ей, а в душе шла борьба. Может, рискнуть? Что, если Элизабет захочет помочь? Нет, для себя я бы просить не стала, но дядюшка Ирвин… С каждым днем ему все хуже, а я никак не могу найти денег, чтобы полностью погасить последний и самый малый из всех его долгов, на который не хватило вырученной от продажи дядиного особняка суммы.

Я задумчиво смотрела на кузину. Вообще-то Бет всегда была довольно доброй. До замужества. Это господин Кроу на нее повлиял, но сейчас она одна, без мужа, так почему бы не попробовать?

— Мэтр Ласкари такой талант! Ты бы видела мое новое платье для Авадана! Это просто невероятный шедевр! — щебетала Элизабет.

— Бетси, ты давно навещала дядюшку Джоб-

са? — решившись, прервала я восторги кузины.

Та сбилась, посмотрела на меня непонимающим взглядом, а потом нахмурилась.

— Фу, Кэри, о чем ты говоришь? Чтобы я пошла в то страшное место? Ни за что!

Бет поджала губы и быстро огляделась вокруг. Видимо, не хотела, чтобы кто-то из знакомых услышал наш разговор. Что ж, я ее понимала, но отступать не собиралась.

— Но ведь ты же помнишь, как дядя Ирвин тебя любил? А пони? Ты помнишь пони, которого он подарил тебе на день рождения? Как его звали? Мальчик?

— Мальчик, — кивнула Бетси. — Это был самый лучший пони на свете.

Лицо ее стало задумчивым, с него исчезло то надменное выражение, которое появилось в последние годы.

— А помнишь, какие магические игрушки он привозил из Араукара? Таких ни у кого больше не было. Неужели тебе не жаль дядюшку, Бет? Ему ведь недолго осталось. Если бы ты его навестила или хотя бы одолжила для него немного денег…

Договорить я не успела.

— Деньги! — оборвала меня Бет. — Вот оно, то, о чем предупреждал Бенджамин. Вам всем нужны

от нас только деньги!

Ее голубые глаза стали холодными, губы сложились в презрительную усмешку.

— Можно подумать, они нам с неба падают! — процедила кузина. — Между прочим, мой муж трудится в поте лица и экономит каждый кер, чтобы обеспечить наше будущее, а дядя Ирвин растратил все свои средства впустую. И я не собираюсь помогать тому, кто пустил состояние по ветру! Я для этого недостаточно богата.

— Ваши покупки уже упаковали, госпожа, — вырос рядом с нами круглый, как сдобная булка, приказчик. — Через несколько минут их доставят по вашему адресу. Желаете еще что-нибудь посмотреть?

— Да, мне нужны пять ярдов кружевной тесьмы и дюжина жемчужных пуговиц, — тут же переключилась Бетси. Она мазнула по мне взглядом и холодно попрощалась: — Всего хорошего, кузина Кэролайн. И кстати, это платье давно уже вышло из моды, — не удержалась она от шпильки. — Ты выглядишь в нем старомодной матроной.

— И тебе всего хорошего, кузина Элизабет, — усмехнулась я. — Надеюсь, винные оттенки удачно подчеркнут твою белоснежную кожу, — позволила себе ответную колкость, вспомнив, что

Бет всегда страдала из-за смуглого цвета лица.

Оборки модной юбки взметнулись, приоткрыв изящные ножки в шелковых чулках, и кузина поспешно направилась к стойке с аксессуарами, а я, улыбнувшись продавщице, ставшей невольной свидетельницей нашего разговора, развернулась и пошла к выходу.

Настроение рассматривать платья безвозвратно пропало.

Глава 4

К полковнику Ренту я пришла чуть раньше назначенного срока.

Постояла пару минут перед оградой с идеально постриженными кустами, вскинула взгляд на старинный, построенный в прошлом веке особняк, и попыталась собраться. От того, как пройдет этот визит, зависело мое будущее. С Поулом затея провалилась, так что мне не оставалось ничего другого, как обаять полковника Рента, причем, как можно быстрее.

Я ущипнула себя за щеки — нехитрый проверенный способ вызвать румянец, — вскинула подбородок и постучала бронзовой ручкой в дверь. Через несколько секунд та открылась.

— Госпожа Дерт, — сдержанно поприветствовал меня дворецкий полковника.

Джером и сам был похож на отставного военного: высокий, крупный, с густыми седыми бакенбардами и коротко стрижеными волосами, он выглядел настоящим воякой и даже передвигался так, будто маршировал по плацу. При общении с дворецким мне все время казалось,

что еще немного, и Джером щелкнет каблуками и возьмет под козырек.

— Добрый день, господин Джером, — поздоровалась я, входя в дом и отдавая дворецкому ридикюль.

В длинном узком холле было привычно тихо, и только из-за дверей гостиной долетали еле слышные звуки рояля. Видимо, Бертиль решила подготовиться к моему приходу.

— Господин полковник дома? — спросила я, пытаясь привыкнуть к полумраку особняка. После дневного света контраст был разительным.

— Да, госпожа, — ответил дворецкий. — Хозяин сейчас в кабинете.

Несмотря на то, что я была всего лишь приходящей учительницей, в доме полковника ко мне относились с должным уважением. Надо сказать, в этом была заслуга самого Рента. Он всегда вел себя со мной так, будто я даю уроки музыки не за деньги, а по доброте душевной, и слуги это видели.

— Проводить вас к господину? — уточнил Джером, и я в который раз подивилась его проницательности.

Не знаю как, но дворецкий полковника умудрялся знать все и обо всех. И при этом из него

невозможно было и слова лишнего вытянуть. Не удивлюсь, если Джером раньше служил в разведке. Интересно, как много он понял про мои намерения?

— Нет, я к Бертиль, — отрицательно качнула головой, стараясь не углубляться в ненужные размышления.

Что мне до мнения дворецкого? Джером может считать меня кем угодно, это совершенно неважно.

— Как скажете, госпожа Дерт, — бесстрастно произнес Джером.

По его лицу невозможно было понять, что он думает на самом деле.

Я сняла шляпку, поправила волосы и пошла в гостиную. Тонкий ковер на полу приглушал мои шаги, не позволяя нарушить тишину старого дома. Джером чеканил шаг чуть впереди. Он дошел до гостиной и взялся за вычурную бронзовую ручку. Высокие дубовые двери бесшумно открылись и так же бесшумно закрылись за моей спиной, и я попала в большую, заставленную тяжелой старомодной мебелью, гостиную. Обстановка комнаты была дорогой, но немного мрачной — громоздкие, обитые коричневым бархатом диваны и кресла, покрытые блестящим лаком горки, темно-синие

с витиеватыми золотистыми узорами обои и большой концертный рояль. На придвинутой к нему скамье сидела бледная худенькая девочка и сосредоточенно играла «Кариэту» Кейне.

В воздухе стоял едва уловимый аромат засохших роз и восковой мастики.

Стоило мне войти, как звуки вальса оборвались, и моя ученица подняла голову и уставилась на меня своими странными, совсем не детскими глазами. Привычно стало не по себе под этим отрешенным, словно невидящим взглядом, но я так же привычно взяла себя в руки.

— Здравствуй, Бертиль, — улыбнулась девочке.

— Добрый день, госпожа Дерт, — после небольшой паузы тихо поздоровалась та, и ее лежащие на клавишах руки беспокойно дернулись.

Бертиль смотрела на меня пристально, не мигая, словно гипнотизируя. Бледные губы девочки чуть приоткрылись, и мне показалось, что она что-то шепчет.

— Ты подготовилась к уроку?

Я постаралась не обращать внимания на все эти странности.

— Да, госпожа Дерт, — кивнула Бертиль и уткнулась в ноты, но тут же вскинула взгляд на вошедшего в комнату отца.

— Госпожа Кэролайн, вы уже пришли? — спросил полковник.

Он, прихрамывая и опираясь на трость, подошел ко мне и, вместо того, чтобы просто поклониться, взял мою руку и поднес ее к губам.

Сердце радостно подпрыгнуло. Боже! Выходит, вчерашнее внушение все же подействовало?

— Счастлив видеть вас в добром здравии, — голос Рента прозвучал непривычно взволнованно.

Да и сам полковник выглядел не так, как обычно. Сегодня на нем был новый костюм из далесской шерсти, белоснежная сорочка и красивый шелковый галстук, повязанный каким-то мудреным узлом. На смуглой щеке Рента я заметила свежий порез. Похоже, незадолго до моего прихода полковник брился.

— Вы не против моего присутствия на уроке? — с неохотой отпуская мою ладонь, спросил он.

— Разумеется, нет, — улыбнулась в ответ, добавив капельку внушения. Совсем немного, почти на грани обычной симпатии. — Мы с Бертиль будем только рады, правда, Бертиль? — посмотрела на девочку.

Та снова молча кивнула и перевернула страницу нотной тетради.

За тот год, что мы занимались, я так и не смогла

заставить ученицу раскрыться. Дочь полковника росла замкнутым ребенком, почти ни с кем не общалась, и только музыка позволяла немного вытащить на свет то, что пряталось за насупленными светлыми бровями и угрюмой молчаливостью.

— С чего хочешь начать? С Кейне или со Струмана?

Я подошла к роялю и встала рядом с ученицей, разглядывая ее идеально ровный пробор и тонкие светлые косы, в которые были вплетены темные шелковые ленты. Взгляд опустился ниже, на унылое серое платье и черные чулки, и я вздохнула. Странный выбор одежды для маленькой девочки.

В душу прокралась жалость. И, как это часто бывало и раньше, захотелось обнять не в меру серьезную девчушку, защекотать ее, заставить рассмеяться. Все, что угодно, только бы не видеть этой невыносимо печальной мины. Дети не должны быть такими тихими. Это противоестественно.

— Бертиль? — переспросила у задумавшейся ученицы.

Та разгладила ладонями сгиб нотного сборника, а потом перевернула несколько страниц и

остановила пальчик на «Эшерской рапсодии».

— Хорошо, значит, Струман, — согласилась я.

Попробовала бы не согласиться! При всей своей молчаливости, Бертиль была на редкость упрямой и своенравной. Нет, она не кричала и не устраивала истерик, но совершенно не терпела, когда ее пытались к чему-то принудить, и мне приходилось с этим считаться. Как и со многими другими странностями.

Полковник тяжело опустился в кресло и достал трубку. Покрутив ее в руках и покосившись на дочь, отложил на стол. А потом чуть подался вперед и замер, уставившись на крышку рояля.

Не знаю, что за мысли бродили в его голове, но мне стало немного не по себе при виде его крупной фигуры. Наверное, я впервые заметила, какие большие у него руки.

Рент напоминал Аук-дан — мрачную, похожую на спящего великана гору в окрестностях Уэстена. Его лицо с высоким лбом и тяжелой квадратной челюстью трудно было назвать красивым, но было в нем что-то, что привлекало внимание и одновременно настораживало. И я впервые задумалась о том, что будет, если мы с полковником поженимся. Сумею ли я с ним ужиться? Вряд ли он потерпит, чтобы жена попыталась

проявить свою волю. И что тогда делать? Я ведь не отличаюсь кротким нравом, который так ценят уэстенцы в женщинах. Нет, какое-то время я, конечно, смогу притворяться, но надолго ли меня хватит?

«Прекрати выискивать отговорки!» — одернула себя и присела на стул рядом с Бертиль.

— Начнем? — отложив размышления на потом, улыбнулась ученице.

Бертиль сосредоточенно нахмурилась, положила руки на клавиши, и из-под ее пальчиков полились тихие звуки. Поначалу они были неуверенными, смазанными, но потом девочка освоилась, забыла о слушателях и стала играть гораздо лучше. А вторую часть так и вовсе неплохо.

Я наблюдала за движениями тонких рук, смотрела на сосредоточенное бледное лицо, на закушенную от усердия губу и думала о том, как быть.

Хочу ли я войти в эту семью? Сумею ли подстроиться под новые обязанности и новый жизненный уклад? Ведь в нем не будет места милым мелочам и той свободе, к которой я привыкла. Смогу ли привыкнуть и полюбить этот мрачный дом и его обитателей? На сердце ста-

ло неспокойно. Я смотрела на свою ученицу и пыталась понять, как она отнесется ко мне, если выяснится, что я стану ее мачехой? Сумеет ли принять мою любовь и желание помочь? Позволит ли отцу жениться? Сложные вопросы.

Я знала, что полковник души не чает в своей дочери. После смерти жены, умершей родами четыре года назад, Рент совсем не обращал внимания на женщин. Мрачный, нелюдимый, замкнутый, он жил почти отшельником, и только в последний год немного оправился и стал выходить в свет. Сын и наследник, которого так ждал полковник, умер через три дня после госпожи Рент, так что всю любовь и все силы полковник посвятил единственной дочери. И если та всерьез воспротивится его новому браку, то ее отец с легкостью пожертвует собственным счастьем и своими желаниями, и никакое магическое внушение тут не поможет.

Я покосилась на Рента и наткнулась на внимательный задумчивый взгляд. Похоже, полковник тоже о чем-то размышлял. Возможно даже, наши мысли текли в одном направлении. Казалось, Рент взвешивает за и против того судьбоносного решения, к которому я его подталкивала.

В карих глазах застыл незримый вопрос, и я

поняла, что в этот момент решается мое будущее. Именно здесь и сейчас. Я чувствовала это обострившимися инстинктами, ощущала душой и не могла определиться, хочу ли брака с Рентом — немолодым, немногословным и совершенно закрытым мужчиной, или нет. Я словно воочию увидела, какой будет моя жизнь в этом мрачном доме: неторопливые обеды и ужины, занятия с Бертиль, редкие встречи с соседями, походы по воскресеньям в церковь и чинные ночи в темноте супружеской спальни.

Сердце снова тоскливо заныло, но я тут же шикнула на этот несносный орган. Казалось бы, такой маленький, а столько от него проблем и неприятностей, что просто невероятно! Любовь ему подавай…

«Ну же, Кэри, хватит глупостей! — решительно одернула себя. — Один раз ты уже вышла замуж по любви и что это тебе дало? До сих пор последствия расхлебываешь! Подумай лучше о дядюшке. Если Рент сделает предложение, то можно будет полностью выплатить дядины долги и вытащить старика из тюрьмы».

Я вспомнила худое, изможденное лицо дяди Ирвина и сжала кулаки. Не время поддаваться сантиментам. Пусть Рент немолод, пусть я не

очень хорошо представляю, сумею ли с ним ужиться, но если это замужество поможет нам с дядюшкой Джобсом удержаться на плаву, то никакие сомнения не помешают мне окрутить полковника.

— Молодец, Бертиль, — дождавшись, пока ученица доиграет рапсодию до конца, похвалила я. — А теперь давай повторим начало, до пятнадцатого такта, чтобы закрепить результат.

Девочка подняла голову и уставилась на меня тяжелым, совершенно взрослым взглядом. Казалось, она тоже что-то решает, и я не была уверена, что ее решение будет в мою пользу. Бесцветные глаза смотрели неприязненно, с презрительным превосходством.

— Не хочу, — резко сказала Бертиль, продолжая разглядывать меня так, будто я была мерзкой жабой.

— А чего хочешь?

Я старалась не терять невозмутимости.

— Хочу, чтобы вы ушли, — с вызовом ответила девочка.

Ее тонкие губы по-старушечьи поджались, в светлых глазах загорелся злой огонек.

— Бертиль, что ты такое говоришь? — растерянно спросил полковник. — Госпожа Дерт

настолько добра, что занимается с тобой. Ты должна относиться к ней с должным уважением.

— Она всего лишь прислуга, — холодно произнесла девочка.

М-да. Вот тебе и молчунья!

— Бертиль, немедленно извинись перед госпожой Кэролайн, — побагровел Рент. — Ты не смеешь… Госпожа Дерт — достойная дама и твои слова… Ты должна попросить за них прощения.

Он поднялся и, припадая на больную ногу, пересек гостиную.

— Бертиль? — нависнув над дочерью, настойчиво произнес полковник.

Та подняла на отца настороженный взгляд.

— Я жду, Бертиль, — нахмурился Рент.

— Простите, госпожа Дерт, — неохотно сказала девочка, не повернувшись в мою сторону и продолжая смотреть на своего отца.

— Ты готова перейти к Кейне? — я не стала заострять внимание на неприятном и перевернула страницу сборника.

Бертиль молча кивнула. Видно, поняла, что перегнула палку. Девочка уставилась в ноты, нахмурилась, а потом неуверенно заиграла вступление. И чем дольше она играла, тем понятнее становился смысл произошедшего. Как просто…

Бертиль не выучила «Кариэту», потому и решила сорвать урок. Видно, не хотела опозориться перед отцом, вот и напустилась на меня с оскорблениями, надеялась, что я обижусь и уйду. Ха! Если я из-за каждой мелочи буду бросать учеников, то ничего хорошего из этого не выйдет. Просчиталась девочка, меня таким не проймешь.

— Давай вместе, — мягко сказала я, накрывая холодные маленькие пальцы. В душе снова шевельнулась жалость, и захотелось прижать упрямую ученицу к себе, согреть своим теплом и заставить растаять тот ледяной комок, что засел в ее одиноком сердечке. — Вот так. Первый, третий, пятый, второй, третий, пятый и вступает вторая рука — третий, пятый, первый. Видишь? Все получается.

На бледных щеках вспыхнули красные пятна.

— А теперь давай сама.

Я отклонилась, позволяя Бертиль повторить трудное стаккато, и из-под ресниц взглянула на полковника. Тот стоял за спиной дочери и хмуро смотрел на клавиши рояля. В глазах его застыла тревога.

Мне стало жаль Рента. Наверное, это трудно, быть отцом девочки, да еще и столь своенравной, как Бертиль.

Та играла «Кариэту» с таким выражением, будто хотела разбить инструмент вдребезги, и я не выдержала.

— На сегодня достаточно, — прервала мучения рояля и слушателей. — К следующему занятию постарайся выучить произведение как следует.

Я поднялась со стула и посмотрела на Рента.

— Всего хорошего, господин полковник, — улыбнулась ему, с трудом найдя в себе силы применить каплю магии.

С каждой минутой моя затея казалась мне все более неосуществимой. Полковник не пойдет против дочери, а та сделает все, чтобы не позволить ему жениться. Что ж, надо отдать Бертиль должное, чутье у нее развито отменно — эта маленькая женщина поразительно точно угадала мои намерения, и тут же попыталась им воспрепятствовать. Может, у девочки есть дар интуита? Наверное, она считает, что я собираюсь забрать у нее отца. Глупо… Вернее, это я знаю, что это не так, но Бертиль…

— До свидания, Бертиль, — вздохнув, попрощалась с ученицей.

— До свидания, госпожа Дерт, — тихо ответила та, но в ее взгляде я прочла непримиримую решимость отстоять свое. — Папа, ты возьмешь меня с

собой на прогулку?

Бертиль повернулась к отцу и стиснула его руку. И этот собственнический жест лишь подтвердил мои догадки. Да, нелегко мне придется…

— Разумеется, дорогая, — кивнул полковник. — Только провожу госпожу Дерт.

Девочка ничего не ответила. Она медленно слезла с обитой бархатом скамьи и закрыла нотную тетрадь. Я видела, что она исподтишка наблюдает за мной. Незаметно, совсем как взрослая.

Я сделала вид, что ничего не понимаю, и пошла к выходу.

— Можно вас на два слова, госпожа Дерт? — уже у двери догнал меня полковник.

— Разумеется, — постаралась ответить как можно равнодушнее, не желая провоцировать девочку на глупости.

Мы с полковником вышли из гостиной, и он указал мне на дверь кабинета, расположенного как раз напротив.

— Прошу, присядьте.

Едва мы с Рентом оказались в небольшой, скромно обставленной комнате, он подвел меня к грубоватому, обитому кожей креслу, и помог сесть, а сам замер рядом.

— Вы позволите? — вынув из кармана кисет, спросил полковник.

— Конечно, курите.

Я рассматривала кабинет, понимая, что именно эта комната точнее всего отражает характер Рента. Если гостиная и холл выглядели тяжеловесными и помпезными, созданными не для удобства, а для демонстрации статуса и богатства, то в этом убежище явно прослеживались вкусы самого Рента. Обитый зеленым сукном письменный стол, плавающая над ним магическая лампа, небольшой шкаф, заставленный книгами по выездке лошадей и фортификационным сооружениям, старинная карта Эшера на стене. В комнате не было ни одной лишней детали, ни одного украшения, даже пресс-папье выглядело простым и функциональным — обычный камень, которому придали нужную форму.

Я перевела взгляд на Рента и поймала себя на мысли, что он кажется мне похожим на этот самый камень — жизнь придала полковнику нужную форму, заковав в мундир традиций и правил, и вряд ли он когда-нибудь от них отступит.

— Госпожа Дерт, — так и не закурив, начал Рент. — Кэролайн… Вы позволите мне так вас

называть? — он бросил на меня взволнованный взгляд, но не стал дожидаться ответа и продолжил: — Я хотел бы принести извинения за выходку Бертиль. Не знаю, что случилось с моей дочерью, но обещаю поговорить с ней и примерно наказать. Она не должна была…

— Господин Рент, не нужно, — остановила я полковника, словно невзначай коснувшись его руки. — Не стоит ее наказывать. Думаю, Бертиль уже поняла, что была неправа.

Вряд ли, конечно, но что еще я могла сказать?

— Видите ли, госпожа Кэролайн, — вздохнул Рент. — Я не очень разбираюсь в вопросах воспитания. Бертиль слишком рано осталась без матери, она растет без женского присмотра, и мне… Я бы хотел…

Он запнулся, подбирая слова, и я затаила дыхание. Если чутье меня не подводит, Рент готов сделать предложение.

Я смотрела на серьезное лицо, на глубокие морщины, пересекающие высокий лоб, на резкие складки у губ, на кустистые брови и ждала. Ждала тех слов, что навсегда изменят мою жизнь. Ну же! Почему он медлит?

— Простите, вам, наверное, не слишком интересно слушать о наших проблемах, — неожи-

данно произнес полковник. Он подошел к столу, положил трубку и открыл один из ящиков. В карих глазах застыло сомнение. — Вот, тут плата за сегодняшний урок, — на зеленое сукно легли три монеты. — Прошу вас, госпожа Дерт, не принимайте близко к сердцу слова Бертиль. Она вас очень любит.

— Да, разумеется, — скрыв разочарование за улыбкой, поднялась с кресла. — Не переживайте, господин полковник, я все понимаю.

Я действительно понимала. После сегодняшней сцены полковнику нужно подумать, поговорить с Бертиль, попытаться ее уломать. И уже тогда… Боже, как же все сложно! Применить свою магию к Бертиль я не могу, она ведь еще ребенок и неизвестно, как на ней отразится постороннее внушение, а время идет, и ждать, когда полковник решится… Может, все-таки Поул?

Рент кивнул, снова взял со стола трубку и посмотрел так, будто не знал, что с ней делать.

— До свидания, господин полковник, — попрощалась я и решительно направилась к выходу.

«Что ж, Кэри, поражения нужно уметь принимать с достоинством, — вскинув голову, сказала самой себе. — Если закрылась одна дверь, где-то обязательно откроется другая».

Я вышла из кабинета, миновала холл и, попрощавшись с Джеромом, шагнула в серую непогоду.

***

— Дамочка, вас подвезти? — послышался веселый голос.

Рядом со мной остановился ребс, и с козел свесился молодой вихрастый парень. Круглое лицо пересекала широкая улыбка, из-под сдвинутого на затылок картуза смешно топорщились острые уши с кисточками на концах, руки, держащие вожжи, украшали крупные темные когти. Оборотень. Интересно, какая нелегкая занесла его в Уэстен? Обычно хвостатые избегают городов, предпочитая селиться поближе к природе, там, где они могут не скрывать свою вторую сущность, а этот почему-то в извозчики затесался. Одиночка? Или изгнанник?

— Негоже благородной леди пешком идти, — не отставал парень. — Садитесь, недорого возьму.

— Спасибо, мне недалеко, — отказалась я.

Не хватало еще с оборотнями разъезжать. Мало мне сплетен? И так весь город только обо мне и говорит. Точнее, о моей несостоявшейся помолвке.

— Так и быть, прокачу бесплатно, — не унимал-

ся извозчик. — Ну же, дамочка, не стесняйтесь. Моя карета в вашем полном распоряжении.

Он взмахнул рукой, описывая круг. Видимо, этот жест показался оборотню верхом галантности, потому что он довольно улыбнулся и подмигнул.

М-да. Веселый малый. Я уже собиралась отказаться, но случайно бросила взгляд на противоположную сторону улицы и беззвучно выругалась. На тротуаре, по диагонали от меня, застыла Долли Марчем и с жадным любопытством взирала на происходящее представление. Следит она за мной, что ли?

Я с трудом сдержала крепкое словцо. Нельзя допустить, чтобы старая сплетница перешла через дорогу и привязалась ко мне с расспросами, не в том я сейчас настроении, чтобы вежливо выслушивать фальшивое сочувствие. Нужно бежать, пока Долли не опомнилась.

— Ладно, поезжай к Найсберри, — велела оборотню и поднялась на ступеньку. — Остановишь у главных ворот.

— Слушаюсь, нера, — довольно произнес парень, обращаясь ко мне на старинный манер. — Доставлю в лучшем виде. Устраивайтесь поудобнее, — дождавшись, пока я займу место в

кабинке, сказал он и залихватски прикрикнул на лошадей: — Но! Пошли, бедовые!

Пристяжные резко тронулись с места, ребс дернулся и с грохотом покатил по булыжной мостовой, оставляя позади и дом полковника Рента, и мои несбывшиеся надежды, и раздосадованную Долли Марчем.

Я уставилась в окно, задумчиво разглядывая пролетающие мимо дома. Ребс потряхивало на поворотах, в голове крутились мысли о произошедшем, на сердце было неспокойно. Стоит ли продолжать «осаду» Рента, или переключиться на Поула? Вроде бы полковник был уже почти готов к предложению, не мог же он просто так назвать меня по имени? Нет, только не Рент. Такие фамильярности не в его духе. А с другой стороны, у Поула нет никаких родственников, а значит и препятствий меньше. Но ведь Кейн наверняка использовал свое влияние, чтобы заставить секретаря от меня отказаться. Или я все придумываю, и пират приходил в Совет вовсе не за этим?

Я вспоминала нашу последнюю встречу, перебирала в уме слова и взгляды Кейна, и вдруг почувствовала, как что-то неуловимо изменилось. Узкое пространство ребса подернулось едва

заметной дымкой, а потом воздух сгустился, стал плотным, почти осязаемым, и меня закружило в странном вихре ощущений и эмоций. Чье-то тихое дыхание, теплая рука, коснувшаяся моей ладони, чувство защиты и уверенности в том, что больше я никогда не буду одна… Сердце сладко защемило. Как же мне этого не хватало! Я словно вернулась в прошлое, в котором у меня были любящие родители, муж, молодость и восхитительная уверенность в завтрашнем дне.

Взгляд метнулся по узкому пространству ребса, в поисках того, чье присутствие я так явственно ощущала, но напрасно. Неизвестный не желал, чтобы его обнаружили. Я протянула руку, пытаясь хотя бы на ощупь найти своего бестелесного спутника, но нет. Ладонь наткнулась на холодное дерево скамьи. Со мной играли в прятки.

И все-таки интересно, как этому существу удалось вернуть меня прежнюю? Каким образом он сумел это сделать?

Я смотрела вокруг, но никого не видела. Обычная кабинка ребса, в которой я сидела одна. Или все же не одна?

Что за чудеса? Откуда здесь кому-либо взяться? Магия? Но у нас в Уэстене нет никого из высших, а такие способности доступны только им. Но тогда

откуда взялось это странное ощущение?

Правда, подумать как следует не успела. Щеки, лоб, шея — их невесомо касались чьи-то губы. На ноге, чуть выше колена, замерли невидимые пальцы. Их прикосновение было таким горячим и будоражащим, что пробирало до самых глубин, будило давно забытые эмоции, горячило кровь и заставляло ее быстрее бежать по венам.

Я попыталась дернуться, но ничего не вышло. Тело меня не слушалось. По лицу скользнул легкий холодок. Боже… Откуда это странное чувство предвкушения и щекочущее тепло, скручивающееся в животе невидимой пружиной? Ее спирали сжимались все сильнее, заставляя дыхание сбиваться, а сердце биться быстрее, словно бы в ожидании того, что последует дальше.

Настырные пальцы продвинулись чуть выше, заставляя меня прикусить губу, сдерживая стон. Да что же это такое?

Я снова попыталась пошевелиться и скинуть невидимую руку, но напрасно. Неизвестный, чье присутствие я так явственно ощущала, не позволил. По моим губам скользнул легкий поцелуй, через секунду превратившийся в глубокий, тягучий, чувственный…

Он заставил меня забыть о сопротивлении, раз-

рушил так давно и надежно возводимые стены и сумел лишить разума и принципов.

Губы… Они были то нежными, то жалящими, выпивающими мое дыхание и наполняющими жизнью. Они и были самой жизнью, а я ведь так давно и не жила вовсе, закованная в броню своей добродетели, как в железные латы.

— Кто ты? — сумев оторваться от своего невидимого любовника, прошептала я, и в тот же миг мне показалось, что я хорошо его знаю. Причем очень давно.

— Как тебя зовут?

В ответ послышался короткий смешок, по моей щеке пробежал легкий ветерок и… я очнулась.

Темная кабинка, тонкие деревянные стенки, дрожащий под ногами дощатый пол… Неужели я уснула прямо в ребсе? Какой кошмар!

В теле бродило то хмельное, что захватило меня во сне, но я постаралась взять себя в руки и успокоиться. Мало ли что мне приснилось? Не хватало еще обращать внимания на всякие… кошмары, какими бы сладкими те ни были!

Я вспомнила привидевшийся поцелуй и коснулась пальцами губ. Мне кажется, или они действительно припухшие? Ох, о чем я только думаю?

Я выглянула в окно и поправила шляпку. До Найсберри оставалось всего два квартала.

Еще со времен первых поселенцев долговая тюрьма находилась почти в центре города, в районе Эллекроу. Вернее, поначалу это была просто тюрьма, но потом, после того как город разросся и растянулся вдоль побережья, преступников стало больше, и старое здание уже не могло вместить всех нарушителей закона. Вот уэстенцы и перенесли тюрьму за город, а в Найсберри устроили богадельню для одиноких стариков. Правда, со временем и это заведение приказало долго жить, и в бывшей тюрьме обосновались безнадежные неплательщики, задолжавшие большие суммы банку или частным лицам.

Ребс громко заскрипел и остановился перед двухэтажным домом с закопченными после недавнего пожара стенами.

— Приехали, нера, — громко объявил извозчик, словно я сама не могла догадаться, где мы.

Хмыкнув, вышла перед низкими чугунными воротами и протянула парню полкера.

— Обижаете, нера, — сверкнул белозубой улыбкой оборотень. — Ваед слово держит, сказал — бесплатно, значит, бесплатно.

Я посмотрела на хитрое веснушчатое лицо и

усмехнулась.

— Что, и ничего взамен не попросишь?

Парень посерьезнел, и сразу стал выглядеть старше и жестче.

— Пожелайте мне удачи, нера, — тихо сказал он. — Она мне не помешает.

Желтые глаза блеснули горячим огнем.

— Что ж, удачи тебе, — от души произнесла я, удивляясь тому, что оборотень почувствовал мою магию. — И спасибо, что подвез.

— На здоровье, нера, — хмыкнул парень, взмахнул кнутом, понукая лошадей, и поехал прочь.

А я осталась смотреть ему вслед, раздумывая над тем, где могла видеть этого парнишку. Что-то в его лице показалось мне знакомым, но я никак не могла уловить, что.

— Вдова Дерт! — вырвал меня из размышлений голос привратника. — Заходить будете? А то через полчаса закрою.

— Да, конечно. Добрый день, господин Даблин, — опомнилась я и торопливо пошла к приоткрытой створке ворот. — Дядя сегодня обедал?

— Ох, вдова, вы же знаете, какой он, — вздохнул привратник, пропуская меня во двор. — Если господину Джобсу не напомнить, так он про еду

и не вспомнит.

Это да. В последнее время дядюшка Ирвин постоянно забывает о времени обеда и ужина. За минувший год он сильно сдал, и ел совсем мало, как птичка. Иногда мне даже приходилось кормить его с ложки.

— Что сегодня у Сола готовили?

Сол был хозяином небольшой таверны «Королевский кабан», расположенной прямо напротив тюрьмы, и цены у него были не такие высокие, как в соседней «Короне». В «Кабан» заглядывала самая разная публика: небогатые купцы и ремесленники, чернорабочие и посетители Найсберри.

— Жаркое, — подсказал привратник. — Взять порцию?

— Да. И кружку эля.

Я сунула Даблину монету и добавила полкера за труды.

— Сделаю, — крякнул привратник, открывая мне дверь в душное помещение тюрьмы. — Минут через пять принесу, Сол без очереди отпустит.

Соломон Крук был приятелем Даблина. Не знаю, кто из них появился в этом районе первым, но мне казалось, что они были такой же

неотъемлемой частью Эллекроу, как и долговая тюрьма, и узкая лента канала, и виднеющиеся вдали мачты кораблей, стоящих на ремонте в уэстенской верфи.

Длинный коридор привел меня к лестнице. Ее ступени безбожно скрипели, и пока я поднималась, вокруг стоял настоящий деревянный стон, эхом отдающийся в гулких переходах. Помню, когда попала сюда впервые, мне даже показалось, что это плачут неупокоенные духи, но сейчас я уже не обращала внимания ни на ухающие звуки, ни на ужасающую вонь, ни на глухой кашель, доносящийся из-за многочисленных дверей. Чахотка была верной спутницей обитателей Найсберри.

Дядина комната находилась в самом конце второго этажа. Я коротко постучала и потянула на себя щелястую дверь, входя в тесную, похожую на узкий пенал комнатушку.

Дядюшка сидел у окна на высокой табуретке и смотрел вниз, на грязный двор тюрьмы.

— Дядя Ирвин! — окликнула я родственника.

— Кэролайн?

Дядюшка повернулся, и на его худом, не лишенном черт былой красоты лице расцвела улыбка. На душе стало легче, и сразу же забылись

недавние неприятности. Так было всегда. Стоило оказаться рядом с ним, как мне начинало казаться, что я наконец-то вернулась домой, к родному очагу, к своим корням.

— Как ты себя чувствуешь, дядя Ирвин? — поцеловав колючую щеку, провела ладонью по худому плечу и стряхнула с темного рукава табачную пыль.

— Как давно я тебя не видел, — попенял мне дядюшка. — Отчего ты так долго не приходила?

— Как же долго, дядя? Я только позавчера была. Ты мне еще рассказывал о дорской войне, помнишь?

— Да? — озадаченно нахмурился дядюшка. — Что ж, видимо, я забыл.

В его ярко-синих, совсем не старческих глазах промелькнула растерянность, а у меня больно сжалось сердце. Дядюшка стремительно терял память, но происходило это как-то странно. Он не помнил того, что было несколько минут назад, зато мог без устали рассказывать мне о своей молодости или о тех годах, когда был капером на «Янтарном».

Я не удержалась и обняла старика. Когда дядюшка Ирвин только попал в Найсберри, он был уже очень немолодым, но довольно крупным

и мускулистым мужчиной, а сейчас под моими руками ощущались сплошные кости да острые углы.

— Ты сегодня что-нибудь ел?

Я с тревогой всмотрелась в чистые, незамутненные волнениями и страхами глаза.

— Да, наверное, — дядюшка Ирвин равнодушно пожал плечами.

Его мало заботило собственное существование. За минувшие шесть лет он успел смириться со своей участью и просто ждал конца.

«Нельзя бороться с неизбежным», — философски говорил он мне, но я не готова была с этим согласиться.

Нет. Я надеялась однажды вытащить дядюшку из затхлой сырости Найсберри и упорно «боролась с неизбежным», не собираясь сдаваться. Ничего. Однажды у меня все получится. Больше я не позволю судьбе забирать у меня родных. Хватит и того, что она получила. Отец, мама, Роберт… Дядя Ирвин ни за что не пополнит этот список.

Дядюшка Джобс — мой единственный родственник. Не считая кузины Элизабет, конечно. Но с Бет мы никогда не были близки, а вот дядя… Он был младшим братом моей матушки и всегда относился ко мне, как к родной дочери. Да я и

любила его, как второго отца.

За свою полную приключений жизнь дядя так и не удосужился жениться. «Море не позволило. Морская дева не терпит соперниц, — объяснял он, когда я спрашивала, почему он не завел семью. — К тому же, «Янтарный» никогда не примет на своем борту женщину, а на берегу я долго не выдержу».

На «Янтарном» дядюшка ходил без малого двадцать лет. Как выкупил его у Бена Крука, легендарного уэстенского капера, так больше и не менял. Именно на этом судне он воевал с дорцами, и именно на нем совершил плавание к мало изученным тогда землям Арагонии, вернувшись из этого рискованного похода с богатой добычей.

До сих пор помню красочные рассказы о туземцах и об опасностях, которые дяде Ирвину пришлось преодолеть, чтобы добраться до Уэстена, через какие шторма и бури он прошел, сколько морских миль избороздил. «Но ты ведь ждала меня, Кэри, разве мог я подвести свою любимую девочку?» — с улыбкой говорил он.

Да, наша с дядей привязанность была обоюдной. Нет, Бетси, дочь своего рано умершего брата, он тоже любил, но меня всегда любил чуточку больше и не уставал повторять, что я для него

— единственная отрада в этом бренном мире. И уверял, что оставит мне все свое состояние. Жаль только, что авантюрная жилка, не угасшая с годами, заставила его вложить все заработанные в многочисленных походах деньги в дутую пирамиду Гая Ривза. «Вот увидишь, Кэри, ты станешь самой богатой дамой Уэстена!» — вернувшись из открывшегося в городе отделения «Ривз коммьюнити», заявил он. В оправдание дядюшки нужно сказать, что многие тогда поддались желанию мгновенно приумножить свое состояние. Люди штурмом брали здание «Ривз коммьюнити», покупая все новые и новые акции. Даже мой отец не удержался, хотя был довольно осторожным и дальновидным человеком. «Ривз — зять самого премьер-министра, его банк не может прогореть, — убежденно говорил он своим компаньонам. — К тому же, каждая его акция обеспечена золотом».

Что ж, так думали многие. А когда Ривз застрелился, выяснилось, что акции «Ривз коммьюнити» не стоят и полкера, и тысячи людей по всему Уэстену в одночасье проснулись нищими. Я до сих пор помню поднявшуюся шумиху, громкие разорения, не менее громкие смерти отчаявшихся аристократов, и таблички «Продается»

на окнах их особняков. Тяжелое было время. Папенька сумел сохранить небольшие крохи своего прежнего состояния, но здоровье его было подорвано безвозвратно, а случившийся вскоре пожар довершил наше уничтожение.

Короткий стук в дверь выдернул меня из воспоминаний.

— Вот, вдова Дерт. Ваше жаркое, — появился на пороге Даблин. — И эль, — поставив посуду на стол, улыбнулся привратник.

Его длинные седые усы дрогнули, и я заметила, что на них остались клочки пены. Похоже, по дороге от таверны Даблин приложился пару раз к дядиной кружке.

— Спасибо, господин Даблин, — поблагодарила я, решив закрыть глаза на самоуправство привратника.

Тот всегда был добр ко мне и к дядюшке, и мне не хотелось все портить.

— Ежели еще что понадобится, обращайтесь, — довольно крякнул тот. — Я тут поблизости буду. И, это, вдова Дерт, вы уж надолго не задерживайтесь. Порядок, как-никак.

Он шмыгнул большим мясистым носом и вышел из комнаты, а я взяла дядюшку под руку и потянула к столу.

— Вот, поешь, дядя Ирвин. Сол сегодня расстарался, жаркое пахнет очень вкусно.

— Не хочу, Кэри. Лучше ты сама поешь, — вздохнул дядюшка и снова уставился в окно.

— Нет, так не пойдет, — я взяла ложку, зачерпнула густую подливу и поднесла к плотно сомкнутым губам старика. — Давай, хоть немного.

Дядюшка снова вздохнул, но перечить не стал, и покорно проглотил жаркое.

— Ты так похожа на свою мать, Кэри, — покачал он головой. — Эдит тоже всегда обо всех беспокоилась, добрая душа.

Он внимательно посмотрел мне в глаза и о чем-то задумался.

— Что, дядюшка? — не выдержала я, а мой родственник склонил голову набок, и, продолжая пристально вглядываться в мое лицо, неожиданно спросил:

— Тебе ведь передалась ее магия?

Странный вопрос.

— Всего лишь малые крохи, — ответила я, не понимая, с чего вдруг дядюшка вспомнил о магии.

— И ты умеешь ею пользоваться? — не отставал старик.

— О чем ты? — удивилась такой настойчиво-

сти.

— Заклинание, — пояснил дядя. — Все женщины в нашей семье его знали. Я тогда не слишком интересовался всем этим, но помню, что оно записано в семейной библии. Если не ошибаюсь, между первой и второй книгой Ездры.

— И что в этом заклинании?

Я сама не заметила, как крепко вцепилась в край тарелки.

— Оно усиливает любое внушение и позволяет легко добиться желаемого, — на дядином лице появилась улыбка. Точно такая, с какой он рассказывал мне о своих многочисленных морских приключениях.

Я задумалась. В последний раз семейную библию я видела в руках матушки буквально за пару дней до пожара. Мама о чем-то говорила с Ильдой, и вид у моей служанки был озабоченным и серьезным.

— Ты найди его, Кэри, — проглотив очередную ложку, сказал дядюшка. — Оно тебе в будущем наверняка пригодится.

Эх, дядя Ирвин, это будущее уже давно настало и семейное заклинание мне бы сейчас ой как пригодилось! Только вот…

— Боюсь, дядя Ирвин, старая библия сгорела

вместе с родительским особняком, — вздохнула я.

— Не может этого быть, — убежденно произнес старик. — Такие книги не горят. Ни книги не горят, ни люди не исчезают. «Когда горы были выше небес, а по земле ходили исполины, Великая Мать поделила между ними свою силу и нарекла народом новым, Избранным. И отдала она им всю любовь свою и наделила силой великой, несравнимой ни с какой другой», — процитировал какой-то непонятный отрывок дядюшка Ирвин, а потом задумчиво посмотрел на меня и совсем другим тоном спросил: — А почему не приходит Роберт? Кэри, передай мужу, что нехорошо забывать старых друзей.

— Передам, дядюшка, — проглотив горький комок, улыбнулась я. — Обязательно передам.

— Да-да, скажи, что я его жду, каперы должны держаться вместе, — кивнул старик и, забрав у меня ложку, принялся доедать жаркое, а я смотрела, как он медленно пережевывает мясо, и с грустью думала о том, что с каждым днем дядюшка все сильнее отрывается от реальности и погружается в прошлое.

***

Домой я вернулась поздно.

Ильда привычно ворчала, что негоже одной по темноте бродить, но я не обратила на ее бормотание никакого внимания. Все мои мысли были заняты словами дядюшки о семейном заклинании. Что, если я сумею его отыскать? Что, если в библии действительно хранятся наши фамильные секреты? Тогда Рент никуда от меня не денется. Разве устоит он против настоящей магии?

В душе расцвела надежда.

— Опять, небось, в Найсберри были? — забирая у меня шляпку, недовольно спросила Иль. — И охота вам в эту дыру таскаться? Не ровен час чахотку подхватите! Вон, госпожа Ровенли тоже к отцу через день да каждый день бегала, и что? Лежит теперь при последнем издыхании, доктор Гривс говорит, недолго ей осталось. Так то — отец родной, а вы к дяде таскаетесь, и добро бы по навету злых людей сидел, так нет. Сам, своими руками, целое состояние промотал!

Служанка села на своего любимого конька. О дядюшке Джобсе она готова была говорить часами: и как он свои накопления потерял, и каким

бесстыжим надо быть, чтобы из бедной сироты деньги тянуть, и о том, как повезло госпоже Эдит, что она умерла и не успела узнать, как низко пал ее любимый брат, и как тяжело приходится единственной дочери. Не знаю, можно ли назвать смерть везением, но Иль было не остановить. Правда, сегодня я не собиралась ее слушать.

— Ильда, а ты не видела библию? — перебила я служанку.

— Это которую? — настороженно переспросила та. — Семейную, что ли?

— Именно.

— А чего это вы про нее вспомнили?

Ильда остановилась посреди коридора, не давая мне пройти, но даже не заметила этого.

— Сколько лет не вспоминали, а тут вдруг на тебе!

— Так ты знаешь, где книга?

Я пристально посмотрела на Иль. Лицо служанки казалось задумчивым, в черных глазах мелькали отблески неясных мыслей.

— Ильда? — поторопила я.

— В последний раз я видела библию у госпожи Эдит, — опомнилась служанка. — Ваша матушка ее в шелковую шаль заворачивала, собиралась куда-то нести. Только вот не припомню я, куда.

Аккурат перед пожаром это было.

— Подожди, ты хочешь сказать, что мама унесла библию из дома?

— Выходит, что так. И скажу я вам, госпожа Кэролайн, что выглядела она решительной. Вроде как надумала что.

— Ты можешь вспомнить, куда она пошла?

Я смотрела на Ильду, чувствуя, как быстро бьется сердце. Если библия уцелела… В ту страшную ночь родительский особняк выгорел дотла, не осталось ни одной вещи, ни одного олдера, ни одной ценной бумаги. Да там вообще ничего не осталось, даже стены рухнули. Неужели матушка успела унести из дома семейную реликвию, в которую были вписаны имена всех моих предков? Но куда?

— Да как же тут вспомнишь? — с сомнением переспросила Иль. — Столько времени прошло. А вам она чего понадобилась?

— Дядюшка просил принести.

Я не собиралась говорить Ильде правду. Еще сболтнет где-нибудь про магию, а мне потом отвечай!

— А ему что за блажь? Неужто в праведники решил на старости лет податься? — съязвила Ильда, а я в который раз задалась вопросом, почему она

так не любит дядю Ирвина. — И то, пора. Столько на нем грехов, до смерти не отмолить.

— Ты сейчас о чем?

— О чем? Скольким честным женщинам головы задурил! А ни на одной не женился! Вы уж меня, госпожа Кэролайн, простите, да только кобель ваш дядюшка был, каких поискать!

Худое лицо служанки покраснело, глаза гневно засверкали, в них полыхала самая настоящая ненависть, и меня вдруг осенило.

— Ты его любила, Иль? — тихонько спросила я.

— Любила? Еще чего! — вскинулась Ильда, но тут же поникла, сгорбилась и со злостью отерла кулаком повлажневшие глаза. — Чтобы я в такого кобелину влюбилась? Что ж я, совсем безголовая?

— Ильда? — пристально посмотрела на служанку.

— Что Ильда? — буркнула та.

Она вся как-то сжалась, скукожилась, даже ее вечная воинственность исчезла.

— Когда капитан Джобс в наш городок приехал, в него, почитай, все уэстенские дамы повлюблялись. Да и не только дамы. И служанки, и экономки, и белошвейки. И к каждой у него свой подход был, каждой умел такие слова сказать,

что верилось, будто ты одна-единственная, незаменимая. И мы, глупые, верили, хоть и знали, что бабник он, каких поискать.

Ильда достала из кармана фартука платок, громко высморкалась и посмотрела на меня.

— Одно слово — дуры безмозглые, — посуровев, резко сказала она. — Так значит, библию хочет? — задумалась она. — Что ж, будет ему библия. Я не я, если не вспомню, куда госпожа Эдит ее дела!

Ильда сложила руки на животе и задумалась, а я ее не торопила.

— Сдается мне, госпожа, матушка ваша библию отдать кому-то хотела, — спустя долгое время, выдала служанка. — Все повторяла, что он лучше знает, что с ней делать. Я тогда значения ее словам не придала, а сейчас вот думаю, к кому-то из знакомых она обратилась.

— Но к кому? По твоим словам выходит, что это мужчина?

— Выходит, что так, — кивнула Иль.

— Но у матушки не было таких близких знакомых, чтобы отдать семейную реликвию. Если только…

— Пастор Роунс, — одновременно со мной произнесла Ильда.

— Точно! Маменька ему очень доверяла.

— Вот как пить дать, преподобному и отнесла, — уверенно подтвердила Иль. — Она тогда к нему зачастила. Папенька-то ваш уж какой день не в себе был, госпожа Эдит места себе не находила, все молилась, чтобы Господь полковника Уэтерби не забирал, а пастор ее утешал, велел крепиться и предоставить все воле Божьей. А она так уж, бедняжка, убивалась. Не смогу, говорит, без Логана и минутки прожить. И ведь не смогла. А тут и пожар этот случился…

Ильда вздохнула и перекрестилась.

— Все одно к одному. И остались вы сиротинушкой, ни отца, ни матери…

Черные глаза уставились на меня с жалостью, которую я не выносила.

— Еще и капитан Дерт куролесить начал, — не останавливалась Ильда.

Ей дать волю, так она погрязнет в воспоминаниях и меня за собой утянет.

— Ладно, хватит об этом, — оборвала я служанку. — Завтра после уроков наведаюсь к пастору, узнаю, точно ли ему матушка библию отдала?

— Бернсы снова с самого утра своих девчонок приведут? — тут же переключилась Ильда. — Вот же беднота настырная. Как платить, так у них

денег нет, а как на занятия ни свет, ни заря приходить — так вот они, бесстыжие!

— Прекрати, — поморщилась я.

Ильда, как и большинство уэстенских служанок, не жаловала бедняков. И мне постоянно пеняла, что я с «оборванцами» знаюсь. «Не годится вам с ними знакомство водить, госпожа, — не раз убеждала она меня. — Это что же будет, если они вас за равную принимать начнут? Да и в городе слухи ходят, что вы с беднотой запросто общаетесь, нехорошо это. Неправильно. Вы ведь благородная леди, а не какая-нибудь мещанка».

— Хотите сказать, я не права? Бесстыжие и есть, — не отступала Иль. — Другие бы постыдились без денег приходить, а этим хоть бы хны, ходют и ходют! А вы их еще и булками прикармливаете, сами не едите, а этим голодранцам отдаете! Конечно, они с самого рассвета у двери сидят.

Глупость какая… Я лишь однажды передала пару пирожков заболевшей Энни Бернс, а Ильда все никак забыть не может, то и дело припоминает мне тот случай.

— Все сказала? — строго посмотрела на служанку. — Иди уже, я спать лягу.

— А ужинать? — всполошилась Ильда. — Я

похлебку гороховую сварила, вкусную.

— Не хочу. Устала.

Я покачала головой и принялась расстегивать пуговицы платья.

— Никакого сладу с вами нет, — проворчала служанка. — Давайте хоть раздеться помогу.

Она подошла и вцепилась в застежку манжеты, заставляя меня опустить руки.

— Вся в маменьку. Госпожа Эдит тоже, как птичка, ела. Настоящая леди была.

В голосе Ильды я расслышала гордость. Иль любила мою матушку преданно и нежно, и ее смерть ничего не изменила.

— Ох, забыла совсем! — служанка замерла, так и не расстегнув застежку. — Я ведь у Милли спросила, о чем лорд Кейн с ней говорил!

— И что?

Я почувствовала, как быстро забилось сердце.

— Сказала, что он спрашивал, как часто вы из дома выходите, да во сколько. И когда возвращаетесь. А еще вызнавал, кто у вас бывает. Из мужчин.

Ильда распрямилась и посмотрела на меня своим особенным взглядом. Я называла его дознавательским.

— С чего бы это? — спросила она.

— Не знаю, Иль, — отмахнулась я.

Я и правда не знала, зачем Кейну знать о моих передвижениях. Что еще задумал этот несносный пират?

— Ох, темните вы что-то, недоговариваете, — нахмурилась служанка. — Только вот что я вам скажу — держитесь вы от лорда Кейна подальше. Он хоть и благородных кровей, а такой же кобелина, как и ваш дядюшка. Не хватало еще, чтобы слухи по городу пошли! Это ж завсегда так, стоит лорду на которую из дам внимание обратить, так ее тут же ему в любовницы записывают.

— Ладно, Ильда, иди, дальше я сама, — не дожидаясь, пока служанка поможет мне снять одежду, сказала я.

Слушать ненужные предостережения не было никакого желания.

— Дайте помогу хоть! — не отступала Иль.

— Не надо, — добавив в голос строгости, посмотрела на служанку. — Иди.

— Доброй ночи, госпожа, — сообразив, что спорить бесполезно, проворчала Иль и удалилась, аккуратно закрыв за собой дверь.

***

Касания губ невесомы, как крылья мотылька. Они порхают по моей груди, дразнят соски, спускаются ниже и продолжают свое шаловливое движение к бедрам, теряясь в повлажневших складках.

Крупные, слегка шершавые ладони накрывают ягодицы.

Внизу, там, где особенно остро ощущаются прикосновения настырных губ, становится горячо и жарко, и я невольно выгибаюсь, подстраиваясь под искусные движения языка. Они убыстряются, заставляя меня стонать все громче, и все сильнее жаждать освобождения. Но мужчина не торопится. Он словно чувствует, когда я дохожу до грани и готова сорваться в пропасть, и тут же замедляется, оттягивая неизбежное, не позволяя ему свершиться, и мучая меня почти болезненным желанием.

— Я тебя убью! — из последних сил цепляясь за широкие плечи, выкрикиваю я и срываюсь на стон.

— Кэри…

Шепот звучит глухо, слова скользят по коже, оставляя на ней невидимый след. Они клеймят

меня, подтверждая мою принадлежность мужчине. Мужчине, способному вызвать в моей душе целую бурю эмоций и чувств, мужчине, который не желает, чтобы его узнавали и делает все, чтобы узнали.

И я знаю его имя, помню, но не могу произнести вслух. Внутри все переплетается так причудливо — мысли, эмоции, чувства, — что за этой мешаниной я не в силах отделить главное от второстепенного, ложь от правды, желаемое от действительного.

Иллюзия, сон, видение… Но какое же реальное!

Глава 5

Утро принесло раннее пробуждение и головную боль. Сон, в котором я летала в облаках и чувствовала себя желанной и любимой, оставил горькое послевкусие, заставив полнее ощутить свое одиночество и уныние моей нынешней жизни. А еще он оставил вопросы, главный из которых — кто тот мужчина, которого я так хорошо знаю за гранью реальности и которого совершенно не помню после? Ни его лица, ни внешности, ни голоса — ничего.

Я потерла ноющие виски. Вот тебе и расплата за ночное наслаждение, не хватало еще ходить и думать, с чего мне такие сны снятся.

Вздохнув, постаралась выкинуть неотвязное видение из головы и настроиться на предстоящий день.

Двойняшки Бернс, как и предсказывала Ильда, пришли в несусветную рань, а после занятий с ними я отправилась к пастору Роунсу.

Встретила меня экономка преподобного, крупная и громогласная Марта Эванс. В противовес своей домоправительнице Роунс был невысоким

и худощавым, бледное лицо выдавало в нем аскета, а голубые глаза близоруко щурились, отчего пастор казался немного беспомощным, но это была всего лишь видимость. Преподобный был на редкость умным и деятельным человеком. Он служил в Уэстене уже добрых три десятка лет, и за это время сумел организовать при церкви школу для бедных и приют для бездомных, а по воскресным дням, после богослужений, в приходском доме устраивались обеды для неимущих и раздача одежды для самых обездоленных. Пастор Роунс хорошо знал свою паству и не гнушался заходить в самые бедные дома Нижнего Уэстена.

— Вдова Дерт, неужели это вы? — удивился он, когда Марта проводила меня в его кабинет. — Давненько я вас не видел, считай, с самых похорон вашего супруга.

Пастор оторвался от вороха бумаг. В голосе его прозвучало едва заметное неодобрение.

— Светлое утро, преподобный Роунс, — улыбнулась я, делая вид, что не заметила укора. — А мне вот кажется, что с нашей последней встречи прошло совсем немного времени. Вы совершенно не изменились, все такой же бодрый и деятельный.

— Вы почти не бываете в церкви, Кэролайн, — не поддался на мой легкий тон Роунс.

Взгляд преподобного был серьезным и вдумчивым. Он проникал прямо в душу, с легкостью читая там истинную причину моего нежелания ходить на собрания. И мне стало стыдно. Когда были живы родители, я не пропускала ни одной воскресной службы, а сейчас…

— Увы, у меня нет такой возможности, преподобный, — покаянно ответила я. — К сожалению, мне приходится самой зарабатывать на жизнь, а это отнимает много времени и сил.

— Прискорбно, что вам выпало столько испытаний, Кэролайн,– вздохнул пастор, и глаза его подобрели, я заметила в них сочувствие. — Но Господь не дает нам креста не по силам.

Он бросил короткий взгляд на распятие.

— Так что привело вас ко мне?

Роунс отодвинул бумаги в сторону и указал мне на кресло, а сам положил руки на стол, ладонями вниз, и приготовился слушать.

Я смотрела на худые длинные пальцы, на потертые рукава черного сюртука и невольно пыталась вспомнить, сколько лет знаю пастора Роунса. Учитывая, что он меня крестил, знакомы мы уже очень давно. И за все это время преподобный почти совсем не изменился.

— Кэролайн? — поторопил меня Роунс.

— Моя матушка не отдавала вам на хранение нашу семейную библию? — очнувшись от своих мыслей, выпалила я.

И тоже покосилась на стоящее на столе распятие.

Пастор не торопился с ответом. Он задумчиво посмотрел на меня, словно решая что-то в уме, а потом медленно поднялся и, прихрамывая, направился к шкафу. Так же молча открыл один из ящиков, покопался там, и вытащил какой-то завернутый в шелковую ткань сверток.

— Вот, — положив его передо мной, сказал преподобный.

Я осторожно потянула ткань и увидела старинный кожаный переплет с полностью стершейся надписью. От нее остались лишь небольшие углубления в тех местах, где должны были быть буквы.

— А почему мама отдала ее? — спросила, разглядывая титульный лист, полностью заполненный именами моих предков.

— Госпожа Эдит сказала, что у нее было видение, — ответил пастор, но я заметила, что ему не очень хочется говорить на эту тему.

— Видение?

Я удивленно посмотрела на Роунса. Матушка

была на редкость здравомыслящей женщиной, она никогда не верила снам и прочим проявлениям мистики, и вдруг — видение! Как-то это на нее не похоже.

— Насколько я помню, мама не особо жаловала всякие потусторонние явления, — с сомнением протянула я.

— Да, госпожа Эдит не любила мистику, — кивнул Роунс. — Но этот случай…

Он не договорил.

— Матушка не объяснила, что она увидела?

— Нет, — покачал головой пастор. — Она не захотела мне рассказать, и я не настаивал. Ваша матушка сказала только, что эта книга таит в себе слишком много такого, чего не стоит видеть посторонним.

— И вы не попытались узнать, о чем идет речь?

Я удивленно покосилась на преподобного.

— Сказать по правде, Кэри, я счел слова вашей матушки обычной экзальтацией. Из-за болезни вашего отца госпожа Эдит была слишком напряжена и вела себя… скажем так, не совсем обычно.

— И вы ей не поверили.

Пастор виновато улыбнулся.

— Передо мной проходит слишком много людей, Кэри, и с большинством из них я сталкиваюсь не в самый лучший период их жизни. Так что я привык отделять эмоции от реальности.

Он сел, разгладил руками темное сукно столешницы и замолчал, уставившись на меня своими добрыми внимательными глазами. А потом бросил короткий нетерпеливый взгляд на бумаги, и я поняла, что больше не стоит отнимать время у вечно занятого пастора.

— Что ж, спасибо, что сохранили нашу семейную реликвию, — поблагодарила я и поднялась с кресла. — И за то, что уделили мне время.

— Кэролайн, вы ведь даете уроки музыки, верно? — остановил меня пастор.

— Да.

— И много у вас учеников?

— Восемнадцать.

— А вы не хотели бы проводить занятия здесь, в церкви? Скажем, пару раз в неделю. Думаю, я смогу внести в смету расходы на преподавателя музыки. Разумеется, это нужно будет согласовать с начальством, но уверен, епископ мне не откажет. Что скажете, Кэролайн? Поможете моим маленьким прихожанам?

Я прижала к груди библию. Добрый пастор

Роунс… Он прекрасно осведомлен о моем положении и нашел способ помочь, не ранив мое самолюбие. Еще и выставив все так, будто просит меня сделать доброе дело.

— Буду рада, преподобный.

Голос дрогнул. Идя сюда, я совсем не ожидала, что найду не только библию, но и возможность дополнительного заработка. Сразу представилось, что я смогу увеличить сумму выплат по дядюшкиному долгу, и на душе стало светлее. Все-таки, какой сегодня замечательный день! И семейное достояние вернула, и работу нашла — похоже, мне наконец-то улыбнулась удача.

— Что ж, замечательно. Тогда со следующего понедельника и начнем. Сколько вы обычно берете за урок?

— Три-четыре олдера. Все зависит от того, сколько мне могут заплатить.

— Я буду платить вам пять, но и учеников у вас будет четверо. Договорились?

— Договорились. И спасибо вам, преподобный.

— До встречи, Кэролайн, — кивнул пастор и снова уткнулся в бумаги, а я тихонько открыла дверь и, сопровождаемая Мартой, вышла из приходского дома.

***

— Вдова Дерт! Какая приятная неожиданность!

Окрик, раздавшийся из остановившейся кареты, заставил меня поморщиться. Мало мне Кейна, так еще и этот!

— Светлого дня, господин Стакс, — сдержанно поприветствовала улыбающегося мужчину.

— Могу я вас подвезти?

Под тонкой щеточкой усов ярко блеснули белые зубы. В темных глазах застыл хищный интерес.

О Боже! Не город, а дикие джунгли какие-то! Шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на голодного тигра. Или льва.

— Благодарю, господин Стакс, но я уже пришла, — поторопилась отказаться, указав на дом вдовы Керн.

Нет, я не собиралась заходить в гости к Оливии, но Стакс ведь об этом знать не мог?

— Что ж, не повезло, — усмехнулся «тигр». Или «лев», я пока не определилась. — Тогда в следующий раз?

— Доброго дня, господин Стакс, — ответила я, не собираясь давать никаких обещаний.

«Тигр» понятливо ухмыльнулся и стукнул набалдашником трости по стенке кареты. Кучер

взмахнул кнутом, лошади резво понеслись по Саттон-сел, и вскоре экипаж скрылся за поворотом.

А я, проводив взглядом карету Стакса, поспешила на Карстон-сел.

***

Дома я первым делом отправила Ильду на рынок, а сама прошла в свою комнату, освободила библию от шелкового платка и принялась листать пожелтевшие от времени страницы.

— Между первой и второй книгой Ездры, — бормотала еле слышно, пытаясь отыскать нужный раздел. — Да где же это?

Учитывая, что священное писание я держала в руках очень редко, задача оказалась не такой уж и простой.

— Ага, вот, — наткнувшись на нужную надпись, перевернула несколько листов и растерянно уставилась на абсолютно пустую страницу между первой и второй книгой Ездры. — И как это понимать? Где заклинание?

Я крутила библию и так, и эдак, пыталась разглядеть бумагу на свет, но там ничего не было. Ни одной буковки. Ни единой закорючки.

На душе стало так горько, что хоть плачь!

Вот тебе и «тайное семейное заклятие»! Неужели дядюшка ошибся, и нет никакого заклятия? Или его видят только те, в ком достаточно магии? Но ведь хоть что-нибудь я должна была бы почувствовать? Пусть у меня лишь малые крохи семейной магии, но они ведь что-то да значат? Тогда получается, что дядя Ирвин совсем потерял память и вспоминает то, чего не было?

Я расстроенно вздохнула и разгладила ладонью желтую, шершавую на ощупь бумагу. М-да. Жаль, конечно, но что поделаешь? Придется действовать по старинке, собственными силами. Чудеса — это хорошо, но когда они были на моей стороне? Остается одна надежда, что моей маленькой искры магии хватит на то, чтобы добить-таки одного из кандидатов.

Пальцы машинально переворачивали страницы, а я размышляла, кого из мужчин выбрать — Поула или Рента? Кому отдать предпочтение? С кем из них я смогу ужиться?

Я постаралась отключить эмоции, от них все равно никакого проку, и принялась взвешивать все за и против.

Итак, что мы имеем? Рент довольно состоятельный, не скупердяй, у него на все есть собственное мнение, он обладает неплохим весом в обществе

и ко мне относится с уважением. Рядом с ним я смогу жить стабильно и спокойно. Точнее, скучно и предсказуемо, но кто сказал, что это так уж плохо? По крайней мере, мне не придется считать каждый кер и экономить на самом необходимом. Но, с другой стороны, у Рента есть дочь, которая настроена против меня, и одно это способно перечеркнуть все плюсы. Получается, чтобы захомутать полковника, мне придется завоевать доверие Бертиль, а это не так-то просто.

Поул… С ним все не так однозначно. Да, у него имеются деньги и должность, есть небольшой собственный особнячок на Арвер-роу и достойное положение, но то, как он лебезит и заискивает перед знатью… Смогу ли я закрыть на это глаза? Не буду ли испытывать стыд, глядя, как Мередит пресмыкается перед сильными мира сего? И не возненавижу ли его за это?

«Ты слишком привередлива, Кэри, — вмешался голос разума. — Не в твоем положении выбирать, хватай то, что есть, и радуйся, если получится окрутить хотя бы одного из кандидатов».

Это верно. Я уже пробовала выжить самостоятельно, и ничего из этого не вышло. Нет, если бы не дядюшкины долги, я бы справилась! Только что толку рассуждать о том, что было бы? Как

говорил отец, жизнь не любит сослагательного наклонения. И исходить нужно из того, что есть.

Я посмотрела в окно. Поднявшийся ветер клонил ветви растущей рядом с домом ивы, трепал нежные листочки, пытаясь сорвать их и бросить на землю, но те упорно держались. Они вроде бы и склонялись перед силой врага, но даже не думали сдаваться.

«Бери пример, Кэри. Гибкость лучше грубой силы. Гибкость и хитрость».

С губ слетел смешок. С чего это меня на философские афоризмы потянуло? Старею, что ли?

«Не стареешь, а приобретаешь необходимую мудрость, — вмешался голос разума. — Это разные вещи».

Я тихонечко хмыкнула. Что ж, осталось применить эту мудрость на практике. Подперев голову кулаком, принялась взвешивать все за и против, пока не остановила свой выбор на полковнике. Он нравился мне как человек, и я смогла бы уважать его, как мужа. А Бертиль… Неужели я не справлюсь с десятилетней девочкой? Да быть такого не может!

Я закрыла библию, завернула ее в шаль и убрала в шкаф. Пусть семейная реликвия и оказалась для меня бесполезной, но, возможно, однажды

она мне еще понадобится. Например, чтобы вписать на титульном листе имя ребенка. Моего ребенка.

— Госпожа Кэролайн!

Придушенный возглас Ильды заставил меня обернуться.

Служанка протиснулась в комнату и остановилась рядом с порогом, глядя на меня с каким-то непонятным выражением.

— Что, Иль?

В душе появилось неприятное предчувствие. Бывает же такое — еще ничего не случилось, а внутри будто ноет что-то, тянет, зудит, и холодок в сердце прокрадывается.

— Там… гость, — почему-то шепотом объявила Ильда.

Она покосилась на закрытую дверь и нахмурилась.

— Что за гость?

Я смотрела на Иль, не понимая, что с ней происходит, а неприятное предчувствие все усиливалось.

— Ильда? — поторопила служанку.

— Лорд Кейн, — выпалила та.

— Что?

— Лорд Кейн пришел, хочет вас видеть!

В темных глазах застыла тревога, перемешанная с острым любопытством.

— Таким франтом вырядился, даже цветок из кармана торчит! — все также шепотом доложила Ильда.

Я с трудом удержалась от крепкого словца. Замечательно! Только этого не хватало! Теперь весь Уэстен будет знать, что к вдове Дерт посторонние мужчины ходят!

— Может, свататься пришел? — с сомнением предположила Ильда, но тут же сама себя опровергла. — Да нет, такие, как он, не женятся.

Она вздохнула и сложила руки на животе. Худое лицо служанки сморщилось, темные, все еще густые брови нахмурились, а в глазах застыло раздумье.

— Сказать, что вы не принимаете? — словно разговаривая сама с собой, негромко произнесла Ильда.

Ответить я не успела. Дверь бесшумно открылась, и на пороге возник сам предмет нашей беседы. Щегольская темно-серая пара, белоснежная сорочка, свежий бутон в петлице — Кейн выглядел до неприличия красивым и абсолютно уверенным в собственном праве находиться в гостиной моего дома.

— Вдова Дерт, — небрежно поклонился он и сунул в руки растерявшейся Ильды свой цилиндр. — Простите за вторжение, но мне показалось глупым стоять и ждать, пока меня соизволят принять.

Серые глаза насмешливо блеснули.

Конечно. Флибустьерам неведомы тонкости хорошего тона!

— Что ж, раз вы уже вошли, располагайтесь, — не пытаясь скрыть иронию, кивнула на кресло.

— Благодарю, — сверкнул улыбкой наглый пират.

Да, иронией его не проймешь!

— Так чем обязана?

Я прошла к соседнему креслу, села и посмотрела на неожиданного гостя. Дурное предчувствие усилилось в разы, и мне пришлось приложить усилие, чтобы скрыть волнение. «Одиннадцать девиц гуляли под луной, одиннадцать голубок взлетели над водой», — повторила старую присказку, помогающую выровнять дыхание. По крайней мере, так считала моя гувернантка, госпожа Даррен.

— Зашел узнать, обдумали ли вы мое предложение, — негромко произнес Кейн, окинув меня взглядом, от которого по телу прошлась горячая

волна.

Боже! Что за несносный человек? Я же ясно дала понять, что меня не интересуют подобные «предложения»!

— Поверьте, я готов дать хорошую цену, — не отступал пират. — Никто не предложит вам больше.

Я задохнулась от возмущения. Да как он смеет приходить ко мне в дом и…

Я не успела додумать свою мысль. Взгляд остановился на застывшей у двери служанке, и меня словно ледяной водой окатили. Не хватало еще, чтобы Ильда поняла, о чем идет речь! Стыда не оберешься. Она же мне потом житья не даст, будет причитать, что я пошла по скользкой дорожке и стою в шаге от погибели.

Надо что-то делать. Нужно как-то обыграть и пирата, и чересчур бдительную служанку.

— Ах, вы о часах? — сделав вид, что только сейчас поняла, о чем идет речь, улыбнулась я. — Да, конечно. Я обдумала ваше предложение, но, знаете, я не уверена, что хочу их продавать. Понимаете, это памятная для меня вещь, и я… Я не представляю, как смогу их отдать.

Я говорила, а сама краем глаза наблюдала за Ильдой. Служанка облегченно вздохнула, с ее ли-

ца исчезло выражение тревоги, и она перестала хмуриться.

Вот и замечательно. Теперь бы еще гостя выпроводить…

— Папа очень любил свои «Клерво», — подпустив в голос печали, проникновенно вещала я. — Нет, мне сложно с ними расстаться, даже за пятьсот олдеров.

Вот так-то. И что вы на это скажете, милорд? Готовы заплатить за ненужную вам вещь целую кучу денег?

Я незаметно покосилась на Кейна, но тот даже не дрогнул. Только в самой глубине его глаз мелькнул хищный огонек. Мелькнул и пропал.

— Могу я взглянуть на предмет нашего торга? — спокойно спросил пират.

Что ж, надо отдать ему должное. Проигрывать он умел. После моей «часовой импровизации» глупо было бы поднимать скользкую тему нашего недавнего разговора, и Кейн это понял.

— Ильда, — обратилась я к служанке. — Подай мне шкатулку.

— Сейчас, госпожа, — с готовностью отозвалась Иль.

Громко топая, она подошла к столику, и, не выпуская из рук цилиндр Кейна, ухватила шка-

тулку.

— Вот.

Увесистый деревянный сундучок оказался у меня на коленях, а служанка сделала шаг назад, но так и осталась стоять рядом с креслом, глядя на Кейна с плохо скрытым недоверием. Видимо, она считала, что своим присутствием оберегает мою репутацию от дурного влияния первого сердцееда Уэстена.

— Спасибо, Иль, — улыбнулась я своей «дуэнье».

Как бы там ни было, но ее нахождение в комнате заставляло Кейна держаться в рамках, и уже одно это заслуживало благодарности.

— Значит, вы хотите за них пятьсот олдеров, — задумчиво произнес Кейн, глядя на двигающиеся на золотом фоне круги.

— Они не продаются, милорд.

— А если я дам шестьсот?

— Увы, но часы очень дороги мне как память, и я…

— Семьсот олдеров, — доставая из кармана бумажник, серьезно произнес пират. — Это окончательная цена. Вряд ли кто-то предложит вам больше.

Кейн испытующе смотрел на меня, а я лихора-

дочно размышляла. Часы — всего лишь вещь. Да, памятная, но ведь семьсот олдеров — огромная сумма! Если найти еще триста пятьдесят, я сумею вытащить дядюшку Джобса из тюрьмы, и он снова окажется свободным. А я буду свободна от унизительной необходимости экономить каждые полкера.

— Что ж, хорошо, — притворно вздохнув, протянула пирату часы. — Думаю, папа не стал бы возражать, если бы узнал, кто будет новым хозяином его «Клерво».

— Чек или предпочитаете наличные? — уточнил Кейн.

Он не выглядел расстроенным. Казалось, происходящее его забавляет.

— Наличные, — с достоинством ответила я, радуясь удачной сделке.

Поистине, сама судьба привела сегодня Кейна в мой дом! Спасибо, Господи.

— Пожалуйста, — отсчитав семь зеленых сотенных бумажек, бесстрастно произнес пират.

— Благодарю.

Я поднялась и взяла деньги, но снова садиться не стала, намекая гостю, что больше его не задерживаю.

Кейн оказался понятливым. Он едва заметно

усмехнулся, забрал у Ильды цилиндр и склонил голову в прощальном поклоне.

— Всего доброго, вдова Дерт. С вами приятно иметь дело, — сказал он.

— Прощайте, лорд Кейн, — с намеком ответила я, только, боюсь, банкир предпочел этот намек не заметить.

— До свидания, — широко улыбнулся он и исчез за дверью.

***

(Из дневника Дж. Кейна)

23 августа

А дело оказалось гораздо интереснее, чем я рассчитывал. Кто бы мог подумать, что оно принесет мне столько удовольствия? Я уже и забыл, какая она… Эти невинные глазки, в самой глубине которых тлеет горячий и совсем не скромный огонь, изящная талия — тонкая настолько, что я могу охватить ее двумя пальцами, целомудренный вырез платья, прикрывающего совсем не целомудренную по форме и размеру грудь. И эта напускная благопристойность… «Предложение? Вы о часах? Боюсь, я не смогу с ними расстаться!» Что ж, вдова Дерт умеет удивлять. Определенно, скучной моя затея не будет. А если учесть, что

она, возможно, имеет отношение к алайетам… Нет, я совсем не уверен, но след магии наводит на определенные мысли. Нужно все как следует проверить. А пока… Почему бы не совместить приятное с полезным?

***

Следующий день выдался по-осеннему холодным. Если вчера солнце хоть немного грело, то сегодня оно окончательно устранилось от своих обязанностей, и в доме ощутимо повеяло сыростью. Ничего не поделаешь, Уэстен стоял на берегу Искайского залива, и большую часть года горожане страдали от ледяного ветра и всепроникающей влажности.

Я надела суконную накидку и бросила взгляд в зеркало, поправляя шляпку. До урока с леди Оукс оставалось около часа, так что можно было не торопиться. Все равно Агата никогда не бывает готова вовремя. То у нее гости с визитами, то портниха с примерками, то приказчик с отчетами. И мне постоянно приходится ждать.

За дверью послышалась какая-то возня, а потом она открылась, но не полностью.

— Госпожа Кэролайн, тут вам письмо пришло, — с порога протрубила Ильда.

Она вернулась с рынка и теперь протискивалась в дом с большой корзиной, с которой всегда ходила за покупками.

— А конверт-то дорогой, такой целых полкера стоит, — пробормотала служанка, ставя поклажу на пол и протягивая мне письмо. — Это кто же вам его прислал?

Если бы Ильда умела читать, она уже давно знала бы ответ на свой вопрос, но, несмотря на все мои старания, освоить чтение ей так и не удалось, и сейчас она с любопытством наблюдала за тем, как я разворачиваю бумагу.

— Ну? Что там?

Ильда вытянула худую шею, пытаясь заглянуть внутрь.

— Приглашение, — коротко ответила я.

— Куда это?

— На Авадан.

— И от кого?

— От полковника Рента.

— Выходит, не зря мы платье-то шили? — расплылась в улыбке Ильда. — Вот уж жених, так жених, богатый, солидный, обстоятельный. Не то, что этот ваш, — служанка пренебрежительно скривилась, как делала всегда, когда речь заходила о Стрейне. — Значит, на праздник зо-

вет? — тут же переключилась она. — И в чем же вы пойдете?

— Можно подумать, у меня большой выбор, — хмыкнула я. — Придется снова синее платье надевать. Хоть полковник его уже и видел, но другого нарядного у меня нет. Можно будет кружевной воротничок пришить, глядишь, сойдет за новое.

— Еще как сойдет, — поддакнула Ильда. — Мужчины, они ж в одежде не разбираются. Ты им покажи два платья, так они и различий не найдут. А на другой день и не вспомнят, какого те цвета были.

Она усмехнулась и, подхватив корзину, поковыляла на кухню. А я снова вчиталась в ровные, с характерными росчерками строки.

«Дорогая госпожа Дерт! — писал полковник. — Надеюсь, вас не оскорбит моя просьба составить мне компанию в день празднования Авадана. Если вы не против, я заеду за вами в восемь вечера, и мы отправимся на центральную городскую площадь.

Остаюсь искренне ваш, Джордж Рент».

Я улыбнулась. Похоже, мое последнее внушение сработало, и дело сдвинулось с мертвой точки. Осталось только закрепить результат

более частыми встречами, и полковник не замедлит сделать мне предложение. Перед глазами замелькали картины: возвращение дядюшки из Найсберри, мирная, спокойная жизнь, утренние променады по Велльской площади и вечерние чаепития… И никакой беготни по бесконечным урокам и чужим домам. Немного особняком в этих видениях стояла Бертиль, но я надеялась, что рано или поздно девочка оттает.

Боже, спасибо! Кажется, черная полоса в моей жизни наконец-то подходит к концу.

Воодушевленная открывающимися перспективами, я сложила письмо, и отправилась к леди Оукс.

***

(Из дневника Дж. Кейна)

25 августа

Отвратительный день. Сырость. Серость. Обманчивый уэстенский туман, в котором все кажется ненастоящим и призрачным. Совсем как в моей жизни.

Все надежды, все планы, все устремления — все полетело к дьяволу! Неудача. Еще одна в череде бесконечных неудач, преследующих меня с самого рождения. Сила, богатство, знатность

рода и внешняя привлекательность — все это ничто, пустышка, мишура, по сравнению с тем, чего я настолько сильно хочу, но так и не могу достигнуть.

Какая ирония судьбы! Я всего лишь на миг поверил, что у меня все получится, что я сумею, смогу… Но нет. Не вышло. Снова не то, снова ошибка, снова ложный след. И снова я откинут к началу. А может, все это ложь? Может, и нет никаких Избранных? Сказка, легенда, мираж… Порождение человеческой фантазии. Попытка списать свои неудачи на чье-то выдуманное могущество?

28 августа

Кажется, я понял, в чем была моя ошибка. Хотя, легче от этого не стало. Скорее, наоборот. То, что я интуитивно чувствовал на протяжении последних недель, все-таки подтвердилось. Интересно, как поступил бы в такой ситуации дед? А отец? Впрочем, я ведь знаю ответ, и знаю, что должен сделать, но как же восстает все внутри…

Выбор. Очередной выбор, которого нет, и полное отсутствие времени на подготовку. Что ж, значит, придется действовать быстро, и да простит меня Бог.

Глава 6

Авадан подкрался незаметно. Казалось, только недавно я раздумывала над тем, что надеть на праздник, и вот он уже на пороге, стучит в дверь веселым смехом ребятни, заглядывает в окна светящимися магическими фонариками, кружит в танце и зовет всех за собой — туда, к Велльской площади, на ярмарочные гуляния и бал под открытым небом.

Я поправила уложенные в высокую прическу волосы и внимательно оглядела свое отражение. Синее платье подчеркивает талию, белый кружевной воротничок молодит и придает невинности, а маленькие серебряные сережки добавляют загадочности и блеска глазам.

— Красота писаная, — подтвердила Ильда, выглянув из кухни, да так и застыв в коридоре. — Я не я буду, если полковник не сделает вам предложение прямо сегодня вечером. О, а вот и он! — расплылась в улыбке служанка, услышав стук дверного молотка.

Иль шустро прошмыгнула мимо меня, распахнула дверь и зачастила:

— Светлого денечка, господин Рент! С Аваданом вас! Погодка-то какая, а? В самый раз для прогулок! А госпожа Кэролайн вас уже ждет, — не давая гостю вставить ни слова, тараторила служанка.

— Здравствуйте, — послышался немного смущенный бас, и я поняла, что полковник растерялся от такой горячей встречи. Что ж, надо было спасать положение, пока Иль окончательно не задурила голову моему ухажеру.

— Добрый вечер, господин Рент, — отодвинув Ильду, вышла на крыльцо.

Полковник сегодня принарядился и выглядел настоящим франтом. Темно-синий сюртук сидел на нем почти как форменный китель, а ворот сорочки был таким белоснежным, что сразу выдавал ее стоимость. В «Ласкари» дюжина подобных стоила целое состояние.

Боже, как ужасно! Я все время думаю о деньгах, как какая-нибудь торговка рыбой… Вот уж не предполагала, что однажды дойду до подобной прозы.

— Госпожа Дерт, — поклонился гость и взглянул на меня с нескрываемым восхищением.

На душе потеплело. Что ни говори, а приятно, когда мужчина так смотрит. За спиной будто крылья вырастают, и кажется, что впереди еще

так много хорошего…

— Я взял карету, — поспешно произнес полковник, подавая руку. На меня пахнуло табаком и терпким ароматом туалетной воды. — Думаю, лучше иметь под рукой свою, чтобы не надеяться на наемные экипажи.

Что ж, это верно. По крайней мере, мы сможем уехать тогда, когда захотим.

Рент слегка сжал мои пальцы, помог подняться в салон и сел рядом, с трудом устроив раненую ногу.

— Трогай! — стукнул по стенке и повернулся ко мне. — Вы сегодня прекрасно выглядите, госпожа Дерт, — смущенно кашлянув, признал он. — Впрочем, вы всегда прекрасно выглядите.

Полковник снова завладел моей рукой.

— Благодарю.

Я взглянула на Рента и тут же опустила глаза, изображая смущение, которого и в помине не было. Но — правила есть правила!

В узком пространстве кареты повисла тягостная тишина. Полковник краснел, бледнел, пару раз подкрутил усы, потом выпустил мою ладонь и тяжело вздохнул. Я мило улыбалась, а сама пыталась найти внутри ту кроху магии, которая обычно ощущалась горячей яркой точкой.

Правда, сейчас я ее и близко не чувствовала. Не знаю почему.

Карета подпрыгивала на ухабах, полковник потел и отирал платком лоб, и я не выдержала.

— Как Бертиль? — решила найти хоть какую-то тему для разговора.

Последние два занятия прошли на редкость мирно, и я не могла понять, то ли просьбы полковника подействовали на дочь, то ли девочка затаилась, готовясь нанести решающий удар.

— Хорошо, — поспешно ответил мой спутник. — Вчера водил ее на утренник к Сандерсам, Бертиль очень понравилось.

— Девочкам ее возраста полезно бывать в компании сверстниц, — поддержала Рента.

— Вы тоже так считаете? — воодушевился тот и принялся рассказывать о дочери, а я кивала в нужных местах, улыбалась и изредка задавала вопросы.

Наконец, впереди показались купола собора, мы миновали главный храм Уэстена и подъехали к Велльской площади, на подступах к которой было столпотворение из экипажей, ребсов и горожан. Карета остановилась неподалеку от магазина Болтонов.

— Приехали, — опомнился полковник. — Надо

же, как быстро!

Он открыл дверцу и осторожно шагнул на мостовую. Я видела, что Рент не очень уверенно чувствует себя без трости, с которой почти никогда не расставался. Видимо, сегодня он оставил ее дома, потому что хотел произвести впечатление.

Душу захлестнуло жалостью. Бедный полковник. К чему такие жертвы? Меня ведь совершенно не волнует ни его внешность, ни мнимые недостатки, ни следы былых увечий. Внешняя красота — ничто, мне ли этого не знать? В душе плеснулась горечь. Роберт был дьявольски красив, но счастья это мне не принесло. Наоборот.

— Как много народу пришло на праздник! — подавая мне руку и помогая спуститься, сказал Рент. — Городские власти постарались на славу.

Я обвела взглядом заполненную нарядно одетыми людьми площадь, оплетенные разноцветными магсами деревья, украшенные сверкающими магическими гирляндами фасады домов, и согласилась с полковником. Да, в этом году совет не пожалел денег на устройство Авадана.

В центре, поблизости от памятника королю Эдуарду, неторопливо крутились карусели, чуть в стороне от них, рядом с фонтаном, расположились торговые ряды, а справа, неподалеку от нас,

духовой оркестр играл народную музыку, под которую танцевали горожане.

— Госпожа Дерт, полковник Рент, — сквозь звуки хорриса услышала я голос Долли Марчем и, обернувшись, увидела горящие жадным любопытством глаза.

Записная сплетница стояла от нас в двух шагах. Она шумно дышала и держалась за бок, как будто пробежала несколько миль. Странно. Откуда она здесь появилась? Еще минуту назад никого рядом не было и вдруг, пожалуйста.

— Как приятно видеть вас вместе! — щебетала Долли, ощупывая меня взглядом. — Такая красивая пара!

— Темного вечера, госпожа Марчем.

Полковник приветственно приподнял цилиндр и поклонился. А потом немного демонстративно взял меня под руку, словно давая понять, что я под его защитой. Этот жест неожиданно тронул меня до глубины души. Как же давно я не чувствовала рядом крепкого плеча, которое способно заслонить и от назойливых сплетниц, и от слухов, и от жизненных невзгод.

— Госпожа Дерт была так любезна, что согласилась пойти со мной на праздник, — счел нужным пояснить Рент, и я буквально увидела,

как закрутились мысли в голове у Долли. Марчем мгновенно сделала нужные выводы и расплылась в елейной улыбке.

— Как замечательно! — жеманно прикрыв ладошкой маленький рот, зачастила она. — Я всегда говорила, что госпоже Дерт нужно чаще бывать в обществе.

Круглые темные глазки шустро забегали по моему лицу. Мне даже захотелось стряхнуть этот надоедливый, как назойливое насекомое, взгляд.

— Вы совершенно правы, госпожа Марчем, — кивнул полковник. — И я постараюсь способствовать этому по мере сил.

— Прекрасные слова, господин полковник, можно сказать, золотые! — заявила Долли. — Ну, не буду вам мешать, — неискренне улыбаясь, добавила она, и устремилась к застывшим неподалеку сестрам Хьюз.

Те смотрели на нас во все глаза, но подойти не рискнули. Что ж, видели они достаточно. Теперь новость о том, что я пришла на праздник с полковником Рентом, облетит местных кумушек, а завтра об этом будет известно всему городу. Впрочем, мне это только на пользу. Если уж Рент пошел на подобный шаг, значит, дело идет к предложению.

Я сильнее оперлась на крепкую руку и придвинулась чуть ближе. Уверена, к концу вечера Рент решится на нужные слова. Только бы нам ничто не помешало!

— Госпожа Дерт, полковник… — нас замечали, нас узнавали, нам кланялись, на нас смотрели.

А Рент уверенно двигался вперед, с гордостью поглядывая на окружающих и пытаясь скрыть улыбку, но та сама собой наползала на его губы, делая полковника моложе и привлекательнее. В какой-то момент я даже поймала себя на том, что любуюсь будущим женихом. Что ни говори, а военные всегда вызывают в женской душе некий трепет. Наверное, потому, что мы подспудно ощущаем: они могут защитить от любого врага, и никому не дадут в обиду.

Я внимательно посмотрела на спутника. Мой отец, теперь вот Рент — они оба имели отношение к армии. Может, это судьба?

— Хотите портинов? — предложил Рент, кивнув на прилавки с традиционными эшерскими сладостями. Тут были и разноцветные марципановые пирожные, и нежная алленская пастила, и горы ярких фигурных тянучек, и огромные подносы с портинами — круглыми булочками с начинкой из смородины и апельсиновых цукатов. А на

специальных крючках висели связки сушеных яблок и груш, нитки с засахаренными фруктами, красные «бусы» из вяленой вишни, палочки со сливовыми конфетами и ореховой нугой.

У меня глаза разбежались при виде этой съедобной красоты. А она еще и пахла так, что руки сами тянулись взять и попробовать.

— Нам две порции портинов, — не дожидаясь моего ответа, заказал полковник. — И дюжину засахаренных слив. Я их с детства люблю, — слегка наклонившись ко мне, доверительно прошептал он.

И в этот момент показался таким простым и близким, что я едва удержалась от желания погладить его по щеке и сказать что-то доброе и ласковое.

— Знаете, госпожа Дерт, — словно почувствовав мое намерение, взволнованно произнес Рент, — когда я рядом с вами, мне кажется, что…

— Вдова Дерт, полковник, — неожиданно послышалось из-за спины.

О нет…! Да что ж такое-то?! Снова он. Ну чего бы этому настырному пирату не уехать из Уэстена куда подальше?

Я видела, как мгновенно изменился Рент. Он словно замкнулся, вновь нацепив привычную

маску невозмутимого старого вояки.

— Лорд Кейн, — повернувшись к банкиру, поклонился мой спутник, а мне пришлось присесть в неглубоком реверансе. Проклятые правила.

Взгляд зацепился за цепочку, выглядывающую из нагрудного кармана, и сердце тоскливо сжалось. Папенькины «Клерво». Не думала, что Кейн будет ими пользоваться.

— Вы позволите ненадолго украсть вашу прелестную спутницу, полковник? — обратился к Ренту пират.

Господи, за что? Несносный флибустьер! Пришел, испортил такой момент, да еще и издевается?!

Я возмущенно уставилась в нахальные серые глаза, но Кейна не тронул мой гнев. Проклятый банкир лишь едва заметно усмехнулся и тут же посерьезнел, выжидательно посмотрев на моего кавалера.

— Боюсь, лорд Кейн, это невозможно, — поторопилась ответить пирату. — Мы с господином Рентом собирались прокатиться на карусели.

Я многозначительно посмотрела на полковника, но тот был слишком прямолинейным и честным, чтобы поддержать мою ложь. Он замешкался, и Кейн тут же поспешил воспользоваться

этой заминкой.

— Нам с госпожой Дерт нужно обсудить одно неотложное дело, — уверенно сказал пират.

Неотложное дело? О Боже! Теперь уж точно не откажешься, потому что с высокородного негодяя станется устроить неприличную сцену, и выставить меня перед полковником в неприглядном свете. Скорее всего, именно этого он и добивается!

«Спокойно, Кэри, держи себя в руках, — уговаривала я себя. — Нельзя допускать скандала, от сегодняшнего вечера слишком многое зависит».

— Да, разумеется, — неохотно отпуская мою руку и отступая в сторону, произнес Рент.

А мне стало грустно. Почему в нашей жизни так много значат титулы и условности? Если бы это был не богатый лорд Кейн, а какой-нибудь обычный господин, полковник ни за что не отпустил бы меня с ним. А так… И ведь совсем недавно я думала, что наконец-то нашла надежное плечо, мужчину — того, кто сможет защитить от любых посягательств. Увы. Нет никакого надежного плеча, и защиты тоже нет. Как всегда, в решающий момент я остаюсь один на один с проблемой, и никто не способен мне помочь.

Проклятые устои общества… Почему женщина

поставлена в такое заведомо невыгодное положение? Почему все за нас решают мужчины, а мы даже права голоса не имеем, вынужденные делать то, что нам говорят?

— Вдова Дерт, — протянул ладонь Кейн, но я предпочла ее не заметить.

Посмотрела на пирата и оглянулась на полковника. Тот выглядел расстроенным, и даже не мог этого скрыть. В карих глазах затаилась грусть, а морщины вдоль щек стали глубже, изрезав лицо грубыми впадинами.

В душе шевельнулась жалость, и я внезапно осознала, как неправильно все происходящее. Рент не должен был меня отпускать. Не должен — и все. И без разницы, что подумает высокородный лорд или окружающие. Но нет. Рент, как и все, был слишком привержен правилам.

— Ваш заказ, господин. Десять керов, — громко произнесла торговка, протягивая Ренту пакет со сладостями, но полковник не сразу понял, чего она от него хочет.

— Ну же, миледи, — мой локоть оказался в крепком захвате, и мне пришлось отвлечься от происходящего и взглянуть на Кейна.

— Я никуда с вами не пойду, — решительно заявила я. — Нам совершенно не о чем разгова-

ривать.

— Думаете? — тихо спросил пират. — А если я расскажу вашему спутнику о наших… отношениях?

— Нет никаких отношений!

Я старалась говорить так, чтобы стоящий чуть поодаль Рент не услышал ни слова, а в душе боролись страх и негодование. Кейн не сделает этого! Или?..

— Но ведь полковник этого не знает, не так ли? — насмешливо сверкнул глазами Кейн.

— Вы не посмеете…

Я все еще не могла поверить, что пират решится на такую подлость.

— Еще как посмею, — жестко произнес Кейн и добавил: — В ваших же интересах не допустить скандала, не так ли? Вашу руку, — приказал он и, пользуясь моей растерянностью, увлек меня к весело пляшущей толпе.

— Куда вы меня ведете? Я не собираюсь с вами танцевать!

Я опомнилась и попыталась остановиться, но Кейн был неумолим. Он тащил меня вперед, не обращая внимания ни на окружающих и толкающих нас людей, ни на взгляды знакомых, ни на мое нежелание находиться с ним рядом.

— Могу я узнать, что вам от меня нужно? — рассерженно поинтересовалась у своего настырного спутника.

Вырваться из его захвата не было никакой возможности. Казалось, легче поезд остановить, чем этого несносного мужчину.

— Думаю, вам прекрасно известно, что, — усмехнулся пират, притягивая меня ближе и вступая в круг танцующих даренку.

Задорный плясовой ритм подхватил, закружил, понес по звонкому камню площади, сбивая дыхание и заставляя слишком остро ощущать близость мужчины.

— Вы невыносимы, милорд, — резко произнесла прямо в улыбающиеся губы, и тут же почувствовала, как рука пирата оказалась на моем бедре. Точнее, чуть ниже. Тело мгновенно отозвалось на это прикосновение. Вспомнились ночи с Робертом — долгие, бесстыдные, страстные, вспомнились шальные темные глаза, бесшабашная улыбка и горячий шепот…

— Прекратите, — прошипела я, пытаясь избавиться и от тяжести прошлого, и от настырной настойчивости Кейна.

Ладони так и чесались врезать по холеной физиономии, но я из последних сил старалась не

поддаваться эмоциям. Нельзя. Сейчас, когда Рент уже почти созрел для предложения, мне ни в коем случае нельзя устраивать скандал. Насколько я успела узнать характер полковника, его невеста должна иметь незапятнанную репутацию. И как прикажете этого добиться, если только и успеваешь уворачиваться от постыдных домогательств и непристойных предложений?!

— Что вы сказали?

Пират сделал вид, что не расслышал.

— Уберите руки, — глядя прямо в усмехающееся лицо, твердо сказала я.

Боже, помоги мне выйти из этого ужасного положения без потерь! Обещаю, если удастся незаметно избавиться от Кейна, я буду посещать все воскресные службы, а если Рент сделает мне предложение, то я собственноручно сошью покров на престол!

— Ну-ну, не стоит изображать благородную ледышку, миледи, — издевательски протянул Кейн, — вам это не идет. Ваши глаза, ваши губы, ваше тело — они выдают вас, госпожа Дерт. Я слишком хорошо умею читать язык страсти. И знаете, что я вижу? Вы страстная женщина, изголодавшаяся по мужской ласке, но почему-то предпочитающая это скрывать. Полагаю, из

обычного женского лицемерия.

— Вы не смеете так говорить, — холод в моем голосе способен был заморозить любого, но Кейн и бровью не повел, и тогда я изо всей силы наступила каблуком ему на ногу.

Глупая затея. Пират даже не почувствовал. Он продолжал кружить меня в даренке, ни на секунду не выпуская из объятий и не позволяя вырваться.

— К чему это наигранное возмущение? — продолжал насмехаться Кейн. — Я ведь вам нравлюсь.

— Вы отвратительный и самовлюбленный негодяй!

— Неправда. Вы краснеете, когда я рядом, ваше дыхание сбивается, и сердце бьется чаще. Несомненно, я вызываю у вас очень сильные эмоции.

— А вам не приходило в голову, что это может быть ненависть?

— Ненавидеть меня? Бросьте. Это удел соперников-мужчин. Женщины от меня без ума.

— Какая самонадеянность!

— Это не самонадеянность, миледи, а простая уверенность в себе и своих силах.

Кейн посмотрел на меня с превосходством и неожиданно спросил:

— Он уже сделал вам предложение? — резкий поворот в танце заставил меня задохнуться. — Полковник, — нетерпеливо пояснил пират.

— Нет, — неохотно ответила я.

Ах, если бы я могла ответить иначе! Если бы полковник действовал решительнее и сделал наконец это проклятое предложение! Это остановило бы пирата, ведь тогда ему пришлось бы иметь дело не со слабой женщиной, неспособной дать достойный отпор, а с мужчиной.

Музыка смолкла. Танцующие пары распались, и только Кейн все еще продолжал крепко держать меня за талию.

— Что ж, тем лучше, — хмыкнул он. — Вряд ли Рент решится на это в ближайшие несколько месяцев. Старые эдвардианцы так скучно предсказуемы! Они слишком хорошо воспитаны, чтобы позвать женщину замуж без долгих ухаживаний. А вам ведь деньги нужны очень срочно, не так ли?

— А вам-то что?

Я незаметно отступила на шаг назад, вынуждая Кейна разжать руки.

— Мне? О, у меня в этом деле свой интерес, — усмехнулся он.

— Даже не буду спрашивать, какой.

Все, хватит, поговорили. Нужно найти полковника и уломать его покинуть этот проклятый праздник. Скажу, что голова разболелась…

— Отчего же? Я вам охотно отвечу, — не отставал Кейн.

Он шагнул вперед, сокращая расстояние между нами до минимума, по его чувственным губам скользнула усмешка, а уже в следующую секунду они обрушились на мои, сминая, завоевывая, ломая сопротивление и заставляя забыть и о приличиях, и о собственном безвыходном положении, и о последствиях…

Нет, я не хочу! Я не могу… Руки взлетели, чтобы залепить пощечину, и бессильно опустились на обтянутые синим сукном плечи, а уже в следующую секунду мир вокруг вспыхнул ярким золотом и исчез.

Тело дрожало, меня кружило в каком-то вихре, казалось, я лечу в облаках, высоко-высоко, а Кейн — единственный, кто удерживает меня от падения, и он же — причина этого падения. Его губы, его ладони, его дыхание, горьковатый аромат… Все это сводило с ума и казалось таким знакомым! Будто я уже испытывала все это раньше. На меня словно затмение нашло: поцелуй был настолько ошеломляющим, что я на него ответила, позво-

лив наглому пирату добиться своего, и только потом с ужасом поняла, что наделала.

Всего минута слабости, всего один миг, так напомнивший мне прошлое, — и вот уже я стою посреди площади, в объятиях постороннего мужчины — и не просто мужчины, а первого ловеласа Уэстена, — и самозабвенно с ним целуюсь.

Падение с высоты оказалось болезненным. Боже, что же я натворила? Как могла так запутаться?

Душу окатило отчаянием. Проклятый пират… Как он посмел? Как ему удалось вернуть меня в давнее прошлое? Как он сумел заставить меня изменить себе? И почему я поддалась его напору?

Я быстро огляделась по сторонам и едва не застонала. На нас смотрели. Все, кто был поблизости, с жадным любопытством глазели на нашу пару и перешептывались.

Это конец. Ненавистный Кейн! Он только что, прилюдно, растоптал мою репутацию. И я… Как я могла позволить себе настолько забыться? Околдовал он меня, что ли?

Я отпрянула от Кейна, подняла глаза и наткнулась на смеющийся взгляд.

— Вот видите, вдова Дерт, — широко улыбнулся банкир. — Я был прав. Тело никогда не лжет,

его язык правдив, в отличие от слов. Как я и предполагал, вы действительно изголодались по мужской ласке.

Он продолжал говорить что-то еще, но я не слышала. Внутри горячей волной вскипал гнев, требующий отомстить мерзавцу, посмевшему сломать мою жизнь, выставив меня прилюдно в неприглядном свете, в висках шумел пульс, сердце билось все быстрее…

— Ненавижу! — выплюнула прямо в надменное лицо.

Если бы у меня было достаточно магии… Если бы я была полноценным магом! Я бы уничтожила этого негодяя, я бы…

Я попыталась поднять руку, чтобы залепить пирату пощечину, ударить, стереть с его лица это выражение надменного превосходства, но тело не слушалось, оно словно окаменело, предавая меня второй раз за последние несколько минут.

— Ненависть — интересное чувство, — усмехнулся Кейн, но его глаза оставались странно серьезными. Он отвел от моего лица выбившуюся из прически прядь, и этот жест, на фоне случившегося, показался неуместно нежным. — Оно сродни любви, такое же сильное и искреннее, но при этом лишено ненужной слащавости и

меркантильности. Очень правильное чувство, миледи, — серые глаза на миг вспыхнули и тут же потухли, оставив подернутые пеплом усталой безнадежности угли. — И теперь вы это знаете так же хорошо, как и я, — тихо добавил пират.

Он обвел взглядом застывших вокруг людей, блеснул улыбкой, в которой мне почудилось сочувствие, и, не сказав больше ни слова, развернулся и пошел прочь.

Перед ним поспешно расступались, но он даже не замечал этого. Шел, высоко вскинув свою темноволосую голову, и не обращал внимания ни на шепот окружающих, ни на любопытные взгляды, ни на громкие восклицания компании подвыпивших мужчин, обретающихся неподалеку от крутящейся карусели. Ее разноцветные огоньки весело мигали, расписные деревянные лошади поднимались вверх и опускались вниз, раскинутый сверху полосатый шатер тоже кружился, и этот круговорот казался бесконечным.

Я отмечала все эти мелочи, но ничего не слышала и не понимала. Внутри стало так пусто, как будто там никогда не было ни сердца, ни души. Я словно онемела и оглохла одновременно.

Вокруг о чем-то говорили, на меня смотрели, кто-то даже показывал пальцем, а я стояла на

площади и чувствовала себя одинокой, как в безлюдной пустыне.

Да так оно и было. После того, что сделал Кейн, моя репутация, моя жизнь, мое самолюбие — все это больше не стоит и кера. В глазах уэстенцев я теперь опозоренная женщина. Со мной никто не будет общаться, меня перестанут узнавать на улице и приглашать в дом, а при встрече каждая уважающая себя дама поспешит перейти на другую сторону улицы.

Не знаю, за что меня так ненавидит Кейн, но он добился своего. Он меня уничтожил.

На душе стало так горько, что хоть плачь!

— Госпожа Дерт, простите, может быть, мы плохо осведомлены, — послышался рядом со мной знакомый голос.

Я медленно, с трудом, повернула голову. Неподалеку замерли сестры Хьюз, а впереди, как полководец, ведущий армию в бой, стояла Долли Марчем.

— Лорд Кейн сделал вам предложение? — елейным голоском уточнила первая сплетница Уэстена, а я смотрела на нее и пыталась придумать выход. Но его не было. Не было…

— Госпожа Дерт? — тонкие брови Долли поднялись так высоко, что почти достигли кромки

фальшивых волос.

— Мы с лордом Кейном пока не пришли к единому мнению по этому вопросу, — губы произносили лживые слова, а в душе бурлило негодование.

Дьявол побери этих лицемерных старых дев! Им просто необходимо сунуть свои длинные носы в чужую жизнь.

— О!

Глаза Долли округлились, сестры Хьюз шокированно прикрыли рты руками, а стоящие чуть поодаль Мелинда Коуэнн и ее кузина Триш многозначительно переглянулись. Я видела все это, краем сознания оценивая происходящее, но глубоко в душе все еще не могла поверить, что моя прежняя жизнь в одночасье рухнула.

Пустота, заполнившая все внутри, не позволяла до конца осознать эту мысль. Я пыталась взять себя в руки, пыталась придумать, как выкрутиться, но ничего не получалось. Единственное, что могло меня спасти — это предложение. От Кейна или от любого другого мужчины, способного дать мне защиту и свое имя.

— Получается, лорд Кейн не собирается на вас жениться? — придушенным шепотом спросила младшая из сестер Хьюз.

— Получается, что нет, — я в упор посмотрела на старую ведьму и не смогла удержаться от язвительной усмешки, когда увидела, как побледнело ее вытянутое лицо и какой возмущенной выглядит вторая сестра.

— Что ж, госпожа Дерт, боюсь, нам теперь все предельно ясно, — сухо произнесла Долли.

Она вскинула подбородок, попробовав посмотреть на меня сверху вниз, но ее роста для этого не хватило, и Марчем, презрительно поджав губы, кивнула своим «соратницам» и двинулась прочь. Сестры Хьюз поспешили следом, а я смотрела, как удаляются от меня одна полная и две худые фигуры, и понимала, что это конец. Полный и безоговорочный конец. В Уэстене мне жизни не будет.

Взгляд скользил по лицам горожан, выискивая хотя бы одно доброжелательное, но те, словно окна в непогоду, выглядели закрытыми и неприветливыми.

Я повернулась к торговым прилавкам и обнаружила полковника, стоящего с пакетом в руках. Рент казался мрачным. Он словно разом постарел еще на несколько лет. Широкий лоб пересекали глубокие морщины, пышные усы уныло повисли, длинные седые волосы трепал поднявшийся ве-

тер, а широкие плечи поникли, как под тяжелой ношей. Наши взгляды на секунду встретились, но полковник тут же отвел глаза, и я поняла, что между нами все кончено. Хотя, как может закончиться то, что толком и не начиналось?

Воздух стал плотным, вязким, заполненным белыми мушками. Они кружили перед моим лицом все быстрее, шум толпы стал отдаляться, и я почувствовала, как ускользает сознание, как немеют губы, каким тяжелым становится дыхание…

Боже, нет. Я должна взять себя в руки. Нельзя показывать слабость. Только не сейчас.

Я крепко сжала кулаки, до боли впиваясь ногтями в ладони, вскинула голову и двинулась к стоянке ребсов. Шаг. Еще один. И еще. Люди расступались, где-то вдали звучали музыка и громкий смех, а я шла вперед и не видела перед собой ничего, кроме высокого купола собора и цепляющихся за его шпиль облаков.

***

Я почти не помнила, как добралась до дома, как разделась и выпроводила приставшую с расспросами Ильду, как легла в постель и попыталась забыться сном. Сознание происходящего

вернулось лишь поздно ночью, когда стихли все звуки, и на город опустилась тоскливая тишина. Она была сродни той, которая засела в моей душе. Правда, это не мешало хороводу мыслей, что кружили подобно аваданской карусели.

Почему я так легко поддалась на поцелуй пирата? Как позволила втянуть себя во всю эту историю? И можно ли было как-то избежать того, что произошло?

Я снова и снова возвращалась к минувшему вечеру, находила сотни достойных ответов, которыми могла бы отделаться от Кейна, и каждый раз понимала, что ни один из них ничего бы не изменил. С самого первого дня нашего странного противостояния Кейн загонял меня, как добычу, и на Авадан пират пришел с одной единственной целью — завершить эту охоту, добить, сложить в охотничью сумку упрямый трофей. Правда, я никак не могла понять, зачем? Почему один из самых могущественных и знатных людей Уэстена решил меня уничтожить? Я ведь не сделала ему ничего плохого, так откуда столько убийственной ненависти? И для чего он выбрал такой унизительный способ расправы?

Внутри все горело огнем от обиды и желания поквитаться с мерзким ублюдком, разрушившим

мою жизнь, и я обдумывала планы мести, но все они казались нежизнеспособными.

Что может обычная женщина в мире, где всем правят мужчины? Последние пять лет я только и делала, что пыталась выжить и удержаться на плаву. Сколько уловок приходилось применять? Сколько раз я рисковала, используя свою магию, чтобы добиться списания долгов у мясника и молочника? Сколько улыбок расточала кредитору Зайнису? Как старательно избегала ловушек, расставляемых местными ловеласами! И что? Одна нелепая прихоть Кейна, и все мои усилия оказались напрасны.

Я примерно представляла, что меня теперь ждет. Пара-тройка дней — и большинство нанимателей откажутся от моих услуг, в лавках закроют кредит, а господин Вейс попросит освободить жилье, потому что у него «жена и две дочери, которых не должны касаться грязные слухи». И что тогда делать?

Не в силах справиться с отчаянием, поднялась с постели и подошла к окну. Мысли в голове бродили самые мрачные. Выход… Где его искать?

Добропорядочные уэстенцы, как и их предки-колонисты, слишком нетерпимы в вопросах морали, а я посмела нарушить самую главную

заповедь — попрала все правила приличия и выставила свой грех напоказ. Непростительное деяние! Если бы я встречалась с Кейном тайно и скрывала эту связь от окружающих, то те, даже узнав об этом, лицемерно сделали бы вид, что не в курсе происходящего. Я оставалась бы уважаемой женщиной, а уэстенские дамы могли бы радоваться тому, что соблюдены все приличия. А теперь… Я ведь сама сделала все, чтобы избежать скандала, и никто не видел, что Кейн действовал против моей воли. Зато все видели наш поцелуй, и теперь лицемерные горожане уверены, что он произошел по моему желанию. Боже, что же делать-то?

Один раз… Достаточно оступиться один-единственный раз, и от тебя отвернутся все. Особенно будут усердствовать женщины. О, они, как никто другой, умеют облить «грешницу» презрением! Никогда не понимала этого ханжества и жестокости. То, что мужчине легко сходит с рук и признается обществом милой шалостью, женщину способно погубить на веки вечные.

Господи, вот как? Как я могла поддаться Кейну? Я ведь не собиралась отвечать на его поцелуй! Так почему же ответила? Еще и сны эти, которые словно прорастают в душу, выныривая на поверх-

ность в самый неподходящий момент и лишая сил к сопротивлению… И ведь они появились как раз после того, как Кейн выказал ко мне интерес. Пять лет я даже не думала о мужчинах, а тут вдруг и сновидения, и желания, и воспоминания… Что, если пират использовал какую-то магию? Никто ведь точно не знает, каким даром он владеет. Что, если ментальным? Только этим и можно объяснить мои эмоции и ощущения.

Но тогда… Это же очень страшно. Что я смогу ему противопоставить, если Кейн решит довести все до логического конца? Он ведь, кажется, хотел, чтобы я стала его любовницей?

Господи… Какой-то бред…

Я прислонилась лбом к прохладному окну и прикрыла глаза.

Нет. Кейн не мог… Или мог? Да нет, ментальная магия — слишком редкий дар, им владеют только высшие, те, кто принадлежит к императорской семье, а Кейны входят во вторую десятку эшерской аристократии, они не обладают нужным уровнем магии. Всего лишь вторым. И мне, вместо того, чтобы копаться в произошедшем, нужно думать о том, что делать.

В висках пульсировала боль, но я не обращала на нее внимания и лихорадочно перебирала

возможные варианты спасения.

Правда, что бы я ни придумывала, все было нежизнеспособным, и вырисовывалась одна-единственная реальная перспектива — уехать. Уехать подальше, туда, куда не дойдут слухи о моем падении. А что? Тех ста олдеров, что я отложила с продажи часов, должно хватить на переезд и обустройство на новом месте. И даже на первое время проживания останется. Вот только была одна загвоздка — что делать с дядей Ирвином? Если меня не будет рядом, он и месяца не протянет. Кто принесет ему еду? Кто купит нужные лекарства? Кто сможет оплатить оставшуюся часть долга?

Если бы я могла придумать что-то другое! То, что позволило бы мне остаться. Но нет. Вариантов не было.

От собственного бессилия захотелось плакать, правда, я сдержалась и только сильнее стиснула кулаки. Проклятый Кейн! Походя уничтожил мою репутацию, и горя не знает. Чтоб ему аукнулась моя беда! Должен же он однажды получить по заслугам?

До самого утра я ходила по спальне из угла в угол, но так и не смогла ни на что решиться. Все упиралось в деньги. Шестьсот олдеров из

полученных за продажу часов я отдала кредитору дядюшки, оставив себе сто. Будь у меня еще триста олдеров, я сумела бы выплатить долг дяди Ирвина, забрать старика из Найсберри и уехать вместе с ним куда подальше. И попробовать начать жизнь на новом месте. Но где взять нужную сумму?

Взгляд прошелся по комнате в поисках того, что еще можно было бы продать, и остановился на толстой книге, лежащей на прикроватном столике. Семейная библия… Совершенно бесполезная и ни на что не годная вещь. Сама не знаю зачем, я подошла к ней и принялась бездумно листать страницы. Они мелькали перед глазами, пестрели темными буквами, тихо шелестели под моими пальцами, и постепенно я стала слышать в этом шелесте обрывки каких-то странных слов.

«Арауэни орсо гоби… Арауэни орсо гоби…»

Они повторялись снова и снова, впиваясь в мое тело острыми осколками, проникая в кровь и растекаясь по телу прохладными льдинками, отпечатываясь в сознании и оставаясь в памяти.

Я не понимала, что они значат. Наверное, это обрывки тех семейных заклинаний, о которых говорил дядя Ирвин. Именно обрывки, потому что настоящие заклятия состоят не меньше, чем из

семи слов, это известно всем. Семь — сакральное число для эшерцев. Кровь, металл, камень, вода, дерево, земля, плоть — основные составляющие магии, входящие в эту семерку. А я слышу всего три каких-то непонятных слова. Может, попытаться найти оставшиеся?

Но как я ни вглядывалась в ровные строчки, как ни пыталась услышать недостающую часть заклинания, все было напрасно.

Семейная библия не захотела раскрыть мне свои секреты.

***

Рассвет просочился в комнату серой дымкой, застав меня врасплох. Я слышала, как Ильда, бормоча и шаркая, прошла на кухню, как загремела посуда и раздался резкий металлический звук совка для угля. Похоже, служанка собиралась растапливать печь. Грохот отодвигаемой заслонки подтвердил мою правоту, и я, отложив книгу, тяжело вздохнула.

Что ж, пройдет еще пара часов, и Ильда узнает о моем позоре. В Уэстене новости распространяются быстро. От дома к дому, от прислуги к прислуге, от одной визитирующей дамы к другой.

Сердце сжалось от осознания того, что меня

ждет.

«Возьми себя в руки, Кэри, — осадила разошедшееся воображение. — Ты справишься. И плевать, что о тебе говорят и думают, главное, чтобы ты сама могла себя уважать».

Я отдернула шторы и распахнула окно.

— Госпожа Кэролайн, вы уже встали?

Привлеченная шумом Ильда просунула голову в дверь и удивленно уставилась на меня своими темными непроницаемыми глазами. Иногда мне казалось, что у Иль в роду были акаучи. Уж больно она походила на коренных жителей Эшера.

— Да, — коротко ответила служанке.

— Чего ж вы в такую рань поднялись?

— Не спалось, — пожала плечами, думая о том, все ли откажутся от занятий или кому-то будут безразличны ходящие обо мне слухи.

Допустим, пастор Роунс вполне может сохранить за мной уроки со своими маленькими прихожанами. Бернсы тоже вряд ли захотят прекратить занятия, а вот леди Оукс и госпожа Редж, скорее всего, даже разговаривать со мной не станут. Еще бы! Я ведь могу бросить тень на их репутацию. Ну и полковник Рент… Тот уж точно не захочет, чтобы его дочь училась у скомпрометированной дамы.

Грустно. Но никуда не денешься.

Я вздохнула, и Ильда тут же подошла ближе и подозрительно уставилась мне в лицо.

— Госпожа Кэролайн, а вы, случаем, не заболели? — обеспокоено спросила она. — Какая-то вы бледная. И под глазами круги. Может, за доктором сходить?

— Не нужно, — остановила я чересчур наблюдательную служанку. — Просто голова побаливает. Пройдет.

— Так я чаю заварю, покрепче, да? — не столько меня, сколько себя спросила Иль и торопливо посеменила к двери. — Он вам всегда помогает.

Я посмотрела на закрывшуюся за Ильдой дверь и поняла, что не выдержу общения со служанкой. Та обязательно пристанет с расспросами о прошедшем празднике, и что я ей скажу? У меня сейчас ни сил, ни желания разговаривать нет, но ведь Ильду это не остановит.

Я оглядела комнату, почти физически ощущая, как давят на меня ее стены, бросила взгляд в открытое окно, на окрасившиеся легким розовым светом облака, и решительно потянулась за щеткой для волос. Не нужен мне никакой чай. Не поможет. Надо выбраться отсюда и подумать на свободе, под низким небом Уэстена. Глядишь, и

тоска пройдет, и голова болеть перестанет.

Быстро умывшись, соорудила простую прическу, надела серый, не привлекающий внимания костюм и тихо вышла из комнаты.

— Госпожа Кэролайн, куда же вы? А чай? — выглянула из кухни Иль.

— Потом, Ильда. Я тороплюсь, — отмахнулась от служанки и, не дожидаясь новых вопросов, выскочила за дверь.

***

На улице было тепло и сухо. Погода, словно пытаясь поднять мне настроение, одарила Уэстен настоящим летним деньком. Несмотря на ранний час, солнце светило ярко, отражаясь от оконных стекол веселыми зайчиками, а в воздухе стоял непередаваемый аромат гвоздик, цветущих на городских клумбах почти до самых холодов. И небо было высоким, с легкими облачками, рассыпавшимися по яркой синеве белыми крупинками рисового пудинга.

На душе стало чуть светлее. Нет, боль и отчаяние до конца не ушли, они просто притупились, но я и этому была рада.

Поправив шляпку, вскинула голову и пошла в сторону канала.

Я сама точно не знала, почему иду именно туда. Просто потянуло к воде, захотелось услышать крики чаек и ощутить влажный, солоноватый на вкус воздух, так остро пахнущий водорослями и старыми рыбацкими сетями. Истонский канал брал свое начало из устья реки Инаучи и впадал в Искайский залив, до которого от Среднего Уэстена была всего пара миль. Правда, гулять по берегу в одиночестве рисковали немногие, а вот рядом с каналом, да еще и если ветер дул со стороны океана, можно было получить иллюзию прогулки по побережью.

Я медленно шла вперед, почти не глядя по сторонам. Раннее утро в этой части города не было таким шумным и деятельным, как в Верхнем или Нижнем Уэстене.

Изредка открывались двери домов и служанки выставляли на ступеньки кувшины для молока. Вдали скрипела тележка молочника. Где-то впереди слышался хлопающий звук незакрытых оконных створок, а из переулка доносился ленивый лай собаки.

Белые аккуратные домики под серыми крышами, прямые неширокие улицы, чистые тротуары, зеленые газоны — Средний Уэстен выглядел таким же респектабельным, как и его жители.

Здесь в основном селились военные и чиновники, зажиточные торговцы и состоятельные вдовы. Многие имели собственные дома, кто-то, как и я, платил аренду. Почти десять лет моей жизни прошло в этом спокойном квартале. Роберт привез меня сюда сразу после свадьбы, и некоторое время мы были тут очень счастливы. И даже после смерти мужа я не смогла заставить себя перебраться в Нижний Уэстен.

Кто ж знал, что однажды мне все-таки придется отсюда уехать, причем не по собственной воле?

Я свернула на Ирбрук-роу и вышла к каналу. Чуть дальше, там, где начинался Нижний Уэстен, кипела жизнь, а здесь, рядом с высоким парапетом, было тихо и пустынно. Лишь неподалеку от моста, спиной ко мне, неподвижным изваянием застыл какой-то мужчина. Он опирался на чугунные перила и смотрел на воду, задумчивый и полностью погруженный в свои мысли. Я равнодушно скользнула по нему взглядом. Высокий, одетый в темный костюм, черный цилиндр поблескивает на солнце, длинный сюртук больше похож на плащ. Скорее всего, какой-нибудь заезжий столичный франт, на местного совсем не похож. Да и кому из уэстенских господ придет в голову любоваться каналом ранним утром?

В этот момент незнакомец чуть повернул голову, и моего равнодушия как не бывало. Я ощутила, как внутри снова поднимается душная тяжелая волна, сбивающая с мыслей и заставляющая сердце громко стучать в груди. Кейн. Проклятый пират, что походя уничтожил мою жизнь. Стоит, как ни в чем не бывало, и наблюдает за переливающимися на солнце волнами. И лицо такое задумчивое, непохожее на обычное, без привычной надменной маски.

И что теперь делать? Уйти? Или подойти и задать вопрос, который мучил меня всю ночь?

Кейн, словно почувствовав мое присутствие, повернулся, окинул меня медленным взглядом, и по мере того, как этот взгляд скользил по моей фигуре, его выражение менялось, став хищным, настороженным и опасным, а губы все шире растягивались в издевательской усмешке.

— Вдова Дерт.

Затянутая в перчатку рука приподнимает черный блестящий цилиндр. Холодное лицо кажется выточенным из мрамора — такое же бездушное и неподвижное. А вот в глазах… В серых глазах застыла странная смесь: насмешка, понимание, жалость…

Жалость. Она полоснула по сердцу, словно

острым ножом, прошлась по моему самолюбию, разбудила утихшую было ярость, и я не выдержала. Быстро пересекла разделяющее нас с Кейном пространство и ударила. По лицу. Наотмашь.

Пусть у меня нет отца, брата или мужа, способных защитить мою честь, но у меня есть я. И я сама могу за себя постоять. Тем более что терять мне уже нечего.

Звук пощечины показался оглушительным. На смуглой щеке пирата отпечатался яркий след моей ладони, а у меня перед глазами поплыли обрывки заклинания. «Арауэни орсо гоби… Арауэни орсо гоби… — горели и переливались загадочные слова. — Арауэни орсо гоби…»

И в этот момент что-то изменилось: во мне, в мире, в стоящем напротив человеке. Кейн едва заметно вздрогнул, на секунду прикрыл веки, а потом посмотрел на меня удивленным взглядом и застыл.

— Вы… — с трудом произнес он и замолчал, напряженно уставившись мне в лицо. Зрачки его расширились. — Что вы…

Никогда не думала, что тьма может быть серой, но именно такой она была в глазах застывшего рядом со мной мужчины. И я видела, как они темнеют все больше, наливаясь свинцовым холодом,

в котором зарождается самая настоящая буря.

Мне даже не по себе стало. Вот уж не представляла, что взгляд может быть таким… Даже не знаю, как это назвать. Уничтожающим? Взбешенным? Убийственным? Впрочем, я и не хочу ничего знать. Хватит с меня Кейна и его поганого характера.

Я вскинула голову, резко развернулась и пошла прочь, потирая горящую от удара ладонь. И зачем, спрашивается, сняла перчатки? На душе было удивительно спокойно, как будто вместе с пощечиной ушла вся боль, все отчаяние и стыд, что мучили меня со вчерашнего вечера, и будущее перестало казаться таким безнадежным.

Ничего, я обязательно выкручусь. Кейну меня не сломать. Пусть хоть все поверят в нашу связь и отвернутся, но я-то знаю правду и мне должно быть все равно, что думают другие.

— Вдова Дерт! — раздался позади громкий окрик, но я не стала оборачиваться.

— Идите к черту! — громко ответила пирату и прибавила шаг.

Все. Кейна больше нет в моей жизни. Его для меня не существует, как не существует и того поцелуя, который до последней минуты горел у меня на губах. Довольно. Отныне никаких флибу-

стьеров, никаких джунглей, никаких хищников.

Правда, сам флибустьер, похоже, думал иначе.

Он легко догнал меня и схватил за руку, вынуждая повернуться.

— Отпустите. Немедленно, — дернулась я, но Кейн держал крепко.

— Не раньше, чем мы поговорим, — серая беснующаяся тьма казалась обжигающе холодной.

— Вчера вы уже много чего наговорили, — усмехнулась прямо в красивое ледяное лицо.

— Забудьте, — поморщился Кейн.

Он сжал мою ладонь сильнее, но, кажется, даже не заметил этого.

— Вам нравится причинять боль?

Вздох сорвался помимо воли. Я не хотела показывать своей слабости, но не удержалась. Хорошо хоть, не скривилась.

— Что?

Кейн выглядел странно. Он казался собранным и в то же время таким далеким, словно его мысли витали где-то на другом конце Эшера.

Я попыталась высвободить свою ладонь из его захвата, и пират, будто опомнившись, разжал пальцы.

— Что еще вам от меня нужно, лорд Кейн? Разве вам недостаточно того, что вы уже сделали? — не

смогла удержаться от вопроса.

Нет, мне правда хотелось знать, чего ждать.

— И что же такого ужасного я сделал?

Темная бровь вопросительно изогнулась.

Боже! Он что, даже не помнит?

Я смотрела в лицо стоящего напротив мужчины и пыталась найти в нем хоть какие-то следы раскаяния, но их не было. Зато были усмехающиеся губы, едва заметная ямочка на подбородке, легкая щетина на чуть впалых щеках…

— Вы уничтожили мою репутацию, прилюдно унизили меня и выставили распутной женщиной, но я так и не поняла, зачем? — устало спросила я.

Вчерашнее происшествие и бессонная ночь не прошли даром. Только недавно сил было с избытком и мне казалось, что я могу дойти до самого залива, а сейчас они разом меня покинули, и ноги налились свинцовой тяжестью.

Кейн посмотрел мне в глаза — пристально, будто что-то решая, — а потом неожиданно отрывисто произнес:

— Я…

Он замолчал.

Я отступила на шаг, стремясь увеличить расстояние между нами.

— Я прошу вас…

Я сделала еще один шаг. Это ведь не то, о чем я думаю? Неужели всемогущий мерзавец решил извиниться? Или… Да нет, это всего лишь очередная нелепая выходка и попытка надо мной посмеяться.

— Я прошу вас стать моей женой, — сухо сказал флибустьер.

Он еще и издевается…

Я молча развернулась и пошла вдоль чугунного парапета. Ненавижу. Ненавижу этого невыносимого мужчину! Ненавижу так, что впервые в жизни мечтаю о чьей-то смерти.

— Госпожа Дерт! Кэролайн!

Далеко уйти мне не дали. Крепкая рука обняла за талию, развернула, и я оказалась лицом к лицу со своим врагом.

— Вы не ответили, — сумрачно посмотрел на меня Кейн.

— Вам нравится меня изводить? — даже не сдерживая своей ненависти, спросила я. — Почему бы не найти для своих игр кого-нибудь другого?

— Это не игра, — отрывисто произнес Кейн и посмотрел на меня с непонятным нетерпением. — Вы мне ответите, дьявол вас дери?

Я молчала. Глядела на пирата и молчала, не

веря ни одному его слову и ни единому намерению.

— Кэролайн?

— Да, — усмехнулась прямо в грозовые глаза. — Мой ответ — да. И что теперь? Объявите о нашей помолвке?

Я рассмеялась. Смотрела на мрачного пирата и смеялась. Неожиданно стало наплевать на все: и на репутацию, и на мнение знакомых, и на то, что ждет меня в будущем. Какая разница? К дьяволу и Кейна, и лицемерных уэстенцев, и глупые правила приличия!

— У вас истерика, — буравя меня ледяным взглядом, недовольно процедил Кейн и добавил: — И да, я собираюсь пойти к преподобному Роунсу и объявить о нашей помолвке.

Он сказал это так серьезно, что у меня даже сомнение закралось. А что, если Кейн говорит правду? Что, если он действительно хочет на мне жениться? И тут же шикнула на саму себя. Какая помолвка? Какой брак? Всего лишь попытка продолжить непонятную игру.

— Кэролайн?

— Желаю удачи, милорд, — усмехнулась в ответ и пошла прочь.

Пусть себе развлекается. Мне все равно. Не

собираюсь я больше участвовать в этом нелепом фарсе.

— Да подождите же! Неужели вы не понимаете, что только я один могу заткнуть рты всем уэстенским поборникам морали?

Меня снова поймали и попытались удержать. Нет, это уже слишком.

Я резко наступила пирату на ногу, Кейн чертыхнулся сквозь зубы, но не отпустил.

— Я смотрю, вам понравилось портить мою обувь, — хмыкнул он.

— Немедленно уберите руки! — тихо прошипела в надменное лицо.

— Кэролайн, прекратите вырываться, — встряхнул меня пират.

— Да отпустите же! — отчаянно крикнула в ответ, понимая, что моих сил не хватает, чтобы сражаться с мужчиной. Он был слишком большим и крепким, и все мои попытки вывернуться выглядели настолько смехотворными, как если бы котенок вздумал сражаться со львом. — Почему вы все время меня хватаете? И почему ведете себя так, будто у вас есть на это право?

Ответить Кейн не успел.

— О! — послышалось за нашими спинами громкое удивленное восклицание. — Не может

быть…

Мне даже оглядываться не нужно было. Долли Марчем. Опять она.

— Светлого дня, лорд Кейн, — проигнорировав мое присутствие, поздоровалась главная уэстенская сплетница. — Какая неожиданная встреча.

Неожиданная? Не уверена. Похоже, Долли специально выходит из дома пораньше и рыскает по городу в поисках новостей. А кто сейчас на пике популярности у местных кумушек? Правильно. Я. Называется, найди Кэролайн Дерт — и сногсшибательные новости тебе обеспечены!

— Добрый день, — не оборачиваясь, бросил Кейн.

Он продолжал сверлить меня пристальным взглядом и вовсе не собирался выпускать из своего захвата. Секунда, другая… А потом в пирате что-то неуловимо изменилось. Кейн ловко взял меня под руку, развернулся вместе со мной и обаятельно улыбнулся Марчем.

— Вы слышали главную новость дня? — спросил он у Долли своим невыносимо чувственным и бархатным голосом.

— Какую, милорд?

Марчем подалась вперед и замерла, жадно разглядывая и нас с пиратом, и положение его

ладони, крепко сжимающей мою, и более чем близкое расстояние между нами.

— Мы с госпожой Дерт собираемся пожениться, — с чувством ответил Кейн.

— Да что вы? — удивленно воскликнула Долли и я чуть было не воскликнула то же самое. Но надо отдать должное нашей собирательнице слухов, опомнилась она быстро. — Какая замечательная, нет, просто потрясающая новость! Госпожа Дерт, поздравляю! — наконец «заметила» она меня. — Я всегда говорила, что вы с лордом Кейном удивительно подходите друг другу. Такая красивая пара…

Марчем приложила руку к бурно вздымающейся от волнения груди и продолжила:

— А госпожа Дерт такая скромница, не призналась вчера, что вы, милорд, предложение сделали.

Долли сложила губки бантиком и посмотрела на меня с мягким укором. Ну, ни дать ни взять милая добрая тетушка!

— Да, Кэролайн — сама скромность, — невозмутимо кивнул Кейн, все так же крепко придерживая меня за локоток. — Госпожа Дерт слишком долго не давала ответа, а потому мне пришлось подтолкнуть ее поверить своим чувствам.

— Ах, так вот что это было! — понимающе кивнула Долли. — Предложение.

Ее маленькие глазки алчно блеснули.

Да… Кто-то жаден до денег, кто-то собирает коллекционные монеты, а Марчем — слухи. Старая дева только ими и живет. Теперь она разнесет новость о нашей с Кейном помолвке по всему Уэстену, и город взорвется. Понять бы еще, что задумал пират? Зачем ему это нужно? Унизить меня еще больше? Вряд ли это возможно. По-моему, все и так уже хуже некуда.

А Кейн, воспользовавшись моей задумчивостью, привлек меня еще ближе и, коротко кивнув Марчем, быстренько с ней попрощался и потащил меня за собой.

— И что это было? — поинтересовалась я.

— Объявление о помолвке, — сухо ответил Кейн.

Сейчас это снова был тот опасный флибустьер, которого я знала.

— Надеюсь, вы в состоянии в это поверить? — нахмурился Кейн.

— Где уж мне! — хмыкнула в ответ и снова попыталась вырваться из крепкого захвата. — Отпустите! Куда вы меня все время тащите? Я не собираюсь никуда с вами идти!

— Да неужели? — язвительно бросил Кейн.

Все благодушие с него слетело, и он выглядел злым и очень… очень решительным.

— Хватит упираться, Кэри, — прорычал он и прибавил шаг, вынуждая меня почти бежать. — Вы станете моей женой, хотите вы того или нет.

— Может, объясните, откуда такие перемены? Помнится, совсем недавно вы предлагали мне роль любовницы и вдруг такой странный жест… С чего бы это?

— Какая разница? — буркнул пират. — Вы должны быть счастливы и не задавать глупых вопросов.

— Счастлива? Это еще почему?

— Ну как же? Ваше доброе имя будет восстановлено, и кем? Виновником вашего позора. Разве это не достойный повод для счастья?

— Может, тогда объясните мне, для чего все это было? Или это такой новый способ ухаживания?

— Какая разница? — буркнул Кейн.

Он тащил меня вперед с целеустремленностью паровоза, не обращая внимания ни на встречающихся на пути людей, ни на приветствия знакомых, ни на мое сбившееся дыхание. А я… Я никак не могла понять, чего ждать дальше — то ли очередной насмешки, то ли действительно

объявления о помолвке.

Эмоции куда-то схлынули, им на смену пришел холодный расчет, и я попыталась обдумать все варианты. Если это очередная игра, то никакой помолвки и свадьбы не будет. Слухов станет еще больше, ненависти и злорадства окружающих — тоже, и тогда уж мне точно придется уехать. Но что, если Кейн говорит правду? Что, если он действительно собирается на мне жениться? Звучит, как полный бред, конечно. Зачем ему это делать? И все же…

Я покосилась на пирата. Тот выглядел так, словно не о помолвке собирался объявить, а о начале войны. В душе снова заворочались ненависть и обида, но я задавила их поглубже, понимая, что они мне сейчас не помощники. Нужно думать не о гордости, а о своем добром имени, которое будет восстановлено, и о дяде, прозябающем в Найсберри. Если Кейн действительно хочет на мне жениться, — о Боже, как странно это звучит! — я заставлю его вытащить дядю Ирвина из тюрьмы.

— Прекратите сомневаться, — поймав мой взгляд, резко сказал Кейн.

Я промолчала. Да и какой смысл что-либо говорить? Все равно ничего не понятно.

Мы подошли к церкви, и Кейн, миновав запу-

щенный сад, остановился у дверей приходского дома.

— Готовы? — бросив на меня короткий взгляд, спросил пират.

— К чему?

— К официальному оглашению.

— Боюсь, к этому невозможно подготовиться, — хмыкнула я. — Тем более, оглашение делается во время службы, так что сегодня это вряд ли возможно.

Кейн как-то странно посмотрел на меня, криво усмехнулся и собирался ответить, но в этот момент дверь распахнулась, и на пороге показалась экономка преподобного.

— Пастор Роунс не принимает, — сурово заявила она, закрывая проем своей дородной фигурой.

— Но он дома, — утвердительно сказал Кейн.

— Дома, — кивнула Марта и упрямо добавила: — Преподобный не принимает.

— Марта, кто там? — послышался из глубины дома знакомый голос.

— Никто, — отрезала Марта. — Так, мимо проходили.

Похоже, ей было все равно, кто перед ней стоит. Госпожа Эванс истово охраняла покой преподобного, и не собиралась нас впускать.

— Пастор Роунс, можно вас на минуточку? — с легкостью отстранив Марту, громко произнес пират в узкое пространство холла.

Где-то в глубине дома раздался звук шаркающих шагов.

— Кто меня спрашивает? — добродушно спросил преподобный, спустя пару минут возникая за спиной экономки. — А, лорд Кейн, — в голосе пастора послышалось удивление. Еще бы! Кейн в церкви не частый гость.

И тут Роунс увидел меня, и его удивление усилилось еще больше.

— Кэролайн, и вы здесь? — добрые внимательные глаза смотрели внимательно. — Что привело вас ко мне? Марта, позволь гостям пройти и приготовь нам чаю, — мягко велел он своей домоправительнице.

Та неохотно отступила, пропуская нас внутрь, но на лице ее было написано несогласие с решением хозяина.

— Весь день идут и идут, с утра до ночи, ни отдыха, ни покоя от них, — тихо проворчала она, направляясь на кухню. — Преподобный уже с ног падает, а им хоть бы хны. И добро бы по делу, а то так, маета одна. Еще и чаю им… Как же! Их тогда и метлой не выгонишь, просидят до самого обеда.

— Проходите, молодые люди, — сделав вид, что не расслышал ее слов, кивнул нам пастор, и сам двинулся к кабинету.

Мы пошли следом. Абсурд, затеянный пиратом, набирал обороты, и я уже не знала, чего еще ожидать, но на всякий случай приготовилась к худшему.

— Итак, о чем вы хотели со мной поговорить? — опустившись в кресло и предложив нам сесть на диван, поинтересовался пастор.

Взгляд его перебежал с Кейна на меня и остановился на распятии.

— Я прошу вас сделать оглашение о нашей помолвке на одной из ближайших служб, — ответил пират.

Я молчала, удивляясь, как далеко зашел весь этот фарс.

— Значит, вы решили связать себя узами законного брака? — спросил преподобный, но посмотрел не на Кейна, а на меня.

Внимательные светлые глаза глядели пристально, так, будто хотели проникнуть в самую душу и прочитать там ответ.

— Да, преподобный, — уверенно сказал Кейн, но пастор его словно не слышал.

— Кэролайн? — не отрывая от меня взгляда,

спросил Роунс.

— Что, преподобный?

Я не знала, что отвечать. Хочу ли я этой помолвки? Нет. Не хочу. Но и отказаться не могу, потому что это единственный шанс все исправить. Знать бы еще, что задумал Кейн…

— Ты действительно хочешь выйти замуж за лорда Кейна? — пастор показался мне расстроенным.

— Я…

Слова не шли у меня с языка.

— Лорд Кейн, вы не против, если мы с вашей… невестой поговорим наедине?

Роунс посмотрел на банкира. Тот на секунду задумался, а потом неохотно кивнул, резким движением поднялся с дивана и пошел к двери. Когда та за ним закрылась, преподобный повернулся ко мне и спросил:

— Кэролайн, ты уверена?

Я молчала.

— Лорд Кейн… — пастор запнулся, потер лоб, а потом, будто отбросив сомнения, решительно сказал: — Прости, возможно, у тебя есть к нему чувства, но он не тот человек, с которым ты будешь счастлива.

— Знаю, преподобный, — кивнула я.

— Тогда почему…

— Потому что это единственный способ исправить тот вред, который был нанесен моей репутации. Пожалуй, только лорд Кейн и может все исправить.

Я видела, как Роунс вздрогнул и уставился на меня с плохо скрытой растерянностью.

— Неужели он посмел…

Пастор не договорил, резко дернув ворот сюртука.

— Он причинил тебе боль? Взял силой?

В добрых голубых глазах плескалось волнение.

— Нет, — поспешила успокоить преподобного. — Нет, что вы!

А поцелуй… Разве можно назвать его насилием? Нет, поцелуй не в счет. Господи, это ведь такая мелочь, всего лишь прикосновение губ, но сколько бед оно мне принесло.

— Значит, ты действительно этого хочешь? — пристально посмотрел на меня пастор. — Не пожалеешь?

— Может, и пожалею, но толку-то с того?

Я пожала плечами. Даже если Кейн попытается расторгнуть помолвку, это уже ничего не изменит.

— Что ж, если ты так хочешь, я сделаю то, о чем

просит лорд Кейн, — вздохнув, сказал пастор.

Я видела, что ему не по душе мое решение, но он не стал меня отговаривать. Роунс поднялся, открыл дверь и обратился к стоящему в узеньком коридоре Кейну:

— Оглашение произойдет в ближайшее воскресенье, прошу вас не опаздывать на службу.

Голос его звучал сухо.

Пастор Роунс был одним из тех немногих, кто не обращал внимания на титулы и никогда не пресмыкался перед богатыми уэстенцами. Редкий человек.

— Мы придем, — так же сухо ответил Кейн и добавил: — Всего хорошего, преподобный. Кэролайн, мы уходим, — бросил он мне и, не дожидаясь моего ответа, пошел к выходу.

***

(Из дневника Дж.Кейна)

2 сентября

Я был прав. Все именно так, как подсказывала моя интуиция. Догадка оказалась такой невероятной, что я долго не мог ее принять, но вчера все подтвердилось, и я понял, что был на верном пути. Просто не подумал о страховке. Озириус знал, что мы обязательно будем искать его се-

мью, и сумел продумать неплохую защиту. Очень неплохую… Но он не догадался предусмотреть всего одну мелочь, и мне удалось нащупать в его обороне слабое звено. И теперь осталась самая малость — довести все до конца и попытаться вернуть утерянное.

Главное, отсечь эмоции, забыть о жалости и о том, что в этом мире называют честью и благородством. Трудно, конечно, но я справился. Да. Теперь я могу с полным правом носить звание негодяя и подлеца, но так даже лучше. После того, как все закончится, я смогу не бояться, что оставил по себе добрую память в одном-единственном сердце, которое оказалось для меня небезразлично.

Все-таки у судьбы странное чувство юмора. Жестокое, я бы сказал. Но говорить об этом нет смысла.

Глава 7

Следующая неделя прошла в предсвадебной суете. Дни летели один за другим, принося с собой все новые и новые хлопоты: подготовка к церемонии, согласование списка гостей, рассылка приглашений, составление брачного контракта, улаживание «недоразумений» с кредиторами, как назвал Кейн оплату дядиных долгов. Кстати, сам пират развернул бурную деятельность, начиная от оглашения в церкви и заканчивая поездкой в столицу за специальным разрешением, позволяющим не тянуть со свадьбой, в то время как я смотрела на все словно со стороны. Нет, я тоже участвовала в делах, но мне до последнего не верилось, что пират действительно дойдет до конца. И я так и не смогла понять, что он задумал. Кейн в меня не влюблен — сомневаюсь, что он вообще знает, что такое любовь, — никаких выгод наш брак ему не сулит, скорее, наоборот. Банкир мог бы жениться на любой знатной девице Эшера, благо, происхождение позволяет, так почему же он выбрал меня? Зачем самому завидному жениху Уэстена нищая вдова, репутацию

которой он сам же и уничтожил? Совершенно непонятно. Правда, когда я спросила об этом у Кейна, тот только усмехнулся и ничего не ответил. Что с него возьмешь? Банкир и пират. А я… Моя ненависть никуда не делась, никакого доверия к жениху у меня нет, желание причинить ему боль так и не исчезло, но я постаралась переломить себя и отодвинула эмоции на задний план. Хватит уже, ни к чему хорошему они не приводят. «Холодный рассудок и расчет, Кэри, — каждый день повторяла я себе. — Плевать на Кейна и его странности, главное, чтобы он оплатил долги, все остальное неважно». А мой жених, словно нарочно, не торопился договариваться с кредитором Зайнисом. Мне даже показалось, что он специально отложил это до последнего дня, чтобы я не передумала и не сбежала. Глупо. Я никогда не нарушаю данное слово, уж в этом меня укорить невозможно.

И вот я, опираясь на руку дядюшки Джобса, поднимаюсь по ступеням собора, за мной тянется длинный шлейф, который поддерживают двое очаровательных малышей — сыновья дальней родственницы Кейна, а впереди ждет обряд венчания и стоящий у алтаря жених. Могла ли я подумать, что все выйдет именно так?

Дядя Ирвин идет медленно, немного прихрамывая, но старается держаться уверенно, хотя я знаю, что после тишины Найсберри ему немного страшно и непривычно находиться среди толпы. Но дядюшка молодец. Вчера, когда Кейн полностью погасил его долги, дядя Ирвин долго не верил, что может покинуть тюрьму. И даже потом, когда я привезла его домой, он не сразу понял, что стал свободным человеком. Сидел тихонечко в гостиной и задумчиво смотрел в окно, совсем как в Найсберри. И только сегодня утром, стоя перед зеркалом и разглядывая свою новую темно-синюю пару, старик наконец осознал, что его злоключения закончились. «Кэри-Кэри, — крепко обняв меня, пробормотал дядюшка. — Ты все-таки это сделала! Вытащила меня из долгового ада, как и обещала!». А я вытирала бегущие по его щекам слезы и думала, что ради одного этого мгновения готова выйти не только за Кейна, но и за самого дьявола, что, впрочем, на мой взгляд, почти одно и то же.

В церкви пахнет воском и пылью, проход между скамьями украшен белыми цветами, и я иду по нему, высоко держа увенчанную драгоценной диадемой голову, а мой взгляд скользит по сидящим на скамьях гостям. Сегодня здесь собрался

весь высший свет Уэстена. Я вижу обрюзгшее лицо старика Стакса, второго после Кейна городского богача; младший Стакс, Генри, разглядывает меня пристально, беззастенчиво пялясь на грудь, и под узкой полоской его усов сверкает немного злая улыбка. Похоже, «тигру» не очень приятно осознавать, что Кейн его обошел. Долли Марчем, в необъятном сиреневом костюме, стоит почти в проходе и жадно рассматривает мое платье, сверкающие драгоценности и кружевную накидку, закрывающую лицо. Если бы Долли могла, она бы, наверное, заглянула и под нее, чтобы доподлинно выяснить, с каким настроением я иду под венец, но правила есть правила, и главный рупор уэстенской общественности довольствуется тем, что придвигается еще ближе, почти нависая над крошечной госпожой Оукс.

Недалеко от Марчем я замечаю Рента. Полковник кажется мрачным, глаза его потухли, а у губ залегла горькая складка. Встретившись со мной взглядом, Рент попытался улыбнуться, и мне неожиданно стало его жаль.

Не знаю, как повернулась бы моя жизнь, не вмешайся в нее Кейн, но, возможно, у нас с полковником были бы все шансы создать неплохую семью. Впрочем, так это или нет, теперь уже не

узнаешь.

Я сильнее оперлась на дядину руку. Не время думать о прошлом.

Шаг, еще один, и еще… И вот я уже вижу кузину Бетси с господином Кроу и Мелинду Коуэнн с Триш Латимер. Бет в новом, модного винного цвета наряде, пытается выглядеть довольной, но в глазах ее застыла жгучая зависть, а сестрица Мелинды смотрит на мое платье с таким простодушным восхищением, что невольно вызывает у меня улыбку. Ах, каким романтичным, должно быть, видится юной девочке все происходящее! И каким красивым…

Что ж, не знаю, как насчет романтики — за последние годы я как-то подзабыла, что это такое, — а вот свадебный наряд действительно великолепен.

Изящное голубое платье, сшитое мэтром Ольдени, доставили из столицы три дня назад. Не представляю, как Кейну это удалось, но мастер, очередь к которому эшерские дамы занимали за полгода, согласился взяться за мой наряд и сделать все в сжатые сроки. Кстати, справился мэтр со своей работой просто великолепно, не иначе, магию какую-то применил. Нежный переливающийся шелк казался невесомым и воздушным.

Он буквально обволакивал фигуру, подчеркивая талию и бедра, обнимал грудь, открывая ее в довольно глубоком декольте — Кейн не был бы Кейном, если бы не устроил небольшую провокацию, — и стекал на пол ярдами обшитого кружевом шлейфа. Когда я впервые увидела это чудо, то едва удержалась от восхищенного вздоха. Правда, посмотрела на Кейна и тут же передумала слишком явно восторгаться. Уж больно вид у пирата был довольным и насмешливым одновременно. Будто он ждал именно такой реакции и заранее готов был снисходительно посмеяться. Что ж, я не доставила ему такого удовольствия.

Свадебный марш подходит к своему завершению, до алтаря остается всего несколько шагов, а я все никак не могу собраться с духом и посмотреть на… жениха.

С каждым пройденным футом, сердце бьется быстрее, волнение теснит грудь, и мне все сложнее держать себя в руках. Не верю я Кейну. Вот хоть убейте, не верю! Так и кажется, что он сейчас сделает шаг мне навстречу, улыбнется своей бесшабашной улыбкой и убийственно вежливо спросит: — «Кэролайн, неужели вы поверили, что я на вас женюсь? А ведь казались такой умной женщиной!»

Я настолько явственно представила эту картину, что чуть не остановилась, но Кейн, словно почувствовав мои сомнения, сделал шаг вперед и требовательно протянул руку, вынуждая на нее опереться. Что ж, мне не оставалось ничего другого.

— Всегда знал, что вы смелая женщина, Кэри, — тихо сказал пират, сжимая мою ладонь. — Ну же, идем.

Не переставая нежно улыбаться, он настойчиво потянул меня вперед, туда, где нас уже ждал пастор Роунс. Наверное, со стороны это смотрелось ужасно трогательно, да только вот пират держал так крепко, что у меня рука заныла от боли. Неужели боится, что убегу? По-моему, это я должна бояться. И улыбка… Только наивная глупышка способна ей поверить. А вот я отчетливо вижу расчетливый блеск темно-серых глаз и хищный прищур, с которым жених поглядывает в вырез моего платья.

— Вы готовы? — тихо спросил у нас преподобный.

— Начинайте, — властно приказал Кейн, но Роунс не обратил внимания на его слова и посмотрел на меня, пытаясь разглядеть что-то за накидкой.

— Кэролайн? — спросил он. — Ты готова?

Прозвучало это так, словно пастор уточнял, не передумала ли я.

— Да, преподобный, — кивнула в ответ. — Прошу вас, начинайте.

Внутри бурлило волнение, и я боялась, что еще немного, и я уже не смогу его скрывать.

«Успокойся, Кэри. Скоро этот фарс закончится. Всего-то и осталось дождаться вопроса и ответить сакраментальное «да».

Кейн придвинулся ближе, взялся за кружевной край накидки и, чуть помедлив, откинул ее назад, открывая мое лицо. В его взгляде промелькнула какая-то непонятная эмоция, но пират тут же отвел глаза, и я не смогла разобрать, что это было.

— Преподобный? — нетерпеливо поторопил Кейн.

— Мы собрались здесь, чтобы соединить этого мужчину и эту женщину священными узами брака, — вздохнув, негромко произнес пастор, но в тишине храма его голос прозвучал так отчетливо, что разбудил спящее под куполом эхо.

И этот гулкий отзвук что-то затронул в душе, словно убрав невидимую заслонку, и на меня нахлынули воспоминания. Теплый весенний день, аромат гиацинтов и фрезий, украшающих

возвышение перед престолом, торжественные звуки праздничных псалмов…

Когда-то я уже стояла на этом же самом месте, а рядом со мной — мой будущий муж. Тогда все было иначе. В моем сердце не было ни страха, ни сомнений, ни настороженности — одно лишь нетерпение, любовь и самая малая толика волнения. Я смотрела на Роберта и была так счастлива, что не могла сдержать улыбку — она то и дело мелькала на моих губах. А сейчас… Сейчас я не испытываю ничего, кроме тревоги, опасений и глухой неприязни к стоящему рядом красавцу. Впрочем, я ведь уже не та наивная юная девочка, да и Кейн не Роберт. В нем нет ничего, что могло бы вызвать мою любовь. Наглый, самоуверенный, жестокий…

Хотя, чего еще ждать от флибустьера?

Неожиданно вспомнилось, как он бросил меня на площади, посреди шокированных моим поведением уэстенцев, как пусто и холодно было на душе, какой стыд я испытывала. Воспоминание оказалось таким неприятным, что я поморщилась. И тут же ощутила на себе внимательный взгляд пирата. Тьма его глаз казалась настороженной и опасной, в ней не было ни капли тепла — только холод и колкий иней. Никогда раньше

не думала, что серый цвет может быть таким… убийственно холодным.

Пришлось сделать вид, что все в порядке и вслушаться в проповедь пастора. Роунс как раз говорил о том, что жена должна почитать мужа, а тот обязан любить свою жену и заботиться о ней.

Преподобный говорил, а я, наверное, впервые задумалась о том, что священное писание именно мужчине предписывает любить жену, в то время как женщине достаточно всего лишь уважать и почитать супруга. Занимательно. А если, как в нашем случае, ни любви, ни уважения не предвидится?

Я незаметно покосилась на Кейна. Пират выглядел идеальным женихом из «Авари мейр». Черная пара, белый пикейный жилет и белоснежная же сорочка с острым воротником, бутоньерка в петлице и запонки с бриллиантами, высокий рост, широкие плечи и красивое волевое лицо — чем не мужчина мечты из дамского журнала?

Неудивительно, что все женщины в храме, не исключая даже престарелую леди Олдридж, смотрят на него с таким восхищением. А этот мерзавец еще и подыгрывает им, не забывая бросать на меня пламенные взгляды и держать за руку так показательно нежно, что аж зубы сводит!

Я умоляюще посмотрела на пастора Роунса, и тот, прочитав мой взгляд, быстренько закруглился с проповедью и перешел к основному действу.

— Согласен ли ты, Джеймс Генрих Грэхем Вильгельм Огастес Кейн, взять в жены Кэролайн Викторию Уэтерби Дерт, которую здесь перед собой видишь?

Ого, как много имен у моего жениха! Почти как у особы королевской крови…

— Да, — громко и четко ответил Кейн, и у меня внутри что-то дрогнуло.

Неужели это правда? Что, пират действительно готов на мне жениться? Я ведь до последнего в это не верила. Если сказать по совести, я и сейчас не слишком-то верю. Но ведь «да» уже сказано, и для Кейна пути назад больше нет. Да и кольцо, которое он надел мне на палец, говорит само за себя.

За всеми этими мыслями, я не услышала обращенный ко мне вопрос преподобного, и только тишина, неожиданно воцарившаяся в церкви, заставила меня очнуться.

— Кэролайн?

Преподобный смотрел настороженно, словно ожидая, что я передумаю, пока не поздно. Я знала, чего он боится. Роунс, также как и я, не доверял Кейну. «Он слишком похож на твоего

покойного супруга, Кэри, — сказал мне пастор, когда я два дня назад приходила к нему, чтобы еще раз поговорить. — Боюсь, ты хорошо знаешь, что такое жизнь с мужчиной, который не хранит верность супруге. Уверена, что сумеешь смириться?» Что ж, преподобный умел задавать правильные вопросы. Если бы не крайняя нужда, заставившая меня принять предложение Кейна, я бы ни за что не ответила на него согласием. Я действительно очень хорошо представляла, что меня ждет. Одинокие вечера в тишине гостиной, когда ты в красках представляешь, где и с кем сейчас твой муж, насмешливые, полные злорадства и скрытого превосходства взгляды женщин, не раз побывавших в его объятиях. Приходы под утро, пьяные попытки обнять и заверения, что я самая лучшая… О да, я слишком хорошо все это помнила. Пока родители были живы, Роберт еще пытался держать себя в руках и скрывал свои похождения, но вот потом, после пожара, разделившего мою жизнь на до и после, супруг проявил себя во всей красе.

Мне до сих пор больно вспоминать, какое унижение я испытала, когда поняла, что моей любви и преданности оказалось мало. Как и моих денег, которые Бобби спустил с такой легкостью и быст-

ротой, словно его черти под локоть подталкивали. Ну или куда там они свои вилы вонзают?

— Кэролайн? — в голосе пастора прозвучал призыв одуматься.

— Кэри? — а это уже Кейн.

Пират невозмутим, но в глазах застыл лютый холод. И предупреждение. «Не вздумай сказать нет», — прочитала я в свинцовой глубине.

Что ж, я и не собиралась. Ненавидела, опасалась, ждала очередного подвоха, но отказываться не собиралась. Кейн своим недавним скандальным поцелуем отнял у меня эту возможность.

— Да, согласна, — негромко ответила на неуслышанный вопрос и уверенно посмотрела на Роунса.

Преподобный принял мое решение с достоинством. Казалось, он говорил: — «Что ж, это твой выбор, Кэри».

Кольцо Кейна было удивительно тяжелым, и мне с трудом удалось надеть его на безымянный палец жениха.

— Объявляю вас мужем и женой, — спокойно произнес пастор, и Кейн, не дожидаясь дальнейших указаний, притянул меня к себе и его губы оказались в опасной близости от моих, а спустя секунду это расстояние сократилось до

минимума.

— Можете поцеловать невесту, — кашлянув, договорил преподобный ненужную уже фразу, но я его почти не слышала.

Кейн, словно наказывая меня за долгое ожидание ответа, превратил поцелуй в пытку. Горячую, чувственную пытку, когда в поцелуе участвуют не только губы и язык, но и все тело, превратившееся в мягкое расплавленное олово, принимающее ту форму, которую задает ему мастер. Церковь, гости, пастор, — все исчезло, растворилось, отодвинулось далеко-далеко, оставив меня в умелых руках новоявленного супруга. Я чувствовала, как меня отрывает от земли и несет куда-то ввысь, в неведомые дали, туда, где нет ни прошлого, ни будущего, а только настоящее.

— Можете поздравить новобрачных, — прервал это непонятное сумасшествие пастор Роунс, и я с трудом осознала, где нахожусь.

И в тот же миг подумала, что будет, когда мы с пиратом останемся вдвоем, в уединении супружеской спальни? Я посмотрела на невозмутимого… супруга. И невольно вспомнила первого мужа. Чего было не отнять у Роберта, так это его умения разбудить в женщине чувственность и потребность не только в духовной, но и в плотской

любви, и он сумел легко развеять все наставления моей матушки и заставил забыть о них раз и навсегда. Именно с ним я узнала, что такое настоящая страсть, и именно с ним я научилась парить в облаках. Правда, падать с высоты оказалось очень больно. И если с Кейном будет так же…

— Леди Кейн, — оборвал мои размышления пират.

— Да, милорд, — с иронией посмотрела в ответ.

— Вашу руку, — скомандовал Кейн, крепко ухватил мою ладонь и повел меня по проходу, не дожидаясь поздравлений от гостей.

Те, растерявшись от такой стремительности, торопливо выбирались со своих мест, стараясь сохранить на лицах благопристойные улыбки, но вместо этого у многих во взглядах проглядывало недоумение. А Кейн, не замедляя шага, вышел из церкви, под приветственные крики толпы и дождь из риса быстро прошел до стоящего наготове мобиля и, открыв для меня дверь и дождавшись, пока я усядусь в пахнущее кожей и деревом нутро, сел, нажал какой-то рычажок на лакированной поверхности, и мобиль резко рванул вперед.

***

Дальнейшее слилось в моем сознании в яркий поток бьющего в глаза магического света, знакомых и незнакомых лиц и бесчисленных поздравлений и речей. Праздник растянулся почти до полуночи, и только с последним ударом часов, возвестивших о начале нового дня, мы с Кейном смогли избавиться от общества не совсем трезвых гостей и оказаться наедине, в тишине огромной, подавляюще роскошной спальни. Где-то внизу еще гремела музыка и веселились люди, в саду слышался звон бокалов и негромкий женский смех, а я смотрела на стоящего рядом мужа и думала о том, что будет дальше. Все-таки странно это, ложиться в постель с чужим человеком. Вроде, давно уже не девочка, а откуда-то взялось непонятное волнение. И ладони вспотели. Интересно, с Рентом или Поулом было бы так же?

Я бросила незаметный взгляд на большую истайскую кровать с позолоченными вензелями на спинке и незаметно вздохнула. Сейчас, когда венчание и празднование остались позади, мне неожиданно стало неловко. Как будто я какая-то самозванка, обманом проникшая в богатый дом.

Эта мысль снова всколыхнула тревогу. Вот уже

который день я вспоминала сказанное в сердцах заклинание, точнее, его обрывки, и думала о том, не могло ли оно подействовать на Кейна? А что? Я ведь почти ничего не знаю о семейной магии. Матушка не любила о ней говорить, лишь однажды сказала, что от всех этих заклинаний никакой пользы, один только вред, и не пожелала обучить меня хотя бы самой простой волшбе. Раньше я не особо расстраивалась, все равно ведь настоящего дара у меня не было, а теперь жалела, что в свое время не допыталась у маменьки, как именно действует заклятие внушения. Так, пользовалась теми крошками, что перепали от семейного дара, но и сама толком не понимала, почему иногда это срабатывает, а иногда — нет. Вот и гадай. Что, если Кейн сделал мне предложение под принуждением? Что, если он поддался моей магии, усиленной отчаянием и теми странными словами из библии? А иначе зачем ему устраивать этот брак?

Я подняла голову и наткнулась на пристальный взгляд. Оказывается, пока я размышляла, муж — о Боже, все-таки муж! — рассматривал меня так серьезно и внимательно, будто пытался прочесть мои мысли. Ха! Лучше не надо. Иначе проблем не оберешься.

И все-таки я нервничала перед предстоящей совместной ночью. И Кейн… В отличие от меня, пират был полностью одет, так и не сменив свадебный костюм на халат, и этот контраст между нами немного выбивал из равновесия. Или так и было задумано?

Я покосилась на супруга. Почему он ничего не делает? Почему просто стоит и смотрит?

Словно услышав мой незаданный вопрос, пират протянул руку и, сжав край моей ночной рубашки, потянул ее вверх.

— Сними, — коротко приказал он, и я расслышала в его голосе легкую хрипотцу.

Что ж, понятно. Милорд желает посмотреть товар «лицом».

Я перехватила кружевные воланы и одним движением скинула легкий шелк, отбросив его на спинку кресла.

В комнате было прохладно, по спине пробежала дрожь — то ли от холода, то ли от волнения. Кейн смотрел внимательно, я бы даже сказала, цепко, словно приценяясь к вещи в магазине и решая, годится она или нет. Да, вот тебе и отличия брака по расчету. Там, где любящие глаза увидят красоту и изящество, «купец» попытается обнаружить скрытые изъяны. Только в моем случае их нет,

пират зря старается. Мне нечего стыдиться своего тела. Ни одной его части.

— Может быть, мы уже перейдем к прямому подтверждению нашего брака? — не выдержав, спросила у супруга.

Последний рубеж. Последняя возможность отказаться от нашей сделки. Воспользуется ли ею Кейн или пойдет до конца?

— Вам так не терпится оказаться в моих объятиях? — усмехнулся муж.

— Мне не терпится побыстрее со всем покончить и лечь спать. День сегодня выдался длинным, и я хочу отдохнуть, — с вызовом посмотрела в красивое лицо.

После моих слов оно словно заледенело. Серые глаза потемнели, превратившись в затянутые тонкой коркой полыньи, на щеках проступили желваки, смуглая кожа посерела, словно подернутая инеем.

— Что ж, слово дамы — закон, — после небольшой паузы, сухо ответил пират и принялся снимать запонки.

Оправленные в золото бриллианты упали на блестящую лаком подзеркальную полку с громким стуком, и я невольно вздрогнула, а Кейн продолжал неторопливо раздеваться, делая это

так спокойно и, можно сказать, равнодушно, словно впереди у нас не первая брачная ночь, а ничего не значащий разговор.

— Чего вы ждете? — расстегивая ширинку, посмотрел на меня муж. — Ложитесь.

Даже так? Какая проза…

Я молча прошла к кровати и молча же легла, думая о том, что если это такая часть игры в соблазнение, то какая-то она неубедительная.

Простыни показались холодными, руки мгновенно покрылись пупырышками, и я поторопилась натянуть пуховое одеяло повыше.

Между тем Кейн снял штаны, оставаясь в одном лишь белье, вскоре оно тоже оказалось на спинке кресла, и пират шагнул вперед, к кровати

А дальше… Дальше было… странно. Никаких поцелуев, никаких ласк, никаких будоражащих прикосновений. Кейн просто развел мои колени и приступил к основному действу, не обращая внимания ни на мою полную неготовность к этому, ни на дискомфорт, который доставляло мне бездушное механическое трение. И это лучший любовник Уэстена? Я точно вышла замуж за Кейна, или это просто его неудачный двойник?

Я попыталась хоть как-то подстроиться, поймать ритм движений, обнять, но мои руки были

мгновенно скинуты, а пират, не отводя сумрачного взгляда от моего лица, все также молча продолжал свое дело, не позволяя мне пошевелиться. Показывал, как должна вести себя жена? Неужели он тоже из тех, кто только с любовницами получает настоящее удовлетворение, а от жены требует простой покорности и бесчувственности?

Да… Вот это вышла замуж…

А пытка все длилась и длилась, хотя я уже молилась, чтобы она поскорее закончилась. Какое там удовольствие, какое «парение в облаках»! Я ощущала себя бездушной куклой, не способной ни на какие эмоции.

Наконец, Кейн дернулся и замер, и я поняла, что наш брак можно считать подтвержденным и состоявшимся.

— Доброй ночи, миледи, — откатившись на свою половину кровати, холодно сказал пират. — Надеюсь, я вас не сильно утомил, но даже если и так, у вас вся ночь впереди, успеете отдохнуть.

— Милорд, а вы не думали о том, что нам нужны раздельные спальни? — глядя в потолок на тускло поблескивающие магсы, спросила я.

— Вы хотите спать отдельно?

— Да.

— Вам не понравилось наше соитие?

— Вам сказать правду?

— Разумеется.

— Нет, милорд, мне не понравилось.

— Что ж, ничем не могу помочь. Вы сами отказались стать моей любовницей, а к жене я отношусь слишком уважительно, чтобы заставить леди, носящую мое имя, участвовать в развратных оргиях. Доброй ночи, миледи. Завтра я распоряжусь, вам подготовят отдельную спальню.

Кейн закинул руки за голову, закрыл глаза и мгновенно уснул. Ну или сделал вид, что спит, а я, вздохнув, повернулась на бок и постаралась избавиться от неприятного чувства, засевшего внутри. А оно, проклятое, все свербело, ныло, мучило душу и никак не хотело уходить.

«Успокойся, Кэролайн, — пыталась внушить самой себе. — Возьми себя в руки и попытайся найти в происходящем хоть что-то хорошее».

Хорошее? Что ж, можно попробовать. Если Кейн не обманул, скоро у меня появятся собственные покои, и мы с мужем будем видеться не так уж и часто. Судя по сегодняшней ночи, вряд ли ему захочется навещать мою спальню. И каждый из нас будет вести ту жизнь, к которой привык.

Я поправила подушку и попыталась уснуть, но

ничего не получалось: кровать, несмотря на свою дороговизну, казалась неудобной, тончайшее постельное белье скатывалось складками, одеяло почти не грело, а доносящиеся с улицы звуки музыки вызывали раздражение. Гости веселятся, пьют и едят, а праздновать-то по сути и нечего. Разве это брак?

«Уймись, Кэри, — оборвала себя. — Ты знала, на что шла. Или надеялась, что хоть в постели у вас найдется что-то общее? Так это глупо. Без любви супружеское ложе всего лишь холодная пустыня, не стоит ожидать, что в ней может быть тепло и уютно».

Я перевернулась на спину и покосилась на Кейна. Спит. Ему абсолютно безразлично, что происходит рядом. Что ж, и отлично. Возможно, равнодушие — самое лучшее, что может быть в таком браке, как наш. Хуже было бы, если бы я влюбилась в собственного мужа, а потом страдала, мучаясь от ревности и тоски. А так, пусть хоть со всеми уэстенскими шлюхами переспит, мне это совершенно безразлично.

***

Поцелуи… Долгие, упоительно горячие, чувственные. О, этот мужчина знает в них толк! Его

губы, его язык — они умеют дарить наслаждение одним прикосновением, и я отвечаю им с такой страстью, какой сама от себя не ожидала. Сладко… Как сладко он меня целует… Кто — он? Мужчина. Неизвестный. Мой ночной любовник. Тот, кого я могу узнать по одному только касанию, по дыханию, по биению сердца. Оно бьется под ладонью все быстрее и громче, и мое стучит с ним в унисон, а тело плавится в умелых руках, отзываясь на чересчур откровенные ласки. Но разве с ним может быть чересчур? Нет. Я готова на любые безумства, которые он способен мне предложить. Мне всегда будет мало. Так может быть только с ним. И он, почувствовав, ощутив, осознав свою победу, одним движением оказывается внутри, заставляя меня кричать от страсти и срываться вместе с ним в глубокую пропасть.

Дыхание частит. По груди стекают капельки пота. Мускулы под моими руками двигаются размеренно и сильно. А падение, от которого захватывает дух, все продолжается, и мужчина, что держит меня так крепко, не позволяя сорваться, с каждой секундой становится все роднее и ближе, я знаю его, я готова вспомнить его имя… Еще немного, и я его вспомню, оно уже почти у меня на языке… Джеймс… Его зовут Джеймс…

Но губы произносят совсем другое:

— Роберт!

И тут мы все-таки падаем на дно, и я остаюсь одна. И от этого становится так больно, так невыносимо одиноко и страшно…

***

Проснулась я в одиночестве, в остывшей за ночь постели. Посмотрела на вмятину, оставшуюся от ночевавшего рядом Кейна, и задумалась. Откуда берутся мои видения? Их даже снами назвать невозможно, настолько они реальные. И почему во сне я уверена, что знаю, кто мой таинственный любовник, а стоит мне проснуться, как я тут же забываю его имя и даже подробностей минувшего не помню? Очень странно.

Тихий звук открывающейся двери заставил меня отвлечься от невеселых мыслей. В комнату неслышно проскользнула горничная — миниатюрная темноволосая девушка в ладной синей форме и белой наколке. Служанка, не глядя на меня, прошла к окну и раздвинула шторы, а потом достала из комода тонкий шелковый пеньюар и направилась к кровати.

— Принеси мне чай, два тоста с джемом и утренние газеты, — подтянув край одеяла повыше,

окликнула я горничную.

Та вздрогнула, мазнула по мне взглядом и тут же опустила глаза и поклонилась.

— Доброе утро, миледи, — слова прозвучали с небольшим антилийским акцентом. — Сейчас все принесу. Чай со сливками?

Ну надо же, какая роскошь… Я уже и забыла вкус традиционного эшерского напитка.

— Да, — кивнула девушке и спросила: — Как тебя зовут?

— Мэри, миледи, — ответила служанка, раскладывая пеньюар на свободной части кровати.

— Ты давно служишь в этом доме?

— Полгода, миледи.

— Тебе здесь нравится?

— Да, миледи, очень, — на лице девушки, впервые за весь разговор, промелькнули эмоции. — Милорд к нам очень добр.

Добр? Интересно, как далеко простирается эта доброта?

Я пригляделась к служанке внимательнее. Хорошенькая. Кукольное личико, большие карие глаза и этот взгляд испуганной лани…

— Сколько слуг в доме? — отмахнувшись от неприятных мыслей, спросила у девушки.

Не собираюсь я в каждой особе женского пола

видеть потенциальную любовницу Кейна. Мне это ни к чему.

— Пятнадцать, миледи, — пискнула Мэри.

— Хорошо, можешь идти, принеси мне завтрак и передай экономке, чтобы зашла через полчаса.

— Слушаюсь, миледи.

Мэри неслышно выскользнула из комнаты, не забыв прихватить с собой одежду Кейна, а я встала и накинула на себя тончайшее кружево, что по ошибке называлось пеньюаром. Это… одеяние ничего не скрывало. Абсолютно. Я взглянула на свое отражение в большом зеркале, висящем прямо напротив кровати, и покачала головой. Ну и вкусы у моего мужа!

Быстро прошла в гардеробную, бегло осмотрела развешанные на плечиках наряды и выбрала простое утреннее платье из тех, что сама заказывала перед свадьбой в «Ласкари» — светло-голубое, закрытое, с небольшим аккуратным вырезом.

Отложив кружевное «нечто» подальше, пошла умываться и приводить себя в порядок, но мысли, словно надоедливые мухи, все кружили и кружили, не давая покоя. Господи, как глупо… Мой брак продлился всего сутки, а я уже думаю, с кем еще спит мой муж.

«Прекрати, Кэри, — приказала, глядя в глаза

своему отражению. — Ты не должна забивать голову всякой чепухой».

Да. Именно так. Чепухой.

Я поправила ворот платья и отправилась завтракать.

Мэри, надо отдать ей должное, уже успела сервировать небольшой столик, расставив на нем тарелки с тостами и сыром, креманки с джемом и маслом, фарфоровую чайную пару и небольшой изящный чайник с причудливо изогнутым носиком. Рядом с ним разместились сахарница и сливочник.

— Милорд дома? — намазывая тонкий хрустящий тост нежным яблочным джемом, спросила у служанки.

— Нет, миледи. Лорд Кейн давно ушел.

На хорошеньком личике девушки не было ровным счетом никаких эмоций.

— Он всегда уходит так рано?

— Да, миледи.

Понятно. Значит, вчерашняя свадьба ничего не изменила в обычном расписании Кейна. И медового месяца не будет. Какое облегчение!

Я иронизировала, но где-то глубоко внутри чувствовала себя уязвленной. Как сказала бы Ильда, «вы, госпожа, и сами не знаете, чего хотите. И

так вам не так, и эдак не так». Точно. Почему-то я представляла наш брак несколько иным. Мне казалось, что хотя бы первое время Кейн будет уделять мне внимание, ведь он так стремился получить доступ к моему телу. Даже женился. И что? Получил, но оно оказалось ему не нужно? Может, не произвело впечатления? Что, если он ожидал чего-то другого? Но чего?

Размышляя перед свадьбой о том, что будет, если Кейн на мне все-таки действительно женится, я думала о многом. И о том, как мы будем существовать в одном доме, и о своих эмоциях, и об общей постели. Нет, меня не пугала необходимость исполнения супружеского долга. Благодаря Роберту, я знала, какое наслаждение может доставить мужчина и как сладко просыпаться в объятиях того, с кем провела безумную ночь. К тому же, чего не отнять у Кейна, так это его славы лучшего любовника Уэстена и того, что даже несмотря на мои недобрые чувства, физически меня к нему тянет. Возможно, где-то в самой глубине души я даже рассчитывала на то, что хоть в постели смогу получить удовольствие от этого странного брака. И что в итоге?

Вспомнился ледяной взгляд, которым муж посмотрел на меня перед нашим… даже не знаю, как

это назвать. Ах да, соитием. Ни тогда, ни сейчас, я не могла до конца понять, что в нем было. То ли расчет, то ли злость… И этот сухой тон последовавшей затем фразы… Неужели Кейна оскорбило мое поведение? Но чего он ждал? Что после всего, что он сделал, я сама брошусь в его объятия? Или, быть может, он хотел услышать о моей любви?

Глупо. В поступках пирата не было никакой логики. Впрочем, ее не было и в том, что происходило со мной за последний месяц. Или она все-таки есть, просто я чего-то не знаю?

Задумавшись, не заметила, как съела все, что принесла Мэри, и выпила весь чай. Посмотрела на опустевшую посуду и вздохнула. Вот тебе и «кушаете, госпожа, как птичка».

— Принести что-нибудь еще, миледи? — напомнила о себе Мэри.

— Нет, — поблагодарила девушку. — Можешь идти.

Горничная замялась.

— Мэри?

— Ваши волосы, миледи, — тихо пролепетала та.

— А что с ними?

— Милорд сказал, что теперь я ваша камеристка. Я должна…

Она не договорила и смущенно покраснела. Боже, какое дитя…

— Ты умеешь делать прически?

— Да, миледи.

— Замечательно. Отнеси посуду и возвращайся. Будем сооружать модную «колоресс». Надеюсь, тебе она знакома?

— Да, миледи, — заметно обрадовалась Мэри. — Меня милорд к самому мэтру Дезарьи отправлял учиться. Мэтр сказал, я очень способная, за десять дней все освоила.

Я удивленно посмотрела на девушку.

— И как давно это было?

— Две недели назад, миледи.

Странно. Для чего пирату обученная по высшему разряду камеристка, если он не собирался жениться? Или собирался? Но ведь меня он точно не рассматривал в роли своей супруги, тогда кого? Неужели я своим случайным колдовством все-таки нарушила планы Кейна и влезла в его жизнь, отодвинув некую неизвестную даму?

Да ну, чепуха какая-то! Кейн сам не раз говорил — и его слова тут же разносили по всем гостиным города, — что в ближайшие десять лет жениться не намерен. И вдруг это неожиданное предложение и скоропалительная свадьба. Очень странно.

Я наблюдала, как Мэри убирает посуду на поднос, а сама пыталась сложить все кусочки головоломки под названием «лорд Кейн» воедино и понять, что происходит.

Одно за другим всплывали воспоминания. Мой поход в банк, столкновение на балу, мобиль Кейна под моими окнами… А, нет, еще была та случайная встреча на улице ростовщиков, когда пират поднял упавшие часы. Кстати, тогда он вел себя вполне цивилизованно, совсем как в то время, когда приходил к моему отцу. А вот после того дня все понеслось, как в плохо поставленном спектакле: одна встреча следовала за другой, одно оскорбительное предложение сменяло другое, пока не случилось то возмутительно непристойное событие, что в итоге привело к нашему с Кейном законному браку.

Я даже усмехнулась. Звучит-то как! Законный брак.

— Миледи.

Мэри выросла за спиной так незаметно, что я вздрогнула. Не слышала, как она вошла.

— Вы позволите?

Служанка протянула руку и коснулась моих распущенных волос.

— Будет удобнее, если вы присядете перед зер-

калом, — несмело предложила девушка.

Я кивнула и сделала, как она просила, а Мэри взяла с туалетного столика расческу и щетку, и принялась за сооружение новомодного «колоресса».

Движения девушки были уверенными, вся ее робость куда-то исчезла, а лицо стало выглядеть серьезнее и старше. Я наблюдала за тем, как мелькает в ее руках расческа, а сама все еще думала о своем муже.

Странно все-таки называть так Кейна. Я ведь даже по имени к нему не могу обратиться, а тут — супруг. А кстати, почему бы не попробовать назвать его Джеймсом? Я мысленно произнесла: — «Дже-е-еймс» и почувствовала какое-то непонятное волнение. Снова всплыли обрывки ночного видения, и мне показалось, что я уже говорила это имя, там, во сне… Ничего не понимаю. Ведь Кейн не мог… Или мог? Да нет, к дьяволу Кейна! Даже думать о нем не хочу.

— Готово, миледи, — прервала мои сумбурные размышления Мэри.

Я бросила взгляд в зеркало и невольно улыбнулась. Похоже, мне досталась отличная камеристка. Волосы лежали идеально, уложенные в затейливый узел и украшенные скромными

на вид шпильками с небольшими камешками. Правда, когда я пригляделась к блеску этих камешков, то поняла, что передо мной самые настоящие бриллианты. Мне даже не по себе стало, и я снова почувствовала себя самозванкой в чужом богатом доме.

«Успокойся, — приструнила разошедшуюся совесть. — Кейн — взрослый мужчина, и если он принял решение жениться, то нечего брать ответственность за это его решение на себя. Вспомни, как он с тобой поступил. Даже если в итоге заклинание вынудило его сделать предложение, то пират это заслужил».

В следующий момент раздался тихий стук в дверь, и на пороге появилась экономка — невысокая благообразная женщина, пожилая, с серьезными карими глазами и тонкими чертами лица. Одета она была в строгое темно-коричневое платье, на поясе которого позвякивала традиционная для ее должности связка ключей.

— Доброе утро, миледи, — с достоинством поклонилась домоправительница, и как-то сразу стало ясно, что эта дама знает себе цену и помыкать собой не позволит. Впрочем, я и не собиралась. — Я госпожа Тьюз, экономка этого дома, — представилась она.

— Рада знакомству, — сдержанно улыбнулась в ответ. — Я хотела бы также познакомиться с прислугой и с обычной жизнью особняка, — сказала женщине. — Буду признательна, если вы поможете мне в этом.

— Почту за честь, миледи, — на тонких, почти незаметных губах появилась скупая улыбка. — Когда хотите начать?

— Прямо сейчас.

А чего тянуть? Раз уж я хозяйка этого особняка, нужно узнать, как ведется тут это самое хозяйство. Эх, жаль, Ильды нет, ее любопытству здесь было бы такое раздолье! Но моя верная служанка осталась в старом доме вместе с дядюшкой Ирвином. Я надеялась, что они оба переедут со мной к Кейну, но что дядюшка, что Иль, оба уперлись и не захотели «жить из милости в богатом особняке». Можно подумать, их проживание отдельно будет оплачиваться не из денег Кейна! Что ж, я не стала спорить. Пусть живут так, как им хочется, тем более что этим двоим давно пора решить накопившиеся обиды и недомолвки. Чую, Ильда устроит дядюшке веселую жизнь. Если честно, я так легко согласилась на их отдельное проживание, потому что надеялась, что дядя Ирвин не выдержит претензий и ворчания Ильды и сбежит

от нее в особняк. А там и сама Иль подтянется.

— Слуги уже ждут вас, миледи, — негромкий голос экономки заставил меня очнуться.

— Да, идем, — кивнула в ответ. — Спасибо, Мэри, — посмотрела на свою камеристку. — У тебя действительно золотые руки.

Девушка зарделась от этой похвалы, а я поднялась и пошла к выходу.

***

(Из дневника Дж. Кейна)

9 сентября

Не думал, что будет так трудно. Отвратительное ощущение. Никак не могу избавиться от мерзкого чувства, разъедающего душу, словно кислота. Оно разливается по телу, заползает в мозг, ноет, зудит, выворачивает наизнанку. Проклятье! Вот уж не предполагал, что меня настолько сильно заденут слова Кэри.

Оказывается, быть мерзавцем вовсе не так легко, как казалось, особенно, когда на тебя смотрят так… А, к черту!

К черту Кэролайн Уэтерби, к черту благородство, к черту проклятые эмоции! Все это неважно. Нельзя отвлекаться, нельзя поддаваться слабости. Цель — вот то единственное, что действительно

ценно.

Но как же притягательна и опасна магия алайетов! Не могу передать словами, что чувствую. Стоит только ослабить щиты и позволить ей проникнуть внутрь, и мне кажется, что я схожу с ума. Этот жар, это молодое, горячее желание, эта порывистость и безоглядная потребность в любви… Во мне словно живут два человека — один ненавидит и жаждет поквитаться за прошлое, исполнить клятву и уничтожить заклятого врага, а второй встает у него на пути и готов умереть, лишь бы не дать совершиться этому справедливому возмездию. Как же я теперь понимаю своих предков! Тот огонь, что горит в алайетах, взывает к нашей сущности, манит, зовет, обещает высшее блаженство… От него просто невозможно отказаться. Проклятая магия Избранных! Только им под силу разбудить в нас такой вулкан чувств, только они могут играючи, даже не замечая этого, снести любые преграды и с легкостью преодолеть защиту, чтобы пробраться к самому сердцу, взять его в плен, сжать в своих ладонях и… уничтожить.

Нет. Нельзя поддаваться. Нельзя забывать о прошлом. Все это уже было. Но как же трудно удержаться…

Глава 8

Дом оказался даже больше, чем выглядел снаружи. Вчера, когда я впервые переступила его порог, мне довелось увидеть только холл, парадную столовую и спальню, в которую привел меня Кейн, поэтому сейчас я с интересом разглядывала залы и комнаты, по которым вела меня госпожа Тьюз. Особняк поражал своим богатством. Три этажа, множество покоев, подвал, в котором располагались кухня и хозяйственные помещения, чердак, где жили слуги. Кстати, с последними я познакомилась сразу после того, как прошел осмотр «владений». Запомнила имена и лица, обсудила с кухаркой свои предпочтения в еде, а у камердинера мужа выяснила, что у Кейна есть свои собственные покои и что та спальня, в которой прошла наша брачная ночь, раньше входила в личные покои пирата, а сейчас ее переделали специально для меня. Надо же! Оказывается, Кейн заранее озаботился моим удобством, а я-то думала, что ему это безразлично. Странно, что вчера, после моих слов об отдельных покоях, он даже не заикнулся, что это и есть моя спальня.

Последними мне показали комнаты родителей мужа, их он оставил в неприкосновенности.

— Милорд не стал ничего здесь менять, — пояснила экономка, открывая одну из дверей в правом крыле хозяйского этажа.

Я вошла в просторную, богато обставленную комнату и огляделась.

Ее интерьер так живо напомнил мне наш старый особняк, что я словно вернулась в прошлое и увидела похожую спальню, добротную старомодную мебель, большие портреты родителей, висящие в простенке между окнами…

— Старый лорд Кейн был большим домоседом, — расправляя на идеально ровном покрывале невидимую складку, сказала госпожа Тьюз. — А в последние три года, после смерти леди Кейн, он почти не покидал своих покоев, и уговорить его спуститься вниз не мог даже молодой лорд.

Это я помнила. В городе одно время ходили слухи о том, что старый банкир, оставшись вдовцом, немного тронулся умом и отказывается от общения с родными и знакомыми, превратившись в настоящего затворника. Хотя он и раньше-то не отличался радушием. Кейны переехали в Уэстен пятнадцать лет назад и так и не влились до конца в местное общество. Нет, сами уэстенцы были бы

рады принять таких знатных и богатых господ в свои сплоченные ряды, только вот Кейнам это оказалось не нужно. Они держались особняком, не устраивали приемов и не отдавали визитов. Поначалу наши кумушки пытались втянуть леди Джулию в свои женские кружки и благотворительные фонды, но та только выслушивала очередную «делегацию» и отделывалась от навязчивых дам крупными суммами пожертвований.

— Вы давно служите в этом доме? — спросила экономку, подходя к поясному портрету лорда Кейна-старшего.

На огромном холсте, заключенном в массивную позолоченную раму, был изображен суровый пожилой мужчина с пронзительным взглядом серых глаз и хищным, немного крючковатым носом. За спиной лорда виднелся какой-то странный золотистый блик, а холеные руки сжимали толстую книгу с изображением летящей птицы.

«Джон Уэлиш Георг Авинар Уильям Генрих Кейн, тысяча восемьсот шестидесятый год» — прочитала я витиеватую подпись.

— Почти пятнадцать лет, — с достоинством ответила госпожа Тьюз и тоже посмотрела на портрет. — Лорд Джон был замечательным человеком, — убежденно добавила она.

Вот уж не знаю. Если верить тем же слухам, у Кейна-старшего был очень тяжелый характер, от которого страдали не только слуги, но и близкие лорда.

— А нынешний хозяин? Он вам нравится?

Мне было интересно, что скажет женщина, знавшая пирата не первый год.

— Лорд Джеймс? — переспросила та и, подумав пару секунд, добавила: — Милорд очень добр к своим работникам, и мы все рады ему служить, миледи.

Что ж, трудно было ожидать другого ответа.

Взгляд снова остановился на холодных глазах изображенного на портрете мужчины. Было в них что-то, что вызывало беспокойство. Какая-то неразгаданная тайна. Или это мне только кажется?

— А здесь что?

Я подошла к небольшой дверце, скрывающейся за толстой бархатной портьерой.

— Личный кабинет старого хозяина, — ответила экономка. — Лорд Джон проводил там все свободное время.

Я осторожно толкнула узкую филенчатую дверь и заглянула в небольшую, сплошь заставленную книжными шкафами, комнатку. В нос ударил

запах крепкого табака и старых книг. Неприятная смесь. Свет, падающий из маленького, забранного узорной решеткой окошка, почти не рассеивал загадочную полутьму кабинета, и мне почему-то стало не по себе. Захотелось даже поскорее выйти, но я пересилила себя и прошла к древнему на вид, украшенному резьбой и тусклыми бронзовыми ручками письменному столу. На темной, чуть потрескавшейся от времени поверхности лежали какие-то странные предметы: разноцветные камни, кусочки руды, загадочные железные фигурки, разноцветные перья, разобранные часы, пожелтевшие свитки.

— Лорд Джон любил собирать всякие древности, — пояснила экономка, с едва заметным неодобрением глядя на заваленный «раритетами» стол, а я подумала о том, что, возможно, слухи о сумасшествии старого лорда были не так уж преувеличены. — Ему доставляли артефакты с разных концов света, — добавила госпожа Тьюз, бросив короткий взгляд на огромный сундук, стоящий в простенке между окнами.

— Если вы не против, миледи, мы могли бы вернуться к осмотру, — негромко сказала госпожа Тьюз.

Похоже, ей тоже было неуютно в этой тесной,

заставленной разнокалиберной мебелью комнате.

— Да, разумеется, — кивнула в ответ и без сожаления покинула душный кабинет.

До вечера я полностью ознакомилась с особняком и смогла оценить вкус своего супруга, сумевшего из старомодного родового гнезда сделать современный, оборудованный по последнему слову магии и техники дом. Ни у кого в Уэстене не было таких самонагревающихся котлов, вода из которых отапливала весь особняк и попадала в ванные комнаты, расположенные в каждых покоях — и в хозяйских, и в гостевых. У слуг умывальная была одна на каждую половину — женскую и мужскую, а внизу, в подвале, стояли огромные хладобуфеты и стазошкафы, умеющие сохранять продукты свежими от нескольких недель до года. Раньше я о таком только читала, а сейчас видела своими глазами. А нагревательные плиты, заменившие традиционные печи? Кухарка с особой гордостью показывала мне, как они работают, и нахваливала «доброго хозяина», постаравшегося облегчить ее труд.

Я смотрела, слушала, общалась и открывала для себя совсем другого Кейна. Вместо повесы и бабника он предстал передо мной рачительным,

прогрессивным, внимательным к своим людям и… щедрым. Когда я узнала, сколько получает самая последняя служанка, то невольно подумала, что не там искала источники дохода. Надо было сразу к Кейну обращаться! Может, он захотел бы брать уроки игры на фортепиано или пожелал бы заняться вокалом. Кстати, в одной из зал, которую госпожа Тьюз гордо именовала музыкальным салоном, стоял шикарный стрендеровский рояль, и время до ужина я провела именно за ним.

Музыка всегда помогала мне справиться с плохим настроением. Кейне, Струман, Гайдер, мой любимый Иксен — их творения позволяли раствориться в лавине звуков и эмоций, выплеснуть все, что накопилось в душе, освободиться от груза проблем и найти себя. Сейчас, после неразберихи вчерашнего дня, это было жизненно необходимо.

Я играла, забыв обо всем. Мелодия любимого ноктюрна лилась из-под пальцев, заполняла зал, освобождала душу. Мне порой казалось, что Струман обладал какой-то особой, неизвестной никому магией. Его произведения в каждом сердце будили свои, особенные эмоции. Кто-то из слушателей плакал, кто-то улыбался, но равнодушных не было. Точно, магия…

Я полностью растворилась в музыке, но в какой-то момент почувствовала, что больше не одна. Не прекращая играть, немного повернула голову и заметила застывшего в дверях Кейна. Пират выглядел задумчивым, лицо его казалось умиротворенным, и даже взгляд — опасный и острый взгляд флибустьера, — сейчас был непривычно мягким.

Я продолжала делать вид, что не замечаю тайного слушателя, но это было не так-то просто. Я буквально кожей ощущала его присутствие. И Кейн, словно желая усилить разлившееся в воздухе напряжение, сделал шаг вперед. Я уловила это движение боковым зрением и почувствовала, как тяжело забилось в груди сердце. Сама не знаю, почему.

Кейн был все ближе. И с каждым пройденным им шагом, я все явственнее ощущала его за своей спиной и чувствовала, как сгущается воздух и как трудно стало дышать.

И вот уже муж стоит почти вплотную. Ноктюрн подходит к концу, но я не могу заставить себя остановиться и продолжаю играть все, что помню. Кейн молчит. Но это молчание такое… красноречивое.

Оно словно бы обнимает меня, проходится по

плечам горячими ладонями, касается рук, лица, губ… И в душе, отзываясь на эти невидимые прикосновения, поднимается странное чувство, закручивается, переплетается с обрывками ночного видения, и мне кажется, что еще немного, и откроется правда, и я пойму…

— Вы неплохо играете, миледи, — неожиданно послышался низкий голос, и я очнулась. Радость от музыки схлынула, и ей на смену пришло возмущение.

Неплохо? Да меня сам мэтр Оскинд учил! И он не раз говорил, что у меня настоящий талант, развивать который я просто обязана. И я развивала. Играла по пять часов в день, не обращая внимания на усталость и лень, нашептывающую, что мне незачем так усердно трудиться, ведь я не собираюсь выступать на сцене или зарабатывать музыкой на жизнь. Хорошо, что у меня хватило ума и решимости не прислушиваться к «советчику».

— И техника хорошая, — холодно добавил супруг.

— Благодарю, милорд, — не менее холодно ответила я и поднялась со скамьи.

— Надеюсь, вы успели ознакомиться с распорядком этого дома? — небрежно поинтересовался

Кейн, но я видела, каким внимательным взглядом он окинул мою фигуру. — Ужин через полчаса, а вы еще не переоделись.

В серых глазах застыло неодобрение.

— Жду вас в столовой ровно в восемь, — не давая мне возможности ответить, бросил пират, развернулся и вышел.

И что прикажете с ним делать? Как объяснить, что происходит между нами, и зачем Кейн вообще женился?

Именно этот вопрос я и задала супругу чуть позже, за ужином, когда мы сидели на противоположных концах огромного стола и смотрели друг на друга так, словно были не в столовой, а на дуэли.

— Не знаю, как вы, но я никогда не ожидал от брака ничего хорошего, — насмешливо сказал супруг. — Правда, я даже предположить не мог, какое это хлопотное дело, иметь жену. Вместо того чтобы после тяжелого дня наслаждаться вкусным ужином и тишиной, я вынужден поддерживать неинтересную мне беседу и отвечать на нелепые вопросы. Убийственное занятие!

— Если вам так неприятно мое общество…

— Не льстите себе, миледи, — равнодушно посмотрел на меня Кейн. — На вашем месте могла

бы быть любая другая, и я испытывал бы ровно то же неудобство.

— Но тогда зачем вы женились?

— Я и сам задаю себе этот вопрос, — усмехнулся пират и поднялся из-за стола. — Прошу меня извинить, я обещал своему бухгалтеру просмотреть отчеты за последний месяц. А вы можете наслаждаться десертом, Салли готовит удивительно вкусные миндальные пирожные.

Кейн пошел к выходу и скрылся за дверью, а я посмотрела ему вслед и задумчиво отломила вилкой воздушный сливочный кусочек.

Похоже, кто-то решил показать, что вовсе не рад моему обществу. Что ж, не могу сказать, что меня это огорчает.

***

(Из дневника Дж. Кейна)

10 сентября

Последние приготовления закончены. Горди принес магическую клятву, все устроено на годы вперед, вещи собраны. Осталось только дождаться утра и тогда…

Проклятье! Вместо того чтобы думать о будущем, я топчусь на месте, полностью увязнув в настоящем по имени Кэролайн.

Весь день из головы не идут ее слова. Не ожидал, что будет так сложно. Я ведь видел, как она на меня смотрит, считывал желание с самого первого дня, еще тогда, в переполненной людьми зале, когда почувствовал громкое биение ее сердца. Казалось, оно бьется только для меня. Сколько их было, этих сердец, что бились так же? Те жалкие остатки прежнего дара, что подачкой бросила судьба к ногам моих предков, позволяли легко видеть желания женщин и понимать, чего именно они хотят. И удовлетворять любое, даже самое потаенное и необычное. И только Кэри… Только она одна не сдается своим же собственным чувствам. Почему всякий раз, когда Кэролайн горит в моих объятиях, она упорно не желает признавать, что нам хорошо вместе? Почему называет меня именем мужа? Почему именно он, ее беспутный супруг, постоянно встает между нами? Откуда этот блок, преодолеть который я не в силах?

Такое ощущение, будто Кэри цепляется за свои былые чувства, чтобы не принимать новых. Неужели она до сих пор его любит? Или это особенности ее магии? Кажется, в одной из книг об алайетах мне уже попадался похожий случай. Не помню точно, что там было, но вот эта привязанность к давно умершему… Надо попробовать

поискать ответ в записях Ларье. Может, удастся хоть раз… (зачеркнуто).

10 сентября, ночь.

Все еще хуже, чем я думал. Проклятая магия Избранных… «Право первого взгляда, сила первой любви, вечное сияние чувств»… К дьяволу! Если верить Ларье, Кэри всегда будет любить только своего первого мужа, свою первую любовь. Она, видите ли, отдала ему сердце и чувства, и уже ни на кого другого не посмотрит так, как на своего обожаемого Роберта! Черт!

Получается, что он все время стоит между нами? Третьим? Или первым? Проклятье! Выходит, что бы ни случилось, Кэри запомнит не меня, а Дерта? Какая ирония и месть судьбы! После всех побед, которые были мне совершенно не нужны, стать бледной тенью прежнего мужа для той единственной, что действительно волнует сердце?

Пожалуй, впервые я готов согласиться с дедом, что магия Избранных — зло, которое нужно искоренить раз и навсегда, как и те мерзкие ритуалы, которые проводят ее последователи. И ведь у Кэролайн нет полноценной магии алайетов, только жалкие крохи, но даже они подействовали.

Ночь. Черная, как преисподняя, и такая же

тоскливая. Интересно, что делает Кэри? Ждет меня или, наоборот, опасается, что приду?

Раздельные спальни… Черт подери, и почему я так легко согласился? Боялся, что не удержу щиты? Не мог вынести холод в ее голосе? Или опасался, что не сумею сыграть навязанную судьбой роль до конца? Так ведь уже сыграл. Мои предки могут быть спокойны. Даже сам того не желая, я сделал все, чтобы выполнить клятву рода. Пусть и не довел ее до конца, но тут уж не им меня судить.

Кэри, Кэри… Никогда не думал, что с женщиной может быть так сложно. «Вам сказать правду? Нет, мне не понравилось, милорд»… Можно подумать, мне понравилось. Прикасаться к роскошному телу, видеть томный блеск глаз, ощущать горячее, плавящее мозг желание и пытаться изображать бесчувственного чурбана… Всего лишь пытаться, потому что, как оказалось, быть с Кэри и ничего не чувствовать — просто невозможно.

Да, я надеялся, что, если буду вести себя как последний мерзавец, будет проще. Ей, мне, нам обоим. Но нет. Все только усложнилось.

Душу выворачивает так, что сам не знаешь, то ли напиться, то ли сразу повеситься, только бы избавиться от этой невыносимой тяги. От-

куда она только взялась? Магия. Точно, магия Избранных. Это все она. Стоило только связаться с Кэролайн Уэтерби…

К дьяволу раздельные спальни! Эту ночь я проведу со своей женой, и никакому Роберту Дерту сегодня не будет места в нашей постели. Только мы вдвоем. Я и Кэролайн. А дальше… (зачеркнуто)

***

После ужина я еще немного побродила по дому, заглянула в зимний сад, прошлась по выложенным редким артовым камнем дорожкам, полюбовалась цветущими астрами и виолами.

В спальню шла неохотно. Я не знала, почтит ли меня муж своим посещением или нет, и от этого испытывала непонятную неуверенность. Все-таки Кейну удалось выбить меня из равновесия. Никогда не нравилось ощущать себя глупышкой, но с пиратом… Он постоянно ставил меня в тупик своим поведением, словами, взглядами.

Все-таки ужасно сложный человек…

Безлюдный коридор привел меня к белой с позолотой двери, я открыла ее и вошла, а потом остановилась и окинула комнату внимательным взглядом. Что сказать? Отменный вкус Кейна

читался в каждой вещи. Экономка сказала, что пират лично следил за ремонтом особняка и выписывал мебель и ковры из самой столицы, а картины и предметы искусства — из Араудана, страны, что так славилась своими художниками, скульпторами и мастерами-стеклодувами. Арауданцы вообще умели делать удивительные вещи. Вот, например, картина над кроватью, изображающая библейскую Сусанну. Ее написал Корино, молодой, но уже знаменитый на весь мир художник. Или взять разноцветную вазу, стоящую на небольшом столике в углу. Своей формой она напоминала женскую фигуру, а переливы золотистого, розового и зеленоватого стекла были такими нежными, что казались выплавленными из чистого света. А зеркало? Настоящее арауданское зеркало. Оно одно стоило как весь мой прежний дом. Я подошла к украшенному золотой инкрустацией стеклу и провела рукой по блестящей ореховой раме. Дерево было теплым, живым, немного шершавым и очень приятным на ощупь. Изящный туалетный столик, что крепился к стене прямо под зеркалом, казался невесомым, а обитая жемчужным бархатом скамья перекликалась своим цветом с двумя рядами штор — бархатных и шелковых, с

серебристыми атласными подхватами. Да и сама спальня переливалась всеми оттенками серебра — от нежного, почти белого, до темно-серого и черненого.

— Миледи, вы позволите?

Дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель проскользнула Мэри. Надо же, оказывается, привычка моей Ильды не такая уж редкость. Или это мне везет на служанок, умудряющихся проходить «сквозь стены»?

— Я помогу вам подготовиться ко сну, — немного неуверенно улыбнулась девушка. Она словно бы не знала, как со мной разговаривать и чего от меня ждать.

Подготовиться ко сну… Я уже и забыла, каково это, когда о тебе заботится настоящая горничная. Ильда больше занималась кухней и хозяйством, а одеться и раздеться я и сама могла.

— Миледи.

Ловкие пальчики быстро расстегнули пуговицы застежки, спустили с плеч рукава, расшнуровали тонкий корсет, и вот уже я стою в одних панталонах и коротенькой рубашке и наблюдаю, как Мэри достает из комода тонкую, почти невесомую ночную сорочку и подходит с ней ко мне. Секунда — и рубашка оказывается на кресле, а

прохладный шелк обнимает мое тело.

На все про все у горничной ушло не больше трех минут. Удивительная сноровка. Похоже, Кейн не зря платит своим слугам такие деньги.

— Спасибо, Мэри, — поблагодарила я девушку.

— Рада услужить, миледи, — несмело улыбнулась та и добавила. — Вы позволите? — ее руки коснулись моей прически.

Мне оставалось только кивнуть, и вскоре все шпильки оказались сложены в серебряную шкатулку, а мои волосы получили свободу и рассыпались по плечам.

— Желаете что-нибудь еще, миледи?

— Нет, Мэри, можешь идти, — отпустила я служанку.

Та коротко поклонилась и неслышно выскользнула за дверь.

В комнате стало удивительно тихо. Я посмотрела на разобранную постель, но не стала ложиться и прошла к окну. Отодвинув шторы, приоткрыла одну из створок и выглянула наружу, разглядывая пышные кроны растущих неподалеку деревьев и причудливые чугунные фонари, от которых расходились тусклые желтые круги. Ветер принес аромат цветущей гвоздики и тонкий запах мокрой после дождя земли. Окна спальни, распо-

ложенной на третьем этаже, выходили прямо на цветочные клумбы, чуть дальше начинался сад, в котором росли диковинные для Эшера киноли, бунели и абаринды, а слева от него блестел в лунном свете большой пруд с высоким фонтаном в центре.

И все это Кейн тоже спроектировал сам. Кто бы мог подумать, что у него столько талантов? Я попыталась обнаружить внутри привычную уже ненависть, но почему-то не смогла. Мне никогда не удавалось долго обижаться или носить в себе злобу и неприязнь. Вот и сейчас, как бы я ни сердилась на Кейна за произошедшее, как бы ни старалась напоминать себе о причиненной им боли, но получалось уже не так убедительно. Как бы там ни было, но ничего теперь не изменишь, а жить бок о бок в одном доме и ненавидеть друг друга — глупо и недальновидно. К тому же, главное ведь результат? Дядя Ирвин теперь свободен и ни в чем не нуждается, да и мне можно больше не бояться за свое будущее. Кейн оказался удивительно щедр, выделив мне весьма немалое месячное содержание. Что ж, можно сказать, что все то, чего я хотела от замужества, у меня есть. А чувства… Кто сказал, что они так уж необходимы в браке? Если судить по моему прошлому опыту,

лучше уж обойтись без них. Так будет легче.

Ночная прохлада проникла под тонкий шелк сорочки, и я поежилась, а уже в следующую минуту ощутила на своих плечах горячие ладони.

Ноги будто приросли к полу. Прикосновение было таким нежным и одновременно чувственным! Пальцы задели тонкие бретельки, и те упали с плеч; скользнули ниже, коснулись сосков, чуть сжали их, и я не удержалась от тихого стона. Снова он — мой сон! Только теперь наяву.

Муж придвинулся вплотную. Контраст между прохладой ночного воздуха, овевающего грудь, и горячего тела, прижимающегося ко мне сзади, был таким острым и возбуждающим, что я забыла о нашей с Кейном войне и откинула голову на его плечо, позволяя… Позволяя ему все. Капитулируя. Целиком и полностью отдаваясь в его власть. Ненадолго, всего на одну ночь…

И Кейн принял мою капитуляцию. Его руки прошлись по спине, огладили бедра — и я еще клялась, что никогда им этого не сделать? — проникли ниже, туда, где их прикосновение ощущалось так горячо и сладко, и я выгнулась сильнее, подаваясь назад, пытаясь поймать задаваемый темп. Дыхание сбивалось, сердце частило, отбивая бешеный ритм, а муж, дождавшись момента,

когда я смогу лишь бессвязно умолять непонятно о чем, резко дернул меня на себя и вошел, и я окончательно потерялась под напором его силы, его движений, его уверенности и страсти.

— Скажи мое имя, Кэри, — в разгар нашего сумасшествия, хрипло произнес Кейн.

Его губы касались моего уха, обжигая горячим шепотом.

— Ну же, Кэри!

Толчки стали сильнее. Огонь плескался в крови, прокатываясь по телу горячей волной и разжигая слабую искорку магии в настоящий костер. Как… Как Кейн это делает? Это его магия или моя? Но ведь он не может быть огненным магом? Или может?

Мысли путались.

— Скажи: «Джеймс»…

— Джеймс… — слетает с моих губ невнятный шепот.

— Громче.

Темп ускоряется, я уже почти потерялась в калейдоскопе ощущений, эмоций, магии и бешеного биения пульса.

— Джеймс! — из последних сил цепляясь за подоконник, кричу я, и одновременно с этим криком рушатся возведенные внутри бастионы,

и по телу разливается долгожданное освобождение. — Джеймс, — уже тише повторяю имя мужа и чувствую на своих щеках слезы. Они текут по коже, но мне кажется, что эта соленая вода омывает мою душу, унося всю боль, все обиды, всю былую тоску и одиночество.

И Кейн, словно почувствовав это, развернул меня к себе и наконец-то поцеловал — глубоко, по-настоящему, так, что перед глазами звезды мелькнули. А потом поцелуй потянул за собой объятия, и снова поцелуи, и…

Заснули мы лишь перед рассветом, обессиленные и хмельные от страсти. А утром я проснулась одна, и ничто не напоминало о минувшей ночи. Даже постель была почти не смята. И лишь ломота в теле подтверждала, что все произошедшее мне не приснилось.

***

Завтракала я в столовой. Вышколенные слуги бесшумно подавали еду, дворецкий стоял у буфета и орлиным взором следил за лакеями, в большой, светлой зале отменно пахло кофе и свежими булочками. Идиллия. Ну, почти.

Я неторопливо намазывала на сдобу желтое, невероятно вкусное масло и вспоминала наше с

Кейном вчерашнее безумство. Интересно, почему муж передумал? Помнится, в первую ночь он ясно дал мне понять, каким образом будет проходить наша супружеская жизнь, так что же заставило его изменить решение? Поистине, этот мужчина полон загадок.

Я поднесла к губам тонкую, почти прозрачную фарфоровую чашечку и вдохнула терпкий аромат. Надо же, уже и не помню, когда пила настоящий кофе… Привозимые из Ахрейна зерна были слишком дороги, и позволить себе напиток из них мог далеко не каждый.

Первый глоток прокатился по языку восхитительной горечью, разбавляемой небольшой, едва уловимой кислинкой. А со второго — вкус раскрылся полностью, стал мягким, обволакивающим, густым, и сразу захотелось закрыть глаза и посмаковать его в полной тишине, но негромкий голос дворецкого лишил меня этого удовольствия.

— К вам с визитом госпожа Марчем, госпожа Хьюз и госпожа Гвиневра Хьюз, миледи, — доложил Уилфрид Пэнси. — Изволите принять?

Принять? Моя бы воля, так я бы этих змей и на порог не пустила, но светский этикет подобных искренних порывов не одобряет, так что придет-

ся мне идти и выслушивать лживые восторги и поздравления и отвечать на вопросы о своей новой жизни. А в том, что они будут, я даже не сомневалась.

— Проводите дам в малую гостиную, Пэнси. Я сейчас подойду.

Я с сожалением посмотрела на недопитый кофе и вздохнула. Какая нелегкая принесла этих кумушек в такую рань?

— Леди Кейн, вы выглядите просто превосходно!

Не успела я войти в гостиную, как тут же оказалась атакована кинувшейся мне навстречу Долли Марчем.

— Замужество пошло вам на пользу, не правда ли, Барбара? — повернулась она к старшей из сестер Хьюз.

— Несомненно, — чопорно ответила та.

— Дамы, рада вас видеть, — вежливо улыбнулась отряду уэстенских сплетниц, втайне мечтая не видеть их вообще. — Пэнси, велите принести чаю. Вы ведь не откажетесь выпить по чашечке восхитительного керского чая? — уточнила у сидящих на диване прямых, как палки, сестер и села напротив, в удобное пернское кресло. — Госпожа Марчем, присядьте, — кивнула на соседнее.

— Ох, в такую погоду грех отказываться от согревающих напитков, — неискренне улыбнулась мне Долли, усаживаясь и расправляя складки своей кашемировой юбки. — Вы согласны, Гвинерва?

Младшая из сестер молча кивнула. Она вообще не отличалась говорливостью, впрочем, как и старшая, Барбара. Мне порой казалось, что сестры Хьюз только затем повсюду ходят с Долли, что сами не в состоянии выражать свои мысли вслух.

— Как хорошо, что ваша свадьба выпала на теплый погожий денек, не правда ли?

Марчем взяла со столика принесенную чашку, посмотрела поверх ее золотого ободка мне в глаза и сделала аккуратный глоток.

— Удивительно вкусно! — заявила она, и сестры Хьюз, как по команде, тут же подняли свои чашки.

— Я слышала, что в Кере выращивают только самые лучшие сорта. Помню, моя племянница, леди Оливия Бернс, рассказывала, что собранные верхние листочки специальным образом высушивают, потом упаковывают в огромные тюки и переправляют на корабли, — продолжала разглагольствовать Долли, а я смотрела на нее и прикидывала, как долго выдержу этот разговор.

После вчерашней, почти бессонной ночи глаза сами собой закрывались, и слушать про заготовку чая не было никакого желания.

— Попробуйте миндальные пирожные, — прервала я рассказ увлекшейся Марчем. — Кухарке лорда Кейна они особенно удаются.

— Ах, пирожные! Конечно-конечно, в медовый месяц нужно есть как можно больше сладкого! — тут же переключилась Долли, а ее глаза ощупывали мою фигуру со рвением полицейской ищейки. — А вы что-то совсем ничего не едите, леди Кейн, — словно невзначай заметила она, и мне стало смешно.

Неужели Долли предполагает, что я в интересном положении? Хотя, наша с Джеймсом скоропалительная свадьба вполне могла навести горожан на подобные мысли. Да, представляю, какое разочарование испытают уэстенцы, когда выяснится, что никакого… положения нет!

— Я не голодна, госпожа Марчем, к тому же, мы с супругом собирались позавтракать вместе в одной из кофеен на Велльской площади, так что…

Я не договорила, надеясь, что Долли поймет мой намек.

— А разве лорд Кейн не уехал из города? — маленькие глазки впились в мое лицо. — Я сама

лично слышала, как он говорил господину Бовизу, что его не будет несколько дней.

Вот как? А меня поставить в известность супруг, видимо, не счел нужным. Что ж, узнаю Кейна.

— Да, он собирается наведаться в столицу. У него там кое-какие дела, — вынуждена была импровизировать я.

— Ах, моя дорогая, это так печально, когда мужчина в самый разгар медового месяца вынужден оставлять молодую жену и ехать по делам, — голос Долли буквально сочился приторным сочувствием. — Вам, наверное, так одиноко!

— Учитывая, что лорд Кейн еще никуда не уехал, одиночество ощутить я не успела, — поднимаясь с кресла, ответила Марчем.

Что ж, если намеков она не понимает, будем действовать прямо.

— Я была рада вас видеть, дамы, и благодарна за визит, — улыбнулась гостьям. — К сожалению, не могу уделить вам много времени, но, надеюсь, вы меня извините. Пэнси, проводите наших гостий, — посмотрела на застывшего в дверях дворецкого.

— Да-да, леди Кейн, мы понимаем, — тут же подхватилась с места Долли. — Барбара, Гвиневра, мы уходим, — повернулась она к сестрам

Хьюз. — Всего хорошего, леди Кейн. Не будем вас задерживать!

Марчем устремилась к выходу, сестры молча отправились за ней, а я с облегчением вздохнула, глядя, как они исчезают за дверью, и нажала кнопку магического звонка, вызывая экономку.

— Миледи?

Госпожа Тьюз оказалась в гостиной буквально через минуту, словно специально ждала за дверью.

— Лорд Кейн оставлял вам какие-либо распоряжения?

— Милорд сказал, что его пару дней не будет, и чтобы мы с любыми вопросами обращались к Вашей милости.

— И милорд не упоминал, куда он собирается?

— Нет, миледи.

— Что ж, понятно.

Я задумчиво посмотрела в окно. Серый туман, серое небо, серый свет… Интересно, куда понесло моего мужа? И почему он не поставил меня в известность о своем отъезде? Хотя, разве должен был?

Кэри, Кэри, неужели ты решила, что минувшая ночь что-то изменила в ваших отношениях? Неужели ждала от пирата чего-то иного?

— Что-нибудь еще, миледи? — осторожно спросила госпожа Тьюз, и я отвлеклась от своих размышлений.

— Нет, можете идти, — отпустила экономку и снова уставилась в окно.

Мне не давала покоя мысль, что Кейн уехал вот так, не попрощавшись. Выходит, он настолько меня не уважает, что не считает нужным предупреждать о своих отлучках? Интересно, куда он поехал? В Лариделл? В столице сейчас как раз начинается сезон… Или у него какие-то дела в одном из отделений «Кейн-Империал»?

Впрочем, какая мне разница? У каждого из нас своя жизнь. Пусть Кейн едет, куда ему вздумается, а я пока навещу дядюшку и Ильду, узнаю, не созрели ли они для переезда.

***

(Из дневника Дж.Кейна)

11 сентября

Время пришло. Все сложилось. Тайны раскрыты. Утро.

Мне осталось сделать последний шаг. Последний и первый одновременно. Я не знаю, что ждет меня там, за чертой, но почему-то именно сейчас, стоя на пороге новой судьбы, испытываю стран-

ное сожаление. Сам не знаю о чем. Нет, не так. Знаю. Знаю, но не хочу принимать в расчет.

Выбор. Всегда есть выбор, и свой я давно уже сделал. Кэролайн не удастся меня остановить. Ни ей, ни ее чарам, ни ее магии — проклятой магии Избранных. Странное все-таки чувство. Кэри — прямой потомок моего главного врага, и она же та, что сумела затронуть струны души, о которых я даже не подозревал. Кэролайн. Жена. Мягкая, как шелк, горячая, как лава, и твердая, как клинок из араисской стали. Идеальная женщина и самый худший враг из возможных, ибо ее оружие — не коварство и грубая сила, а нежная душа и бездонные глаза, в которых так легко потеряться.

Но я не собираюсь тонуть в этом проклятом омуте. Хватит и тех глупостей, что уже натворил. Знал, что нельзя привязываться, нельзя испытывать никаких чувств, кроме ненависти, и не мог. Да и как можно ненавидеть Кэри? Девочку, которая выросла на моих глазах и превратилась в удивительную женщину, ту, один взгляд которой способен пробудить в мужчине пожар, а утолить его — лишь прикосновение ее руки.

Магическая клятва рода… Нерушимый обет, даваемый каждым Кейном. К дьяволу этот обет! И

плевать на последствия. Я всегда думал, что мой враг — мужчина, равный, наследник проклятой магии Избранных, тот, кто сумеет дать отпор, и уничтожить которого будет особым удовольствием и честью. Но Кэри… Нежная, не обладающая полноценной магией и даже не подозревающая о том, кто ее предки…

Тогда, в банке, увидев след ее магии, я не смог поверить, что она — потомок алайетов. Снова и снова следил за ней, провоцировал, пытался добиться полноценного отклика, но так и не сумел до конца понять, то ли она настолько хитра и талантлива, что умело прячет свою силу, то ли мои подозрения беспочвенны, и та малая толика, которой она пользовалась — ее предел. Крохи, доставшиеся от какой-то боковой ветви, затесавшейся в семейное древо Уэтерби. Порой мне даже хотелось, чтобы это так и было, и мне не пришлось бы делать то, что должно. Но нет. Тот проклятый вечер все подтвердил. Как же я надеялся, что этого не случится! Как же не хотел верить… Но она все-таки пришла и произнесла слова того единственного заклинания, что знают только высшие Избранные, и подтвердила свою принадлежность к ненавистной семье.

Клятва рода… Слова, въевшиеся в плоть и кровь

с самого детства. «Я, Кейн из рода Кейнов-фениксов, клянусь своей душой, что сделаю все, чтобы уничтожить род Озириса и вернуть утерянное бессмертие и крылья»… Что ж, я оказался тем, кто нарушил эту вековую клятву. Мой искалеченный дед, последний, кто помнил небо и огненное возрождение, мой отец, посвятивший всю свою жизнь одной единственной цели — вернуть огонь и отомстить, и вот теперь я — тот, кто сумел отыскать врага, но не в силах убить ни его, точнее, ее, ни членов проклятого рода, за что мне еще предстоит поплатиться.

Так и слышу презрительный возглас отца: — «Слабак!». Ему вторит дрожащий, полный негодования голос деда. И я с ними согласен. Да. Слабак.

Столько сил ушло на поиски, столько отчаянных попыток, столько ненависти клокотало в душе. И вот теперь, когда все само пришло в руки, я отступил. Отступил… Но как иначе? Разве могу я убить Кэри?

Нет. Никогда.

«Ты мне не сын», — вижу в глазах отца, когда захожу в портретную.

«Ты недостоин носить имя Кейнов, — читаю во взгляде деда. — Клятвопреступник. Сделай то,

что должен, внук. Отомсти за нас. Убей. Убей! Убей…»

Выбор. Снова выбор. Либо я, либо она.

Что ж, лучше уж я.

Все. Пора уходить. Пора уходить, пока я еще в состоянии это сделать.

Прощай, моя Кэри…Ты никогда не увидишь эти строки, поэтому я смело могу сказать, что ненависть к тебе оказалась гораздо слаще любви. И я надеюсь, что ты сумеешь быть счастлива, имея все то, к чему так долго стремилась: деньги, имя, возможности и счастье близких.

Прощай, Кэролайн Уэтерби Кейн. И да хранит тебя Бог. А я… А мне предстоит сделать последний шаг и вернуться к началу. Быть может, если у меня получится задуманное, мы еще встретимся… По крайней мере, мне хотелось бы в это верить.

Глава 9

Ночь. Тишина. Свет фонарей бьет прямо в распахнутое настежь окно спальни. Синеватые блики ложатся на подоконник, стекают по шторам, расползаются по полу дрожащими лужицами и устремляются к кровати, чтобы коснуться моих босых ног и замереть.

Шесть недель… Кейна нет уже шесть недель, и никто не знает, где он.

Я вижу на лицах знакомых любопытство. Обо мне снова говорят и шушукаются на каждом углу, и в глазах уэстенцев я читаю один и тот же вопрос, но до недавнего времени никто из них не решался задать его вслух. Никто, кроме Бет.

Кузина пришла с визитом в пятницу утром. Поговорила о погоде, выяснила у дядюшки Джобса, как тот себя чувствует, но я понимала, что этим дело не кончится. Слишком уж вид у Элизабет был решительным. Что ж, я не ошиблась. Расспросив дядю Ирвина, как ему живется в особняке лорда Кейна, Бетси повернулась ко мне и совершенно невинным голоском спросила: — «Кэри, а это правда, что твой муж тебя бросил?»

Дядя Ирвин опустил на колени кисет с табаком и с укором посмотрел на Бет.

— Элизабет, ты ведешь себя некрасиво, — покачал он головой. — К чему повторять глупые сплетни?

— А что? Об этом весь Уэстен говорит, — надула губки Бет.

На ее смазливом личике застыло немного детское выражение, живо напомнившее мне ту девочку, что играла со мной в салочки и очень не любила проигрывать.

— Всем интересно знать, почему лорд Кейн бросил свою новобрачную и уехал в неизвестном направлении. Многие даже поговаривают о подаче в суд иска о раздельном проживании.

— Думаешь, если бы это было так, Джеймс оставил бы мне свой родовой особняк? — насмешливо посмотрела на кузину. — Неужели уэстенцам больше нечего обсуждать? Мой муж уехал по делам, и это совершенно нормально.

Дядя Ирвин одобрительно крякнул и снова принялся набивать трубку.

— Ну не знаю, — протянула Бет. — У вас даже медового месяца не было. И поженились вы както слишком уж поспешно.

Она окинула меня внимательным взглядом,

почти так же, как это делала при встречах Долли Марчем, и многозначительно усмехнулась.

— Джеймса ждали дела, именно поэтому нам пришлось поторопиться со свадьбой, — спокойно ответила кузине и постаралась перевести разговор на Аредан — праздник Благодарения. Но Бетси было не так-то легко сбить со следа. Она словно нюхом чуяла, что у нас с Кейном не все гладко, и продолжала «рыть землю» с упорством полицейской ищейки.

— А твой супруг вернется к празднику?

Бет мило улыбалась, а мне захотелось заглянуть ей в рот, чтобы убедиться, что язык у нее не раздвоенный. Уж больно повадки у сестрицы змеиными оказались.

Ну вот что ей за дело до моей жизни? Какая разница сестре и всем местным кумушкам, куда и насколько уехал мой муж? Так нет же! Все вынюхивают, выслеживают, ищут какие-то несостыковки.

— А тебе какая разница, Бетси? — насмешливо спросил дядюшка. — Или ты тоже к лорду Кейну неравнодушна? Слыхал я, что у вас тут все по нему сохнут, неужто и ты в их числе? Вроде ж, замужняя дама. А господин Кроу знает, что ты готова ему рога наставить?

Тон дядюшки был легким, но взгляд, которым он одарил Элизабет, так живо напомнил мне того дядю Ирвина, каким он был, когда командовал «Янтарным», что я невольно улыбнулась. Мой добрый старый дядюшка… Не стерпел несправедливости, вступился.

Бет покраснела, потом побледнела и уставилась на дядю Ирвина с холодным бешенством. Даже не знала, что она умеет так смотреть.

— Что, защищаете свою любимицу? — процедила кузина. — А почему? Чем она лучше меня? Всю жизнь только и слышу: — «Кэри умница, Кэри красавица, ах, она такая утонченная и деликатная, и конечно же, достойна самого лучшего!» А я? Я недостойна? Почему все достается только ей?

Бет вскочила с кресла и задела рукой стоящую на столике вазу с фруктами. Та упала, хрупкое стекло треснуло, и спелые красные яблоки покатились по полу.

— Лучшие женихи, лучшие платья, лучшие украшения, — не могла остановиться Элизабет. — Все только для Кэри! А она ни капельки этого не ценит, для нее это ничего не значит! Вечно в облаках витает, вся в своей музыке.

— Бет, о чем ты говоришь?

Я растерянно смотрела на сестру. Что на нее

нашло? Откуда столько злобы? И почему это я витаю в облаках? Да мне в последние годы и взгляд-то на небо поднять некогда было…

— Что, скажешь, не так? Я, между прочим, первая познакомилась с Робертом, он должен был стать моим мужем, а не твоим! — разошлась Бетси. — И Кейн… Пока ты не притащилась на бал в этом своем бесстыжем платье, Кейн проявлял ко мне интерес и у нас даже могло что-нибудь сложиться! И снова ты влезла и все испортила!

— Бет, остановись, — глядя на кузину, тихо сказала я. — Ты потом пожалеешь о своих словах.

А я пожалею, что их услышала.

— Неужели? Думаешь, если подцепила самого красивого мужчину Уэстена, так он вечно будет твоим? Даже не надейся! Лорд Кейн не из тех, кто готов похоронить себя в узах брака, и я еще добьюсь своего.

Бетси посмотрела на меня с такой ненавистью, что мне не по себе стало. Да, я знала, что сестра меня недолюбливает, но чтобы настолько?!

— Вон! — неожиданно послышался глухой рассерженный голос. — Пошла вон отсюда!

Дядюшка отбросил плед, укрывающий его ноги, и поднялся со своего кресла.

— И чтобы духу твоего тут не было, — распря-

мившись, отчеканил он. — А ты, Кэролайн, если еще раз впустишь в дом эту змею, так и запомни, я перестану с тобой разговаривать, — строго посмотрел он на меня и повернулся к Бет. — Выметайся! — приказал он ей. — И если я узнаю, что ты распускаешь о сестре грязные слухи, не поленюсь, сам лично наведаюсь к твоему мужу, и передам ему все, что ты тут наговорила.

Элизабет побагровела, хотела что-то ответить, но посмотрела на дядю Ирвина, злобно фыркнула и рванула к выходу. А я глядела на то, как мелькают оборки ее юбки, и не знала, что и думать. Все происходящее казалось таким нелепым, словно я комедийную пьесу в Малом театре посмотрела. Но дядюшка каков! Защитник.

Я подняла с пола несколько яблок и положила их на стол.

— И не смей ее жалеть, — проворчал дядя Ирвин, усаживаясь на свое место и с кряхтением укутывая колени. — Бетси всегда с гнильцой была, вся в свою матушку пошла, завистницу. Абеля в могилу раньше срока своими капризами загнали, все им мало было, все глаза завидущие покоя не давали.

Он взял со стола кисет и принялся набивать трубку, а я молча подошла и обняла его, гладя

костлявые плечи. Как же мне повезло, что дядя согласился переехать в дом Кейна!

Мой расчет на то, что старик не уживется с Иль, сработал даже быстрее, чем я думала. В свой последний визит я застала в своем бывшем доме грандиозный скандал. Ильда кричала, что и минуты с бесстыжим проходимцем, испортившим ей жизнь, не останется, дядюшка призывал в свидетели всех морских чертей и клялся, что знать не знает, в чем обвиняет его эта несносная женщина, и мне с трудом удалось их утихомирить. А потом я поплакалась на одиночество и тоску, и сумела уговорить своих упрямцев переехать в особняк. И теперь Ильда воюет с госпожой Тьюз, а дядюшка с удовольствием совершает со мной прогулки по Арвер-роу и любит сидеть у камина в гостиной, глядя на весело пылающий огонь. Идиллия. Ну, почти.

Я подошла к окну и уставилась на раскачивающиеся ветви ивы, растущей напротив. Фонарь подсвечивал старый корявый ствол, обливая его серебром. Ночь тихо шепталась с узкими листочками. Ветер подхватывал длинные плети и раскачивал их, напевая тихую песню.

Мне казалось, я даже слышу эту затейливую мелодию. Ее словно выводила скрипка — нежно,

чуть тоскующе, и очень чувственно.

Ладони легли на подоконник, перед глазами вспыхнуло воспоминание: прижимающийся ко мне мужчина, хриплое дыхание и горячий шепот. «Скажи мое имя, Кэри!»

И я, повинуясь этому давнему приказу, тихо произнесла в расцвеченную несуществующей музыкой тишину ночи: — «Джеймс… Где ты, несносный пират? Куда занесла тебя судьба?»

Разумеется, ответа я не услышала.

Вздохнув, захлопнула окно, задернула шторы и пошла спать.

***

Следующий день выдался пасмурным и очень холодным. Теплая погода, попрощавшись с Уэстеном бурным весельем Авадана, давно уже покинула город, и с залива постоянно ползли тяжелые свинцовые тучи. Обычное дело для нашего городка. Вот уже полтора месяца, как они застряли над каналом, и периодически поливают вымощенные серым камнем улицы нудным мелким дождем.

На Уэстен тихо опустился вечер — тот, ранний, когда небо еще светлое, но уже чувствуется приближение темноты. В ветвях деревьев запутался

серый туман. Он медленно сползал вниз к земле, укрывая траву газонов, касаясь влажными лапами стекол и закручиваясь вокруг столбиков ограды уродливыми седыми пучками.

Я бросила за окно гостиной еще один взгляд и повернулась к сидящему в кресле дядюшке.

— Что, Кэри? — улыбнулся тот. — Скучаешь?

— Нет, — покачала головой.

— И правильно. Ты не думай, вернется твой муженек, никуда не денется, — тихо сказал дядя Ирвин, глядя на меня своими ясными синими глазами.

Каждый раз удивляюсь, какими молодыми они кажутся.

— Если он не полный идиот, конечно, — усмехнулся дядюшка и добавил: — А что-то мне подсказывает, что это не так. Любовь не исчезает, Кэри. Знаешь, как говорили во времена моей молодости? Любовь подобна войне. Ее так же легко начать, ее так же трудно закончить, и ее невозможно забыть.

Старик неловко повел плечом, будто отгораживаясь от чего-то, и снова уставился на огонь.

Добрый дядя Ирвин… Он ведь не знает, что между мной и Кейном нет никаких светлых чувств. Не говоря уже о любви. А страсть… Страсть —

вещь непостоянная, на ней ничего путного не построишь.

Я молча улыбнулась и поправила плед, укрывающий дядюшкины колени.

— Надеюсь, ты прав, дядя Ирвин, и Кейн однажды вернется.

Сама я с каждым днем верила в это все меньше. Особенно после разговора с управляющим, которому мой супруг дал указания на год вперед и выделил для меня очень щедрое ежемесячное содержание — гораздо больше того, что оговаривалось в нашем брачном контракте. А еще меня все чаще посещала мысль, что Кейн вовсе не собирался жениться. Скорее всего, в неожиданном предложении пирата виновато мое неправильное заклинание. Если бы не оно…

Я вздернула подбородок и приказала себе выкинуть из головы всякие глупости. Главное, что дядя Ирвин на свободе. Да и я теперь под надежной защитой имени Кейна и его денег, а то, что самого супруга рядом нет… Так может, это и к лучшему?

Взгляд упал на раскрытую на Книге Бытия библию, лежащую на столике, и я попыталась вникнуть в историю Иакова, но мысли то и дело ускользали от двух жен святого праотца к моим двум мужьям. Роберт и Джеймс. Такие похожие,

и такие разные. Если уж быть с собой до конца честной, то нужно признаться в том, что когда-то давно Кейн мне нравился. Очень нравился, если не сказать больше. Он приходил к отцу, а я, тогда совсем еще юная девочка, наблюдала за ним, и мое сердце билось так часто, что мешало дышать. Правда, для Кейна я была слишком мала, и он никогда не смотрел на меня иначе, чем на милого и красивого ребенка. А потом банкир уехал из Уэстена. Резко. В один момент. А я… Я повзрослела и встретила Роберта. И влюбилась. Возможно, это не было настоящей любовью, но тогда мне мечталось, что это именно она, единственная, на всю жизнь, в горе и в радости. Что ж, и того, и другого в моей жизни оказалось предостаточно.

— Кэри, а ты уверена, что супруг не оставил тебе никакого письма или записки? — нарушив тишину, задумчиво спросил дядюшка.

— Уверена, — постаралась скрыть невольный вздох. — Я спрашивала и у дворецкого, и у приказчика, они клянутся, что писем для меня не было.

— Странно, — пробормотал старик.

Он посмотрел в окно, на серую пелену тумана, и совершенно другим тоном сказал:

— Морская дева сегодня сердится. Скажи мужу, чтобы он не отходил далеко от берега, такие тучи

до добра не доводят, буря будет, не иначе.

Я только головой покачала. В последние дни дядюшка вел себя так разумно, что у меня появилась надежда. Мне казалось, что дядя Ирвин сумеет побороть свой недуг, да и доктор Спенс, которого я пригласила осмотреть старика, уверял меня, что все наладится. «Не волнуйтесь, леди Кейн, — говорил он. — У вашего дяди очень крепкое здоровье, и он обещает прожить долгую жизнь. А то, что с памятью случаются небольшие неприятности, так со временем они пройдут. Спокойствие, хорошее питание, обливания прохладной водой — вот все, что ему нужно, чтобы поддерживать форму». Я тогда так обрадовалась. И вот опять…

— Ты слышишь меня, Кэри? — в голосе дяди Джобса появилось беспокойство.

— Да, дядюшка, не волнуйся, я передам мужу твои слова, — успокаивающе погладив морщинистую руку, ответила я. — Может быть, принести тебе чего-нибудь? Чая или теплого молока?

— Да, молока я бы выпил. А мед у нас есть? Неплохо бы добавить туда еще две ложки меда.

На лице старика появилась чуть смущенная, почти детская улыбка.

— Хорошо, я распоряжусь.

Я уже собиралась нажать кнопку звонка, чтобы вызвать прислугу, но тут дверь гостиной открылась и на пороге появилась запыхавшаяся Ильда.

— Вот так и знала, что вы здесь, — немного сварливо сказала служанка.

Она бросила недовольный взгляд на дядюшку Ирвина и негромко пробормотала:

— Раз этот бездельник у камина сидит, значит, и вы где-то рядом.

— Ты что-то хотела, Иль? — не желая принимать ничью сторону в затянувшемся конфликте, спокойно посмотрела на Ильду.

Новое платье из синей шерсти, благодаря защипам в лифе, делало ее фигуру не такой плоской, как обычно, а белый кружевной воротничок молодил, и моя Иль выглядела почти красавицей.

— А? Ну да, совсем забыла, не иначе, от этого старого выжиги заразилась, — вскинулась она. — Вам письмо пришло, госпожа Кэролайн.

— Письмо? — я почувствовала, как быстро забилось сердце. — И где оно?

— Так вот, — вытащив из кармана тонкий конверт, Иль протянула его мне. — Красивое какое, и марок на нем много, и все яркие, сразу видно, что не наши.

Глаза служанки блестели от любопытства.

— От кого это, интересно? — не удержавшись, спросила она.

Я повертела конверт в руках, пытаясь обнаружить имя отправителя, но его не было.

— Так вы читать-то будете? — не унималась служанка.

— Буду, но позже. А ты пока принеси стакан теплого молока и добавь туда две ложки меда.

— Это кому это? — настороженно спросила Ильда и покосилась на дядюшку Джобса. — Ему, что ли?

— Иди, Иль. Чем быстрее вернешься, тем быстрее узнаешь ответ на свой вопрос.

Служанка пробормотала что-то насчет убогих бездельников, которым лишь бы в кресле прохлаждаться и, шаркая туфлями, отправилась выполнять поручение, а я взяла со столика нож, вскрыла конверт и уставилась на исписанные красивым твердым почерком листы.

И чем дольше вглядывалась в ровные строчки, читая понятные, вроде бы, слова, тем меньше понимала их смысл.

Что все это значит? Что за глупая шутка?

— Кэри, с тобой все в порядке? — обеспокоенно спросил дядюшка.

— Да, дядя Ирвин, все хорошо, — машинально ответила я, а потом опустилась в кресло и растерянно огляделась вокруг.

Боже, я схожу с ума… О чем пишет Кейн? Почему прощается со мной так, будто мы никогда больше не увидимся? И что за возмутительный тон?

Взгляд вернулся к расплывающимся буквам.

«Моя дорогая Кэролайн, — складывались они в слова, — если ты читаешь эти строки, значит, я нахожусь очень далеко и от тебя, и от Уэстена, и от нашего благословенного Эшера, — писал муж. — Прости, что не предупредил о своем отъезде заранее, но я решил, что так будет лучше, к тому же, не был уверен, что ты не попыталась бы меня отговорить. Особенно, учитывая твою магию. Но это было бы глупо, Кэролайн. К чему расходовать ее на того, кто видит тебя насквозь и абсолютно неподвластен твоим чарам? Удивлена, что я знаю о твоих способностях? Знаю, Кэролайн. Знаю. С того самого дня, как ты пришла в «Кейн-Империал» брать ссуду и попыталась применить внушение к одному из моих клерков. Ты ведь не подозревала, что все конторки защищены новейшей системой, умеющий распознавать любые, даже самые редкие и незаметные заклинания и наговоры. И именно это и стало причиной твоей неудачи.

И моего внимания. Да, я подошел к тебе на балу, чтобы проверить, правда ли ты владеешь магией, или то, что банковская защита распознала, как заклинание Избранных, всего лишь ошибка, случайность, нелепое стечение обстоятельств? Но нет, никакой ошибки не было. Ты действительно владела древней магией, но пользовалась ею так аккуратно, что никто даже не подозревал о твоем даре. Ты и в этом оказалась идеальна, дорогая. Я говорил тебе, что ты идеальна? Нет? Что ж, скажу это сейчас. Красота, ум, твердость характера, и при этом чисто женская гибкость — лучшие качества, которыми может обладать леди. Ах да, я забыл упомянуть скромность. Именно она не позволяет тебе ценить себя столь высоко, как ты того заслуживаешь. Знала бы ты, как забавно было наблюдать за твоей охотой на престарелых уэстенских женихов. Неужели ты не видела, что они и без магии готовы на все, чтобы тебя заполучить? Но ты так старалась, прикладывала столько усилий… И я не смог остаться в стороне от этой охоты и отказать себе в удовольствии ее испортить и получить главный приз — тебя, Кэролайн.

Ты растеряна и злишься? Не нужно. Да и зачем? Мы оба нечисты на руку в этой игре и оба

достаточно честны, чтобы это признать. Не будем скрывать, наш брак не из тех, что заключаются по горячей любви. Да мы и не верим в вечную любовь, не так ли? По крайней мере, я уж точно. Сделка, которую мы заключили, была выгодна для нас обоих. Ты получила мое имя и мои деньги, а я… Я тоже кое-что получил.

Не буду мучить тебя ненужными подробностями, для тебя они не имеют никакого значения. Считай, что я всего лишь подлец, испортивший тебе жизнь, а наш брак… Думаю, ты согласишься, что нет смысла изображать примерных супругов, с каждым годом ненавидя друг друга все больше. Я избавил тебя от необходимости лгать и притворяться, позволив быть собой и жить в свое удовольствие. Не стесняйся, Кэролайн. Мои деньги к твоим услугам, надеюсь, ты найдешь им достойное применение. А я… Возможно, однажды я вернусь, но не уверен, что хочу этого.

Прощай, Кэролайн Уэтерби Кейн.

P.S. Если надумаешь завести любовника, я не буду против, жизнь слишком коротка, чтобы годами хранить кому-то верность. В свою очередь я также не собираюсь лишать себя плотских утех, о чем тебя, как свою законную супругу, заранее предупреждаю.

Остаюсь твой муж, Джеймс Кейн».

Я опустила письмо на колени и уставилась в окно, на сгущающийся туман. Он стекал по стеклам серой моросью, заползал в гостиную, тянул свои щупальца к моему сердцу и проникал внутрь, оседая на душе невесомым пеплом.

Уехал… Мой муж уехал. Надолго или даже навсегда. И все мои глупые надежды на то, что больше я не одна, что со временем у меня будет настоящая семья и дети, рассыпались, как карточный домик. «Жизнь слишком коротка, чтобы хранить кому-то верность»…

Слова пирата отозвались в душе тупой болью. К глазам подступили слезы, но я сдержала их усилием воли и запретила себе жалеть о том, что могло бы быть, но никогда уже не случится. Не думать о Кейне. Не думать о том, что творится внутри. Я смогу, я сумею взять себя в руки, мне к этому не привыкать. Хуже другое. Муж исчез и оставил меня на растерзание местным сплетницам. Все слухи, что бродили по городу в течение двух последних месяцев, теперь подтвердятся, и разрастутся, как снежный ком. И снова на меня будут смотреть и шептаться, и снова местное общество вынесет свой приговор, обвинив меня во всех смертных грехах.

Передо мной поплыли лица знакомых — на них было написано жадное любопытство, осуждение, злорадство. Послышались многозначительные шепотки: « А я вам говорила, дорогая, что этот брак добром не кончится!», «Еще неизвестно, может, она и этого мужа в могилу свела», «Похоже, лорд Кейн раскусил, что она самая настоящая ведьма!»…

А, плевать. Как бы ни злобствовали лицемерные горожане, они не посмеют обвинить меня в лицо — имя и деньги мужа заткнут им рты…

Господи, ну почему люди придают такое значение чужой жизни? Почему им не живется спокойно, и нужно обязательно сунуть нос в дела ближнего? И почему этот чертов Кейн такая бессердечная сволочь?

Нет, я не успела, да и не собиралась в него влюбляться, но наша последняя ночь… Она что-то изменила во мне, возродила старые мечты, заставила потянуться к мужу, пробудила желание узнавать его и попытаться стать ему хорошей женой. Я ведь говорила, что из меня получится отличная жена? А он… Этот наглый пират каким-то шестым чувством уловил мои намерения и сбежал. Сбежал…

— Так от кого письмо-то? — вывел меня из за-

думчивости голос Ильды. — Госпожа Кэролайн? Чего это вы побледнели? Неужто случилось что?

Я посмотрела на служанку, сложила бумагу и попыталась улыбнуться, но губы не слушались. Проклятье! Не хватало еще позорно разреветься.

— Ох ты ж, божечки! — всполошилась Ильда и едва не расплескала молоко. — Да что с вами такое? Не двигайтесь, госпожа, я сейчас воды принесу. А вы чего застыли, как истукан? — напустилась она на дядюшку Джобса. — Не видите, племяннице вашей плохо!

— Кэри? — встревоженно окликнул меня дядюшка, и я глубоко вздохнула, пытаясь взять себя в руки. Нельзя пугать близких.

Я сильная. И всегда справляюсь с любыми трудностями, а это даже не трудность, а так, ничего не значащая мелочь.

— Все хорошо, дядя Ирвин, — повернулась к родственнику. — Не беспокойся, у меня просто голова закружилась, но уже все прошло.

— Голова закружилась? — тут же насторожилась Иль.

Она поставила стакан на столик и скрестила на груди натруженные руки.

Господи, зачем я это сказала? Теперь ведь кудахтанья не оберешься…

— С чего бы это? — разошлась Ильда. — Может, не выспались? Или…

Она неожиданно замолчала и уставилась подозрительным взглядом на мой живот.

— Ни с чего, — оборвала я ее глупые подозрения. — Принеси теплую шаль, пойду воздухом подышу.

Оставаться в доме и терпеть расспросы служанки не было никакого желания. Как всегда в моменты волнения, мне сложно было усидеть на месте. И почему-то тянуло к воде. Не знаю, откуда во мне эта тяга, но с самого детства в трудную минуту я чувствовала потребность оказаться рядом с водоемом. И ничего не могла с собой поделать.

— В саду? — не отставала Иль.

— Да.

— Ага, сейчас, я мигом, — засуетилась Ильда, и голос ее зазвучал подозрительно ласково. — А может, вы тоже чего хотите? Молочка или сладостей каких?

Ну все. Похоже, служанка решила, что я в положении. Глупая ситуация.

— Хорошо, принеси и мне молока, — ответила я, чтобы побыстрее выпроводить свою «дуэнью».

— Уже бегу, — Иль ринулась к выходу.

— Кэри, а ты куда-то собралась? — неожиданно

спросил дядя Ирвин и посмотрел на меня очень внимательным взглядом.

— Хочу немного пройтись, — как можно беззаботнее отозвалась я.

Не объяснять же, что не могу оставаться в доме?

— Возьми с собой библию, — очень серьезно сказал дядюшка.

— Зачем?

— Не спорь со мной, Кэри, — нахмурился дядя Ирвин. — Она тебе сейчас очень нужна.

Старик разволновался, в глазах его застыла тревога, и я, не желая спорить, взяла старинную книгу, завернула ее в шелковый платок и пошла к выходу.

— Пообещай, что не выпустишь библию из рук! — крикнул вдогонку дядюшка Джобс, и мне, чтобы успокоить его, пришлось клятвенно пообещать, что так и будет.

— Вот и хорошо, — довольно кивнул старик и тут же посмотрел на дверь. — Куда запропастилась эта несносная женщина?

И этот вопрос заставил меня поторопиться. Сталкиваться с Ильдой и терпеть ее бесконечные расспросы не хотелось, и я, накинув теплую накидку, незаметно выскользнула из дома.

Стоило спуститься со ступеней, как я попала в зыбкую серую пелену. В первый момент мне даже показалось, что она живая. Едва ощутимые невесомые пальцы коснулись лица, скользнули под одежду, прошлись по шелку чулок липким холодом.

Я посмотрела на низко нависшие тучи, вышла за ворота и направилась в сторону канала. Меня неудержимо тянуло к воде, туда, где мы когда-то встретились с Кейном.

Улицы, дома, прохожие, — все мелькало мимо и казалось призрачным и ненастоящим, да я и не видела ничего толком. Перед глазами расплывались строчки письма и слышался дублирующий их голос Кейна. Он звучал с легкой насмешкой, немного издевательски, так, будто пират испытывает удовольствие от собственной жестокой затеи. Уехал… Уехал и бросил меня одну… Мысли бежали по кругу, словно деревянные лошади в унылой карусели, и все вокруг тоже казалось унылым и серым. Как бы я ни храбрилась, пират добился своего. Он снова причинил мне боль.

— Леди Кейн! Какая приятная встреча! — неожиданно услышала знакомый голос и, подняв глаза, наткнулась на смеющийся взгляд Генри Стакса. — Вот уж не ожидал от этого мерзкого

денька такой невероятной удачи.

— Добрый день, господин Стакс. Извините, я спешу.

Я попыталась обойти довольно улыбающегося «тигра», но тот не позволил.

— Куда же вы, миледи? Уделите мне немного вашего драгоценного времени, — вкрадчиво произнес он, сделав шаг вперед и окидывая меня раздевающим взглядом.

— Кажется, я совершенно ясно сказала, что тороплюсь, — сильнее прижав к себе библию, твердо сказала я и добавила: — Отойдите с дороги.

— И куда же вы так торопитесь? — не отставал Стакс.

Я не ответила. Резко развернулась и пошла обратно к дому, мысленно посылая назойливого «тигра» к черту.

— Да, миледи, замужество явно не пошло вам на пользу, — с легкостью догнав меня, с притворным сожалением произнес Генри. — Боюсь, ваш муж совершенно не умеет обращаться с женщинами. Вы грустите, дичитесь людей, избегаете общества — это просто возмутительно! Только неотесанный мужлан мог бросить молодую супругу сразу после свадьбы и уехать в неизвестном

направлении.

Я прибавила шаг и оглянулась по сторонам, надеясь увидеть кого-нибудь из знакомых. Сейчас я была бы рада даже Долли Марчем, но нет, улица оказалась безлюдна. Господи, и зачем я только вышла из дома? Лучше бы уж вытерпела любопытство Ильды и ее тайные надежды на мое интересное положение. А теперь вот думай, как от этого хищника избавиться!

— Но ведь всегда найдутся те, кто не бросит такую прекрасную женщину страдать в одиночестве, — продолжал разглагольствовать Стакс. — Например, истинные и преданные друзья. Как вы смотрите на то, чтобы зайти в кофейню и выпить по чашечке кофе? — без перехода спросил он, и я уже собиралась отказаться, но не успела.

— Нера, вас подвезти?

Громкий низкий голос заставил сердце радостно встрепенуться. Ваед! Вот уж нежданная удача!

Я оглянулась и разглядела в серых клочьях тумана остановившийся рядом со мной ребс, на козлах которого сидел знакомый оборотень. Он широко улыбался, глядя на меня своими желтыми глазами, а в их глубине плясали веселые золотые черти.

— Ну же, нера, не годится благородной леди бродить одной в такую погоду, — словно не замечая моего назойливого спутника, сказал извозчик. — Садитесь, отвезу, куда скажете.

— На Карстон-сел, — тут же сориентировалась я и, не давая опомниться Стаксу, быстро запрыгнула в кабинку.

Как же вовремя этот Ваед появился! Можно сказать, в самую нужную минуту. Впрочем, это ведь не первый раз, когда он меня выручает.

— С превеликим удовольствием, нера, — крикнул оборотень и, взмахнув кнутом, добавил: — Куда вашей душе угодно. Домчу с ветерком!

Ребс дернулся, в окошке мелькнуло растерянное лицо Стакса, и я довольно улыбнулась. Похоже, чья-то охота сегодня оказалась неудачной!

Задернув шторку, чтобы скрыться от «тигра», расправила юбку, устроила на коленях маленький ридикюль и положила рядом с собой библию. А потом взглянула в противоположное окно и вздохнула. Что ж, вместо того, чтобы бродить вдоль канала, навещу-ка я свой старый дом. Кейн, как оказалось, зачем-то выкупил его у Вейса и записал на мое имя. Вот кто поймет этого пирата?

Экипаж чуть подпрыгивал на камнях мосто-

вой, за стеклом мелькали особняки и широкая кленовая аллея, идущая от начала Арвер-роу до самой Велльской площади, седые клочки тумана цеплялись за кабинку ребса, словно причудливые серые водоросли, а из щелей между стыками дощатых стенок сквозил холодный ветер. Я поежилась и плотнее закуталась в накидку. Вскоре позади остались универмаг «Ласкари» и здание городского совета, чуть позже мы свернули к узкой ленте канала и помчались вдоль его высокого каменного парапета, распугивая толстых ленивых голубей, оккупировавших невысокие чугунные столбы. А потом мимо промелькнул особнячок вдовы Керн, и мы въехали в Средний Уэстен.

Я отодвинула шторку и не отрывала взгляда от влажного стекла, глядя на ускользающие дома, на проезжающие мимо кареты и экипажи, на редких прохожих и на яркие огни магической рекламы. В серых клубах тумана все выглядело каким-то нереальным, ненастоящим, сказочным. Ребс несся все быстрее и быстрее, и мне уже казалось, что он не едет, а летит над землей, преодолевая улицы одну за другой и все ближе подбираясь к Карстон-сел.

Спустя какое-то время экипаж дернулся, под

колесами раздались странные чавкающие звуки, словно мы ехали по глине, а потом ребс остановился, дверца открылась и в проеме появилась немного расплывчатая фигура оборотня.

Странно. Почему туман кажется таким густым? И, главное, когда успело так стемнеть?

— Приехали, нера, — объявил извозчик, помогая мне спуститься. — Как вы и просили. Осторожно, здесь скользко.

Я ступила на мокрые камни и замерла, оглядываясь по сторонам и пытаясь понять, в какой стороне мой дом. Серая пелена была плотной настолько, что я не видела ничего на расстоянии вытянутой руки, и это немного беспокоило. Мне даже показалось, что мы вовсе не на Карстон-сел, но оборотень выглядел таким спокойным и благодушным, что я отогнала тревожные мысли и открыла ридикюль.

— Вот, возьми, — протянула парню полкера. — Спасибо, что довез.

— Не нужно, нера, — отказался тот. — Просто пожелайте мне удачи, у вас это хорошо получается.

— Что ж, удачи тебе, Ваед, — громко сказала я, но туман приглушил звуки моего голоса, превратив их в невнятный шепот.

Все-таки странная сегодня погода.

— И вам, нера. Даст Верея, еще свидимся.

Оборотень вскочил на козлы, присвистнул, понукая лошадей, а я сделала шаг вперед и нога провалилась в грязь. Что за чертовщина? Еще один шаг сквозь завесу тумана, и вот уже и вторая нога оказалась мокрой. Да что ж такое-то?

Тихо бормоча под нос ругательства, я попыталась выбраться из невидимой ловушки, но все вокруг было таким зыбким и призрачным, что я окончательно запуталась и не могла понять, куда идти.

«Да, Кэри, ну и выбрала ты погодку для прогулки! — вздыхала, одной рукой вцепившись в библию, а второй придерживая подол платья. — Лучше бы сидела дома и терпела приставания Ильды. К воде захотелось… Вот и радуйся, тут этой воды с избытком».

Туфли вязли в грязи, а та смачно чавкала под каждым моим шагом.

Сообразить бы еще, в какой стороне дом. Ничего не видно.

В этот момент кто-то задел меня плечом, и я тут же услышала грубую площадную брань.

— Чего встала посреди дороги? — разобрала перемежаемый ругательствами вопрос. — Не

видишь, люди ходят!

— Простите, это вы мне?

Я завертела головой, пытаясь обнаружить собеседника.

— А что, здесь еще кто-то есть? Проклятая погода…

На меня пахнуло крепким табаком и перегаром, а потом послышался звук, который слишком уж напоминал тот, как если бы кто-то мочился прямо тут, на улице.

Я поспешно шагнула в сторону, стремясь оказаться как можно дальше от неизвестного.

— Салли-милашка недотрогой была, — тут же зазвучал откуда-то справа другой голос — высокий, надтреснутый, местами дающий петуха. — Два раза пощупал, а на третий — не дала… Нел, это ты, что ли? — пение оборвалось так же резко, как и началось, и я увидела рядом с собой страшную немытую рожу. — О, простите, миледи, — пьяно икнул мне в лицо какой-то вонючий бродяга. — Я вас не увидел.

Он попытался поклониться, но не удержался на ногах и рухнул на землю, точнее, прямо в грязь.

— Не извольте гневаться, миледи, — лежа у моих ног, бормотал мужчина. — Не заметил знатную леди. А что, «Виктория» уже пришла? Вы из

новых? Вот же повезло кому-то…

— Какая Виктория? Кому повезло?

Все происходящее напоминало какую-то плохую пьесу, и я никак не могла понять, что происходит и куда мне идти. Боже, помоги… Нужно как-то выбираться из этого странного места.

— Что ты несешь, Сай? — вмешался в нашу «беседу» второй бродяга.

Видеть его я не видела, зато слышала голос — грубый, низкий, с хриплым присвистом.

— Эка хватил! «Викторию» еще месяц ждать, если не больше. В проклятый сезон штормов разве что безумец рискнет выйти в море.

— Так. Стоп, — я попыталась сосредоточиться, хотя сделать это оказалось непросто. — Где я нахожусь?

— Слыхал, Нел? — поднимаясь и размазывая по ветхой рубахе грязь, спросил Саймон. — Видать, новая партия виски крепкой оказалось, ишь, как дамочку повело! В Уэстене вы, миледи, в Уэстене.

— А Карстон-сел где?

— Так вот же она, вы на ней стоите, — хохотнул мужчина, поднимая откуда-то из густоты тумана шляпу и нахлобучивая ее на сальные волосы. — А прямо напротив — питейный дом Уилла, идите на ту сторону, не ошибетесь. Там таким красот-

кам завсегда рады.

Он качнулся, снова обдав меня перегаром, и шагнул в серую хмарь, распевая на ходу:

— Салли-милашка недотро-о-гой была…

Голос его растворялся в тумане, второй бродяга тоже куда-то исчез, и я снова осталась одна, посреди промозглой сырости, непролазной грязи и плотной пелены тумана. Ну и куда прикажете идти? Единственный ориентир, который мне дали, это питейный дом какого-то Уилла, но от него точно лучше держаться подальше. Значит, нужно двигаться в противоположную сторону. Боже, ну и туман! Никогда такого не видела.

«Отвезу, куда скажете, нера, — шагая по непролазной грязи, бормотала слова оборотня. — Не стоит благодарности, нера… Ух, попадись мне сейчас этот Ваед, я бы ему его мохнатые уши оборвала. Завез непонятно куда и исчез, подлец! Наверняка в Нижнем Уэстене бросил!»

Под правой туфлей что-то хрустнуло. Я с трудом вытащила ногу из грязи, сделала еще пару шагов и заметила тускло светящиеся окна едва виднеющегося в серой мгле дома.

— Слава Богу, кажется, я дошла до нормальных людей!

Нога наткнулась на деревянный настил, а

вскоре я уже стучала в низкую, сколоченную из грубых досок дверь.

— Кто там еще? — тут же послышался высокий женский голос.

Как же я ему обрадовалась! Господи, да я уже и не надеялась выбраться из этого непонятного, какого-то даже ненастоящего тумана.

— Пожалуйста, откройте! — громко крикнула в ответ.

— Ну что там? Хизер, кто это посеред ночи шастает? — раздался приглушенный мужской бас. — Опять, что ли, Элис приперлась? Сколько раз говорить, чтобы не привечала ты эту убогую?

— Да это не Элис, — донеслось из-за закрытой двери. — Незнакомая женщина какая-то.

— Женщина? Это кто еще?

— А я почем знаю?

Мне надоело слушать препирательства супругов, и я снова постучала и как можно жалобнее попросила:

— Откройте, пожалуйста, я заблудилась, не знаю, куда идти!

— Слышишь, Генри, она заблудилась, — «перевела» мои слова Хизер.

— Ну так чего ты стоишь? Впусти ее, — прогудел Генри. — Оно и не мудрено заблудиться, в

таком-то тумане.

Он проворчал что-то еще, но я не смогла разобрать ни слова. Правда, уже в следующую секунду дверь со скрипом отворилась, на мокрые доски настила упала неяркая полоска света, и я увидела перед собой молодую, симпатичную женщину, держащую в руках горящую свечу.

— Добрый вечер, — поздоровалась я и тут же поняла, насколько неуместно прозвучало это приветствие. Вечер ну никак нельзя было назвать добрым.

— Ох ты ж, Господи! — воскликнула хозяйка дома, разглядывая меня с таким удивлением, точно привидение увидела.

— Это Карстон-сел? — спросила я у нее.

— А вам на Карстон-сейл надо? — вопросом на вопрос ответила женщина, как-то странно произнося название улицы. — Так вы ошиблись, миледи, видать, не там свернули. Это Иллер-роу.

Интересно, как я могла свернуть не там? Вроде, всего-то несколько шагов сделала. Или это мне так показалось?

— Ох, простите, миледи, — присев в неуклюжем реверансе, пролепетала Хизер. — Что ж это я вас на пороге держу? — она оглянулась назад, туда, где, видимо, находился ее муж и громко

крикнула: — Генри! Подтяни штаны, тут какая-то знатная дама! Проходите, миледи, — посмотрела она на меня и подняла свечу повыше, освещая дверной проем. — Вы уж только не обессудьте, не прибрано у нас. Генри вот только с фермы вернулся, грязи нанес, что буйвол какой.

Хозяйка кинула взгляд на крупного, одетого в грубую робу мужчину и на лице ее появилась смущенная улыбка.

— Генри, ну чего же ты? Поздоровайся с миледи! — громким шепотом подсказала мужу Хизер.

— Здравствуйте, — едва заметно поклонился тот и уставился внимательным взглядом темных глаз. Лицо мужчины показалось мне смутно знакомым, как будто я его уже где-то видела.

— Здравствуйте, — улыбнулась в ответ, чувствуя небольшую неловкость. — Вы не подумайте, я не хотела нарушать ваш покой, но этот туман… Он сбил меня с пути и я никак не могу сообразить, куда идти.

— Туман нынче знатный, — кивнул Генри. — А вас, простите, как звать?

— Леди Кэролайн Кейн, — представилась я.

После моих слов в комнате воцарилась тишина. Супруги молча переглядывались, а я пыталась понять, что не так.

— А лорду Джеймсу Кейну вы кем приходитесь? — неожиданно спросил Генри.

— Я его жена.

— Супруга, значит, — задумчиво повторил Генри, выдвигая из-за стола стул и кивая мне на него. — Присаживайтесь, леди Кейн. Хизер, плесни-ка нам сидра, и закуски какой-нибудь сообрази.

Он тяжело опустился на странный обрубленный пенек и уперся локтями в почерневшую то ли от времени, то ли от грязи столешницу. Я села и незаметно огляделась. Комната была небольшой, скудно обставленной простой, грубо вырезанной мебелью, на противоположной от входа стене темнел наполовину завешенный тряпкой проем. В углу стоял большой сундук, похожий на те, что использовали когда-то варийские колонисты.

Хизер ловко поставила перед нами огромные кружки и деревянную тарелку с толстыми ломтями черного хлеба, и замерла рядом с мужем.

— За Эрдерон, — негромко, но очень прочувствованно произнес Генри и одним махом опрокинул в себя содержимое кружки.

Я подняла свою и сделала осторожный глоток. Слегка кисловатый напиток прокатился по горлу, опустился в желудок и взорвался там искрами,

растекаясь по всему телу приятным теплом. Озябшие ноги тут же закололо острыми иголками. Сидр оказался слишком крепким, но не выпить за Старую Империю было невозможно, это выглядело бы неуважением к хозяевам дома.

— Еще,– посмотрев на жену, решительно заявил сидящий напротив мужчина и, дождавшись, пока та наполнит кружку, поднял ее и серьезно произнес: — За Уэстен!

Надо же, какой патриотизм… Я наблюдала, как Генри лихо расправился со второй порцией сидра, и думала о том, когда будет удобнее приступить к своей просьбе, но хозяйка меня опередила.

— Вы не переживайте, миледи, Генри вас до самого дома проводит, — вмешалась в наш разговор Хизер. — Правда же, Генри? — толкнула она мужа.

— Отчего ж и не проводить? — негромко крякнув, кивнул тот.

Генри поставил кружку, утер ладонью рот и уставился на меня задумчивым взглядом.

— Я вам заплачу, — поторопилась пообещать я. — С собой у меня денег нет, но дома…

Мне не хотелось говорить, что при себе у меня довольно неплохая сумма. Пусть эти люди и не казались похожими на грабителей, но бережено-

го Бог бережет. Тем более в Нижнем Уэстене.

— Да что вы, леди Кейн, не нужно! — всполошилась Хизер. — Тут и идти-то всего ничего, вы самую малость не дошли. Генри, чего расселся, — снова толкнула она мужа. — Вставай давай, нужно миледи на Арвер-роу доставить!

Генри хмыкнул в усы, но спорить с женой не стал. Поднялся, взял лежащую на сундуке шляпу и нахлобучил ее на голову.

— Идемте, леди Кейн, — пробормотал он и шагнул к двери, а я, поблагодарив Хизер, бросилась за ним.

Снаружи было холодно и сыро. Туман еще больше сгустился, и мне, чтобы не потерять Генри из виду, пришлось ухватиться за его руку.

Грязь под ногами недовольно бурчала, влажный воздух пробирался под одежду, откуда-то слева потянуло гнилостным болотным смрадом. Серая масса, что колыхалась в воздухе, глушила все звуки, и город казался вымершим.

— Странный туман, — пробормотала я, пробираясь сквозь серую дымку.

— Странный, это да, — крякнул Генри. — Всю осень с ведьминых болот ползет и ползет. Не иначе, акаучи шаманят.

Я с удивлением посмотрела на своего спутни-

ка. О чем он говорит? Какие ведьмины болота? Какие акаучи? Про старые народы Эшера уже и не помнит никто, их лет двести как заставили уйти из этих мест. И туманов у нас таких никогда не было.

В душе зашевелилось невнятное сомнение. Не нравилось мне все происходящее, очень не нравилось.

Мы шли по дощатому настилу, мимо мелькали расплывчатые силуэты домов, но они совсем не походили на привычные мне аккуратные особнячки Иллир-роу.

— Держитесь крепче, миледи, — предупредил Генри, сворачивая куда-то в проулок.

Крепче? Да я и так вцепилась в него чуть ли ни намертво! Как ни странно, Генри не вызывал у меня опасений. Было в нем что-то надежное. То ли его обстоятельность, то ли серьезное спокойствие. Или взгляд — добрый и уверенный.

— Уже недалеко осталось, — подбодрил меня Генри. — Сейчас на Веллер-сейл повернем, а оттуда уже рукой подать.

— Скорей бы, — вздохнула я, торопливо шагая рядом со своим спутником.

Сейчас, среди холода и мрака неизвестности, теплая гостиная особняка Кейна представля-

лась мне настоящим раем. Ну и прогулочка! Представился жарко горящий камин, весело потрескивающие в нем дрова, сидящий в кресле дядюшка, и так захотелось как можно скорее оказаться там, в тепле и уюте моего нового дома, что я уже почти бежала.

— Ну вот, пришли, — неожиданно остановился мой провожатый.

— Как пришли?

Я попыталась рассмотреть стоящий перед нами темный двухэтажный коттедж, но в призрачном обрамлении тумана тот казался каким-то ненастоящим.

— Ну так, лорд Кейн здесь остановился, у Милашки Лори, — пояснил Генри.

Не дожидаясь ответа, он грохнул кулаком по грубо сколоченной двери и громко крикнул:

— Лори, открывай!

За дверью послышался шум, а вскоре она распахнулась, и на пороге появилась симпатичная рыжеволосая женщина, примерно моего возраста, в ярком красном платье, поверх которого было надето какое-то подобие жесткого коричневого корсета.

— Чего гремишь, Рент? — грубовато спросила она, а потом уставилась на меня и присвистну-

ла. — Ничего себе, шуточки господни, язви их в душу!

— Выбирай выражения! — укоризненно посмотрел на нее Генри, а я, услышав названную Лори фамилию, внезапно поняла, кого мне напоминает мой провожатый. Если убрать лохматую бороду и кустистые брови, то передо мной будет точная копия полковника Рента. Неужели родственник?

— Значит, приехали все-таки? — продолжая разглядывать меня пристальным взглядом, поинтересовалась Лори.

Приехала? О чем это она?

— Сюрприз, что ли, хотели устроить? — хмыкнула женщина. — Ладно, чего уж, заходите, — посторонилась она, пропуская нас в дом. — Ишь, платье-то какое богатое, и мода, сразу видать, столичная, — разглядывая меня цепким взглядом немного выпуклых зеленых глаз, заметила она и обратилась к Генри: — А вещи-то ее где?

— Вещи?

Генри повернулся ко мне и уставился вопросительным взглядом.

И в этот момент я поняла, что все вокруг совсем не то, чем мне кажется. Это не Уэстен. Точнее, не тот Уэстен, который я знала. Сложно понять, что

происходит и в чем тут дело, но, похоже, виноват во всем Ваед. Это он привез меня в это странное место, правда, не знаю, зачем.

— Миледи? — пристально посмотрел на меня Генри.

В его глазах появилось подозрение, и мне стало не по себе.

— Вещи? — переспросила, лихорадочно раздумывая, что сказать. — Ах, вещи, — в голову, как назло, не приходило ни одной разумной мысли. — Я их потеряла, — с трудом нашлась с ответом. — Упала и выронила где-то свой саквояж.

— Что выронили?

Во взгляде Генри появилось недоумение.

— Сундучок, — тут же исправилась я.

Я не знала, где я, не знала, как тут оказалась, но то, что этим людям было известно, где мой муж, и то, что они готовы предоставить мне кров, было сейчас куда важнее любых странностей и недоразумений. Завтра будет новый день, наступит утро, схлынет этот проклятый туман, и я смогу понять, что происходит, и где меня бросил несносный оборотень. А пока лучше как можно меньше говорить и как можно больше слушать, чтобы не сболтнуть чего-нибудь лишнего.

— Вот беда какая, — хмыкнула Лори. — Ну

да ладно, идемте, отведу вас в комнату лорда Кейна.

Она подняла свечу повыше и пошла к лестнице.

— Он ведь две недели, как к устью реки подался. Говорят, там золота много, а я вам скажу, враки все это. Нет там никакого золота, а вот к враждебным племенам акаучи угодить — раз плюнуть. С волками мы первые годы мирно жили, да и сейчас не особо враждуем, а вот рыси, те никак не уймутся, все норовят пакость какую сделать.

Лори чуть задыхалась, поднимаясь по скрипучим ступеням, и ее хриплый голос звучал с присвистом, так напомнившим мне Долли Марчем, что я невольно покачала головой. Наверное, сейчас я бы даже обрадовалась старой сплетнице.

— Получается, лорда Кейна интересует золото? — спросила я, раздумывая над словами Лори об акаучи.

— А кого оно не интересует? — хмыкнула женщина. — Тут любого спроси, и каждый вам расскажет про самородки величиной с бычью голову, и про золотой песок, которого в устье видимо-невидимо. Да только ерунда все это, нет там ничего, и никогда не было.

— Ох и недоверчивая ты женщина, Лори Бейл, — послышался снизу насмешливый голос Генри. — А как же Бен Хьюз? Думаешь, на какие деньги он гостиницу открыл? Вот как вернулся от волков, так у него дела в гору-то и пошли.

— Враки, — упрямо повторила Лори и, поднявшись на второй этаж, сняла с пояса связку ключей и открыла одну из дверей. — Проходите, миледи, — хозяйка пропустила меня внутрь. — Располагайтесь. Ежели поесть хотите, так у меня жаркое из зайца есть.

— Нет, спасибо, — отказалась я, пытаясь разглядеть темную комнату. — Если можно, я бы выпила чашечку чая.

— Чая? — переспросила Лори. — Надо поискать, я для милорда покупала, еще должен был остаться.

Она прошла вперед, зажгла две толстые свечи, торчащие в настенных подсвечниках, и, остановившись взглядом на небольшом портрете, стоящем на столе, добавила:

— Сходство-то какое! Чисто живая. Я вас по нему сразу и признала. Вот, как увидела на пороге, так сразу и поняла, что вы лорда Кейна супруга, значится.

Она усмехнулась, а я замерла, удивленно раз-

глядывая магическое полотно, с которого на меня смотрела… я. Свадебное платье, в руках — букет, глаза сияют от счастья. Откуда здесь этот портрет? Когда Кейн успел его заказать? И почему я не видела художника? Он ведь должен был быть на венчании, а иначе, как ему удалось запечатлеть мой образ? Или… Я присмотрелась к полотну внимательнее. Красавица на портрете улыбалась так нежно, с такой любовью, казалось, еще немного, и она протянет руку и ласково коснется щеки… Точно. Как я сразу не догадалась? Это же магслепок, сделанный с воспоминаний Кейна. Странно. Неужели муж видит меня именно такой? Никогда бы не подумала.

— Ну, вы тут обустраивайтесь, а я пока чайник поставлю, — взявшись за ручку, заявила Лори.

— Подождите, — опомнилась я и достала из ридикюля монету. — Вот, передайте, пожалуйста, господину Ренту. Скажите, что я ему очень признательна.

— Ишь ты, господину, — хмыкнула Лори. — Нет у нас тут господ, миледи. И не выкайте вы нам, не годится это.

Она качнула своей рыжей головой, но деньги взяла и пошла вниз, сопровождаемая жалобным скрипом лестницы. А я закрыла дверь и вни-

мательно огляделась вокруг. Помещение было небольшим. У дальней стены стояла кровать, застеленная простым холщовым покрывалом, у окна — такой же грубый стол и стулья, вместо шкафа в углу громоздился огромный сундук, а на некрашеном полу белел маленький домотканый коврик — трогательная попытка придать уют неказистой обстановке спальни. Окна оказались непривычными, совсем не похожими на обычные — в стене темнели маленькие квадратные прорези, закрытые щелястыми ставнями.

Мне стало не по себе. Можно было объяснить все — и старомодную одежду, и немного непривычный говор и даже слишком густой туман, но вот отсутствие стекол — слишком весомый факт, невольно наводящий на тревожные мысли.

Я подошла к столу, положила на него библию, а потом потянулась к окну и попыталась открыть. Мне хотелось проверить свою догадку. Раздался тихий скрип, доски разъехались в стороны, и мне в лицо хлынул холодный влажный воздух вперемешку с сизыми клочьями тумана. Они тянулись в комнату, как щупальца диковинного осьминога, полностью скрывая то, что происходило снаружи, и я поторопилась захлопнуть ставни, отсекая зловещие серые отростки. Нет уж, лучше

никакие догадки пока не проверять!

И все же, странное место выбрал Кейн для своего бегства из дома. И золото… Зачем оно человеку, который и так не знает, куда деньги девать? Нет, не верю. Тут явно что-то другое.

Я откинула крышку сундука и заглянула внутрь. Немного одежды — простой, совсем не похожей на ту, которую привык носить мой муж, целая стопка книг, револьвер, два больших кошеля, туго набитых старинными золотыми монетами с изображением императора Августина. Такие ходили в Эшере лет сто пятьдесят назад. Интересно, зачем Кейн взял их с собой? А книги? Что в них?

Я достала верхнюю и положила ее на стол. Тяжелая. Застежка открылась с тонким стоном, явив титульный лист с магическим изображением парящей в синем небе птицы. Она была словно живой — яркой, блистающей золотым оперением, резвящейся на воздушных потоках и легко рассекающей отведенное ей пространство. Этот полет был таким завораживающим, что я на несколько мгновений забыла обо всем, наблюдая за движениями мощных крыльев. Правда, потом опомнилась и перевернула страницу, торопясь посмотреть, что же там написано.

«Истаэри лазтарван сотби», — увидела переливающуюся огненными бликами надпись и вздохнула. Древний велльский язык. С ним мне ни за что не совладать. Если и остальные книги написаны наречием коренных народов Эрдерона… Я торопливо достала вторую книгу, третью, потом четвертую. Все та же летающая птица в начале каждой, и все тот же непонятный язык. И лишь последняя, пятая, начиналась совсем с другой магической картинки. На ней было изображено озеро, светящееся мягким голубоватым светом, и лунная дорожка, скользящая по его волнам. Рука сама потянулась ее погладить. Надо же! Прохладная, как настоящая.

Я села на тяжелый, топорно вырезанный стул, уставилась на играющую серебристыми бликами воду и задумалась, пытаясь соединить воедино разнокалиберные осколки происходящего и понять, что делать дальше.

Где я оказалась? Это явно не Уэстен. А что тогда? За город мы с Ваедом не выезжали, я бы заметила, да и ехали недолго, за это время просто невозможно было бы добраться до Престона. Получается, я все еще в Уэстене, только вот странный он какой-то. И стемнело тут слишком быстро. Когда я выходила из дома, было чуть больше четырех…

Может, я снова уснула в ребсе и не заметила, сколько мы ехали?

Стук в дверь прервал мои размышления, правда, ответить я не успела. Единственное, на что меня хватило, это быстро опустить крышку сундука и закрыть лежащую на столе книгу.

— Я тут чай принесла, — входя в комнату, сказала Лори. — И рубашку, раз уж вещи ваши потерялись.

Она поставила на стол большую глиняную кружку, над которой поднимался ароматный парок, положила рядом какой-то сверток и замерла напротив, окидывая меня цепким внимательным взглядом.

— Благодарю, — улыбнулась женщине.

— Ежели вам еще чего надо…

Лори не договорила.

— Нет, — отказалась я. — Тут поблизости есть какие-нибудь лавки, где можно купить одежду?

Если придется остаться, без необходимых каждой даме вещей я долго не протяну.

— Так у Болтонов, — кивнула Лори. — У них и одежда всякая, и обувь. А дальше, на Веллер-сейл, лавка Стаутов, у тех и чай есть, и вино, и сладости, и выпечка.

Знакомые фамилии заставили задуматься, и в

голове снова забрезжила странная, почти невероятная догадка. Но разве такое бывает?

— А вы, миледи, как до Уэстена добрались? — неожиданно спросила Лори. — «Виктория»-то аж через месяц прибывает. Или вы от Сарджента по велльскому тракту ехали?

— По тракту, — подтвердила я, не зная, как задать нужный вопрос.

— А, тогда понятно, — самой себе кивнула Лори. — Опять, небось, Ваед при въезде в город бросил? Вот поганец! Вечно озорует. А из Эрдерона давно уехали? — с любопытством посмотрела на меня хозяйка, а я разглядывала ее старомодную шерстяную одежду, грубый темный фартук и мучительно размышляла. Из Эрдерона? Ваед? Господи, неужели моя догадка все-таки верна? Но это просто невероятно! Разве можно преодолеть пространство и время? На это даже самые сильные маги не способны. А я ведь даже не маг.

— Почти два месяца назад, — прикинув расстояние от Эрдерона до Эшера, ответила я и тут же уточнила: — А как зовут местного… главу?

— Вы про Стакса? Да какой он глава? Так, мелкий мошенник, был назначен секретарем, а сам всю власть потихоньку к рукам прибрал. Теперь требует, чтобы его губернатором называли, да

только народ у нас выскочек не больно жалует, и кланяться ему никто не спешит.

Лори ухмыльнулась и заправила за ухо рыжую прядь. И в этом ее жесте было столько бесшабашности и какой-то раскованной уверенности в себе, что он один сказал мне о характере женщины больше, чем любые слова.

— Супруг-то ваш, лорд Кейн, когда приехал, так Стакс живо сдулся. Испугался, что об его аферах в Кар-Эзейской компании узнают, неделю у меня тут пороги обивал, все с милордом поговорить напрашивался.

Хозяйка насмешливо улыбнулась.

— И как? Поговорил?

— А то, — хмыкнула Лори. — Лорд Кейн его мошенником назвал и выгнал, велел больше не показываться. И правильно. «Мы с вами, как благородные люди, должны взять на себя бремя забот о поселенцах!» — передразнила она неведомого мне Стакса. — Это Стакс-то благородный? Да его отец в Лардене рыбой торговал, а мать белошвейкой была, мой покойный Натаниэль с ним на одной улице вырос. Нашел, подлец, с кем равняться, — покачала головой хозяйка, — с лордом Кейном, родственником самого императора Августина! Правильно его милорд выгнал, надо

было еще и пинка дать.

Стоп. Какой родственник? Какого императора? Что-то я совсем запуталась… Мы точно говорим о моем муже или это какой-то другой Кейн?

Лори чуть наклонила голову вправо и неожиданно спросила:

— А вы как, надолго к нам? Или с первым кораблем обратно?

— Пока не знаю, — вздохнула я, действительно не понимая, что происходит и как надолго здесь задержусь. С одной стороны, мне хотелось увидеть супруга и задать ему несколько вопросов, а с другой… Не нравилось мне происходящее, я его не понимала и хотела как можно быстрее оказаться дома, в привычной обстановке, рядом с дядей Ирвином и Ильдой. Представляю, как они встревожатся, если я не вернусь ни сегодня ночью, ни завтра утром. А ведь я не вернусь. Тут и провидцем быть не надо.

— Вы не торопитесь сразу убегать, миледи, — голос хозяйки зазвучал тише, проникновеннее, вторя моим мыслям. — У нас тут, конечно, не Эрдерон, но жить можно. Да и лорду Кейну очень одиноко. Я-то вижу, как он на ваш портрет вечерами смотрит. Зайду, а он сидит и с вашего лица глаз не сводит, и вид у него такой… Сумрачный

у него вид, миледи, нехороший, так приговоренные к смерти обычно выглядят.

Слова хозяйки затронули что-то в душе. Сердце болезненно сжалось. Проклятый Кейн! Вечно от него одни неприятности.

— Да и вам без него несладко, видать, раз приехали, — продолжала хозяйка.

В ее зеленых глазах вспыхнули яркие искорки, и я почувствовала, как внезапно закружилась голова.

— У Избранных всегда так, — распрямилась Лори и добавила: — Одна единственная любовь на всю жизнь. Ладно, пойду, к соседке обещала зайти, болеет она. А вы, миледи, не смущайтесь, если чего захотите, так внизу в буфете еда есть, берите все, что понравится.

Она бросила взгляд на лежащие на столе книги и уже собиралась уйти, но я остановила ее вопросом:

— Прости, о каких избранных ты говорила?

Почему-то мне казалось важным услышать ответ, к тому же и муж в своем письме упоминал магию избранных, но Лори отвечать не спешила. Она прищурилась, разглядывая меня пристально, почти на грани приличий, а потом качнула головой и еле слышно пробормотала: — Вот даже

как? Занятно.

— Лори, ты о чем? — не выдержала я.

Женщина подошла ближе и чуть наклонилась вперед.

— Вы можете пользоваться магией, миледи?

Зеленые глаза снова заблестели яркими искрами.

— Магией?

— Не нужно отпираться, миледи, — хмыкнула Лори. — Я ее чувствую. Дар у меня такой, от бабки достался, видеть любую магию. Так вот, ваша запечатана сильной печатью, через нее только самые крохи просачиваются.

Она потянулась вперед и приложила руку к моей груди, туда, где гулко билось сердце.

— Здесь. Она здесь, большая и сильная. Настоящая магия Избранных.

— Но ты не ответила, кто такие эти Избранные?

— Повелители Алайета. Говорят, что они — истинные хозяева этих земель, жившие здесь задолго до акаучи и аронгов. Их магия — одна из самых сильных в мире, с ней не сравнится даже магия высших. Они — везде и нигде. Их никто не видит, если только они сами не захотят, но их магию можно почувствовать, она оставляет едва

уловимый след и ощущение тепла и счастья.

— Но какое отношение эти избранные имеют ко мне? Я ведь не то, что никогда их не видела, я о них даже не слышала.

— А ваша матушка? Она владела магией?

— Да, но она ей не пользовалась.

— Это ничего не значит, — покачала головой Лори. — А бабушка?

Я молча кивнула.

— Все правильно, — усмехнулась хозяйка. — Магия Избранных передается только по женской линии, мужчины алайя не обладают силой. Это я от одного отшельника узнала, он как-то у меня останавливался по пути в Сарджент, да и разговорился, уж не знаю, почему. Сказал, что мне это знание пригодится. Правда, не объяснил, для чего.

Я слушала Лори, и ее слова находили в моей душе странный отклик.

— А кто-нибудь может снять ту печать, что сдерживает мою силу?

Внутри все замерло в ожидании ответа. Если магия Избранных так сильна, то с ее помощью я точно смогу вернуться домой. Представляю, что сейчас творится с Ильдой! Да она же дядюшку до сердечного приступа своими причитаниями

доведет…

— Трудно сказать, миледи, — задумалась Лори. — Если только тот отшельник, про которого я вам говорила. Сам он из высших магов, и много чего знает и умеет, может, если как следует попросить, то и возьмется.

— Как следует — это денег дать?

— Деньги ему не нужны, — покачала головой Лори. — Патрик Роунс обычно сам выбирает, кому помочь, а кого ни с чем назад отправить.

Роунс? Вот еще одно знакомое имя. Понять бы, что все это значит? Выходит, я действительно попала в прошлое и вижу тех самых легендарных колонистов, которые основали Уэстен? Но разве это возможно? Никогда о таком не слышала. Даже высшие не способны нарушить законы мироздания, так почему же это удалось мне? И Кейну.

— Вы сможете меня к нему отвести?

Новость о том, что у меня есть настоящая магия, оказалась слишком невероятной, и мне хотелось убедиться, что Лори не ошиблась. Ну и понять, кто и почему запечатал мою силу.

— Не торопитесь, миледи. Вот вернется ваш муж, тогда и поговорим. Скорее всего, лорд Кейн сам вас и отведет, он дорогу знает, был уже у отшельника.

Вот как? Интересно, зачем он к нему ходил? Что хотел узнать?

Золото, магия, вездесущий Ваед, мое непонятное перемещение в пространстве, странные книги, магия Избранных — как много загадок и тайн! Что ищет Кейн в этом Богом забытом месте? И почему здесь оказалась я?

— Лори, а магия моего мужа… Ты ее чувствуешь? — посмотрела на хозяйку. — Какая она?

— Да как вам сказать, миледи, — задумалась Лоринда. — С одной стороны, вроде обычная, как у всех магов, а с другой… Не знаю, как объяснить. Словно урезали ее, оставив только часть.

Она как-то неопределенно хмыкнула и взялась за ручку двери.

— А Ваед тоже живет в Уэстене? — поторопилась спросить, видя, что она собралась уходить.

— Ваед? — Лори покачала головой, отчего рыжие локоны выбились из-под платка. — Нет, он тут не живет. Он ведь из местных, мать у него — из алайетов, а отец из пришлых золотоискателей, ну а сам Ваед — что ветер в деревьях, он везде и нигде. Вроде и видишь, как ветки клонит, а ухватить не можешь, так и этот хвостатый. Только что был здесь, а через минуту его уже нет.

— Но он тут бывает?

— Бывает. Правда, нечасто. Как принесет его нечистый, так вот он, баламут. В питейном доме Уилла пару дней погудит, кучу баек про золото расскажет, а потом раз — и исчез. И никто не знает, когда в следующий раз появится. Ну, не буду вас утомлять. Доброй ночи, миледи, — попрощалась Лори и направилась к выходу, а я посмотрела ей вслед и взяла со стола кружку.

Чай оказался терпким, в меру сладким и ароматным. Он согревал не только тело, но и душу, избавляя от усталости и неуверенности.

Я пила его и думала обо всем происходящем, пытаясь выстроить цепочку событий и имен, что вереницей проходили перед глазами.

Выводы напрашивались такие удивительные, что я никак не могла их принять. Возможно, завтра утром, когда проснусь, все изменится, и выяснится, что я нахожусь в своем родном городе и все происходящее — всего лишь сон или какое-то непонятное недоразумение. А пока…

Я вздохнула, отодвинула опустевшую чашку и взялась за книгу. Мне не давало покоя изображенное на ней озеро. Оно притягивало взгляд и манило, и в душе что-то откликалось на этот неслышный зов, рвалось туда, к мерцающей серебристым светом воде.

Я открыла старую, потертую на краях обложку и уставилась на неподвижную гладь. Художник, что нарисовал эту иллюстрацию, скорее всего, был магом. Чем дольше я смотрела на воду, тем больше мне хотелось на нее смотреть. И мне уже казалось, что я слышу тихий шелест деревьев, окружающих круглую чашу, ощущаю влажный, пахнущий мокрой травой и ночной прохладой воздух, вижу мелкую рябь от ветра… И озеро заговорило со мной — легким, едва уловимым плеском, веянием ветерка, голубоватым лунным блеском. Я глядела и слушала, околдованная странным покоем, опустившимся на душу, а потом сама не заметила, как положила голову на руки и уснула.

***

Они были одинаково круглыми — озеро и утонувшая в нем луна. Вода, обнимающая отражение ночного светила, казалась спящей, настолько ровной и неподвижной была ее поверхность.

Я стояла на усыпанном мелкой каменной крошкой берегу, а прямо у моих ног темным серебром застыло горное озеро. Я видела возвышающиеся вокруг острые шпили, протыкающие синее, почти черное небо; ощущала прохладу ночного

воздуха, слышала доносящийся издалека тонкий напевный мотив и чувствовала, как в душе поднимается незнакомое, странное чувство.

«Иди ко мне, — звучало из темной неподвижной глубины. — Прикоснись к моей колыбели, зачерпни знания веков, и познай свою силу».

Первый шаг дался нелегко. Вода показалась обжигающе холодной, налетевший ветер разметал мои волосы, рванул подол рубашки, словно удерживая и не пуская, но лунная дорожка так манила, так звала…

И я сделала второй шаг, а потом и третий. И чем глубже я заходила, тем быстрее билось сердце. Казалось, еще немного — и оно выпрыгнет из груди. Я шла, а вода поднималась все выше, доходя сначала до пояса, потом — до груди, и вот настал момент, когда я оказалась в ней по самую шею. А дорожка все звала. «Иди вперед, не бойся», — слышала я внутри журчащий мелодичный голос.

Еще одно движение — и я с головой ушла под воду. Страха не было. Там, на глубине, оказалось светлее, чем снаружи. Я видела странные, поднимающиеся со дна озера колонны, вымощенные между ними дорожки, изогнутые арки, под которыми резвились отдаленно похожие на рыб существа. У них были длинные, напоминающие

вуали хвосты и выпуклые синие глаза.

Вода удерживала мое тело, не давая опуститься на дно и увлекая в сторону одной из арок, под которой виднелся огромный, неправильной формы камень.

Я была к нему уже совсем близко, казалось, протяни руку — и вот он, но когда я попробовала его коснуться, меня стремительно понесло вверх и вытолкнуло на поверхность. И я проснулась.

Глава 10

В комнате было темно, но из щелей в ставнях пробивался серый свет. Неужели уже утро? Кажется, я только на пару минут закрыла глаза. Странно. И в теле никакой ломоты и усталости, словно я и не просидела всю ночь на неудобном стуле.

Я поднялась, одернула платье и подошла к окну.

Стоило отодвинуть заслонку, как комната заполнилась запахами и звуками. Внизу, несмотря на ранний час, вовсю кипела жизнь. По дощатым тротуарам сновали одетые в короткие штаны и старомодные дублеты мужчины, в загоне у соседского сарая весело похрюкивали две упитанные свинки, напротив, у дверей лавки, увлеченно беседовали три женщины, и, судя по тому, какие взгляды они бросали на дом Лори, обсуждали либо его хозяйку, либо мой приезд. Что ж, мои надежды на то, что утром все окажется иначе, оказались несостоятельными. Я действительно попала в прошлое, и в этом уже не было никаких сомнений. Прямоугольные дощатые дома, телега

с высокими деревянными колесами, со скрипом передвигающаяся по грязи, стены форта, виднеющиеся вдали, но главное — люди. Они совсем не походили на моих современников.

Я с интересом разглядывала яркую одежду колонисток, длинные шерстяные фартуки, белые чепчики, прикрывающие волосы, и пыталась угадать, есть ли среди них родственницы знакомых мне уэстенских дам. Вот та, что справа, очень похожа на Мелинду Коуэнн, а та, что стоит посередине, удивительно напоминает леди Оукс. В этот момент «Оукс» подняла простодушные голубые глаза и растерянно замерла, столкнувшись со мной взглядом. Я улыбнулась и слегка кивнула, по опыту зная, что с женщинами нашего городка лучше держаться вежливо. И без разницы, какой на дворе век.

Лицо «Оукс» расплылось в такой радостной улыбке, что я даже засомневалась — может, мы знакомы? Тут и остальные дамы подняли головы, и выражения их физиономий мгновенно изменились, став сладкими до приторности.

Глупая ситуация. И что мне делать? Кричать что-либо из окна — неприлично, рукой помахать — тоже, остается только улыбаться и делать заинтересованно-счастливый вид.

— Ну и что тут за делегация? — неожиданно послышался знакомый хрипловатый голос. — Чего ни свет ни заря под окнами бродите?

Я увидела вышедшую из дома Лори. Хозяйка была в том же наряде, что и вчера, ее непокорные рыжие волосы с трудом удерживал простой белый платок, повязанный назад, а небольшая, но аппетитная грудь выглядывала из скромного выреза, весьма заманчиво для противоположного пола. Да вон уже и заинтересованные лица появились. Я заметила невысокого лысого мужчину, поглядывающего на Лори из окна дома напротив.

— Шли бы вы отсюда, дамочки, — обратилась она к мигом утратившим приветливость женщинам. — Не мешайте миледи отдыхать, расквохтались, как курицы.

— Все-таки поганый у тебя язык, Лори Бейл, — поджала губы «Коуэнн». — Гореть тебе за него в аду.

— Так в соседних котлах окажемся, Мелли, — хмыкнула моя хозяйка и, посмотрев на меня, незаметно подмигнула.

Я с трудом удержалась от смешка и присмотрелась к «Коуэнн» внимательнее. Ну надо же! Какое сходство… Толстые щеки, маленькие губки,

низкий лоб. Не иначе, родственница знакомой мне Мелинды. И даже имена одинаковые.

— Ты меня, ведьма, с собой не ровняй! — вскинула подбородок «Коуэнн». — Я, в отличие от тебя, еще ни одной воскресной службы не пропустила, а ты, вместо того, чтобы грубить, лучше бы хоть раз преподобного Сандерса послушала. Дамы, — она повернулась к неодобрительно поджавшим губы подругам. — Мы уходим.

В мою сторону были сделаны поклоны, и все три колонистки, гордо задрав головы, двинулись прочь. Из-под широких юбок мелькали высокие сапожки, белоснежные чепцы полностью скрывали волосы, а на плечах у каждой были повязаны небольшие косынки.

— Лицемерные гордячки, — усмехнулась Лори, глядя на удаляющуюся «процессию», и махнула мне рукой. — Давайте вниз, миледи, завтрак уже готов.

Она пнула ногой перевернутую колоду, шикнула на огромного рыжего кота, попытавшегося проскользнуть в дверь, и вошла в дом, а я, умывшись и кое-как приведя в порядок пострадавшее от уэстенской грязи платье, спустилась на первый этаж, в просторную, но темноватую гостиную. Вернее, это была и гостиная, и столовая, и холл

одновременно, с большим очагом в центре и маленькими узкими окошками, затянутыми промасленной бумагой.

— Вы с этими сплетницами поосторожнее, миледи, — с легкостью снимая с огня огромный латунный чайник, сказала Лори. — Они вам поулыбаются, а за спиной столько гадостей наговорят, что вовек не отмоетесь.

Надо же, как знакомо! Ничего не изменилось. Я точно попала на двести лет назад?

— Как их зовут? — спросила, чтобы подтвердить свои догадки.

— Та, что похожа на бочонок с сидром — Мелинда Коуэнн, жена одного из фермеров, — охотно ответила Лори, — вторая, которая поменьше ростом — Салли Оукс, ее муж работает на Кар-Эзейскую компанию, а третья — Гвинерва Болтон, жена лавочника. Три змеюки, от которых лучше держаться подальше. Воображают себя благородными дамами, собрания всякие устраивают, наподобие эрдеронских, а сами — обычные выскочки.

Она бухнула на стол огромную сковороду со шкворчащей яичницей и поставила рядом деревянное блюдо с порезанным толстыми ломтями темным, с желтыми крапинками хлебом и аппе-

титно зажаренным беконом.

— Вот, угощайтесь, леди Кейн. У нас по-простому, — пододвинув мне тарелку и большую кружку с чаем, сказала Лори. — Но лорду Кейну все нравилось. Муж у вас, миледи, хороший человек, никогда своим происхождением не кичится, и с людьми на равных общается.

Я только молча кивнула, не желая расхваливать Кейна. Слишком много всего в душе по отношению к супругу было, и хорошего, и плохого, сразу и не разобрать, чего больше.

К тому же, при виде еды у меня вдруг проснулся зверский аппетит, и я потянулась за ложкой.

— Кушайте, миледи, — усевшись напротив меня и подперев щеку кулаком, сказала Лори. — Вам бы поправиться не помешало. Корсеты и тонкая талия это, конечно, хорошо, да только у нас в Уэстене они без надобности. Женщина здоровой быть должна, чтобы и ребеночка могла родить, и мужу радость доставить, да и себя не обделить.

Лори хитро усмехнулась, отчего веснушки на ее носу проявились ярче, и придвинула ко мне блюдо с толченой фасолью.

— Ешьте, не смущайтесь, — добавила хозяйка, наблюдая, как я ем. — Я вам еще добавки положу. Куры пока несутся, так что яиц у меня много.

Вот как холода наступят через пару недель, так придется экономить, а пока всего вдосталь. Вы чаванили попробуйте, хоть и простое блюдо, а вкусное, меня его старая волчица-акаучи готовить научила. Они тут неподалеку жили, и нам поначалу хорошо помогали: и семена на посев выделили, и землю дали, и больных наших выхаживали своими травками.

Лори вздохнула и заправила за ухо выбившуюся из-под платка вьющуюся рыжую прядь.

— Да вы ешьте, миледи, — улыбнулась хозяйка, и эта улыбка преобразила ее, превратив в настоящую красавицу. Я даже залюбовалась. — И чай вот пейте, я вам сейчас еще налью.

Она резво вскочила, юбка взметнулась, открыв крепкие, стройные ноги, и Лори ухватила тяжеленный чайник.

— Благодарю, я уже не голодна, — остановила я ее. — Все было очень вкусно.

— Да вы же толком и не поели, — расстроилась Лори. — Кот мой, поганец, и тот больше за раз съест.

Она со стуком поставила чайник на место и поправила фартук.

— А лавки у вас во сколько открываются? — поторопилась я перевести разговор.

К тому же, мне действительно нужны были вещи. Не спать же в чужой рубашке? Да и обувь неплохо бы другую найти, в моих изящных ботиках по местной грязи особо не походишь.

— А они уже открылись, — обрадовала меня хозяйка. — Если хотите, могу вас проводить.

Она с готовностью подхватила висящий на спинке стула платок и накинула его на плечи, а я посмотрела на нее и задумалась. В моем Уэстене сейчас начало ноября и уже довольно прохладно, а здесь, в форте, погода стоит довольно теплая. Больше похоже на конец сентября. И ночи не промозглые. Понять бы еще, зачем я здесь? И каким образом Ваед сумел привезти меня в прошлое?

— Вот прямо сейчас и пойдем, — с воодушевлением сказала Лори.

— Подождешь минутку? Я только шляпку надену.

Мне хотелось собраться с мыслями и понять, как себя вести, чтобы не вызвать подозрения у местных. Почему-то вспомнилась Долли Марчем со своим «отрядом», многозначительные улыбки и любопытные взгляды… Если и в Старом Уэстене меня ждет такое же неодобрение и наполненное подозрением любопытство, ожидание мужа станет совершенно невыносимым.

— Куда ж я денусь, конечно, подожду, — отозвалась Лори. — Идите.

Я поднялась из-за стола и отправилась наверх, а когда вернулась, хозяйка уже стояла у двери и вид у нее был такой довольный, словно мы не в лавку, а на городской праздник собрались. Впрочем, возможно, для нее так и было. Судя по тому,как приняли мой «приезд» городские кумушки, Лори ждет триумф. Еще бы! Прогулка по Уэстену с самой леди Кейн… Что ж, не стоит лишать Лоринду ее заслуженного часа славы.

— Идем, — улыбнулась хозяйке и решительно открыла дверь.

***

(Из дневника Дж. Кейна)

20 сентября по местному календарю

Утро. Поднялся с трудом. Всю ночь снилась вода. Синяя, манящая… И Кэри. Обнаженная, совершенная в своей наготе, свободная от сковывающих условностей и глупых эшерских предрассудков. Она лежала на спине в самом центре озера, смотрела вверх, в усыпанное звездами небо, и на губах ее играла знакомая таинственная улыбка.

Сколько дней и ночей я провел в попытке понять, что скрывается за этой улыбкой! Наблюдал

за Кэролайн, вглядывался в мягкий свет ее глаз, и страстно хотел узнать, о чем она думает, что чувствует, что ее радует и печалит.

Обидно. Быть так близко, всего в одном шаге от ответов, и уйти…

Я многое бы отдал, чтобы оказаться сейчас рядом с Кэри, видеть смену эмоций на ее живом лице, касаться нежной кожи, ощущать тепло рук… Даже если это всего лишь влияние магии алайетов, мне все равно. Мои ли это эмоции или наведенные — я уже не вижу разницы. Не понимаю. Да и не намерен понимать. Я хочу свою жену. Но еще сильнее хочу другого. Прикоснуться к тому, что прячется за великолепным телом, разглядеть, узнать… Душа Кэролайн — вот что влекло и влечет меня больше всего, ее мягкость, ее огонь, ее верность и твердость…

Проклятье! В сердце Кэри нашлось место для всех, кроме меня. И можно сколько угодно обманываться и говорить, что мне не нужна ее любовь, но это не так. Нужна. И сейчас даже больше, чем прежде.

Дьявольская магия Избранных… Она сводит людей с ума, делает их рабами, превращает в марионеток. Когда я успел поддаться?

Не думал, что будет так трудно. Раньше мне

казалось, что стоит только переступить черту времени, как я забуду прошлое, перечеркну его и смогу полностью отдаться своей цели. Но все пошло не так. Здесь, в дремучих лесах старого Эшера, одиночество ощущается гораздо сильнее и болезненнее. Тут некуда деться от воспоминаний. Они преследуют меня, мучают своей осязаемой реальностью, не оставляют даже ночью, во сне, снова и снова показывая мне ту, кого я хочу, но так и не могу забыть…

***

На улице было на редкость тепло. От вчерашнего тумана не осталось и следа. Над заливом все еще висели низкие облака, но небо над фортом было чистым, а в небольших лужах отражалось солнце.

— Главное, сразу деньги не доставайте, — идя впереди по деревянному тротуару, наставляла меня Лори. — И на цену внимания не обращайте, эти проходимцы так и норовят ее завысить. Смело втрое снижайте, а там и еще поторговаться можно. Впрочем, вы лучше пока молчите, я с этими крохоборами сама разберусь.

Лори так воинственно вскинула голову, что я не выдержала и улыбнулась. Все-таки мне по-

везло, что Кейн остановился именно у нее, а не у какой-нибудь пожилой благочестивой матроны. Лоринда была живой, резкой, скорой на слова. Да и внешностью ее Бог не обидел. Одни волосы чего стоят — вьются непокорной рыжей копной, длинные, густые. И кожа белая, даже веснушки ее не портят. Стоило только подумать об этом, как душу кольнуло сомнение. А что, если Кейн и Лори…

Я бросила на хозяйку быстрый взгляд и встретилась с понимающей усмешкой.

— Не было у нас ничего, миледи, — грубовато хмыкнула Лори и поправила косынку. — Не скрою, я бы не прочь, лорд Кейн мужчина видный и с женщинами обращаться умеет, у меня глаз на такие вещи наметанный, да только муж ваш — кремень оказался. Сказал, что женат, а потом я и сама портрет ваш увидела, поняла, что такую он ни на кого не променяет, вот и засунула свои хотелки куда подальше.

— Я ни о чем не спрашивала, — ответила хозяйке.

Сомневаюсь, конечно, что наш брак что-то значит для моего мужа, тем более, Кейн сам написал, что не собирается хранить мне верность, но Лори об этом знать необязательно.

— А то я по глазам не поняла, — усмехнулась хозяйка. — Вы уж не сердитесь на меня, миледи, женщина я прямая, что думаю, то и говорю, может, не всегда складно, как эти лисицы лживые, но зато от души, и камень за пазухой не держу.

— Я не сержусь, — покачала головой и заставила себя улыбнуться.

Не стоит вспоминать прошлое. Нельзя снова поддаваться ревности. К тому же, что ни говори, а Лори мне нравилась. Да, на взгляд уэстенских кумушек она вряд ли могла считаться достойной компанией, но какая мне разница?

— Вот и ладно, — повеселела Лори, увлекая меня вперед и ловко протискиваясь между спешащими по своим делам людьми. — Видали, народу сколько? А ведь еще семь лет назад тут только с десяток домов стояло. Растет поселение, хорошеет.

Она довольно улыбалась, а я смотрела по сторонам и удивлялась тому, что видела. Несомненно, это был Уэстен. Я угадывала расположение улиц, замечала основу того города, который вырастет здесь через двести лет, с интересом разглядывала колонистов и все еще не могла поверить, как далеко в прошлое закинула меня судьба.

«Если уж быть точной, Кэри, то это была не

судьба, а один не в меру загадочный оборотень. И если он появится снова, то ему точно не поздоровится!»

Хотя, с другой стороны, я не особо злилась на Ваеда. Окружающая жизнь была такой удивительной, что я оказалась просто не в состоянии сердиться. Разве могла я представить, как на самом деле выглядели первые дома и улицы Уэстена? А стены форта? Я читала, что они окружали город со всех сторон, но сейчас видела их воочию — высокие, грубоватые, надежные, — и понимала, как мало знала об истории того города, в котором прошла вся моя жизнь. Надо сказать, мои родители не были коренными уэстенцами. Мама родилась в Сарджента, отец — тоже, а на побережье они перебрались после того, как папа получил ранение и был списан со службы, решили, что нужно держаться поближе к семье. Дядя Абель, старший брат маменьки, уже давно обосновался в Уэстене, да и дядя Ирвин часто бывал в местном порту. Вот мои родители и решили купить особняк и вложить скопленные за время службы деньги в Уэстенскую табачную компанию. И надо сказать, не прогадали. Ну, почти…

Я с интересом оглядывалась по сторонам и рассматривала многочисленные деревянные дома,

мимо которых мы проходили. Одни были совсем простыми, одноэтажными, крытыми соломой, другие имели два этажа, причем второй выступал над первым так же, как в коттедже Лори — по всему фасаду, нависая над хлипким дощатым настилом, заменяющим тротуар.

— Уилл, подавай правее, — послышался сверху хриплый мужской голос. — Да не левее, дурья твоя башка, а правее! Ну? Куда ты опять? Вот так!

Я подняла голову, разглядывая рабочих, бодро стучащих молотками на одной из крыш. Мужчины отпускали шуточки и смеялись, прибивая непонятные плоские листы к поперечным балкам.

В воздухе остро пахло опилками и морем. И я внезапно поняла, что мне нравится эта разлитая в воздухе энергия молодости и веры в завтрашний день. Ее было так много, и она казалась такой заразительной, что виделась мне бодрящими пузырьками игристого вина, поднимающимися со дна бокала. Перед глазами неожиданно возник наш последний ужин с Кейном: муж, сидящий напротив меня за столом и держащий в руках изящный фужер с золотистым рокайским, задумчивый взгляд серых глаз… Сердце тоскливо

сжалось. И так захотелось снова увидеть пирата, услышать его голос — низкий, немного насмешливый, с чувственной хрипотцой. Знать бы, как долго Кейн намерен торчать в устье реки…

— А вот и лавка Болтонов, — отвлекла меня Лори.

Мы как раз остановились перед небольшим двухэтажным домиком с длинной вывеской, тянущейся по фасаду между первым и вторым этажами. «Торговый дом Болтон и сыновья» — прочитала я огромную надпись и усмехнулась. Теперь понятно, в кого знакомые мне Болтоны такие оборотистые. Это ж надо — не лавка, а целый торговый дом!

— Главное, деньги сразу не показывайте, — повторила свое предупреждение Лори. — И ценам не верьте, эти мошенники их в пять раз завышают, пользуются тем, что корабли с товарами раз в три месяца приходят.

Она потянула на себя тяжелую дверь и решительно вошла в магазин.

Внутри было темно и тесно, пахло кислой капустой и выдубленными кожами. Все пространство небольшого помещения оказалось заставлено вещами. Тут были и столы с лежащими на них стопками одежды, и сваленные в углу мотыги

и вилы, и выстроившиеся вдоль одной из стен сапоги, причем, как я поняла, эту обувь в Уэстене носили и мужчины, и женщины. Справа громоздились огромные котлы и ведерные латунные чайники на ножках, слева от входа висели подковы и серпы, а прямо напротив двери, на длинном прилавке, выстроились в ряд разнокалиберные кувшины, кружки и прочие предметы домашней утвари.

— Доброго дня, миледи, — услышала я красивый глубокий голос и оглянулась по сторонам, пытаясь обнаружить его обладателя. Из-за высокого шкафа, который, видимо, тоже относился к товарам, вышел маленький, похожий на карлика человек. Несоразмерно большая голова сидела на тонкой шейке, и мне показалось, что она вот-вот переломится под этой тяжестью, но человечек бодро прошел к прилавку с одеждой и, остановившись за ним, отвесил мне довольно изящный поклон.

— Позвольте представиться, Леонард Болтон, владелец торгового дома «Болтон и сыновья», — с небольшим придыханием сказал хозяин магазина.

На бледном, изъеденном оспой лице сверкнули умные карие глаза, а на тонких губах заиграла

улыбка, которая самому Леонарду, видимо, казалась неотразимой.

Неужели это предок известного мне Болтона? Странно. Тот, конечно, не отличается высоким ростом, но все же я бы никогда не подумала, что в его роду были карлики.

— Наслышан о вашем приезде, миледи, — не давая мне ответить, сказал Леонард, и я снова поразилась контрасту чарующего голоса и неказистой внешности торговца. — Несказанно счастлив, что наше общество пополнится такой прекрасной и знатной дамой. Не сомневаюсь, что вы, миледи, на радость всем уэстенцам, станете его подлинным украшением.

Боже, какой высокий слог! Интересно, это обычная манера речи, или Болтон просто пытается произвести впечатление?

— Ну хватит уже расстилаться, — хмыкнула Лори, упираясь в прилавок ладонями и глядя на Болтона с насмешкой, которую даже не пыталась скрыть. — Покажи, что у тебя из одежды для благородных есть, пока миледи до умопомрачения не заговорил.

— Ох, Лори Бейл, колодки по тебе плачут, — скривился карлик. — Дождешься, пожалуюсь губернатору на твой поганый язык, и выпишет

он тебе десяток плетей. Может, хоть тогда попритихнешь?

— Плетей? Ишь ты, как заговорил! — повысила голос Лори, и я сочла нужным вмешаться, пока она окончательно не разозлила Болтона. Если верить историческим хроникам, двести лет назад прилюдная порка была довольно распространенным наказанием, причем, женщину действительно могли побить за злословие и длинный язык. А мне бы очень не хотелось увидеть Лори в колодках.

— Господин Болтон, вы не подберете мне хорошую обувь? — с улыбкой обратилась к торговцу. — Боюсь, что моя не совсем подходит для здешней… погоды.

В последний момент я заменила слово грязь на более нейтральное, опасаясь обидеть колонистов.

— Разумеется, миледи, — тут же откликнулся Леонард, окинув меня быстрым, внимательным взглядом. — В «Болтон и сыновья» вы найдете самую крепкую обувь и самую лучшую одежду. Пожалуйте сюда, — он указал рукой на стоящий рядом с прилавком стул. — Я сейчас все принесу. Мы с последним кораблем отличные сапожки из Эрдерона получили, и как раз на вашу ножку.

Карлик шустро нырнул в незаметную на первый взгляд дверь, ведущую во внутренние помещения лавки, и через пару минут вернулся с целым ворохом платьев и аккуратными сапожками в руках.

— Прошу, миледи, — он отложил одежду на прилавок, склонился передо мной и потянулся к моим туфлям. — Позвольте, я вам помогу, — крупные, совсем несоразмерные маленькому росту руки коснулись моих щиколоток, и не успела я и слова сказать, как Болтон расстегнул застежки и стянул мою обувь, чтобы надеть высокие сапожки.

— Замечательно! Как я и говорил, именно ваш размер,– радостно сообщил Леонард и тут же, не давая опомниться, положил мне на колени парочку нарядных платьев и шерстяной костюм. — Если хотите, можете примерить их, леди Кейн, но я и так вижу, что они будут сидеть на вас превосходно.

Я расправила платья, прикинула их на весу и поняла, что Болтон прав. Все вещи были моего размера.

— Хорошо, я их беру. Еще мне нужны две ночные рубашки, три пары чулок, простое повседневное платье…

Я перечисляла необходимую одежду, а Болтон кивал и с видом фокусника доставал из-под прилавка все, о чем я просила.

Лори наблюдала за этим молча, и лишь однажды, когда Леонард снял с одной из полок расписную шкатулку с ожерельями и серьгами из жемчуга, еле слышно фыркнула.

Она напоминала мне своенравную рыжую кошку — пушистую, смелую и немного дикую.

— Сколько я должна? — определившись с покупками, спросила я Болтона.

Тот быстро прикинул что-то в уме и выдал:

— Сто двадцать олдеров, миледи.

Сто двадцать? Вот это аппетит! Теперь понятно, откуда у знакомых мне Болтонов столько денег. Да в том же «Ласкари» я отдала бы за подобную одежду никак не больше шестидесяти олдеров. А в лавках попроще — и того меньше. Тем более что в прошлом, насколько я помню из уроков истории, олдеры ценились гораздо дороже, и за сто двадцать золотых можно было купить целую уйму вещей.

— Леонард Болтон, а ты, случаем, не пьян? — насмешливо спросила Лори. — Да этим тряпкам красная цена — двадцать монет!

— Побойся Бога, женщина! — повысил голос

карлик. — Это самый лучший товар, который только есть во всей Вертинии, нам его из несравненного Лариделла доставляют!

— А я тебе говорю, что ты плут и мошенник, и собираешься надуть супругу лорда Кейна, — не отступала Лори. — И ежели хочешь знать, я этого так не оставлю, я…

— Даю сорок олдеров, — перебила я ее, пресекая ненужный спор. — Если доставите товар к госпоже Бейл в течение часа, добавлю еще пять, — твердо сказала Леонарду. — Была рада познакомиться, господин Болтон и спасибо вам за помощь. Идем, Лори, — позвала свою спутницу. — Не будем отрывать господина Болтона от дел.

Я открыла ридикюль и достала деньги.

Хорошо, что мой супруг оставил в сундуке два полных кошеля старых золотых. Если мелкие монеты за двести лет почти не изменились и я смело могла ими расплачиваться и в этом времени, то вот с олдерами, на которых обычно изображается правящий император, могла выйти заминка. Первые пятьдесят лет, пока Эшер был колонией Эрдерона и подчинялся ее императору, на золотых изображался император Августин. Потом, когда в тысяча шестьсот семидесятом году Эшер

получил независимость и на трон Лариделла взошел один из сыновей Августина, Эгберт, на монетах появился его длинноносый профиль. Эгберт был слишком большим приверженцем прошлого, как и Эдуард, который правил после него, поэтому в Эшере до сих пор были в ходу и олдеры, и керы, и серебряные бранки. Да в Эшере даже столица называлась так же, как в Эрдероне. Раньше меня немного раздражала эта любовь соотечественников к старым традициям, но сейчас она оказалась мне на руку.

Я отсчитала нужную сумму, положила монеты на прилавок и все это под молчаливым наблюдением двух пар глаз. Лори смотрела с одобрением, а Леонард — немного растерянно, видно, не ожидал, что знатная дама неплохо разбирается в ценах.

— Всего доброго, леди Кейн, — опомнился он, когда я уже направлялась к выходу. — Несказанно рад знакомству, надеюсь еще не раз лицезреть вас в нашем торговом доме! И вы даже не сомневайтесь, все ваши покупки будут доставлены в самое ближайшее время.

— Благодарю, господин Болтон, — улыбнулась я и, в сопровождении странно молчаливой Лори, вышла из лавки.

— Это где ж вы так торговаться научились? — спросила хозяйка, стоило нам отойти от торгового дома Болтонов.

— Жизнь научила, — усмехнулась в ответ и спросила: — Ты говорила, здесь где-то чай продают? И бакалею?

— Так это тут рядом, за углом, — отозвалась Лори.

В итоге, через полчаса мы с хозяйкой уже возвращались домой, а следом за нами шел мальчик, несущий большую корзину с продуктами. Чего в ней только не было! И чай, и несколько видов сыра, и свежие булочки из пшеничной муки, и даже кленовый сироп.

А когда мы подошли к дому, то обнаружили там посыльного от Болтона со всеми моими покупками.

— Ты гляди, как старается, — хмыкнула Лори. — Надеется заманить вас в постоянные покупатели.

Насчет постоянства я была не уверена, а вот товары у Болтона оказались действительно неплохими. Похоже, его поставщик привозит одежду из самого эрдеронского Лариделла, уж больно ткани качественные, непохожие на местные.

Из уроков истории, преподаваемых в пансионе, я знала, что первые поселенцы редко носили черную или темно-синюю одежду. Это в Эрдероне она была самой распространенной, но в условиях Эшера трудно было производить нужный краситель для тканей. Красные и желтые платья, коричневые дублеты и штаны, простые льняные рубахи — все ткани окрашивались теми натуральными красителями, что были в ходу у местных жителей, акаучи. Надо сказать, что сами акаучи являлись предками современных мне оборотней. Внешне они походили на обычных людей, разве что высоким ростом отличались, и умели оборачиваться волками, лисами, рысями и даже медведями. Небольшие поселения акаучи тянулись вдоль всего побережья, правда, со временем поселенцы оттеснили коренные народы вглубь материка, отобрав лучшие и самые пригодные земли и заставив оборотней уйти с насиженных мест.

— Неси сюда, бездельник, — открыв дверь, позвала Лори болтоновского посыльного.

Крупный, нескладный парень поднялся с дощатого настила, поддернул штаны и ухватил перевязанные тонкой бечевкой свертки. И все это — не отрывая от меня взгляда, в котором

сквозило удивление пополам с простодушным восхищением.

Видимо, моя богатая, по местным меркам одежда произвела на посыльного слишком сильное впечатление.

— Эрик! Долго тебя ждать? — прикрикнула Лори, и парень, слегка загребая ногами, торопливо вошел в дом и уложил покупки на лавку.

— Вот, возьми, — я сунула посыльному полкера.

— Спасибо, миледи, — покраснев, с трудом выговорил Эрик и чуть ли не бегом бросился к выходу.

— Здоровый парень, но лентяй, каких поискать, — снимая с плеч платок, вздохнула Лори. — Ни на что не годится, болтается по городу безо всякого дела. А ты чего уши развесил? — повернулась она к мальчишке. — На вот, — сунула ему монету и притворно строго добавила: — Ставь сюда корзину и дуй в лавку, хозяин, небось, уже заждался.

Малец улыбнулся, зыркнул на меня лукавыми черными глазами и бесшумно исчез за дверью, а Лори принялась разбирать продукты.

— Лори, а отшельник Роунс далеко живет? — спросила я ее, наблюдая, как она ловко развора-

чивает свертки.

— Да не так чтобы очень уж далеко, — ответила хозяйка. — И зачем мы столько сыра купили? Вы толком и не едите ничего, куда нам целая головка? — тихо бормотала она, перекладывая большой светло-желтый круг в глубокую глиняную миску. — Вот же Линда-лиса, совсем голову задурила, недаром говорят, что ведьма, никогда своей выгоды не упустит.

— Сможешь меня к нему отвести?

Я отодвинула покупки и села на лавку.

— Отчего ж и не отвести, — повернулась ко мне Лори. — Только вот примет он или нет, это уж от случая зависеть будет.

— Ты о чем?

— Не каждому он путь открывает, только тем, кого сам выберет. Многие так и вовсе до него не доходят, кружит их по лесу, водит и назад возвращает. Лучше бы вам милорда дождаться, с ним-то наверняка дойдете.

Вот уж в чем я совершенно не уверена! Вряд ли Кейн согласится отвести меня к магу Роунсу. И вообще, еще неизвестно, как он к моему приезду отнесется. Сомневаюсь, что обрадуется.

— Неужели мы сами не дойдем?

Я с надеждой посмотрела на Лори.

— Да почему же? Можем, конечно, — задумчиво сказала хозяйка. — Коли вам неймется. Да вот хоть завтра, — хмыкнула она. — Как до развилки дойдем, так и поймем, настоящая у вас нужда или так, баловство.

Лори разворошила угли и ловко повесила на очаг большой котел с водой.

— Вы только одежду попроще подберите, чтобы по лесу удобно идти было, — кивнула она на лежащие на лавке свертки. — В вашем платье там делать нечего, и шагу не пройдете.

Она скептически покосилась на модный шелковый наряд, купленный мной в «Ласкари», и покачала головой.

— И как вы в таком ходите? Ни вздохнуть, ни выдохнуть.

Она снова вернулась к столу, а я, подхватив большую часть свертков, отправилась наверх примерять обновки.

***

(Из дневника Дж. Кейна)

21 сентября по местному календарю

Сегодня дошел до селения акаучи-медведей и добился встречи с их главой. Старик все подтвердил. Алайеты ушли, оставив свои поселения и

поклявшись никогда не возвращаться и не иметь ничего общего с алчными чужестранцами, заполонившими земли Арайи. Глава уверяет, что не знает, где они обитают, но его сын проговорился, что Избранные ушли на восток, «туда, где небо сливается с острыми пиками гор и каждое утро рождает зарю».

Если я прав, то речь идет о горах Ареи. Вот только озеро… Где его искать? «Найдешь Ар-та-Авир — найдешь Посох Силы»… Очередная загадка, на которые так падки фениксы. Не могут крылатые без «мудрости веков», любые мемуары превращая в шарады. Вот и дед, вместо того, чтобы написать все просто и понятно, оставил какие-то обрывки и зашифрованные послания, над разгадкой которых мы с отцом провели почти двадцать лет. Впрочем, не мне его судить. Я ведь и сам не умею быть откровенным, и все самое важное держу в голове, не доверяя ни людям, ни бумаге.

Дьявол! Снова ночь и снова вернулась боль. И зелье Стандинуса больше не помогает. Дед был очень силен. Клятву на крови замешал, и эта кровь теперь пытается взять свое. Приступы стали чаще: поначалу их было два-три в сутки, а теперь уже около пяти. Предполагал, что будет тяжело, но не думал, что настолько. Все тело

выворачивает и внутри печет так, словно черти костер разводят. Ну да ничего. Мне бы только пару месяцев продержаться. А дальше, если все получится, клятва перестанет на меня действовать.

Значит, на восток. Что ж, это лучше, чем ничего. Но идти без подготовки опасно. Нужно найти Грегоруса. Надеюсь, он сейчас в Сарджента, и я смогу уговорить его дать мне одного из своих людей.

Знать бы, как там Кэри… Надеюсь, она счастлива, имея все, что нужно для обеспеченной жизни, и не слишком на меня злится.

А с другой стороны, лучше пускай злится, чем страдает. Кэролайн… Она красивая, даже когда сердится. Так и вижу, как ярко сверкают ее глаза, как взволнованно вздымается грудь, как плотно сжимаются нежные губы. Кэри. Жена. Если бы мы встретились при других обстоятельствах, если бы можно было все изменить…

А, черт… Руки дрожат, не могу писать. (Зачеркнуто). Время… Как же мало его осталось. Я должен успеть. Должен.

***

Тропа петляла по лесу, то спускаясь в низину, к самой воде, то поднимаясь наверх, к небольшим,

похожим на проплешины, прогалинам. В воздухе стоял горьковатый аромат смолы и хвои. Мы вышли из форта ранним утром, а сейчас, судя по косым лучам, обнимающим красные стволы сосен, время близилось к полудню.

Лори, в своем ярком платье и с полыхающими рыжим огнем волосами, сама казалась сотканной из света. Она молча шла впереди, хмуря брови и сосредоточенно глядя под ноги, а я, стараясь не отставать, торопливо двигалась следом.

Лес был смешанным. Березы, осины, островки сосен, снова березы — они мелькали мимо с поразительным однообразием, и конца им не было.

— Далеко еще? — преодолев очередной подъем, спросила у хозяйки и едва не упала, поскользнувшись на слежавшейся хвое.

Сапожки, купленные у Болтона, оказались не рассчитаны на такие походы. Тонкие носки, небольшие каблучки, узкая колодка — я прельстилась их красотой, а сейчас смотрела на грубую обувь Лори и понимала, что нужно было покупать такую же.

— По-моему, мы здесь уже проходили, — не дождавшись ответа, вздохнула и посмотрела по сторонам.

Деревья, деревья, деревья, пожухлые листья

и плотный слой иголок, гигантская паутина, раскачивающаяся между ветвями, тихий, едва уловимый скрип старых стволов — все казалось таким похожим! Вот эту березу, напоминающую кривого злобного карлика, я уже, вроде бы, видела. И клочки седого мха, свисающие с ее ствола, и ключ, бьющий из-под вывернутых корней.

— Водит нас, — неохотно буркнула Лори. — Похоже, не хочет старик путь открывать.

Она остановилась и огляделась по сторонам.

— Третий раз уже здесь проходим, — озабоченно нахмурилась хозяйка. — Надо назад поворачивать, все равно тропу не найдем.

Она поправила лямку матерчатой сумки и посмотрела вверх, туда, где в колючих кронах играло в прятки нежаркое осеннее солнце.

— Если и дальше водить будет, то не успеем оглянуться, как уже и ночь настанет, а в темноте тут небезопасно.

Лори погладила карман юбки, так, словно нащупывала в нем что-то, и вздохнула.

— Ты говоришь, старик не хочет открывать нам путь, — вопросительно посмотрела на хозяйку. — Получается, он нас видит? И знает, зачем мы к нему идем?

— Конечно, видит, — хмыкнула Лори. — Еще

бы ему не видеть, когда он тут хозяин! Я даже магию его чувствую. У него по всему лесу сеть из следящих заклинаний расставлена.

Я торопливо огляделась. Обычный лес, обычные деревья… И где тут могут быть следилки? Помню, дядя рассказывал, что высшие маги способны управлять ими на расстоянии в тысячи ярдов. Эх, если бы я тоже могла пользоваться магией…

— Но если он нас видит, то, может, получится с ним договориться?

Я с надеждой посмотрела на Лори.

— Пустая трата времени, — отмахнулась та и тоже огляделась вокруг. — Уходить надо, — в ее голосе прозвучала тревога, а рука еще сильнее сжала карман, и я неожиданно поняла, что там. Нож. Точно. Вон и очертания рукоятки видны. — Не ровен час, на враждебных акаучи нарвемся.

Лори резким жестом поправила волосы и туго затянула платок.

— Так ведь здесь нет их поселений, — удивилась я. — И земли оборотней только за рекой начинаются.

Перед глазами сами собой появились картинки из книг по истории. В пансионе госпожи Кроуз основной упор делался на прошлое родного

графства, и все ученицы обязаны были не только знать наизусть города и поселения Сарджента, но и уметь найти их на карте и рассказать, когда и как был основан каждый из них. Я помнила магические изображения первых фортов колонистов. Аккуратные деревянные домики, дымок, вьющийся из труб, непременная церковь и большое прямоугольное здание в центре, в котором проходили аретаро — собрания всех жителей. На этих сходках решались самые разные вопросы, от распределения земель до осуждения и наказания провинившихся. А еще я помнила яркие изображения оборотнических стоянок. Они шли по правому берегу реки Интари, располагаясь на равном расстоянии друг от друга, и были чем-то похожи на поселения колонистов, только вместо церкви и аретаро в каждом из них был Дом Духа — большой сарай, в котором акаучи беседовали со своим божеством.

— Это эрдеронцы так считают, а сами акаучи уверены, что весь Эшер, или, как они его называют, Арайя, принадлежит им и алайетам, — хмыкнула Лори. — Все, миледи, поворачиваем назад, не будет нам сегодня удачи.

У меня внутри все оборвалось. Как же так? Я ведь рассчитывала, что отшельник поможет

разобраться с моей магией, скажет, почему ее запечатали, и стоит ли пытаться ее вернуть. А теперь выходит, что все мои надежды оказались напрасны?

— Подожди, — остановила я Лори. — Ты видишь следящую сеть? Сможешь подвести меня к ней?

— Что это вы задумали?

Хозяйка достала из кармана платок и утерла вспотевшее лицо. Дышала она хрипло, будто враз устав от нашей прогулки. Да и под глазами темные круги появились.

— Хочу кое-что проверить, — пояснила я, раздумывая, не больна ли моя новая знакомая. Слишком уж симптомы походили на те, что встречались среди обитателей Найсберри, умирающих от чахотки.

Лори недоверчиво покосилась на меня, но спорить не стала.

— Идите за мной, — тихо сказала она и свернула с тропинки как раз к изогнутой березе. — Вот, — остановившись у кривого, потемневшего от уродливых наростов ствола, сказала хозяйка.

— Дерево?

— Да.

Я подошла ближе и положила обе ладони на шершавую кору. А потом закрыла глаза и мыс-

ленно произнесла: — Господин Роунс, я хорошо знаю вашего потомка, Питера Роунса, уверена, вы, как и он, не сможете отказать в помощи тому, кто в ней нуждается.

Тишина стала настороженной. Мне показалось, что мои слова несутся от ветки к ветке, от одного дерева к другому, шуршат опавшими листьями и текут водами ручейка, торопясь к отшельнику.

И я была уверена, что меня услышат и помогут. Правда, с каждой минутой эта уверенность становилась все слабее, пока совсем не исчезла. Кем бы ни был этот старый маг, он оказался совсем не таким отзывчивым, как наш пастор Роунс.

Время шло, но ничего не происходило. Деревья все так же настороженно шумели листвой, где-то вдали слышался звук перекатывающейся по камням реки, серебристая паутина едва заметно блестела в ветвях растущего рядом клена.

— Идемте, миледи, — потянула меня за руку Лори, — нужно уходить. Неспокойно кругом, как бы беды какой не вышло.

Ответить я не успела. Перед глазами что-то ярко вспыхнуло, меня оторвало от земли и закружило в странном вихре, а потом резко бросило вниз, и я оказалась в глубоком овраге, среди прелой листвы и уродливых черных корней, оплетаю-

щих земляные стены.

— Вот как чувствовала, что добром это все не кончится, — послышался рядом голос Лори.

Я оглянулась. Хозяйка как раз поднялась на ноги и отряхивала платье от налипших на него листьев.

— А ты здесь как оказалась?

— Как-как… За вас уцепилась, — недовольно буркнула Лори. — Не могла же я вас незнамо куда одну отпустить? Понять бы еще, где мы.

Она осмотрелась по сторонам и еле слышно выругалась.

— Святая сила! Ну и занесло! Это же Волчий овраг. Не надо было мне вас слушать. Сейчас уже домой возвращались бы, а теперь думай, как отсюда выбраться. А у меня там свиньи друг дружку с голоду сожрут, и козы не доены.

— А ты, Лоринда, как всегда, только о хозяйстве печешься, — послышался откуда-то сверху негромкий глуховатый голос.

— А о чем же мне еще думать? — вскинув голову, возмутилась Лори. — Это вам, господин маг, наши заботы смешными и глупыми кажутся, а мы люди простые, нам о пропитании заботиться надобно, а иначе с голоду помрем.

Она продолжала еще что-то говорить, но я ее не

слышала. Смотрела на стоящего на краю обрыва человека и видела в его лице хорошо знакомые черты: те же добрые, чуть прищуренные голубые глаза, те же бескровные губы и тонкий нос, и то же обманчиво беспомощное выражение, скрывающее ум и силу.

— Помолчи немного, женщина, — взглянув на Лори, произнес Роунс, и та мгновенно затихла, будто ей рот ладонью закрыли. — Кэролайн, — отставив руку с клюкой в сторону, обратился ко мне отшельник. — Зачем ты хотела меня видеть?

И снова этот знакомый взгляд. И ощущение, что передо мной стоит любимый пастор Роунс.

— Надеялась, что вы сможете разобраться, кто и зачем запечатал мою магию, — ответила магу, не в силах избавиться от мысли, что разговариваю со своим хорошим знакомым.

— Разобраться?

Старик как-то странно хмыкнул. Клюка дрогнула.

— Подойди ко мне, — велел он и, не успела я даже подумать, каким образом выберусь из оврага, как оказалась стоящей на его краю. — Дай левую руку, — тихо сказал отшельник.

Вблизи его сходство с пастором было еще сильнее. Даже родимое пятно на шее и то оказалось

совершенно таким же — темно-коричневым, круглым, размером с полкера.

— Кэролайн? — поторопил меня маг, и я, опомнившись, протянула ему ладонь.

Старик взял ее в свои, закрыл глаза и замер.

— Магия алайетов, — спустя какое-то время пробормотал он и посмотрел на меня так, словно пытался заглянуть в самую душу. — И очень знакомый след. Странно. Печать стоит с самого твоего рождения и поставил ее…

Он не договорил.

— Интересно, — спустя пару минут, тихо пробормотал старик. — Два века, сила земли, печать Ариуса.

— И что это значит?

Я с надеждой подалась к магу, в душе все замерло в ожидании ответа, но отшельник не торопился. Он все смотрел и смотрел мне в глаза, словно пытался прочитать там что-то, получить ответ на некий вопрос, и, вероятно, этот ответ был очень важен.

Я видела, как меняется взгляд старика, как бледнеет его лицо и какой решимостью наполняется светлая синева взгляда.

— Значит, говоришь, мой потомок? — тихо спросил он. — Да, я его вижу. Вера. Доброта. По-

мощь людям. Бескорыстие. Силен… Очень силен. Но печать…

Маг снова замолчал, и я не рискнула нарушить это молчание.

— Если ее не снять, это приведет к необратимым последствиям.

— К каким именно?

— Лучше тебе об этом не знать, — покачал головой Роунс. — В магию алайетов нельзя вмешиваться посторонним, тем, кто не владеет магией Избранных. Думаю, мой потомок вряд ли понимал, какое зло может принести его печать. Магия алайетов — подлинный свет, его нельзя насильственно погружать в небытие.

Старик нахмурился, словно прислушиваясь к чему-то, и тихо добавил:

— Лишить алайета магии — все равно, что лишить птицу ее крыльев.

— И что теперь делать?

Сердце забилось быстро-быстро.

— Я попробую снять печать, — не отрывая от меня взгляда, сказал старик. — Но это будет непросто — и для тебя, и для меня.

Он с силой оперся на сучковатую палку. Мне даже показалось, что она под его весом вошла в землю.

— Очень непросто, — тихо повторил маг.

— А вы уверены, что мою магию запечатал именно пастор Роунс?

Я не могла представить, чтобы преподобный был способен на такой поступок. Разве он маг? Хотя, если отшельник Патрик Роунс его родственник, то тут даже сомневаться не приходится. Но зачем священнику понадобилось лишать меня магии?

И тут меня осенило. Матушка. Точно. Она всегда говорила, что магия — зло, и ничего хорошего в жизнь людей не приносит. Вероятно, именно маменька попросила преподобного запечатать мой дар, а пастор Роунс не смог ей отказать. Еще бы он смог! Если уж мама чего-то хотела, она всегда этого добивалась. Она ведь даже умерла именно тогда, когда сама решила.

— Я чувствую родственную силу, — ответил отшельник. — И именно это дает мне повод надеяться, что его магия меня послушает. Но тебе придется потерпеть.

Он сильнее сжал мою руку, второй продолжая опираться на клюку, закрыл глаза и принялся бормотать что-то на непонятном языке. Я слышала только отдельные слова. Они звучали непривычно и, казалось, состояли из одних лишь

гласных.

— Аа-эоу… оу-еая… иу-аои… — оплетал меня тихий шепот. — Яэ-иа… оэоу… иайи… оау… — звуки кружили вокруг меня, просачивались под кожу, проникали внутрь и ломали защитные слои, которые я теперь ощущала так отчетливо, как если бы они были тяжелой чугунной оградой, сдерживающей яркий шар силы.

Я стояла словно в трансе и не могла пошевелиться, а отшельник произносил свой напевный речитатив все быстрее, и его заклинание вливалось в меня сначала тонким ручейком, а потом уже и полноводной рекой, омывая душу, наполняя и изменяя что-то глубоко внутри, в самом сердце.

А потом пришла боль — сильная, почти невыносимая. По венам прошлась раскаленная лава. Она охватывала внутренности, прокатывалась по телу, кромсала на части, убивала.

Я непроизвольно дернула руку, пытаясь избавиться от боли, прекратить ее, остановить, но старик держал крепко.

— Аэсти авироно, — громко сказал он, резко надавив на подушечку большого пальца.

Боль мгновенно стихла, и я неожиданно почувствовала, как в душе, там, где раньше ощущалась

только маленькая крошечка магии, растет и ширится что-то большое, мощное, соединяющееся с рекой слов и превращающееся в огромное озеро силы. Эта сила переливалась по телу, плескалась, пробивала себе дорогу и искала выход, а потом, в один миг, растворилась и исчезла.

— Аирон, — устало выдохнул старик, отпустил мою руку, тяжело, всем своим весом налег на посох и посмотрел на меня посветлевшими, словно выцветшими глазами. — Мой потомок очень силен, — тихо сказал он. — Мне с трудом удалось снять его печать.

— И что теперь будет?

Я прислушивалась к себе, пытаясь понять, что чувствую.

Старик не отвечал. Он смотрел на меня, но казалось, что мысли его витают где-то очень далеко.

— Для того чтобы научиться управлять своей магией, алайет должен пройти водную инициацию, — спустя долгие несколько минут, ответил маг. — Так гласят древние законы. Без нее сырая сила может причинить вред и вырваться из-под контроля, поэтому Избранные живут вдали от простых людей, пока не научатся управлять своей сущностью и не обретут над ней власть.

— И в чем заключается эта инициация?

— Избранные не любят раскрывать свои секреты, — покачал головой Роунс. — И тщательно оберегают собственные тайны. Я прожил у них несколько лет, но не узнал и тысячной доли их секретов. Единственное, что могу сказать, так это то, что тебе нужно найти горы Ареи, в которых живут алайеты, и окунуться в воды священного озера. Каждый алайет проходит водную инициацию, без нее ему не стать Избранным.

— Лори сказала, что только женщины-алайя владеют магией.

— Там все гораздо сложнее. Но тебе пока рано об этом знать. Иди в горы, там ты найдешь все ответы.

В добрых глазах мелькнула грусть.

— И где искать эти горы?

Я снова прислушалась к себе, пытаясь обнаружить магию, но не почувствовала ни малейшего проблеска силы.

— Нужно идти вверх по реке до самого истока, а оттуда есть старая тропа, ведущая к главному городу Избранных. Сама ты дорогу не найдешь, но если договоришься с акаучи, живущими по ту сторону Интари, они смогут провести тебя до самой Ареи.

— А в чем заключается магия алайетов? Что

она может?

— Слишком много вопросов, — покачал головой старик. Он устало провел рукой по лбу, посмотрел на меня и добавил: — Ответы нужно искать не здесь, а у Избранных. Тебе пора. Бери свою подругу и выбирайтесь из леса. Тропу я открою, главное, не задерживайтесь, идите сразу к форту. И будь осторожнее. Магия алайетов — слишком лакомый приз для большинства высших, особенно, сырая магия молодняка, не прошедшего инициацию. Мало кто из нас способен устоять перед ее притягательностью. Тот, кто поставил печать, обладал большой силой духа, если не захотел воспользоваться твоим даром. Даже у меня возникло такое искушение. Всего на миг, но возникло, — Роунс распрямился, глаза его ярко блеснули и тут же погасли.

Я невольно попятилась.

— Не бойся, — грустно усмехнулся старик. — Мне ни к чему твоя сила. Но пока ты не получишь защиту рода, любой высший — твой потенциальный враг, запомни это, девочка. Я постарался скрыть уровень твоего дара, поставив обманку, но долго ее действие не продлится — месяца два-три. А вот потом за тобой начнется настоящая охота.

— И что мне делать?

— Искать сородичей. Если пройдешь инициацию, тебе будут не страшны никакие высшие, а пока постарайся не обращаться к своему дару. Знаю, это будет сложно. Поэтому я и добавил к заплатке сдерживающее заклятие, но если ты попробуешь напрямую обратиться к дару, особенно, если рядом будет вода, оно может развеяться. Все-таки магию алайетов одолеть сложно. Она совсем иная, не похожая на обычную. Избранные способны черпать ее извне, используя силы стихий и увеличивая мощь своего дара в сотни, а то и в тысячи раз.

Старик еле слышно вздохнул, и в глазах его снова мелькнул огонь. Мелькнул и погас.

— А теперь иди, — он поднял клюку, начертил ею в воздухе какой-то знак, а потом указал на Лори и на меня, и в тот же миг листва под ногами пришла в движение, закрутилась вокруг желто-зеленым смерчем, зазмеилась, подхватила и понесла сквозь размытые круги времени, которые я теперь видела так отчетливо, как будто у меня открылось второе зрение.

Спустя пару мгновений лиственная вьюга мягко опустила меня на землю и исчезла.

— Проклятье! — послышался возмущенный

голос, и тут же следом раздался глухой удар. — Нельзя было поаккуратнее? — продолжала ворчать Лори, барахтаясь в яме, доверху наполненной прелой травой.

Я подала руку, помогая хозяйке подняться.

— Ну что? Что он сказал? — тут же пристала с расспросами Лори, даже не подумав отряхнуть запутавшиеся в волосах веточки и сухие стебли. — Сумел снять печать? У него получилось? — ее зрачки расширились, затопив зеленую радужку чернотой.

— Нет, — помня слова старика, ответила я. Если Лори, с ее способностями, не удалось понять, что печать разрушена, значит, Роунс был прав, и мне пока можно не бояться ни магов, ни тех, кто как Лори чувствует магию. — Сказал, что ее может снять только тот, кто поставил.

Боже, прости мне эту ложь… Я слишком давно полагаюсь только на себя, чтобы безоговорочно доверять тем, кого знаю недостаточно хорошо.

— Выходит, зря отшельника потревожили? — сверкнула глазами хозяйка. — Видать, потому он нам путь и не открывал, знал, что помочь не сможет.

Я только кивнула и, торопясь поскорее закрыть скользкую тему, сказала:

— Старик предупредил, чтобы мы здесь долго не задерживались.

В голове все еще звучал голос Роунса. Инициация, горы Ареи… Как мне туда добраться? А главное, как сделать это так, чтобы не вызвать подозрения у Лори и жителей Уэстена? Ведь к такой дальней экспедиции придется подготовиться, а это неизбежно вызовет вопросы.

— Да, стемнеет скоро. День промелькнул, даже не заметили, — вздохнула Лори и тут же посерьезнела. Она настороженно оглянулась вокруг и спросила: — Слышите?

— Что?

— Тишина. Слишком тихо.

И правда. Я только сейчас поняла, что нет больше ни пения птиц, ни шороха листвы, ни жужжания насекомых. Словно вымерло все. И тени от деревьев стали темнее. И солнце скрылось.

Лори, продолжая прислушиваться, аккуратно достала из кармана нож и сжала в руке кривую деревянную рукоятку. Мне стало не по себе. В голове тут же всплыли рассказы дяди Ирвина об акаучи, об их хитрости и коварстве, о вражде с колонистами, и я настороженно огляделась. Что, если за нами наблюдают? Что, если оборотни только и ждут повода, чтобы напасть?

— Идемте, — негромко сказала Лори, скрывая нож в складках юбки, и двинулась вперед, к виднеющейся вдали прогалине.

Я заторопилась следом. Ноги скользили на слежавшихся иголках, а окружающий мир виделся совсем не таким приветливым, каким был еще совсем недавно. В лесу потемнело. С земли потянуло влагой. Казалось, всего несколько мгновений назад солнце обливало золотом листья и путалось в ветвях светящейся паутиной, а уже в следующий миг исчезло за кронами, оставив нас наедине с наползающими со всех сторон сумерками.

Лори тревожно оглядывалась, все ускоряя и ускоряя шаг.

Мы уже почти бежали, подгоняемые непонятным страхом, с каждой минутой все сильнее ощущая вязкую пелену ужаса, притаившуюся за деревьями. Мне даже показалось, что я вижу какие-то размытые тени, но толком так и не смогла их рассмотреть, а потом и вовсе решила, что мне привиделось.

— Не отставайте, миледи, — поторопила меня Лори. С каждой минутой ее лицо мрачнело все больше. — Нужно торопиться.

— Думаешь, акаучи?

— Если акаучи, это не страшно. Они не нападают на женщин, да и вообще не так кровожадны, как про них рассказывают.

— Тогда чего ты боишься?

— Не знаю. Неспокойно у нас в последнее время. Туман этот постоянно ползет, и люди пропадают. Хотя, как пропадают? Джошуа Грин — пьяница, каких поискать, видать, сам в болотах сгинул, а Грэхем Редж, дружок его, на поиски пошел, да и тоже пропал. Может, звери дикие загрызли, а может, с обрыва свалился да шею свернул, кто ж теперь разберет? А народ всякое болтает. То тени какие-то в лесу видят, то человека с красными глазами. Якобы, он в сумерках появляется и припозднившихся путников подкарауливает.

Лори дышала тяжело, но темп не сбавляла.

— Кто знает, то ли правда, то ли нет, но на сердце как-то тревожно. Вы уж прибавьте шаг, миледи. Надо бы поскорее из леса выбраться, пока не стемнело. Ума не приложу, как мы так задержались? Вроде, только недавно утро было, — бормотала Лори, бросая назад встревоженные взгляды.

Я невольно заразилась ее паникой и бежала так быстро, насколько могла в своих щегольских сапожках, и только оказавшись за пределами леса и увидев вдали стены форта, вздохнула с

облегчением и пошла чуть медленнее.

За пределами леса мир виделось совсем другим. Темнота еще не успела полностью затянуть небо, на западе красным яблоком алело солнце, по земле тянулись длинные тени, на востоке серебрился тонкий серп луны.

— А это еще что? — удивленно воскликнула Лори.

По дороге, ведущей в поселение, двигалась вереница повозок. В них сидели женщины и дети, а мужчины брели рядом, погоняя лениво передвигающих ноги лошадей.

— Похоже, новые поселенцы, — пробормотала хозяйка и снова прибавила шаг. — Эй! — окликнула она идущего последним тщедушного плюгавенького мужичонку. — Откуда идете?

— Из Пливена, — остановившись, ответил тот.

— А чего вам там не жилось?

— Так говорят, у вас тут землю дают тем, кто пять лет на ферме отработает, — поселенец говорил утвердительно, но я расслышала за его словами вопрос. Дескать, правда ли это?

— Оно-то, может, и так, да только желающих немало, — хмыкнула Лори. — А свободной земли не шибко много. Считай, вся уже поделена.

— Слышь, Джонни, хватит языком трепать! —

свесилась с телеги дородная светловолосая женщина. Она была в плотном коричневом корсете, поддерживающем прикрытую серой рубахой необъятную грудь, и в широкой красной юбке. — Пока ты тут прохлаждаешься, остальные на постоялом дворе все места займут.

Она окинула нас с Лори неприязненным взглядом и перехватила вожжи. — Шевелись, дьявольское отродье! — прикрикнула женщина на тощего мула, и тот чуть прибавил шаг. Мужичок, не попрощавшись с нами, поправил запыленную шляпу и припустил следом за переваливающейся на кочках повозкой.

— Никакой земли они не получат, — тихо сказала Лори, глядя на въезжающую в ворота форта вереницу. — Много их таких было, с надеждами и мечтами о собственных фермах, а как работали на Игторпов, Стаксов и Рочеров, так и работают, а кто уже и на тот свет отправился. А хозяевам хоть бы что, год от года богатеют и пустые обещания раздают.

Лори вздохнула и утерла вспотевший лоб.

— Вот и мой Натаниэль не дождался. Пять лет на Филиппа Стакса отработал, а потом в старатели подался.

Зеленые глаза потемнели.

— Все разбогатеть хотел. «Вот увидишь, Лоринда, — говорил он мне. — Пройдет немного времени, и мы с тобой серебряными ложками есть будем. Знаешь, какое место я нашел? Если в компании подтвердят, что там есть золото, то мы с тобой первыми богачами Уэстена станем».

Она замолчала и грустно усмехнулась.

— Стали, как же. Пока Нат в воде целыми днями возился, лихорадку успел подхватить. Так и помер, не дождавшись от компании ответа, а участок его Стакс к рукам прибрал.

— Мне жаль, Лори.

Я крепко сжала руку хозяйки.

— Да ничего, — хмыкнула та. — У меня после смерти Ната дела в гору пошли. Я на постой пару семей пустила, потом второй этаж надстроила, чтобы сдавать вновь прибывающим, а сейчас уже могу выбирать, кого пускать, а кого и развернуть.

Она улыбнулась, отчего веснушки на курносом носу стали заметнее, и добавила:

— А сейчас вот, как лорд Кейн приехал, так я и вовсе никого не беру. Милорд попросил, чтобы посторонних в доме не было, и оплатил все комнаты на полгода вперед.

Слова Лори заставили меня задуматься. Значит,

пират собирается пробыть здесь полгода. Неужели и правда решил искать золото?

Я только головой качнула. Кто поймет этого несносного Кейна? И все-таки полгода… Большой срок.

Тем временем мы миновали ворота форта и пошли по Арнен-роу к центру. В городе, несмотря на вечер, было многолюдно. Я с интересом оглядывалась по сторонам, угадывая очертания знакомого мне Уэстена. Вот стоит длинный дощатый сарай с гордой вывеской «Эрдерон». Пройдет двести лет, и тут будет стоять тот же самый «Эрдерон», только каменный, а в нем — весьма недешевая гостиница. А напротив, на месте унылого высокого дома, появится железнодорожный вокзал. И дощатые настилы исчезнут, уступив место мощеным мостовым. А вот тут, в центре небольшой площади, вместо колодок для провинившихся будет выситься памятник императору Августину, при котором и было положено начало колонизации Эшера.

Я так задумалась, накладывая карту привычного мне Уэстена на нынешнее небольшое поселение, что даже не заметила, как мы подошли к дому Лори. И только увидев знакомое лицо, очнулась и во все глаза уставилась на застывшего под

навесом мужа. Господи Боже… В темной одежде, в шляпе с широкими, чуть загнутыми кверху полями, в укороченных штанах, открывающих крепкие, обтянутые простыми чулками ноги, супруг выглядел так непривычно, словно передо мной был совсем другой человек. И только взгляд — опасный взгляд флибустьера, выдавал в нем прежнего Кейна.

Я жадно разглядывала мужа, не в силах произнести ни слова, ни звука. Какой же он все-таки красавец! Даже в пыльном старомодном костюме. Эта мысль мелькнула помимо воли, а потом сердце сжалось от волнения, и я с трудом сдержала прерывистый вздох. Почему-то в памяти всплыла наша последняя ночь, хриплый голос, зовущий меня по имени, крупные ладони, сжимающие грудь, губы, с нежностью касающиеся запястья, щек, шеи, ключиц…

Кейн сделал шаг, выходя из тени надстройки, и я увидела, каким огнем полыхнули его глаза. В них было так много эмоций! Удивление, неверие, сомнение, мне даже показалось, что я заметила затаенную радость, а потом… Потом им на смену пришла злость. Я так явственно ощутила ее, что мне стало не по себе. Но вместо того, чтобы отступить, я только выше вскинула голову и

застыла на месте, глядя в беснующуюся серую дымку. Она становилась все темнее, все опаснее, все холоднее. Казалось, еще немного, и пират окажется рядом и просто свернет мне шею. Я так явственно прочитала это желание в его взгляде, что по спине пополз холодок. Правда, Кейн тут же взял себя в руки.

— Миледи, — он широко улыбнулся, снял шляпу и склонил голову в поклоне. А я невольно отметила, что его волосы отросли и спадают на ворот рубахи красивыми волнами.

— Милорд, — улыбнулась в ответ, настороженно глядя на приближающегося мужа, но стараясь, чтобы это напряжение не просочилось наружу. Никто не должен знать о нашей с Кейном войне, она касается только нас двоих и никого больше.

Видимо, пират считал так же. Он в два шага преодолел разделяющее нас расстояние и наклонился ко мне, целуя в щеку и обнимая так искренне, что даже я бы поверила, что он рад меня видеть, если бы не стальные пальцы, сжавшие мою руку почти до боли.

— Что вы здесь делаете, черт вас дери? — тихо спросил Кейн.

— Соскучилась и решила лично убедиться, что с вами все в порядке, дорогой — в тон ему ответи-

ла я, сияя самой радостной улыбкой, на которую была способна.

Вокруг уже начинали собираться зеваки. Я заметила Мелинду Коуэнн с ее подругой Салли Оукс, рядом с ними мелькнуло лицо посыльного Болтонов, а из дверей соседнего дома вышел тот самый господин, что так откровенно пялился прошлым утром на прелести Лори.

— Я же писал, что у меня все хорошо, дорогая, — продолжая играть роль счастливого супруга, сказал Кейн.

— Ах, дорогой, но разве не долг жены повсюду следовать за своим мужем? — нежно протянула в ответ, глядя на пирата со всей возможной искренностью.

Лори, наблюдавшая за этим спектаклем наравне со всеми, задумчиво переводила взгляд с меня на Кейна и молчала.

— Как же я рад, дорогая, что мне досталась такая любящая и самоотверженная жена, — целуя мою руку, прочувствованно произнес пират.

Он бросил взгляд на Лори, и та словно очнулась.

— Ох, что же мы на пороге стоим, — спохватилась она. — С возвращением, милорд! Проходите в дом, я сейчас ужин разогрею! — хозяйка откры-

ла дверь и повернулась к нам. — Как хорошо, что мы с миледи вовремя вернулись, и вам не пришлось долго ждать, милорд.

— Рад видеть тебя в добром здравии, Лори, — сказал мой муж, и его голос прозвучал удивительно искренне. Как будто Кейн был действительно счастлив видеть нашу хозяйку. И улыбка пирата стала другой — в ней больше не было фальши.

Мне неожиданно стало грустно. Ничего не изменилось. Наша с Кейном семья — всего лишь фикция. Притворство. Последствие неудачного заклинания. И пират не просто так уехал из Уэстена. Видимо, осознал, что случилось, и не захотел смиряться с обстоятельствами, вынуждающими его жить с нелюбимой женой.

От этой мысли на душе стало холодно и пусто. И по телу пробежал ледяной озноб, мне даже захотелось плотнее закутаться в шаль и погреться у огня.

— Я скучал по твоей стряпне, Лори, — по-доброму усмехнулся пират и повернулся ко мне: — Миледи, — моя рука так и осталась в крепком захвате. А в голосе Кейна больше не было прежнего добродушия, только убийственная вежливость и притворная нежность.

Так мы и вошли в дом: внешне — примерные су-

пруги, а по сути — чужие люди, связанные волею судьбы и обрывками неизвестного заклинания.

— Лори, мы спустимся через полчаса, — не отпуская моей ладони, сказал Кейн и пошел к лестнице.

— Хорошо, милорд, я как раз успею накрыть на стол, — отозвалась хозяйка и тут же загремела посудой, засуетилась, передвигая разнокалиберные котлы и подкладывая тлеющие угли в потухший очаг.

Стоило нам подняться в комнату, как муж закрыл дверь, повернулся ко мне и негромко приказал: — Рассказывайте.

Он снял дублет, скинул рубашку и прошел к сундуку.

— Что именно? — спросила, наблюдая за тем, как Кейн достает из него свежую сорочку.

— Как вы здесь оказались, — посмотрел на меня пират и предупредил: — Только не пытайтесь меня обмануть.

Да… Хорошего же он обо мне мнения!

— Даже не думала, — хмыкнула в ответ и ответила, глядя прямо мужу в глаза: — Можете не верить, но я не знаю, как оказалась в старом Уэстене.

Кейн продолжал буравить меня взглядом. А я

смотрела на него и видела то, что не заметила при первой встрече: усталые складки в углах рта, темные круги, свидетельствующие о недосыпе, отросшую щетину. Где бы ни находился мой муж, он явно очень давно не отдыхал.

— Давайте мы отложим все эти разговоры на потом? — неожиданно наша война показалась мне глупой и ненужной. В сердце шевельнулась жалость и что-то еще, чему я пока не хотела давать определения. — Я сейчас принесу воды и помогу вам смыть дорожную пыль, потом мы поедим, и тогда уже можно будет и поговорить. Согласны?

В серых глазах на секунду мелькнуло какое-то непонятное чувство, и Кейн молча кивнул.

— Вот и хорошо, — улыбнулась как можно беззаботнее и пошла к выходу.

Когда вернулась, муж стоял у открытого окна, глядя на улицу, и я невольно залюбовалась его высокой статной фигурой. И снова вспомнилась наша ночь, нежность и страсть объятий, удивительное чувство правильности происходящего и желание быть как можно ближе…

— Идите сюда, — отмахнувшись от глупых мыслей, позвала Кейна.

Тот недоверчиво усмехнулся, но подошел и

склонился над тазом, а я подняла кувшин и принялась поливать водой его шею и спину, проводя рукой по смуглой гладкой коже, касаясь волос, разглаживая бугрящиеся под моими пальцами мышцы.

А в памяти снова всплыли обрывки воспоминаний, и в ту же секунду Кейн распрямился, забрал у меня кувшин и поставил его на стол. А потом шагнул ко мне и взял мое лицо в свои ладони, пристально вглядываясь в глаза. И чем дольше он смотрел, тем чаще становилось мое дыхание, а сердце билось так быстро и громко, что его стук, казалось, разносился по всей комнате. Кейн все ближе, я чувствую тонкий, присущий ему одному аромат, невольно подаюсь вперед…

— Так как, говорите, вы сюда попали? — негромкий вопрос скользнул по моим губам несбывшимся поцелуем и растворился в прохладном воздухе спальни.

Что тут скажешь? Пират всегда остается пиратом…

— Села в ребс к извозчику-оборотню, и тот привез меня сюда, — отстранившись и подавая Кейну полотенце, ответила я.

— Так просто?

Голос мужа звучал недоверчиво.

— Да, так просто.

— Подробности, — приказал пират.

Меня немного покоробил подобный тон, но я решила не заострять внимание на мелочах. Понятно, что Кейн не ожидал меня увидеть, и теперь пытается решить, что со мной делать. Бедный… Представляю, как супруг удивился, увидев жену, от которой, как он считал, удачно избавился, прямо на пороге своего нового жилища. Да ради одного этого стоило тут оказаться!

Я иронизировала, но где-то глубоко-глубоко внутри испытывала неясное сожаление. Возможно, сама не отдавая себе отчета, я до последнего надеялась, что Кейн отнесется к моему появлению по-другому. Обрадуется. Крепко обнимет. Скажет, что соскучился. Но нет. Пират остался верен себе.

Что ж, придется принять его правила.

Я отложила полотенце, села и принялась рассказывать, как очутилась в форте.

Кейн слушал молча. Он застегивал рубашку, глядя на меня своими непроницаемыми глазами, и лицо его было задумчивым.

— Значит, Ваед, — повторил он, когда я упомянула про оборотня. — Так и знал, что этот хвостатый не случайно в городе появился.

Муж ненадолго замолчал, а потом спросил:

— Что у вас было при себе? Какие-то вещи, деньги, ценности?

— Да ничего особенного, — пожала я плечами. — Ридикюль, несколько олдеров, носовой платок. Ну и разные дамские мелочи. Ах да, еще семейная библия. Я собиралась оставить ее в старом доме, — пояснила, заметив удивленный взгляд мужа.

— Она у вас с собой?

— Да.

Я покосилась на книгу, лежащую на столе, и Кейн подошел и открыл ее — осторожно, двумя пальцами, словно опасался чего-то. Понять бы еще чего.

— А о чем вы думали?

Муж внимательно разглядывал титульный лист с длинным списком моих предков, а я смотрела на него и молчала.

— Кэролайн? — нетерпеливо повторил Кейн.

— О вас, — честно ответила я.

Пират оторвался от библии и посмотрел мне в глаза. Недоверчиво, удивленно, с долей сомнения.

— Интересно, — пробормотал он. — Значит, Ваед перевез вас через пространство и время.

И это не первая ваша поездка, — это не было вопросом.

А я неожиданно вспомнила то странное видение, того невидимого любовника, чьи губы и руки так явственно ощущала в темной тишине ребса, и пристально посмотрела на мужа.

— Вы ведь тоже там были.

— Где? — поднял бровь пират, но я успела заметить секундную заминку перед ответом, и поняла, что Кейн не хочет признаваться. — Впрочем, неважно, — жест, которым он сопроводил свои слова, выдавал усталость. — Если вы не против, я бы предпочел всем разговорам хорошее жаркое и добрую кружку бренди.

И я поняла, что ответа на свой вопрос так и не услышу. Что ж, пират плохо меня знает. Я все равно рано или поздно выясню то, что хочу, нравится ему это или нет. Пусть Кейн поест и отдохнет. Когда мужчина сыт, вытянуть из него нужные сведения не так уж и сложно.

— Прошу, миледи, — супруг открыл дверь, пропуская меня вперед, и вышел следом.

Глава 11

Внизу у Лори уже был накрыт стол, а сама хозяйка мешала что-то в большом котле, висящем над очагом.

— Милорд, миледи, — оглянулась она на нас и сверкнула белозубой улыбкой. От недавней бледности не осталось и следа, Лори снова была полна сил и полыхала жарким румянцем. — Присаживайтесь, у меня почти все готово.

Кейн отодвинул стул, помогая мне сесть, а потом обошел стол и устроился напротив.

— Лори, — окликнул он хозяйку. — Хватит суетиться, присядь с нами.

Я с удивлением посмотрела на мужа. И это надменный Кейн, который никогда не считал уэстенцев достойными своего внимания? Неужели он действительно будет сидеть за одним столом с простолюдинкой? Вот уж не ожидала от него такой демократичности. Хотя, если подумать, чему я удивляюсь? Слуги, работники банка, управляющий — они ведь боготворили своего хозяина, а тот всегда обращался с ними тепло и уважительно.

«Да, Кэри, похоже, только для тебя у пирата не находится добрых слов», — с грустью призналась себе.

— Лори! — поторопил Кейн.

— Сейчас, милорд, — совершенно спокойно восприняла приглашение Лоринда. Видимо, подобные трапезы были для нее не редкостью. — Только жаркое передвину.

Она сняла котел, переставила его на подставку, переложила мясо с овощами в глубокую миску и подошла к столу.

— Вот, милорд, кушайте на здоровье, — наполнив тарелку пирата, улыбнулась хозяйка. — И вы, миледи, — прямо передо мной оказалось доверху наполненное жирным соусом блюдо.

— Благодарю, Лори, — кивнул Кейн и взялся за ложку.

И в этот момент я заметила, что его рука дрожит. Мелко, едва заметно. Странно. И что бы это значило?

— Ешьте, Кэролайн, не ждите, пока остынет, — обратился ко мне муж, вынуждая отвлечься. Неужели понял, что я заметила его слабость?

Я зачерпнула жаркое. Аппетита не было, но я заставила себя проглотить жирную подливу, незаметно наблюдая за пиратом. Тот ел неторопливо.

ливо и изящно, так, будто сидел не за грубым бревенчатым столом в простом постоялом дворе, а присутствовал на приеме у императора. Каждое движение, каждый жест были выверенными и точными, ни одного лишнего. И в то же время они были такими естественными, словно для Кейна не было никакой разницы, где он находится — у себя дома или в стародавнем форте времен императора Августина. Я даже решила, что дрожь его пальцев мне просто привиделась. Не было ничего. Всего лишь обман зрения.

Я неторопливо ела жаркое, поглядывала на Кейна, а сама думала о том, что делать дальше. С возвращением мужа все усложнилось. Теперь я уже не смогу просто так взять и отправиться в горы. И как быть? Роунс сказал, что его печати-обманки хватит на пару месяцев. Значит, за это время я должна успеть добраться до неведомых алайетов и пройти инициацию. Но как это сделать, и что я скажу супругу? Как объясню свое желание отправиться неведомо куда?

Получается, придется признаться, зачем мне это нужно? И как отнесется к этому Кейн? Вряд ли обрадуется. А учитывая, какие у нас отношения, может, и вовсе попытается отнять мою силу. Он ведь тоже маг, хоть и не высший. Способен ли он

на это? Не знаю. Не уверена. Но и рисковать не могу, особенно если вспомнить, что я так и не выяснила, почему он на мне женился. В том письме Кейн писал, что получил кое-что от нашего брака. Но что именно?

Сплошные вопросы.

Я снова посмотрела на мужа и наткнулась на пристальный взгляд — серьезный, вдумчивый, напряженный. Казалось, пират тоже взвешивает какие-то свои за и против, и выводы, которые он делает, не приносят ему особой радости.

Что же его мучает? Почему он выглядит таким уставшим? И почему в его глазах мне чудится боль?

— Как прошла ваша поездка, дорогой? — пытаясь избавиться от проникшей в сердце жалости, улыбнулась супругу. — Говорят, в устье реки можно найти золото, это действительно так?

— Пока мои усилия не увенчались успехом, дорогая, — в тон мне ответил Кейн и одним глотком допил бренди. Жестяная кружка встала на стол с тихим стуком, лишний раз подтверждая истину, что маги не пьянеют.

— Но я не теряю надежды, — с непонятной усмешкой добавил муж.

Он отодвинул тарелку, и я только сейчас заме-

тила, что жаркое осталось почти нетронутым.

— Неужели снова пойдете? — спросила Лори.

Она отложила ложку и подперла кулаком щеку, с интересом глядя на Кейна. Я знала этот взгляд. Так на пирата обычно смотрели дамы Уэстена.

— Да, я собираюсь отправиться к отрогам Ареи, — ответил супруг. — Говорят, там, у истоков Интари, не раз находили самородки величиной с бычью голову.

Кейн воодушевился, глаза его загорелись, а я слушала, и в голове рождался план. Горы Ареи — место обитания алайетов. И если муж идет именно туда, то мне с ним по пути. Осталось только придумать, как заставить супруга взять меня с собой. А что, если…

«Так, Кэри, включи все свое женское обаяние и постарайся убедить мужа, что без него ты просто не выживешь! Как и он без тебя».

Что ж, сказано — сделано.

— А как же я? — посмотрела на Кейна с мягким укором. — Неужели вы снова меня оставите? Я этого не переживу, дорогой! Проделать такой долгий путь с надеждой быть рядом с вами… Нет, я больше никогда не отпущу вас одного!

Я протянула руку через стол и накрыла ею пальцы мужа.

— Я пойду с вами, — заявила, глядя ему в глаза, и улыбнулась, стараясь изобразить несуществующую любовь.

Кейн молчал. Он смотрел на меня — пристально, с едва заметным недоверием, — и в серой глубине его взгляда шла борьба. Я чувствовала ее, ощущала едва ли не кожей, и молилась про себя, чтобы муж согласился.

— Путь до Ареи опасен, — сказал наконец он. — Я не могу подвергнуть вас такому риску, миледи.

Кейн сжал мои пальцы, но не сильно, а с некоторой долей нежности. Скорее всего, это было сделано специально для Лори. Ну да, вон какая мечтательная улыбка у нее на лице появилась.

— А я не могу отпустить вас одного, милорд, — мягко, но непреклонно ответила я. Как хорошо, что у нас есть заинтересованный зритель! — Больше никогда и ни за что.

— Кэролайн, вы не понимаете, о чем просите, — в голосе мужа прозвучало предупреждение.

А в глазах… В глазах мне почудился отблеск тех эмоций, что кружили между нами в последнюю ночь. Секунда, другая, третья… Воздух раскалился, стал вязким, тягучим, густым. И я чувствовала, что еще немного — и произойдет что-то важное. Возможно, прозвучат какие-то слова, которые

положат конец необъявленной войне, или даже действия… Но нет. Муж отвернулся, и наваждение схлынуло, оставив после себя пустоту.

— Я прошу лишь одного — быть рядом с вами, — слова дались мне тяжело. Они падали в открывшуюся между нами бездну, и я ничего не могла с этим поделать. Кейн не ведал слабости, обычные женские уловки на него совсем не действовали.

Я вздохнула и незаметно покосилась на Лори. Пожалуй, хозяйка оставалась моим единственным шансом добиться желаемого. Насколько я успела понять, Кейн, как и я, не собирался выносить нашу семейную вражду за пределы личных покоев. И сейчас это могло сыграть мне на руку.

— Не отказывайте мне в таком естественном желании, милорд, — подбавив в голос легкой грусти, посмотрела на мужа. — Я не переживу нашей новой разлуки.

— Я подумаю, дорогая, — уклончиво ответил пират и добавил: — Попробуйте пирог с яблоками, он удивительно вкусный.

— Но вы…

— Пирог, Кэролайн, — мягко перебил меня Кейн, и я поняла, что больше говорить о грядущем путешествии мы не будем.

Пока не будем.

***

— Что за представление вы устроили?

Стоило нам оказаться наверху, как муж повернулся ко мне и, не давая пройти, уставился в глаза взглядом, который проникал, казалось, в самую душу. Проникал и пытал ее, жег, выворачивал наизнанку своим настырным недоверием.

— Никакого представления, — спокойно ответила я, стараясь не обращать внимания на собственные эмоции.

Ах, если бы я могла воспользоваться магией, чтобы убедить мужа взять меня с собой! Но нет. Нельзя. Да и не чувствую я ее. С той минуты, как отшельник поставил обманку, я не ощущаю даже тех малых крох, что были раньше.

— Что за блажь пришла в вашу голову? Зачем вам идти со мной к устью реки?

Пират выглядел напряженным. Он словно ждал от меня какой-то подлости или предательства, и это оказалось неожиданно больно.

— Кэролайн? — поторопил Кейн, и я решилась.

За годы ежедневной борьбы за существование я твердо уяснила одну вещь. Моя магия не терпит лжи. Если человек мне не нравится, если я не

могу найти в нем хоть что-то, что вызывало бы симпатию, то никакое воздействие не поможет добиться желаемого. Поэтому я привыкла искать в людях хотя бы крохи хорошего, или же говорить не всю, а часть правды. И пусть моя магия сейчас бесполезна, но я собиралась сказать то, что чувствую. Ту самую часть правды.

— Потому что я больше не хочу оставаться одна, Джеймс.

Я сделала шаг вперед и коснулась груди мужа. Боже, помоги мне…

— Вы можете мне не верить, но я не для того выходила замуж, чтобы снова остаться одной. Я — ваша жена, Джеймс, перед Богом и перед людьми, — мой голос мягок, очень мягок. — И вы не посмеете бросить меня в этом форте, в этом доме, среди чужих и неизвестных мне людей, и снова исчезнуть.

— Вы что, пытаетесь сказать, что скучали по мне?

В голосе пирата послышалась ирония, и я с трудом подавила желание произнести в ответ какую-нибудь колкость.

«Держи себя в руках, Кэри. Ты должна убедить мужа взять тебя в горы, и ради этого просто обязана наступить своей гордости на горло и

забыть о том, что он тебя бросил. Иначе ничего не выйдет».

— Вас это удивляет?

Мой ответ звучит тихо и взволнованно.

— После нашей последней ночи… Джеймс, я думала… Я надеялась, что все изменилось, и вы…

Я прерывисто вздохнула и замолчала, глядя в холодные серые глаза и пытаясь растопить застывший в них лед, заставить поверить.

— Да, я скучала по вам, — приподнявшись на цыпочки, прошептала прямо в плотно сомкнутые губы. — Каждый день, каждую ночь…

Сердце бьется все быстрее, дыхание сбивается. Боже, еще немного, и я сумею убедить даже саму себя. Да я уже убедила.

— И вы хотите, чтобы я вам поверил?

Кейн спрашивает легко, немного насмешливо, но где-то в самой глубине темно-серых глаз мне чудится отблеск надежды. Кажется, пират и рад бы мне поверить, но что-то его останавливает.

— А почему нет?

Мои пальцы касаются щеки мужа. Я с трудом удерживаюсь от желания погладить колючую щетину, коснуться губ, лаской убрать разделяющий нас холод. Еще секунда — и я это сделаю.

— Кэри, Кэри, вы ведь не из тех, кто так легко

простит обиду, — усмехнулся пират, разом обрывая мои глупые мечты. — А я вас обидел, и не раз. Хотите, чтобы я поверил тому, что вы не держите на меня зла?

Голос мужа звучал вкрадчиво, а я снова увидела себя стоящей на площади, посреди шокированной толпы горожан, и ощутила отголосок былого стыда и боли.

— Ну же, Кэри, — не отступал Кейн. — Хоть раз скажите правду. Вам ведь хочется это сделать, не так ли? Я же вижу, каким гневом пылают ваши глаза.

Пират улыбается. Улыбается так, что мне хочется стереть эту ироничную ухмылку, не видеть ее, не вспоминать.

— Тогда, может быть, мы начнем с вас, милорд? — встретилась с насмешливым взглядом. — Объясните, зачем? Зачем вы устроили ту травлю, чем я заслужила вашу ненависть и презрение? И почему вы на мне женились?

Я смотрела, не отрываясь, пытаясь прочитать ответ в серых непроницаемых глазах. Прошла минута, вторая, третья.

— А почему бы и нет? — отойдя к столу, хмыкнул Кейн. — Хотите знать ответы? Извольте.

Он достал из кармана хорошо знакомые мне

часы.

— Все случилось из-за них, миледи, — сказал муж, поглаживая выпуклую крышку.

— Папенькины «Клерво»? — я растерянно смотрела на золотой корпус. — Но они-то тут при чем?

— Что вы знаете о мастере Гунаре? — вопросом на вопрос ответил Кейн.

— Только то, что он был магом.

— Он был не просто магом, Кэри. Он был магом времени. Редкий и почти полностью утраченный в современном мире дар. Творений Гунара не так уж много. В настоящий момент известно о десяти карманных и шестнадцати настенных экземплярах, и все это — обычные, ничем не примечательные часы. А вот «Клерво» вашего отца… Они совсем иные. В них есть то, что называется магией времени и обстоятельств. С ее помощью можно пересекать пространство и оказываться в том отрезке, который был задан при помощи магических кругов.

Кейн положил часы на скатерть и несколькими прикосновениями заставил круги на позолоченной крышке вращаться в разные стороны. Я приблизилась, наблюдая за их неторопливым бегом.

— Знали бы вы, как долго я их искал, — задумчиво сказал муж. — Сколько стран и городов посетил, пытаясь отыскать нужный мне след. А они все это время были рядом, в Уэстене, в старой шкатулке, доставшейся вам от отца.

Он откинул крышку и провел пальцем по циферблату. Ласково, я бы даже сказала, любовно. И «Клерво» отозвались тонким мелодичным звоном, заставив меня удивленно замереть. Я не знала, что в карманных часах предусмотрен бой. Никогда его не слышала.

— Помните нашу встречу на улице ростовщиков? — спросил Кейн.

Еще бы я ее не помнила! Это был последний раз, когда мы с пиратом общались, как нормальные люди.

— Вы тогда уронили «Клерво», а я их поднял, — в глазах мужа мелькнула грусть. И мне показалось, что он подумал о том же, о чем и я. — Так вот, в тот самый момент, когда прикоснулся к ним, я понял, что они наделены нужной мне силой, и решил во что бы то ни стало ими завладеть. А тут и случай подходящий представился. Вы нуждались в деньгах, я готов был их вам предложить…

— Подождите, — перебила я Кейна. — Вы говорите, что хотели завладеть часами. Тогда к

чему были все эти преследования и некрасивые предложения?

— Некрасивые? — хмыкнул пират и посмотрел на меня каким-то странным взглядом. Боже, скоро я начну коллекционировать разные, по степени странности взгляды пирата! — Давайте будем честны, миледи, это называется по-другому. Оскорбительные, возмутительные, грязные — вот более точные определения.

Он захлопнул крышку, и мелодия оборвалась, захлебнувшись на тонкой высокой ноте.

— Хорошо, но зачем? Если вам нужны были часы, вы могли бы просто предложить мне за них хорошую цену, и я бы с радостью их отдала. Сами же знаете, как я нуждалась в деньгах.

— Поначалу я так и собирался сделать, — ответил муж. — Но меня привлекла загадка вашей магии, и я решил совместить приятное с полезным.

— И что вы называете приятным?

— Что вы знаете о магии Избранных? — неожиданно спросил Кейн и буквально впился в меня взглядом.

— Практически ничего.

И это было правдой. Я знала, что она есть, и что я ею обладаю, вот и все.

— Я так и думал, — кивнул муж. — Поначалу, когда впервые столкнулся с вашей магией, я не мог понять, каким уровнем силы вы обладаете. Иногда мне казалось, что почти нулевым, но иногда, когда вы смотрите как-то по-особенному или касаетесь кого-либо, ваша магия становится осязаемой, яркой, живой. И она способна свести человека с ума, заставить его сделать все, что вам захочется, подчинить и лишить воли. Думаете, почему магия внушения или, иначе, магия Избранных, относится к запрещенным? Именно поэтому. Она — зло.

Лицо Кейна заледенело. В глазах застыла непримиримая ненависть.

— Зло, которое должно быть остановлено и уничтожено, — тихо, словно про себя, добавил он.

— И вы поэтому поступали со мной столь… ужасно? Хотели меня уничтожить?

Я чувствовала себя так, будто мне всю душу наизнанку вывернули и выжгли каленым железом. Больно. Очень больно.

— А может быть, вы и сейчас этого хотите?

Слова не шли с языка, и я буквально выталкивала их непослушными губами.

— Нет, — глухо ответил Кейн. — Как бы я ни относился к Избранным, вас я уничтожить не могу.

— Тогда зачем?

Я не договорила. Хотела, но не сумела. Мне страшно было услышать ответ. Если муж скажет, что ненавидит меня, эти слова навсегда останутся между нами, и что бы ни произошло дальше, этого будет не изменить.

— Знаете, в чем основная сложность при общении с Избранными? — Кейн отошел к окну и отодвинул ставень, впустив в комнату прохладный ночной воздух. — Ты никогда не можешь быть уверен, свои ли собственные чувства испытываешь, или наведенные внушением. Они превращают человека в послушную марионетку, а тот даже не догадывается об этом и считает, что сам управляет своей жизнью.

Мне стало не по себе. Я никогда особо не задумывалась о своей магии, а ведь Кейн прав. Это действительно страшно. Вспомнились собственные попытки найти жениха, общение с домовладельцем и кредиторами… Да, у меня были всего лишь крохи настоящего дара, и большого вреда своим воздействием я причинить не могла. Но что, если бы моя сила была полноценной? Разве не попыталась бы я обратить ее себе во благо, отговариваясь необходимостью? И где предел этой самой необходимости?

— Мне нужно было знать, на что вы способны. Я должен был выяснить истинные размеры вашего дара. А для этого необходимы эмоции — неважно, отрицательные или положительные.

— И вы предложили мне деньги. Там, на балу.

Что ж, теперь мне были понятны действия пирата. Правда, легче от этого не стало.

— Да, — ответил Кейн. — Но своей цели этим не достиг. Вы слишком хорошо умеете держать себя в руках, Кэролайн.

Муж так и не повернулся ко мне. Он стоял у крошечного окошка и смотрел прямо перед собой, в темноту ночи, в которой клубился неизвестно откуда взявшийся туман.

— То есть, вы хотите сказать, что все, что было, — это всего лишь попытка добиться от меня эмоций?! А предложение? Оно тоже?..

— Не совсем, — неохотно ответил Кейн и незаметно провел рукой по лбу. Мне показалось, что он отер пот. — Когда часы все-таки оказались у меня, я долго не мог понять, как они работают, пока не выяснил одну подробность, которой не знал раньше. Оказалось, что ими может управлять только тот, кто принадлежит к определенной семье.

— К моей семье?

— Если уж быть точным, то к семье вашей матери. Полагаю, раньше часами владел кто-то из старшего поколения Джобсов. Странно, что я не наткнулся на них раньше.

— Да, так и было. Дедушка Джон подарил их моему отцу на свадьбу, а ему их подарила моя бабушка. Но я все равно не понимаю…

— А что тут понимать? — немного грубовато спросил Кейн. — Для того чтобы магия часов сработала, мне нужно было стать членом вашей семьи. Но это оказалось не так-то просто. Вы изо всех сил пытались найти жениха и рьяно носились то за неврастеником-секретарем, то за тугодумом-полковником, а у меня не было ни времени, ни желания на долгие ухаживания и положенные полгода помолвки. Оставался единственный выход. Скомпрометировать вас, чтобы просто не осталось шанса отказаться, и устроить свадьбу настолько быстро, насколько возможно.

— И вам не пришло в голову, что можно просто откровенно поговорить? — я даже вперед подалась. — Почему вы молчали? Что же это за цель такая, что ради нее можно так легко уничтожить человека? Неужели все это только потому, что у меня есть малые крохи магии Избранных?

Кейн молчал. Спина его выглядела напряжен-

ной, руки сжались в кулаки.

— Знаете, Кэролайн, а ведь я был уверен, что вы меня поймете, — после долгой паузы произнес он. — Именно вы.

— Позвольте спросить, что навело вас на подобные мысли?

Я не смогла скрыть горькую иронию.

— Вы ведь тоже готовы на все, если на кону стоит жизнь. Даже на применение запрещенной магии.

Кейн повернулся, а я смотрела на него и пыталась понять, что именно он пытается мне сказать.

— Вам угрожает опасность?

— Не совсем так, — уклончиво ответил супруг, и я поняла, что подробностей от него не дождаться.

— Хорошо, допустим, я готова признать, что у вас было право действовать такими… неприятными методами. Допустим. Но что стоит на кону? И зачем вам часы, способные перенести в прошлое? Что вы на самом деле ищете?

— Вы же слышали — золото, — усмехнулся Кейн.

— Ох, милорд, оставьте эти глупости для местных, — одарила мужа ответной усмешкой. — Ни-

когда не поверю, что самому богатому человеку Уэстена не хватает денег. Скажите честно, что привело вас в старый форт?

Кейн молчал, пристально глядя мне в глаза. Казалось, он решает для себя какой-то вопрос.

— Мне нужен один артефакт, — наконец ответил муж. — Последние упоминания о нем датируются тысяча шестьсот пятидесятым годом. После артефакт бесследно исчез, и никто не знает, где он.

— И вы решили вернуться в прошлое, чтобы отыскать его следы?

— Да.

— Видимо, этот артефакт для вас очень важен?

— Именно… так.

Заминка перед последним словом была почти незаметной, но, тем не менее, она была, и это наводило на размышления.

— Каждый мужчина моего рода дает клятву, что приложит все усилия, чтобы его найти.

В словах Кейна мне послышался какой-то двойной смысл. Я чувствовала, что пират говорил правду, и в то же время это была не вся правда, скорее, лишь малая ее часть. Как ботва у брюквы. Мне как-то однажды довелось видеть, как она растет, когда мы с матушкой навещали бедные

семьи в пригороде. Так вот, слова Кейна напомнили мне чахлую зеленую поросль, узкими рядами тянущуюся по огородам, в то время как под ней прятались крупные плоды, и я мысленно усмехнулась. Все-таки странная вышла из нас семья. У каждого свои тайны, и каждый пытается скрыть от другого свои истинные мысли и чувства.

Магия Избранных… Понять бы, что она такое на самом деле — зло или благо? Но как я это узнаю, если не попаду к алайетам?

При мысли, что через пару месяцев заплатка-обманка, поставленная отшельником, пропадет, и я останусь без защиты один на один с неуправляемой магией, мне стало страшно. А что, если я причиню кому-то вред? Раньше мне доводилось слышать о неинициированных стихийных магах. Говорили, что они представляют угрозу и для себя, и для окружающих. А если и я стану такой же неуправляемой?

Боже милосердный! Нет, я обязательно должна попасть к тем, кто сможет помочь мне разобраться с моим даром. А для этого мне нужен Кейн.

Я перевела взгляд на мужа.

Может, признаться? Но ведь сам пират не собирается со мной откровенничать. Я же чувствовала, что он не открыл и сотой доли того,

что происходит и к чему он действительно стремится.

И что делать? Как принять правильное решение? И как сделать это, как утихомирить эмоции, как заставить себя не думать сейчас о том, что рассказал муж, и о его ненависти к алайетам?

Время… Как же мне не хватает времени!

«Думай, Кэри! Решай, как поступить. И как можно быстрее».

Хорошо. Я решу. Отсеку эмоции и решу. То, что супруг не был до конца откровенен, развязывает мне руки. Я ведь вовсе не обязана делиться своими настоящими намерениями. Мне необходимо найти алайетов. И я их найду. Осталось только убедить Кейна взять меня с собой.

— Что ж, хорошо, — кивнула мужу, — значит, я отправлюсь вместе с вами на поиски этого загадочного артефакта.

— Исключено, миледи, — покачал головой Кейн.

— Хотите вернуть меня домой?

— При всем желании, в настоящий момент я не смогу этого сделать. Магия часов настроена на определенное время, и пока не пройдет этот отрезок, мы останемся в прошлом.

Вот значит как. Что ж, тем лучше.

— И какое время вы отвели себе для поисков?

— Полгода.

— Сколько?

Да, я знала, что Кейн оплатил комнату на полгода вперед, но услышать это от него оказалось обидно. Даже не ожидала, что меня это так заденет.

— Вы собирались бросить меня на целых полгода и даже не попрощались?!

Я возмущенно уставилась на супруга, а тот едва заметно поморщился и отвел взгляд.

— Подождите, вы что, действительно не собирались возвращаться?

— Кажется, я все написал вам в письме.

— Знаете что? Вы… Вы невыносимы, милорд!

— Да, мне говорили.

— И я…

— Ну хватит, Кэри, — усмехнулся пират. — Раз уж мы с вами в ближайшие полгода обречены коротать время вместе, может быть, проведем его с пользой?

— Хотите сказать, что возьмете меня с собой? — взглянула в блестящую темноту глаз.

— Как же вы настойчивы в своих желаниях! Я подумаю, — уклончиво ответил супруг и протянул руку.

Этот жест выглядел непринужденным, но я видела, как напряженно смотрел на меня Кейн. В его глазах мне опять почудился отблеск того чувства, назвать которое я не решалась даже самой себе. И за ним мне снова виделся тот, прежний Кейн, которого я помнила с детства — спокойный, уравновешенный, обаятельный и добрый.

— Кэри?

Как? Ну вот как Кейн это делает? Он всего лишь произносит мое имя, а я чувствую, как внутри все дрожит и отзывается на звук низкого, чуть хрипловатого голоса жаром.

И что мне делать?

Я из-под ресниц посмотрела на мужа. Казалось, от того, как я себя поведу, будет зависеть очень многое. Едва ли не вся наша последующая жизнь. Кейн словно давал мне выбор — сделать шаг и оказаться в его объятиях и под его защитой, или послушать задетую гордость и отвернуться.

Что ж, я приму свой выбор.

— Я тоже давала клятву, милорд, — вкладывая пальцы в руку супруга, ответила я. — Быть рядом в богатстве и в бедности, да и во всем остальном, что перечислял пастор Роунс. А свои клятвы я привыкла выполнять.

«И неважно, что я при этом чувствую», — доба-

вила про себя.

— Как же мне нравится ваша гибкость, миледи, — резко притянув меня к себе, усмехнулся Кейн. — Вы никогда не сдаетесь.

Он ловко расстегнул застежку моего платья, теплые ладони накрыли грудь, и я вздрогнула от ласкающего касания искусных пальцев.

— Кэри…

Шепот звучит искушающе, а у меня внутри все сжимается, и руки сами взлетают на плечи мужа, стягивают с них дублет, распахивают рубашку и ложатся на смуглую гладкую кожу.

Да, я соскучилась по этому чертову Кейну. Пусть между нами нет доверия, но чего не отнять у пирата, так это его умения всего одним прикосновением разжечь в моем теле пожар. Да и не только в теле. Если бы Кейн дал нам шанс, если бы он испытывал ко мне хоть какие-то чувства, кроме ненависти…

Муж не дал мне додумать эту мысль.

Он поцеловал меня так, что не только эта, но и все другие исчезли, уступив место чистой, незамутненной никакими размышлениями страсти.

— Вот так, Кэри, — в голосе супруга прозвучало едва слышное удовлетворение. — Только мы с тобой, ты и я…

А больше мы не говорили. Единственное, на что я была способна, так это на бессвязные стоны, а Кейн всегда предпочитал словам действия.

И только спустя пару часов, когда все закончилось, я приподнялась на локтях и посмотрела в загадочно мерцающие глаза.

— Когда мы отправимся в горы?

— Мы? Я не сказал, что беру вас с собой.

— Но вы и не сказали нет, — парировала я.

— Кэри, вы хотя бы представляете, что ждет вас за пределами форта? В лесах Ареи нет проторенных дорог, вам придется преодолевать реки и болота и проезжать по нескольку десятков миль в день наравне с мужчинами. Скажите правду, почему вы так рветесь идти со мной? Что заставляет вас упорствовать?

Я не торопилась, раздумывая, как ответить, чтобы и не солгать, и не выдать своих истинных намерений.

— Хотите правду? Что ж, я скажу. Страх, Джеймс. Мною движет страх. Я уже потеряла одного мужа, терять вас… Нет. Не хочу.

— Стоит ли мне считать это признанием в любви?

В голосе Кейна прозвучала едва заметная ирония. И снова, как когда-то, мне показалось, что

эта ирония направлена не на меня, а, скорее, на самого себя.

— Правду, Кэри. Вы обещали мне правду.

— Нет, это не любовь, — покачала головой.

— Жаль, — хмыкнул Кейн. — А я уж было посмел надеяться.

— Но ведь и вы меня не любите, так что, думаю, все честно.

— Действительно. Честный брак.

Мне почудилось или в голосе мужа прозвучала горечь?

— Так вы возьмете меня с собой? — отодвинув эмоции, вернулась к прежней теме.

— Я подумаю, — неохотно сказал Кейн. — Сначала я должен навестить одного человека. На это уйдет несколько дней. Вы пока побудете здесь, с Лори. Ну а когда я вернусь, тогда и решим, как нам быть.

Кейн замолчал и закрыл глаза, словно отгородившись от меня за этим молчанием, и я понимала, что, как бы ни пыталась, ответа от него не добьюсь.

В комнате повисла тишина. С каждой минутой она становилась все тягостнее, давила на меня все сильнее, и я не выдержала.

— Можно спросить, милорд?

— Что, Кэри?

— Вы все еще меня ненавидите?

Муж посмотрел на меня, но отвечать не торопился. У меня внутри все сжалось в тугой узел в ожидании его слов. И страшно стало. Если Кейн скажет да…

— Нет. Ненависти во мне нет, — произнес супруг так, будто сожалел об этом. — Доброй ночи, Кэри.

Он нежно провел пальцами по моей щеке, отвернулся и уснул. Ну, или сделал вид, что спит. Пират, что с него взять?

Я неслышно вздохнула и посмотрела в незакрытое окно — Кейн забыл задвинуть ставень, и оттуда ощутимо тянуло сыростью и холодом. Мысли в голове бродили нерадостные. Как понять, кто прав — муж или отшельник? Кейн считает алайетов исчадиями ада, а Роунс — величайшими магами мира. Так где же истина? Как разобраться? И на сердце неспокойно. Слишком много личного слышится за словами мужа, слишком много боли. Но Кейн вряд ли поделится со мной настоящей причиной своей ненависти. Нет у него ко мне доверия. И любви нет. Одна только страсть, утолив которую, он тут же снова закрывается непроницаемой броней из иронии

и холодности.

Время шло, сон так и не приходил, и я, устав крутиться на жестком тюфяке, поднялась и подошла к столу, на котором догорала свеча и стоял кувшин с водой.

Постаравшись не шуметь, налила немного в стакан и поднесла ко рту, но сделать глоток не успела. Взгляд застыл на темном квадрате, из которого струился похожий на серый дым туман. Он медленно заползал в комнату, принимая какую-то странную форму, постепенно сгущался, тянулся по стене, и мне казалось, что я вижу бестелесную руку, простирающуюся в мою сторону.

С каждой минутой она становилась все больше, все отчетливее, все длиннее. По спине пробежал холодок. Вспомнился рассказ Лори, страх, что преследовал нас в лесу, и я не выдержала. Не хватало еще бояться обычного тумана! Поставив кружку на стол, кинулась к окну и решительно закрыла ставень, отрезая клубящуюся дымку.

Вот так. Никакой руки и никаких неведомых призраков.

— Кэри?

Кейн приподнялся на постели и посмотрел на меня тяжелым, совсем не сонным взглядом. Похоже, пират только делал вид, что спит.

— В чем дело? — спросил он.

— Ни в чем, — пожала плечами. — Вы забыли закрыть окно, и я замерзла.

— Ложитесь спать, Кэри, до рассвета осталось всего несколько часов.

Кейн закинул руки за голову и закрыл глаза. И показался таким усталым, точнее даже изможденным, что я почувствовала, как в сердце, помимо воли, шевельнулась жалость. Я ведь знала, что каким бы сильным ни был мужчина, иногда и он нуждается в поддержке.

«Браво, Кэри! С этого все и начинается. Сначала жалость, потом — желание поддержать, а потом и сама не заметишь, как влюбишься в собственного мужа».

Я иронизировала, но где-то в глубине души понимала, что, возможно, так и будет. И помоги мне тогда Бог, потому что любить Кейна — это верный путь к безумию.

Глава 12

Утро было серым, как застиранное платье нищенки.

Когда я спустилась вниз, Кейн уже сидел за столом и о чем-то тихо беседовал с Лори.

— Жар по вечерам бывает? — услышала я его вопрос.

Задан он был серьезным и участливым тоном, совсем не похожим на тот, которым муж обычно общался со мной.

— Иногда, — ответила Лори.

Она буквально светилась счастливой, чуть смущенной улыбкой, и я почувствовала, как в душе шевельнулось давно забытое чувство. Ревность. Именно она. Старая подруга, с которой я коротала ночи последнего года нашей с Робертом семейной жизни.

— А слабость?

— Да какая слабость, милорд, когда мне о ней думать? — попробовала отшутиться Лори, но Кейн взял ее за руку, положил пальцы на запястье и принялся считать пульс.

А я поймала себя на мысли, что хотела бы, что-

бы муж и со мной разговаривал так же тепло и искренне.

— Ты принимаешь ту настойку, что я оставил?

Лицо Кейна выглядело озабоченным.

— Не так, чтобы каждый день, милорд. Только когда сильно припечет.

Лори не желала признавать свои недомогания — верный признак того, что Кейн ей нравится. Какой женщине захочется выглядеть в глазах мужчины больной и никчемной?

— Лори, я же просил, — пират нахмурился, даже не скрывая своей тревоги. — Все еще можно изменить, нужно только приложить немного усилий.

Тут Кейн заметил меня, и глаза его вспыхнули. И выражение лица изменилось.

— Кэри.

Мне достался долгий горячий взгляд.

— Доброе утро, дорогой, — постаравшись выровнять сбившееся дыхание, улыбнулась в ответ. — Лори, — кивнула хозяйке, чувствуя, как в душе снова что-то неприятно шевельнулось при виде того, каким взглядом она смотрит на моего мужа.

— Миледи, завтрак уже на столе, — захлопотала Лори, виновато отводя глаза. — Присаживайтесь.

Сейчас чай налью, — суетилась она, а я смотрела на нее, и мне совсем не нравилась эта поспешность. Казалось, что Лори хочет скрыть за ней свои эмоции. И она еще пыталась меня убедить, что не питает к моему супругу никаких чувств? Какая глупость! Да не родилась еще та женщина, которая смогла бы устоять перед обаянием пирата!

— Спасибо, Лори, — переборов себя, кивнула женщине.

А ревность все не желала униматься. Что ж, пастор Роунс был прав, предупреждая о том, что меня ждет. Во всем прав.

— Кэри, на пару слов, — поднимаясь со стула, сказал муж.

Он взял меня под руку и отвел к двери, возле которой я заметила кожаную сумку наподобие тех, что использовали обычно акаучи.

— Куда-то собираетесь, дорогой?

Я заставила себя успокоиться.

— Меня не будет три-четыре дня, не больше, — поднимая сумку и закидывая ее на плечо, негромко сказал Кейн.

— Но вы уверены, что вернетесь?

— Я всегда держу свое слово, Кэри, — усмехнулся муж. — Не тревожьтесь, я вас не брошу. Боюсь,

это уже не в моих силах.

Он коснулся моей щеки, отвел выбившуюся из прически прядь, и этот жест оказался неожиданно мягким и нежным.

— Могу я попросить вас об одолжении? — не отнимая руки от моего лица, тихо спросил пират.

Его пальцы легко касались кожи, и эта мимолетная ласка переворачивала что-то в душе, подтачивала возведенные стены, заставляла разум умолкнуть и отдать всю власть зарождающимся чувствам. К глазам подступили слезы. И так захотелось отбросить сомнения и осторожность, позволить себе снова влюбиться… Но нет. Я уже не та наивная девочка, верящая в силу любви, какой была когда-то.

— О чем идет речь?

«Улыбайся, Кэри. Ты в Уэстене, а в Уэстене слабакам не место».

— Вот, — муж достал из кармана небольшой темный флакон. — Проследите, чтобы Лори принимала его два раза в день, утром и вечером по пять капель. К сожалению, сама она слишком беспечна, чтобы заботиться о своем здоровье.

— Что это?

Мне удавалось говорить легко и спокойно, хотя внутри все сжималось от желания провести

рукой по гладко выбритой щеке, коснуться губ, разгладить появившиеся в их уголках горькие складки.

— Настойка страстоцвета, — пояснил муж. — Помогает при магическом истощении.

— Но разве Лори…

Я не договорила, покосившись на хозяйку.

— Ее магия иссякает, — тихо пояснил Кейн. — Причин никто не знает, но для Видящих это очень опасно. Вместе с магией они теряют силы и здоровье.

Он тоже бросил взгляд на хозяйку и снова посмотрел на меня.

— Я могу на вас положиться, Кэри?

Голос пирата звучал серьезно, без привычной насмешки или холода.

— Сделаю все, что нужно, — также серьезно ответила я.

— Что ж, я в вас не сомневался.

Кейн наклонился, легко коснулся губами моих губ и, надвинув шляпу, вышел из дома, а я осталась стоять, глядя на закрывшуюся за его спиной дверь и раздумывая над тем, что сказал муж. Не сомневался… Надо же… Неужели меня удостоили комплиментом?

С улицы послышался цокот копыт. Он удалялся,

звучал все глуше, и я словно воочию видела крепкую фигуру мужа, старомодную мягкую шляпу, мощный круп алретинца, галопом несущегося по грязи Арвер-роу.

— Завтрак ждет, миледи, — отвлек меня голос Лори.

— Да, спасибо.

Я вернулась к столу, и, взяв кружку, сделала глоток. Чай показался безвкусным.

— Да не переживайте вы так, милорд обязательно за вами вернется, — неожиданно сказала Лори, и я вздрогнула, наткнувшись на понимающий взгляд. — Он ведь вас любит, — вздохнула женщина.

И такая тоска в ее глазах мелькнула, что я невольно вспомнила свое недавнее вдовство, и ревность, что злой змеей ворочалась в сердце, растворилась без следа.

— Садись, выпей со мной чаю, — кивнула я Лори на соседний стул.

— Отчего ж и не выпить? — усмехнулась та, без слов понимая все, что осталось несказанным.

***

(Из дневника Дж. Кейна)

25 сентября по местному календарю

Это сумасшествие. Кэри здесь. Здесь, в форте! Нет, все-таки моя жена — удивительная женщина. Тот переход через круги времени, что стоил мне нечеловеческих мучений и частичного лишения магии, для нее оказался всего лишь простой прогулкой в ребсе. Туман… Она утверждает, что в этом виноват туман.

До сих пор помню, как тяжело стало дышать, когда увидел Кэри, одетую по местной моде и беззаботно идущую по улице рядом с Лориндой. В первый момент решил, что вижу призрак, фантом, желанное видение. Но нет.

«Я так соскучилась по вам, дорогой…»

Яркие губы улыбаются, синие глаза светятся нежностью… И я на миг поддался сладостному обману, позволил себе поверить, дернулся, собираясь обнять… А уже в следующую секунду заметил быстрый взгляд, брошенный на Лоринду, и понял, что это очередной виртуозный спектакль.

Что ж, немногочисленные зрители могут быть довольны — Кэри сыграла свою роль безупречно, и мне не оставалось ничего другого, как ей подыграть.

Я обнимал гибкое тело, и сам не понимал до конца, чего хочу больше — стереть поцелуем

неискреннюю улыбку или сорвать старомодное платье с совершенных по своей красоте плеч, коснуться груди, сжать руками тонкую талию…

Проклятье! Жена. Мое неотвязное наваждение и слабость. Не могу думать ни о чем, кроме нее. Кэри… Она везде — в легком аромате вербены, в серебристом смехе, в тихом шуршании платья… Каждое ее движение, каждый жест будят в душе настоящую бурю. И ладно бы страсть! С ней я сумел бы совладать. Но что делать с нежностью, с желанием оберегать и заботиться, с той привязанностью из прошлого, что вернулась и вновь воцарилась в сердце?

И как совместить все это с тем, что мне предстоит? Кэри… С ее появлением все осложнилось в сотни раз. Я не могу оставить ее в форте, но и взять с собой тоже не могу. Черт…

Черт! Пишу и до сих пор не могу поверить, что снова ее вижу. Мне кажется, она стала еще красивее. И этот взгляд… Я тону в нем, не желая того, скорее даже, вопреки, и не могу оторваться. И плевать, магия ли это алайетов или мои собственные чувства. На все плевать. Та черта, за которой я еще мог рассуждать здраво, давно пройдена.

Кэри… Жена… Мое непроходящее безумие…

Как же я понимаю деда! Разве можно удержать-

ся, когда видишь перед собой эти манящие глаза? Разве можно остаться равнодушным, когда Кэри рядом? С самого первого дня, с того чертового провинциального бала, на который я и идти-то особо не хотел, проклятая красота этой женщины заставила меня из охотника превратиться в добычу. С Кэри я теряю себя, живу какой-то не своей жизнью и готов обманываться, только бы увидеть нежную улыбку, прикоснуться, сгрести в охапку и уткнуться в мягкую копну волос, поцеловать ямочку в основании шеи, провести пальцами по нежной коже.

Безумец? О да. Вместо того чтобы думать о предстоящем походе, грежу о собственной супруге, и даже не пытаюсь больше бороться. Нет, пытаюсь, конечно, но что значат эти жалкие попытки по сравнению с тем, что творится в душе?

Смотрю на жену, и не могу ответить нет. С каждым днем, с каждым взглядом, с каждым вздохом она все сильнее проникает в сердце, и кажется уже, что ни жить, ни дышать без нее невозможно.

Почему она так рвется к алайетам? Что ей там нужно?

Я ведь прекрасно понимаю, что Кэри движет вовсе не забота о моем благополучии, а какая-то

своя корысть. И если я не возьму жену с собой, она все равно пойдет к Избранным, только уже одна, без защиты.

Дьявол! Если бы я мог отправить ее домой, в безопасный и сонный Уэстен, в котором никогда и ничего не происходит… Какая сила вытащила ее в прошлое? И для чего?

Не могу отделаться от мысли, что судьба собрала всех наследников той старой трагедии не просто так. И как бы я ни противился, от предначертанного не уйти.

Да что там? Где-то в глубине души я, наверное, уже знаю, каким будет мой ответ. Еще бы я его не знал! Он же горит в сердце, как факел. Проклятый алайетовский факел… Но я все еще оставляю себе возможность одуматься и принять холодное и взвешенное решение (зачеркнуто).

***

К вечеру похолодало, а к ночи город снова заволокло пеленой тумана. Он был густым, как масло, и проникал в дом с настойчивостью ползущего из кадушки теста.

— Ох и проклятая погодка, за порогом ничего не видно, — входя в дом и вешая на гвоздь шерстяную накидку, сказала Лори. — Пока от сарая

дошла, думала, заблужусь.

Она стряхнула с волос мелкие капли влаги и с тревогой покосилась на дверь. А потом подумала немного, вернулась и закрыла ее на вторую защелку.

— На всякий случай, — пояснила хозяйка. — Мало ли, какую нечисть с болот принесет. Ох ты ж, святая сила, тесто-то уже подошло, — бросив взгляд на большой чан, стоящий на столе, отвлеклась она. — Сейчас лепешек напеку. Вы таких, небось, еще не пробовали. В Эрдероне витушек нет, их только у нас в Уэстене готовят.

Лори широко улыбнулась, затянула фартук потуже и принялась обминать поднявшееся тесто, а я смотрела на ловкие движения ее рук и вспоминала Ильду. Та тоже любила печь уэстенские витушки — лепешки из смеси белой и кукурузной муки. И на душе вдруг так тоскливо стало. И захотелось домой, к теплу родного очага, к ворчанию Ильды, к мирно покуривающему трубку дядюшке. Я словно воочию увидела светлую гостиную, сидящего рядом с огнем дядю Ирвина, Иль, устроившуюся с вязанием в стоящем у окна кресле и бросающую на дядюшку многозначительные взгляды… Господи, как же они, наверное, волнуются! Сначала Кейн пропал, теперь я… Хо-

рошо хоть, что пару недель назад я открыла счет и положила на дядино имя довольно крупную сумму. Да и Ильду не обидела, Горди проследит, чтобы она ни в чем не нуждалась. Даже если я не вернусь… Нет, глупости! Я обязательно вернусь. Обязательно.

Думать о том, что сейчас чувствуют дядя и служанка, было невыносимо. Я каждый день уговаривала себя, что с ними все в порядке, что они обеспечены всем необходимым и ни в чем не нуждаются, а сердце ныло.

— А это еще что?

Лори распрямилась и замерла, прислушиваясь к тихому шороху, раздающемуся за дверью.

Я тоже отвлеклась от своих мыслей, пытаясь понять, что значат эти странные скребущие звуки. Казалось, будто кто-то проводит когтями по деревянным стенам дома, по крыше, по ступенькам у входа. Кто-то большой и страшный.

По спине пробежал холодок.

— Оружие есть? — одними губами спросила я у Лори, пытаясь понять, кто это может быть. Акаучи? Что им здесь делать? Лесные хищники? Насколько я помню, поблизости от Уэстена нет диких зверей. Так, мелочь всякая: зайцы, лисы, еноты, россомахи. А за дверью явно кто-то

крупный.

Не успела я додумать эту мысль, как стены дома дрогнули, словно от удара или землетрясения.

— Святая сила! — ухватившись за стол, воскликнула Лори, и тут же боязливо прикрыла рот рукой.

С потолка посыпалась пыль.

— Оружие, — напомнила я, хотя не была уверена, что оно поможет.

Лори торопливо кивнула, вытерла руки о фартук и потянулась к полке с жестяными банками. Осторожно отодвинув одну из них, она достала большой изогнутый нож и медленно, стараясь не шуметь, двинулась к двери.

Я схватила длинную палку, которой Лори подпирала веревки с мокрым бельем, и напряженно уставилась на грубо сколоченные доски, закрывающие вход.

«Не трусь, Кэри, — убеждала себя. — Уэстенцы всегда и во всем любят основательность, значит, и этот дом достаточно крепкий, чтобы выдержать любую осаду».

За стенами было тихо. Все звуки исчезли, и наступила тишина — тягостная, опасная, неживая.

— Как думаете, миледи, оно уже ушло?

Лори приблизилась к двери и остановилась, на-

пряженно прислушиваясь, а я подошла к одному из окон. Промасленная бумага не позволяла увидеть, что происходит за ним, но мне показалось, что там кто-то стоит. А потом снова раздались скребущие звуки, похожие на те, как если бы кто-то проводил по стене когтистой лапой.

— Акаучи? — шепотом спросила я у Лори.

Та отрицательно качнула головой.

— Тогда кто?

И в этот момент бумага в оконном проеме дрогнула, и ее распорол длинный загнутый коготь. Сверху донизу, я даже вздохнуть не успела. А уже в следующую секунду в появившееся отверстие проникла полупрозрачная рука с тонкими, похожими на сгустки дыма пальцами, и потянулась в мою сторону — медленно и неотвратимо. Я увидела, как она шарит в воздухе, словно пытаясь что-то или кого-то нащупать, как удлиняется прямо на глазах и ползет… Ползет ко мне!

Не дожидаясь, пока неизвестный меня обнаружит, резко подняла палку и обрушила удар на тонкое запястье. За окном раздалось громкое шипение, но рука все еще продолжала тянуться в мою сторону и хватать воздух полупрозрачными пальцами.

— Пресвятые угодники, что же это? — бормота-

ла Лоринда, растерянно застыв у двери. — Что за нечистый с нами шутки шутит?

Хозяйка словно окаменела. Она стояла, глядя растерянным взглядом на удлиняющуюся прямо на глазах конечность, и не могла пошевелиться.

— Господи, Лори, да очнись же ты! — не переставая наносить удары, крикнула я. — Неси что-нибудь, чем можно закрыть окна!

— Сейчас! — опомнилась хозяйка.

Она засунула нож за пояс и кинулась в угол, где стоял большой сундук. Откинув крышку, Лори принялась рыться в нем, отбрасывая на пол какие-то тряпки и еле слышно ругаясь.

— Святая сила! Да где же они? — бормотала она. — Не то, и это не то, язви их душу… Вот, нашла! Раньше у меня на всех окнах ставни стояли, я их живо назад прилажу. Господи, как же не вовремя милорд уехал!

— Лори, справа! — успела крикнуть я, увидев, как расходится надвое бумага в одном из проемов.

— Ах ты ж, тварь ползучая! — выругалась хозяйка, кидаясь вперед и с размаху ударяя ставнем по длинному пальцу. Она, наконец, пришла в себя и принялась ловко наносить удары по дымным отросткам. — Сколько же их там?

Я не ответила. Подхватила одну из деревянных заслонок и, прикрывшись ею, как щитом, попыталась выдавить то ли настоящую, то ли призрачную руку из дома.

— Убирайся! — кричала, сражаясь с неизвестным. — Вон отсюда!

Шипение стало громче. Сквозь разорванную бумагу повалили серые, похожие на щупальца, сгустки тумана, где-то за спиной громко выругалась Лори, рука на миг растворилась в воздухе, а потом неожиданно возникла прямо перед моим лицом и попыталась ухватить меня за волосы. Господи… Выходит, это всего лишь фантом? Созданный каким-то неизвестным магом фантом?

Страх отступил. Вместо него появилась злость. Я кинулась к окну и, отсекая прозрачную конечность, быстро вставила деревянный ставень в пазы. Вот так. И никаких назойливых пальцев.

— Лори, закрывай! Скорее! — не оборачиваясь, крикнула хозяйке. — Эти твари ненастоящие.

— Не могу, — хрипло отозвалась та, и я услышала звук падения чего-то тяжелого.

— Лори!

Я повернулась, взгляд застыл на неподвижно лежащей у противоположной стены женщине, и внутри все похолодело. Господи, да что с ней

такое? Кейн говорил про настойку… Куда я ее дела? Ах да, положила за корсаж…

Я бросилась к хозяйке, на ходу нащупывая за плотной тканью старомодного платья флакон с лекарством, но в этот момент в окно, которое она не успела закрыть, полезли новые серые щупальца, и мне пришлось отвлечься.

— Да уймись же ты, дьявольское отродье!

Я схватила заслонку и с трудом запечатала клубящееся влажным туманом отверстие. А потом кинулась к последнему, возле которого послышалось знакомое уже шипение. Секунда — и дерево отрезало страшные звуки, оставив их за стенами дома.

Но радоваться было рано.

— Лори, ты меня слышишь?

Я склонилась над распростертой на полу женщиной. Та дышала хрипло, с присвистом, лицо ее было бледным, почти синюшным, а нос заострился, и веснушки на нем поблекли.

— Лори!

Я попыталась приподнять ее голову, и в этот момент произошло что-то странное. Прямо на моих глазах Лори стала меняться. Ее тело истончилось, теряя объем, кожа съежилась, и я почувствовала ужас, несравнимый с тем, что испытывала во вре-

мя нападения фантомов. Боже, что происходит? Что это за чертовщина?

— Подожди, — бормотала, пытаясь вытащить из-за корсажа ребристый флакон. — Сейчас тебе станет легче, — темная склянка дрожала в моей руке, но мне удалось снять плотно притертую крышку, приоткрыть сомкнутые губы женщины и влить ей в рот десять капель настойки. — Давай, Лори… Не сдавайся!

Несколько минут ничего не происходило, и я уж было решила, что зелье не помогло, но тут Лори глубоко вздохнула и открыла глаза.

— Ты как? Что-нибудь болит?

Я с тревогой смотрела на хозяйку. Выглядела та уже не так страшно. Щеки округлились и порозовели, черные тени исчезли, прежние объемы вернулись — Лори снова стала собой.

— Они ушли? — хрипло спросила она, и я только сейчас поняла, что больше не слышу зловещего скрипа когтей.

— Ушли. Встать сможешь? Давай, я тебе помогу.

— Сейчас. Отдышусь немного, сердце колотится, будто несколько миль пробежала.

Лори провела ладонью по лбу, вытирая пот, а потом оперлась на мою руку и с трудом подня-

лась с пола.

— Никогда таких тварей не видела, — дойдя с моей помощью до стола, сказала она. — Ощущение, что всю душу высосали.

— Ты как? Голова не кружится?

— Немного. Так вы говорите, это фантомы были?

Лори подняла на меня глаза.

— Думаю, да.

— Интересно, кто их насылает? Из меня всю магию выкачали, будто и не было ее никогда. Ничего не чувствую.

Она растерянно посмотрела на меня и коснулась груди.

— Пусто. Ощущение, что яма какая-то вот здесь.

Лори теребила завязки корсета, словно не зная, что делать и о чем говорить.

— Яма, миледи, — бормотала она. — А до этого магия была — пусть небольшая, но я ее чувствовала, а теперь вот — ничего.

— Тебе прилечь нужно.

Я понимала, что Лори еще не отошла от нападения и слишком слаба, чтобы стоять на ногах, но хозяйка меня удивила.

— Да куда там прилечь! — вскинулась она. — А

лепешки кто печь будет? Некогда мне разлеживаться, дела сами себя не сделают.

Она встряхнула волосами и туго затянула косынку.

— Вот сейчас отдышусь маленько, — она оперлась руками о стол, постояла так немного и опустилась на скамью. — Совсем чуть-чуть…

— Лори, ты о чем? Тебе не о лепешках думать надо, а о своем здоровье.

Я даже головой покачала. Вот же упрямая! Дались ей эти лепешки? Едва на тот свет не отправилась, а все никак не уймется! Правильно отшельник говорил, что у нее одно только хозяйство на уме.

— Скажете тоже, миледи, — фыркнула Лори. — Здоровье… Ничего ему не сделается, а тесто перекиснет. Нет, посижу еще пару минут и встану.

В зеленых глазах появилась решимость настоять на своем. Только я не собиралась потакать этому нелепому желанию. На сегодня мне уже хватило неприятностей.

— Не говори глупостей, — оборвала хозяйку. — Пойдем, отведу тебя в спальню. А лепешки я и сама испечь могу.

Ну не то чтобы я когда-либо это делала, но, ду-

маю, не так уж это и сложно. Столько раз Ильда при мне витушки пекла, неужто не смогу повторить?

— Вы?

В голосе Лори было столько удивления, что мне даже обидно стало.

— Руки-то у меня есть? — усмехнулась в ответ. — Идем, тебе полежать нужно. И не переживай, не пропадет твое тесто.

Так и оказалось. Лори, посопротивлявшись еще немного, дала увести себя в спальню, а я, вспомнив Ильду, попыталась повторить последовательность ее действий и, как ни странно, у меня все получилось. И пусть мои лепешки были не такими ровными и аккуратными, как у Иль, но мне они казались самыми лучшими лепешками на свете.

Я наблюдала, как подрумянивается тесто, переворачивала его и снимала с огромной плоской сковороды, а сама все думала о недавнем происшествии. Странно все-таки. Откуда взялись эти призраки? Кто их наслал? И почему они появились вместе с туманом?

Вспомнились неясные тени, которые я видела в лесу, а потом на ум пришло предупреждение Роунса не пользоваться силой. Да если бы я и

захотела это сделать, то вряд ли бы смогла. Не чувствовала я магию. Совсем. Даже малые крохи, что были когда-то, и те исчезли.

— А у вас и впрямь неплохо получилось, — послышался из-за спины голос Лори, и я отвлеклась от размышлений. — Вот уж не думала, что знатная леди не побоится ручки испачкать.

Женщина бросила на меня задумчивый взгляд и добавила:

— Накрою-ка я пока на стол, раз уж вы за меня всю работу сделали.

Она расставила тарелки, доверху наполнила жестяные кружки сидром и достала бадейку с кленовым сиропом.

А я допекла последние лепешки, и вскоре мы уже сидели за столом, пили кисловатый, ароматно пахнущий яблоками сидр и вспоминали, как сражались с фантомами. И с каждым выпитым глотком те казались уже не такими страшными, а под конец, так и вовсе вызвали смех.

Правда, когда пришло время расходиться по спальням, Лори подумала немного и прихватила с собой нож, а я взялась за проверенную в деле палку. Раз уж магия мне не помощник, остается надеяться исключительно на подручные средства.

***

Следующий день принес печальные вести. Минувшей ночью в городе умерли сразу несколько человек, причем умерли очень странно. Они словно разом ссохлись, превратившись в мумии, и теперь жители Уэстена гадали, что за странный недуг поразил вчера еще здоровых людей.

Мы с Лори узнали обо всем утром, когда к нам зашла Мелинда Коуэнн и с долгими отступлениями и причитаниями поделилась произошедшим.

— Вы можете себе представить, миледи, — обращаясь ко мне, трагически заламывала руки Коуэнн. — Сара Дермонт высохла так, что от нее практически ничего не осталось. А ведь она была дамой в теле, если не сказать больше!

Полные щеки Мелинды мелко подрагивали, глаза слезились, кончик мясистого носа покраснел.

— А Толстяк Уилл? Скелет, обтянутый кожей. И Оззи Кармайкл, и Энни Херст, и малышка Энди. Просто кошмар какой-то! Уезжать отсюда нужно, — она решительно вскинула подбородок. — Я так своему Джонни и сказала. «Джон Коуэнн, заявила я ему. Или ты увозишь меня из Уэстена, или я с тобой и словом больше не обмолвлюсь!»

— И что? Неужто Коуэнн согласился? — недоверчиво покосилась на нее Лори.

— Сказал, что ему нужно все обдумать, — поджала губы Мелинда. — Ну, на то он и муж, чтобы решение принимать.

Она поднялась и, посмотрев на меня, добавила:

— Вам бы, миледи, тоже уехать не мешало бы. Не ровен час, заразитесь. Болезнь — она ведь не разбирает, богатый ты или бедный, знатный или простолюдин, всех косит.

Щеки Мелинды снова дрогнули.

— Что ж, всего доброго, миледи.

Она поклонилась и поспешила к выходу.

— Еще пара таких случаев, и в городе начнется паника, — глядя, как за спиной визитерши закрывается дверь, задумчиво сказала Лори. — Знать бы еще, в чем причина этих смертей. Не верю я в таинственную болезнь. Больше на магию смахивает.

Она нахмурилась и замолчала, задумчиво уставившись в открытое окно, бумагу из которого мы уже успели удалить.

— А ведь, похоже, вы меня вчера от смерти спасли, леди Кейн, — не отрывая взгляда от светлого квадрата, тихо сказала хозяйка.

Я вспомнила, как она выглядела, и внутренне с ней согласилась, но вслух говорить ничего не стала. Мне не хотелось возвращать былые страхи.

— Если бы не вы, одним покойником в городе было бы больше, — невесело хмыкнула Лори.

Она поправила рыжие пряди и сдвинула косынку.

— Благодарить нужно не меня, а лорда Кейна. Это его зелье тебе помогло. И да, думаю, ты права, — перевела я разговор. — Скорее всего, эти странные смерти связаны с магией.

Знать бы еще, чем это нам грозит. Если фантомы продолжат свои нападения, долго мы не продержимся.

— Похоже на то, как если бы этих бедолаг просто выпили, — рассуждала Лори. — И знаете что? Я думаю, это как-то связано с фантомами, что приходили ночью. Последнее, что я запомнила, перед тем, как упасть, что моей шеи коснулось скользкое щупальце, и меня словно смрадным дыханием обдало. А потом в глазах потемнело, и грудь сжало, будто тисками. Наверняка, какой-то маг действовал.

Я слушала Лори и пыталась сопоставить факты.

— Только вот я не пойму, — продолжала та, —

получается, тот, кто управлял фантомами, выпивает чужие жизни? Но какой маг на это способен? И откуда он взялся?

— А раньше у вас такого не было?

— Нет.

— А что-нибудь необычное в последнее время происходило?

Я пристально посмотрела на Лори.

— Туман, — подумав немного, ответила та. — Никогда такого не было, а пару месяцев назад началось — как вечер, так он валит и валит клубами, в двух шагах ничего не видно.

— Генри упоминал какие-то ведьмины болота, говорил, что туман оттуда появляется.

— Ну, поначалу мы все так решили, а теперь вот я сомневаюсь. Вчера, когда по хозяйству управлялась, заметила, что серая пелена совсем с другой стороны идет, от восточных ворот форта. Там еще мельница недостроенная стоит. Пол Кормак начал строить, да и бросил, в старатели подался. Вот аккурат от нее туман и валил.

— Значит, сначала появился туман, следом за ним — фантомы, а потом произошло нападение и загадочные смерти. Лори, нам нужно побывать в домах покойных.

Я поднялась со стула.

— Это еще зачем?

— Надо узнать, что вчера произошло, и почему именно эти люди пострадали от фантомов. Что между ними общего?

— Да у кого мы там спрашивать-то будем? Сара Дермонт одна жила. С тех пор, как муженек ее беспутный от пьянки помер, так она больше ни с кем и не сошлась. У Толстяка Уилла тоже никого нет, как и у Оззи Кармайкла, и у Энни Херст. А Малышка Энди пару недель назад мать похоронила и одна в доме осталась.

— Подожди, получается, свидетелей нет?

— Получается, нет.

— И никто ничего не видел.

— Так и есть, — кивнула Лори и запнулась. — Кроме нас с вами, миледи.

Она посмотрела на меня и нахмурилась.

— Это что ж выходит? Я ведь тоже, когда лорд Кейн уехал, одна жила, и все об этом знали. И если бы вас тут вчера не было, я бы сейчас тоже на столе со свечкой в руках лежала?

Лори поспешно перекрестилась.

— Значит, неизвестный нападает на одиночек, — постаралась переключить ее внимание на другое, — чтобы не оставлять свидетелей. И он не знал, что ты в доме не одна. И что нам это дает?

— Нам? Миледи, неужто вы решили сами найти этого мага?

— А почему нет? Он уже убил пятерых, и вряд ли на этом остановится.

— Да что мы можем? У вас магия запечатана, у меня ее всего ничего.

— Лори, у нас есть только два варианта: прятаться и дрожать по ночам, ожидая очередного нападения, или попытаться найти этого душегуба до того, как он снова выйдет на охоту.

— И что вы предлагаете?

— Ты ведь чувствуешь чужую магию?

— Это да.

— Знаешь, сколько магов в Уэстене?

— Ну, если прикинуть, человек десять наберется.

— И какой магией они владеют?

— Слабой, миледи. Очень слабой. И они уж точно не виноваты в том, что произошло. Скорее всего, это кто-то из чужаков.

— Подожди, помнишь, ты говорила, что в лесу замечали мужчину с красными глазами? Может, это и есть наш таинственный маг? Когда его в последний раз видели?

Лори задумалась.

— Да, вроде, Эдвард Рочер болтал, что пару

недель назад приметил на ведьминых болотах какого-то неизвестного светловолосого господина, а Джек Смит уверял, что столкнулся с седым незнакомцем, и, якобы, взгляд у того алым пылал, как у дьявола. Вот только верить им… По пьяни они и не такое увидеть могли.

— Опять ведьмины болота. Далеко они от форта?

— Нет, миледи, даже не думайте! — вскинулась Лори. — Мы туда не пойдем! Что я лорду Кейну скажу, если с вами что-то случится? Нет. И не уговаривайте.

— Да я туда и не собиралась. Просто размышляю. Ты чужую магию только вблизи чувствуешь?

— Ну да. Желательно еще и прикоснуться.

— А фантомы? Ты могла бы понять, чья магия ими движет?

— Даже не знаю, что вам сказать, — задумалась Лори. — Никогда раньше с таким не сталкивалась. Вот только…

Она замолчала и нахмурилась.

— Что, Лори?

— Странной магией от них веяло. Неживой.

— А такая разве бывает?

— Не знаю, миледи. Я прежде никогда не подобного не видела, да это и неважно. Нам бы другое

понять, как от нее защититься?

Да, вот уж когда я пожалела, что почти ничего не знаю о магии. Ни о своей, ни о чужой.

— Надо в бабкиных книгах посмотреть, может, что и найдем, — задумчиво сказала Лори. — Да и к Мартину не мешало бы зайти, он у нас тут вроде штатного мага. Только я сама пойду, а то при вас из него и слова не вытянешь, будет мямлить и кланяться, кланяться и мямлить, — хмыкнула она.

На том мы и порешили. Я засела за книги, которые Лори достала из большого сундука, стоящего в углу, а сама хозяйка отправилась к Мартину Кингу, чтобы попросить его о помощи.

***

(Из дневника Дж. Кейна)

26 сентября по местному календарю.

Боль становится сильнее, и скрывать ее от окружающих все сложнее. Я даже начинаю опасаться, что попросту не успею добраться до Ареи. Если бы можно было использовать часы… Но увы. Они срабатывают только для переноса в заданный временной промежуток, а уж в нем все должно идти своим чередом.

Если Альвинус прав, то здесь, в прошлом, для

меня существуют два непреложных запрета — нельзя встречаться с родными, и нельзя предупреждать их о будущем.

Впрочем, какой смысл предупреждать о чем-либо, когда самое страшное уже произошло? Увидеть старика, чтобы сказать, что все его усилия окажутся напрасны? И что его мечте подняться в небо так и не суждено будет сбыться?

Если бы не неуемная жажда новых впечатлений, закинувшая его в леса Ареи… Если бы не встреча с Амонерис… Девушкой, предавшей дважды, сначала — своих, потом — чужестранца, которому она клялась в вечной любви…

***

Вернулась Лори поздно. Молча вошла в дом, развязала косынку и, пройдя к столу, за которым я разбирала старые рукописи, села напротив меня и вздохнула.

— У Сары Дермонт была, — тихо сказала она. — Ужас, что делается, миледи. Лежит, сама на себя не похожа. Чисто скелет, обтянутый кожей, и волосы седые, хотя еще пару дней назад рыжие, как морковка, были.

Лори коснулась собственной шевелюры и задумчиво уставилась на яркие вьющиеся пряди,

волной спускающиеся на грудь.

— А Мартин Кинг? Ты его нашла? Что он сказал?

— Сказал, что выдумываю я все, и никаких фантомов в природе не существует. Да я ничего другого от этого пьяницы и не ждала.

Хозяйка утерла рукой потный лоб.

— Лори, а ты настойку пила? — спросила я ее, с тревогой разглядывая побледневшее, осунувшееся лицо женщины. — Нет?

— Сейчас выпью, — поморщилась Лоринда и посмотрела на раскрытую книгу. — Нашли что-нибудь?

— Лори, не отлынивай, — не поддалась я на ее уловку. — Где флакон? Выпей, и я расскажу, что сумела обнаружить.

— Значит, все же что-то нашли, — хмыкнула хозяйка, а потом достала из шкафа настойку, накапала ее в кружку, выпила и скривилась.

— Гадость какая, — пробормотала она и села рядом со мной. — Так что, говорите, нашли?

— Немного, но кое-что есть.

Я открыла заложенную страницу.

— Смотри. Тут описан способ защиты от неживой магии. Твоя бабушка была уверена, что он навсегда прогоняет ту нечисть, что прикоснется

к заговоренной черте. Не знаю, подойдет ли, но ничего другого нет, значит, придется использовать его.

— Ну, допустим, страстоцвет у нас есть, — вглядываясь в исписанные крупным острым почерком строки, сказала хозяйка, — зола — тоже, да и корень мальвы найти несложно. А вот стебли амарентия — это редкость, они не у каждого травника есть.

— Подожди, тут внизу сноска. Стебли амарентия можно заменить колхидокой. Знаешь, что это?

— Конечно, — кивнула Лори. — Обычный сорняк, он возле дорог растет, у нас его, что грязи.

— Отлично. Значит, для защитного зелья есть все, что нужно. Осталось только сделать смесь.

Я отложила книгу и покосилась на окна. Вечер угасал. Полоска неба на западе окрасилась алым, напоминая о том, что скоро наступит ночь, а вместе с ней могут снова появиться фантомы. С востока неумолимо наползала темнота — вязкая, как черничное варенье, и такая же непроницаемая. На душе стало тревожно.

— Что ж, сейчас и займемся, — словно подслушав мои мысли, решительно сказала Лори. — Надеюсь, той малой толики силы, что появилась

после настойки, должно хватить.

Хозяйка поднялась из-за стола и подошла к сундуку.

— Где-то тут у меня страстоцвет был, — сказала она, роясь в многочисленных мешочках. — Ага, вот он. И мальва. Осталось только колхидоку собрать. А золы у нас сколько угодно.

Она продолжала что-то бормотать, но я ее не слышала. Внутри появился странный отголосок боли, который все усиливался, и мне уже казалось, что болит все тело, каждый его дюйм, каждая косточка.

— Миледи, что это с вами? — повернувшись ко мне, спросила Лори. — Какая-то вы бледная.

Я сглотнула тяжелый комок, и в тот же миг боль исчезла, словно ее никогда и не было, и я снова смогла дышать.

— Ничего, Лори, просто голова немного побаливает, — ответила хозяйке и посмотрела на небольшие мешочки, которые она держала в руках. — Ты нашла то, что нам нужно?

— Да, — кивнула Лоринда.– Сейчас еще колхидоки нарву, и можно будет сделать обережную смесь.

Она выложила на стол сушеные травы, прихватила полотенце и пошла к выходу, а спустя

пару минут вернулась и добавила к ароматным пучкам извивающиеся, почерневшие от дождя стебли сорняка.

— Тут еще заклинание есть.

Я придвинула к хозяйке раскрытую книгу.

— Справишься?

— Если заклинание бабкино — справлюсь. Магия-то родовая.

— Лори, а кто-нибудь знает, что ты ею владеешь?

— Да я особо никому и не рассказываю. Народ у нас такой, что к магии настороженно относится. Считают, что от нее зла больше, чем пользы, вот я и помалкиваю.

— А мне почему сказала?

— Так вы и сами магией владеете, и еще вопрос, откуда она у вас, — хитро усмехнулась Лори. — Вот и мне бояться нечего, вряд ли вы на каждом углу о своем даре рассказывать вздумаете, значит, и о моем промолчите.

Она зачерпнула из очага золу, добавила к ней травы и пересыпала все в тяжелую каменную ступу. А потом принялась измельчать смесь пестиком, приговаривая наговор из книги:

— Саританус аваедо гоби дон. А крони дон. Э крони дон. Этеро крони дон.

Бормотание становилось то тише, то громче, пестик мелькал в руках Лори все быстрее, в воздухе остро запахло горьковатым страстоцветом и дымом костра.

— Готово, — спустя несколько минут сказала Лори.

Она опустила руки и распрямилась.

— Осталось только рассыпать эту смесь вокруг дома и никому на глаза не попасться. Если что, вам придется как-то отвлекать зевак.

— Не переживай. Справимся, — усмехнулась в ответ.

Уж что-что, а это я умею. Хотя бы потому, что всегда сама становлюсь объектом наблюдения бдительных горожан, так что Лори они даже не заметят.

— Ну, с Богом, — перекрестилась хозяйка, пересыпала серую пыль в глиняную миску, и мы вышли из дома.

На улице было тихо. Приближающаяся темнота разогнала праздных зевак, и только вдали, у питейного дома Уилла, раздавались еле слышные голоса подвыпивших посетителей.

— Надо же, повезло, — усмехнулась Лори, разглядывая окрестности. — Ни души. И тумана сегодня нет. Ну, оно и к лучшему. Вы пока тут

постойте, посторожите, чтоб никто не шел, а я вокруг обойду.

Я кивнула и замерла возле двери, внимательно разглядывая улицу, а Лори отправилась к дальней стене, на ходу рассыпая защитную смесь. Я слышала, как хозяйка бормочет заклинание, наблюдала за немного рваными движениями ее рук и от души надеялась, что защита сработает.

Глава 13

Ночь наступила внезапно. Стоило нам войти в дом, как она опустилась на город и укутала дома и улицы Уэстена мрачной траурной кисеей.

— Как думаешь, защита поможет? — закрывая окна ставнями, спросила я Лори.

— Одна надежда, что бабка ничего не напутала с заклинанием. Она у меня сильная была, только вот после того, как ее в тюрьму за колдовство упекли и дар выжгли, малость умом тронулась.

Я поежилась. Страшная участь. А ведь не так давно и я боялась, что меня признают ведьмой и отправят в темницу.

— Вы ужинать будете? — задвинув последнюю заслонку, посмотрела на меня Лори.

— Что-то аппетита нет. Я лучше к себе пойду.

Мне хотелось побыть одной и немного подумать. О том, что происходит, о нас с мужем, о предстоящем походе в горы и о том, как уломать Кейна взять меня с собой. Я ведь видела, что пират колеблется. Какая-то часть его души вовсе не была такой уж холодной. И я даже смела надеяться, что там найдется место для толики

добрых чувств.

И снова вспомнился взгляд темно-серых глаз, и в сердце, там, где еще не так давно теплились чувства к Роберту, что-то сладко заныло.

Если бы Кейн дал нам шанс… Если бы он хотя бы попытался переступить через собственную неприязнь…

Я вздохнула, взяла свечу и направилась к лестнице.

— Доброй ночи, Лори, — поднявшись на пару ступенек, попрощалась с хозяйкой.

— Надеюсь, такой она и будет, — хмыкнула та и загремела посудой.

А я поднялась в свою комнату, захлопнула за собой дверь и зажгла пару толстых свечей. А потом закрыла ставни на окнах и села за стол. Взгляд упал на семейную библию.

Меня сложно было назвать набожной, да и в церковь я последние годы почти не ходила, но сейчас, когда на душе было неспокойно и сумрачно, рука сама потянулась к Книге книг.

Я разгладила ладонью первую страницу, перевернула ее, посмотрела на знакомый текст Книги Бытия и замерла от удивления, глядя, как между ровных крупных строк священного писания прямо на моих глазах появляются совсем

другие слова.

«Я, Эдит Мария Джобс Уэтерби, перед лицом Божиим обещаю, что отныне никогда не воспользуюсь дьявольской силой, кроющейся в родовой магии, и искореню любые ее проявления в себе и в своих детях, если таковыми меня благословит Господь».

Я растерянно смотрела на мелкий, похожий на бисер почерк, и передо мной, словно живой, вырисовывался образ матушки — мягкой, нежной, невероятно красивой даже в зрелом возрасте, и с удивительным взглядом ярко-синих глаз. Таких же, как у дяди Ирвина. А следом пришло запоздалое удивление. Почему мама отказалась от магии? Что такого произошло, что сподвигло ее дать столь серьезный обет?

Словно в ответ на мое недоумение, в книге мгновенно открылась следующая запись.

«Господь принял обет и услышал мои молитвы! У нас с Логаном будет ребенок! Пятнадцать лет я молилась и просила Бога о чуде, и вот, когда все надежды иссякли, Он явил свою силу и подарил нам долгожданное дитя. Я чувствую его под сердцем, ощущаю, как он шевелится, как толкается…

Благодарю тебя, Боже, за твою милость к своим чадам и обещаю, что дьявольская скверна не

коснется этого младенца».

Что ж, теперь понятно. Матушка дала обет, и на свет появилась я. Да вот же она и сама об этом пишет.

«Сегодня, двадцать седьмого декабря, ровно в полночь, у нас с Логаном родилась дочь. Господь призрел на наши молитвы и одарил нас великой милостью. Кэролайн. Моя драгоценная малышка Кэри. Мое дитя. Я исполню свое обещание, и тебя никогда не коснутся проклятия прошлого. Ты вырастешь свободной от преследующих наш род несчастий».

Несчастий? Что матушка имела в виду? В душе шевельнулся страх.

Я перевела взгляд ниже.

«Господь испытывает меня. Моя девочка, моя малышка… Я чувствую в ней силу, превосходящую мою собственную в сотню, а то и в тысячу раз. Она видна в ясных, совсем недетских глазах, она ощущается в движениях маленьких рук, ее ореол светится вокруг нежного пушка, покрывающего маленькую головку. Пастор все еще не соглашается наложить печать и пытается меня отговорить, но я не отступлю. Мой обет будет исполнен, и проклятие потеряет силу».

Господи, о каком проклятии идет речь? Откуда

оно взялось, и почему моя матушка была так напугана?

Я торопливо перевернула страницу.

«Свершилось. Магия рода прервана. Моя дочь — не алайет, она обычный человек и проживет обычную человеческую жизнь. Все мои молитвы, все чаяния направлены теперь только на одно — чтобы моя девочка никогда не столкнулась с бедами и потерями близких, преследующими женщин нашей семьи».

О чем она?

Я оторвалась от библии и задумалась. На ум пришли болезнь и разорение папы, отчаяние матушки, кончина родителей. А потом я вспомнила прошлое своей семьи. Бабушку, не сумевшую пережить смерть деда. Прабабушку, погибшую вместе с супругом при кораблекрушении в тридцатилетнем возрасте. А до этого была прапрабабушка, ушедшая вслед за мужем, задохнувшимся при пожаре. Из всей семьи только моя мама дожила до более-менее преклонных лет. Видимо, ее обет не пользоваться магией все-таки подействовал. А я… Что грозит мне? Если наш род действительно проклят, то сейчас, когда печать разрушена и моя магия готова вырваться на свободу, не станет ли она причиной новых

несчастий? А как быть со смертью Роберта? Это случайность или все же закономерность? Но откуда ей взяться, если я была обычным человеком? И ведь я, в отличие от женщин своей семьи, смогла пережить его кончину, не ушла следом.

Господи, а Кейн? Что, если ему грозит опасность?

Сердце болезненно сжалось. Нет, не может быть. Все это просто обычные совпадения.

Я сжала руками гудящую от мыслей голову и уставилась на возникающие перед глазами строки. Они то исчезали, то появлялись, увеличивались в размерах и уменьшались, а я наблюдала за их пляской и пыталась понять, откуда они взялись, если раньше я ничего здесь не видела.

«Магия, — пришел на ум ответ. — Родовая магия. Она вернулась, и семейная библия открыла свои секреты».

Я листала страницы, натыкаясь то на заклинания, то на короткие обрывки чьих-то жизненных историй. Разные почерки, разные судьбы, разные характеры. Женщины моей семьи. Только женщины, ни одного мужчины. Лори была права. Магия алайетов передавалась исключительно от матери к дочери. Мужчины не наследовали даже капли семейного дара и не могли передать магию

своим дочерям. Они выступали всего лишь хранителями одаренных родственниц, могли видеть и чувствовать их магию, но были не в состоянии ею воспользоваться.

Страницы мелькали одна за другой, раскрывая передо мной историю рода, историю семьи. Я видела то самое заклинание, что применила когда-то к мужу. Оно пробуждало в человеке его собственные желания и заставляло высказать их вслух, и я надолго задумалась над тем, как именно Кейн сделал мне предложение. Во второй Книге Царств мне встретилось описание ритуала единения душ, который проходили супруги, желающие сохранить свою любовь вечно, чуть дальше были заклинания верности и удачи. Я переворачивала пожелтевшие от времени листы и пыталась найти ответ на единственный занимающий меня вопрос, но его все не было. Нигде не нашлось упоминания о родовом проклятии и о том, откуда оно взялось.

Я просидела над библией почти до самого утра, вчитываясь в слова заклинаний, впитывая их в себя, пропуская через душу и ощущая, как они остаются в глубине сознания. Нет, я не могла пользоваться своей силой, «заплатка» отшельника надежно сдерживала мой дар, но теперь я

хотя бы знала, что представляет из себя магия алайетов и на что она способна.

И это я просмотрела только лишь треть книги, а сколько еще всего осталось?

Глаза слипались, но я упорно листала страницы, пока в щели оконных заслонок не проникли первые лучи рассвета.

***

Следующий день пролетел быстро.

Когда я утром спустилась вниз, Лори уже хлопотала по хозяйству. Она деловито гремела посудой, вполголоса напевая задорную и не слишком приличную песенку, и с таким остервенением оттирала золой огромный чайник, что его латунные бока сияли чистым золотом, а большой гнутый носик сверкал, как море в лучах яркого солнца.

— Я вам там завтрак приготовила, — не отрываясь от работы, улыбнулась хозяйка и снова замычала себе под нос неразборчивые слова «Старины Джека».

Когда я была маленькой, дядюшка Джобс любил распевать эту песенку, правда, всегда предупреждал, чтобы я не вздумала ее повторять, и уж тем более не упоминала о ней при маменьке.

«Слишком она печется о твоем воспитании, Кэри. Надеется настоящую леди вырастить, — по-доброму усмехался он. — Ты только не проговорись, что я при тебе старые морские песни пою». Разумеется, я его не выдавала.

— Погода сегодня какая, а? — оторвавшись ненадолго от своего занятия, довольно улыбнулась Лори. Она разогнулась и утерла рукой лоб, отводя от него вьющиеся мелкими колечками рыжие пряди. — Небо синее, ни облачка… Благодать! И никакой сырости и тумана.

— Думаешь, защитное заклинание сработало?

— А почему бы и нет? Сила-то в нем какая! Бабка у меня боевая была, любого мага могла за пояс заткнуть.

На веснушчатом лице застыло забавное выражение. Лори и гордилась собственной бабушкой, оставившей нужное заклинание, и, одновременно, немного смущалась своего невольного хвастовства. Эх, если бы я могла разделить ее бесшабашную уверенность…

— Но ведь мы его только вокруг дома поставили.

Я с сомнением посмотрела на хозяйку.

— Так, видать, магу оно не по вкусу пришлось, вот и убрался куда подальше. Там ведь как сказа-

но? Навсегда отвадит нечисть. Ну и вот. Первый по-настоящему погожий денек за два месяца! Даже не верится. И дышать легче стало, чувствуете?

Глаза Лори задорно блеснули, и я только сейчас заметила, что выглядит она не в пример лучше, чем вчера. Вон и щеки порозовели, и губы алые. Сегодня она казалась не просто миленькой, а настоящей красавицей. И я снова почувствовала, как в душе шевельнулась ревность. Представилось, как много времени хозяйка проводила наедине с моим мужем, как дарила ему улыбки и вилась вокруг рыжей кошкой, и руки сами собой сжались в кулаки.

«Кэри, успокойся, — одернула я себя. — Ты ведь не любишь Кейна, так к чему тебе его ревновать? Или все-таки…»

— Как бы там ни было, но, сдается мне, убрался этот ублюдок из города. Может, в Престон подался, а может, и в Сарджент, главное, чтобы от нас подальше.

Лори усмехнулась и снова взялась за тряпку, а я, с трудом допив чай и понаблюдав немного за бурной деятельностью хозяйки, решила уйти подальше и от нее, и от собственных мыслей, и отправилась гулять по городу.

***

На улице и вправду было светло и солнечно. Жизнь в форте кипела. Казалось, все уже забыли и о странной болезни, поразившей сразу нескольких горожан, и о стоящих в церкви гробах, и о загадочном тумане. Уэстен торопился жить. Слишком юный, слишком напористый, слишком деловой, не оглядывающийся назад и не обращающий внимание на трудности, он не желал задерживаться в прошлом, всеми своими силами устремляясь в будущее. И я, разглядывая ровные прямые улицы и небольшие деревянные домики, остро чувствовала эту неуемную жажду жизни, которая подкупала своей искренностью и уверенностью в том, что колонистов не сломить ни бедам, ни болезням, ни капризам природы.

А еще я впервые отчетливо поняла, что несмотря ни на что люблю свой город и горжусь его историей и людьми, сумевшими выжить в тяжелых, почти нечеловеческих условиях новой родины.

Из истории я знала, что первыми прибыли на эти земли эрдеронские аристократы. Все они были одержимы идеей нового мира и надеялись основать в Арайе, как называли Эшер коренные

народы — акаучи и аронги, — второй Эрдерон. Правда, первая же зима, наступившая до того, как поселенцы успели построить свои дома, забрала жизни почти половины колонистов, а весна и начавшиеся болезни подкосили остальных. Слишком изнеженные, слишком гордые, чтобы просить помощи у акаучи, не привыкшие к жизни в простых условиях, поселенцы оказались не готовы к тому, что их ожидало. Всего трое из них сумели выжить и встретить прибывших со следующими кораблями простолюдинов. Фермеры, рабочие, бывшие заключенные, мелкие торговцы — именно они смогли договориться с местными и основать сначала колонию в Пливене, потом — в Эридолле, а дальше появились Сарджент, Уэстен и еще несколько фортов, построенных вдоль побережья. В новые города потянулись новые жители, к первым поселенцам из Эрдерона приехали семьи, и жизнь закипела.

А через пятьдесят лет уже весь Эшер был заселен колонистами и поделен на графства, по примеру родного Эрдерона. Немногочисленных оборотней-акаучи вытеснили за Интари или, как называли ее местные, Великую реку, а колонии все росли, множились, занимая новые и новые территории.

Я бродила по улицам, с интересом наблюдая за деловитыми поселенцами, и невольно вспоминала привычный мне Уэстен, оставшихся там дядюшку Джобса и Ильду, свой старый дом и особняк Кейна. И самого пирата. Со вчерашней ночи мне не давала покоя мысль, что, женившись на мне, он обрек себя на неведомые несчастья и раннюю смерть. И я все думала, как это исправить, как избавиться от семейного проклятия и его последствий. Знать бы еще, в чем оно заключается?

Вчера у меня не хватило сил просмотреть библию до конца, но вечером я собиралась исправить это упущение. Почему вечером? Мне не хотелось, чтобы Лори видела меня за чтением библии. Почему-то я чувствовала, что никому не должна говорить о тайнах своей семьи. Это касалось только меня. Ну и, возможно, мужа, если когда-нибудь он сумеет завоевать мое доверие.

Я бродила по городу, отвечала на приветствия уэстенцев, улыбалась встречающимся колонисткам, а в голове хороводом кружили мысли. Мне нужно было докопаться до истины и сделать все, чтобы Джеймс не пострадал. Какие бы счеты ни были между нами, он не заслуживает того, чтобы умереть в расцвете сил. Только не он. Хватит с меня вдовства и черных одежд. Я не для того

выходила замуж, чтобы снова стать вдовой.

Подгоняемая этими мыслями, вернулась домой и, поужинав, поднялась наверх.

Библия ждала на столе. Со вчерашней ночи она как будто изменилась. Темная кожаная обложка показалась мне еще более ветхой, а на бронзовой застежке проступила зеленоватая патина. Странно.

Я зажгла свечи, села за стол и открыла фолиант на том самом месте, на котором остановилась накануне. Книга Исайи. Между ее строками мелькали заклинания, вычисления годового лунного цикла, рецепты снадобий и настоек. Каждая женщина моего рода записывала в семейной библии что-то свое. Были те, кто сухо перечислял ингредиенты очередного зелья, но были и такие, кто делились своими мыслями, надеждами, горестями и радостями, описывали свою жизнь и жизнь своих близких. И с каждой новой строчкой я все глубже погружалась в историю семьи и все ярче понимала, чего была лишена.

Нет, я не винила маму в том, что она сделала. Она всего лишь хотела меня защитить. Но при этом я оказалась лишена своих корней, дара и силы рода, и чувствовала себя так, будто вся моя прежняя жизнь — всего лишь подделка, суррогат,

обман. Сейчас я даже в своей любви к Роберту была не уверена.

«Сегодня серьезно поговорила с Логаном насчет визитов в наш дом Джеймса Кейна, и муж согласился, что деловые вопросы лучше решать в правлении компании. И все равно на сердце неспокойно. Кэри еще слишком мала. Ей всего пятнадцать. Но то, как она смотрит на Кейна… Нет, моя девочка не могла влюбиться, это просто обычный детский интерес. Я, наверное, зря волнуюсь. Но все-таки будет лучше, если этот чужак перестанет приходить к нам в дом. Есть в этом мужчине что-то необычное. И его магия… Она похожа на магию высших, и все же — иная. Нет, ни к чему моей дочери заглядываться на знатного лорда. Пусть подрастет и выберет того, кто будет ей ровней».

Бедная мама… Она видела мою детскую влюбленность, но даже слова против не сказала. Просто взяла и закрыла для Кейна вход в наш дом.

Или следующая запись.

«Что ж, это случилось. Кэролайн влюбилась. Ее избранник, Роберт Дерт — красивый молодой человек, сын покойного капитана Эбенезера Дерта. Галантный, обходительный, приятный.

Даже слишком, и это настораживает. Или я снова придираюсь и виной всему обычная материнская ревность? Не знаю. Смотрю на свою девочку и не могу поверить, что она уже выросла и готова покинуть отчий дом. Готова ли? Знает ли, что ее ждет? Господи, пусть моя дочь будет счастлива и ее не коснется ни одно из несчастий, преследующих наш род!»

Вот снова! Что за несчастья? Из-за неведомого проклятия? Ну почему бы матушке не написать о нем поподробнее?

От желтоватых страниц исходил ни с чем не сравнимый аромат старой бумаги, благовоний, воска и краски. Я листала их, вглядывалась в мелкие строчки и погружалась в прошлое.

Кейн говорил, что магия алайетов — зло. А я просматривала заметки своих родственниц, и мне открывалось совсем другое. «Лалидейла умирала, — читала написанные красивым округлым почерком строки. — Я поняла это сразу, когда вошла в шатер и увидела лежащую на мокрых от крови шкурах женщину — бледную, почти прозрачную, с пересохшими белыми губами и глубокими черными тенями под длинными ресницами. Новорожденный заходился криком, а Лали не могла открыть глаза, чтобы посмотреть

на свое продолжение, дать ему благословение рода, наречь имя. Меня позвали слишком поздно. Ни одно снадобье, ни одно зелье не способны вернуть человека, которого позвали за собой духи Вальделлы. «Верни ее! — умолял меня Авирон. — Сжалься над нашим первенцем, верни ему мать, а мне жену!». Я видела его слезы — скупые слезы воина, текущие по грубым, заросшим щетиной щекам. Слышала плач стоящих за пределами шатра людей. Слушала свое сердце. Если бы у меня была полная сила, я бы с легкостью подняла Лали с одра смерти. Но с урезанным даром… Раздумывать было некогда. И я сделала то единственное, что могла сделать — полоснула по запястью ножом и отдала духам свою кровь и десять лет жизни. Они взяли их с радостью. Кинулись, как голодные псы, раздирая мои руки невидимыми зубами, вонзая в плоть острые когти, захлебываясь от жадности и нетерпения и упиваясь моей утекающей вместе с кровью магией. Мне с трудом удалось их остановить. Тело болело так, что я едва стояла на ногах, но один взгляд на Лалидейлу заставил меня забыть о боли. Дочь Аматуки держала у груди своего сына и смотрела на меня ясным счастливым взглядом. Слава Великой! Теперь с матерью и младенцем

все будет хорошо».

Анна Эстари — так звали мою родственницу — оставила много записей. Гораздо больше, чем все остальные. Я вчитывалась в них, и передо мной проходила жизнь деятельной и счастливой женщины. Замужество, любовь, рождение дочери… Она писала об этом так ярко, так эмоционально, что я видела все описываемые события, словно вживую, и не могла сдержать слез или радостной улыбки. А потом наткнулась на последнюю запись, сделанную рукой Анны, и почувствовала, как больно сжалось сердце.

«Он ушел. Мой Асвальд ушел, и я ничего не смогла сделать. Я кричала, я сопротивлялась, я держала его жизнь в своих руках и не хотела отдавать ее духам, обещая им всю свою магию и силу, но духи Вальделлы оказались неумолимы. Проклятие настигло моего любимого и оборвало нить его судьбы задолго до назначенного срока. Несправедливо. Жестоко. Бесчеловечно. Я так надеялась, что дед сумел одолеть проклятие Первородных, так верила, что моего желания и проведенного ритуала достаточно, чтобы все исправить, но нет. Не получилось. Фениксы не смогли вернуть свои крылья, а жизнь Вальда оборвалась на самом взлете. Великая Мать, за

что? Почему именно Асвальд? Он ведь ни в чем не виноват…»

Я чувствовала льющееся со страниц книги отчаяние, ощущала боль родственницы, как свою, вспоминала Роберта, каким он лежал в гробу, но перед глазами был Джеймс. Это его я видела в вязкой тишине церкви, это над его телом звучали псалмы поминальной службы, это его бескровное лицо, напоминающее белый мрамор, приковывало взгляд — нечеловечески красивое и такое же холодное.

Нет… Это неправда. Это прошлое. Это все осталось в прошлом.

Я резко отодвинула от себя библию, встала из-за стола и распахнула окно, пытаясь сделать глубокий вдох и успокоиться, но прочитанные строки не отпускали. Они горели перед внутренним взором, переливались, расплывались огненными бликами и зловеще мерцали.

И в этот момент я услышала знакомый звук. Цоканье подков. Кто-то скакал по улице со стороны Иллер-роу. Подгоняемая предчувствием, я высунулась из окна, пытаясь разглядеть приближающегося всадника, а сердце уже колотилось о ребра, торопилось, горело в нетерпении и захлебывалось радостью. Кейн… Это был он. Я

чувствовала.

И точно. Всадник остановился рядом с домом Лори, спешился и поднял голову, глядя прямо на меня.

— Джеймс!

Имя мужа само слетело с губ.

Кейн приподнял шляпу и усмехнулся так, словно хотел сказать: — «Вижу, вы по мне скучали, миледи?»

Вот же пират!

— Добрый вечер, дорогая, — в голосе супруга послышался едва уловимый сарказм. — Несказанно рад лицезреть вас этим чудным погожим вечером.

Я поспешно стерла с лица улыбку и чопорно ответила:

— Я тоже рада вас видеть, дорогой.

Желание кинуться к лестнице и встретить Кейна внизу безвозвратно пропало.

— Не стойте у окна, заболеете, — негромко посоветовал муж и повел коня под навес, а я задвинула ставень и, подойдя к столу, закрыла библию. Нет, я не опасалась, что Кейн увидит то, что не предназначено для посторонних, просто не хотела привлекать ненужного внимания к семейной книге.

Снизу послышался шум, радостные восклицания Лори, негромкий голос Кейна, а я застыла на месте, пытаясь справиться с собственными чувствами. С каждым днем, с каждой встречей я все отчетливее понимала, что постепенно влюбляюсь в собственного мужа. Я не хотела этого, знала, что глупо, ругала себя и все равно ничего не могла поделать. Джеймс Кейн каким-то неведомым образом ухитрился проникнуть в душу и обосноваться так прочно, будто был там всегда.

«Соберись, Кэри, — попыталась призвать себя к порядку. — Если Кейн узнает, что ты умудрилась в него влюбиться, то он не преминет вдосталь над тобой посмеяться. Пират, что с него взять? Он привык к легким победам, и ты окажешься еще одной в длинном списке его трофеев».

Я высоко вскинула голову и холодно усмехнулась. Нет. Я не доставлю супругу такого удовольствия.

В этот момент дверь открылась, и на пороге появился мой муж. В запыленной одежде, в заляпанных грязью сапогах и с отросшей щетиной он выглядел таким усталым и измученным, что я забыла о своих недавних внушениях и невольно сделала шаг вперед. То ли затем, чтобы поддержать, то ли затем, чтобы обнять.

— Кэролайн.

Супруг слегка склонил голову.

И в этом жесте мне почудилось предупреждение. Казалось, Кейн уловил мои намерения и словно бы отстранился, не подпуская меня ближе, отгораживаясь, скрывая… Что он мог скрывать?

Сердце сжалось от дурного предчувствия. Взгляд пробежался по высокой фигуре и замер на правой руке, которой пират держал шляпу.

— Джеймс, с вами все в порядке?

Я уже даже не пыталась скрыть ни свои чувства, ни все усиливающуюся тревогу.

Смотрела на дрожащие, почерневшие пальцы и ощущала страх. Что случилось? Почему мой муж выглядит так, словно не спал несколько суток подряд? И что с его рукой?

Именно это я и спросила, подойдя к Кейну.

— Пустяки, — поморщился тот, повесив шляпу на гвоздь. — Небольшой ожог.

Муж убрал поврежденную руку за спину и, обойдя меня, прошел к столу.

— Надеюсь, вы не сильно скучали в мое отсутствие? — небрежно поинтересовался он, но я успела заметить быстрый внимательный взгляд, которым он окинул мою фигуру. Словно бы проверял, все ли со мной в порядке.

А мне неожиданно стало все равно, что он подумает и скажет в следующую минуту. Я просто шагнула вперед и сделала то, что чувствовала. Руки взлетели на плечи мужа, губы нашли его рот, и я потерялась в поцелуе — горячем, немного отдающем горечью, но таком упоительно-живом!

— Кэри…

Мне послышалось, или Кейн, оторвавшись, действительно прошептал мое имя?

— Моя Кэри…

Нет, не почудилось. Так и есть. Голос мужа звучит хрипло, а пальцы уже расстегивают пуговицы платья, высвобождают грудь, касаются сосков, гладят их. Эти прикосновения нельзя назвать нежными, но мне сейчас и не нужна нежность. После тех страхов и видений, что мучили меня так недавно, хотелось полнее ощутить то, что Джеймс рядом, здесь, со мной.

Его руки, его губы, его дыхание… Я чувствовала все так ярко. И мне хотелось быть еще ближе, прижаться всем телом, раствориться, смешать тела и судьбы.

— Джеймс…

Я не заметила, как мы оказались на кровати, не успела понять, когда мы остались без одежды.

— Кэри…

А вот теперь в голосе мужа послышалась нежность. И его прикосновения изменились. Он ласкал мою грудь — именно ласкал, касался волос, пропускал их сквозь пальцы, и я млела под этой лаской и откликалась на нее ответной: гладила плечи Джеймса, лицо, целовала, шептала всякие глупости.

А дальше… Дальше было настоящее безумие. Страсть — горячая, неудержимая, захватила и увлекла за собой, свела с ума, заставила забыть и о прошлом, и о будущем. Между нами осталось только настоящее. И вдруг, в один момент, все изменилось.

— Не двигайся, — резко отодвинув меня к стене, тихо сказал муж и приподнялся на постели.

Секунда — и он оказался рядом с окном, осторожно, всего на пару дюймов отодвинул ставень и замер, прислушиваясь к чему-то.

Только я хотела спросить, что происходит, как он поднял руку, призывая меня к молчанию. А потом резко открыл окно и негромко произнес какое-то заклинание:

— Паратеро!

За стеной раздался душераздирающий вой, и я поняла, что возле дома снова вьются фантомы.

— Садеро! — не останавливался Джеймс, не

позволяя призрачным щупальцам проникнуть внутрь. — Оставайся на месте! — отвлекся он на меня, увидев, что я встала с постели и пытаюсь надеть платье.

— Там внизу Лори. Мне нужно к ней.

Пальцы путались в завязках, волосы лезли в глаза, широкий подол норовил зацепиться за стоящий рядом стул. Проклятье! Мне с трудом удалось справиться с одеждой.

— Идем вместе, — быстрым движением запечатывая окна чем-то, похожим на магическую паутину, сказал муж.

Он быстро натянул штаны и рубаху, ухватил меня за руку, и мы кинулись к лестнице.

— Лори! — на ходу кричала я, видя, как дрожат под невидимыми ударами хлипкие ставни.

— Что случилось?

Из спальни высунулась всклокоченная рыжая голова.

— Ах ты ж, святая сила! — увидев, что происходит, вскрикнула хозяйка и всплеснула руками. — Как же так? Мы ведь все сделали правильно, неужто заклинание не сработало?!

Ответить я не успела. Джеймс вытянул руку в сторону одного из окон и резко бросил:

— Анаирате!

За дверью раздался глухой вой, а потом отчетливо запахло паленым.

— Справа! — громко взвизгнула Лори, и я увидела, как сквозь приоткрытый ставень просачиваются знакомые туманные отростки.

— Танос! — тут же отреагировал Кейн.

Призрачные пальцы дернулись и растворились в воздухе.

— Проэри!

За стенами дома все стихло.

Кейн прошел к двери, замер, прислушиваясь к чему-то, а потом велел нам оставаться на месте, выскользнул из дома и исчез в тумане.

— А я-то думала, что этот чертов маг убрался из Уэстена, — расстроенно вздохнула Лори, но я не обратила внимания на ее слова, поглощенная тем, что происходит снаружи.

До нас долетали звуки заклинаний, следом слышался утробный вой, после раздался стон, и стены дома содрогнулись, как от мощного удара, а потом все стихло.

Я затаила дыхание, вслушиваясь в воцарившуюся тишину. Она была тревожной и густой, и в ней слишком осязаемо затаилась опасность. Секунда, другая, третья… Время растянулось, как кисель. Мне снова вспомнились недавние

видения: бледное бескровное лицо мужа, мрамор неподвижных рук, холод застывшего в гробу тела. И в душе вспыхнула тревога. Нет, скорее даже паника. Все мои страхи ожили, подняли голову, просачиваясь в сердце склизким туманом и оседая там серым пеплом.

— Интересно, милорд его найдет? — шепотом спросила хозяйка.

Знать бы еще, кого… Кто способен на создание фантомов? Откуда взялись эти самые фантомы? Где прячется сам «кукловод»? А что, если он тут, поблизости, и собирается убить моего мужа?

Я с трудом удерживалась от желания выскочить из дома и найти Кейна.

«Успокойся, Кэри, — уговаривала себя. — От твоего геройства не будет никакой пользы, скорее, наоборот. Не нужно отвлекать Джеймса».

Правда, эти внушения почти не помогали. Я готова была сорваться и потянуть на себя эту проклятую дверь, отделяющую нас от того, что происходило снаружи.

— Что-то лорда Кейна давно нет, — настороженно посмотрела на меня Лори. В мерцающем свете горящей в настенном канделябре свечи ее лицо казалось старше. — Ой, кто-то идет, — тут же выдохнула она.

За дверью действительно раздавались шаги — тихие, едва слышные, зловещие. Душу сковало страхом. Кто это? Джеймс или его противник?

И в этот момент, словно в ответ на незаданный вопрос, дверь скрипнула и медленно поползла в сторону.

Я потянулась к столу, взяла с него нож и сжала в руке деревянную рукоятку.

— Кто там? — негромко спросила Лори.

Ее голос прозвучал хрипло, как воронье карканье.

Я сделала шаг вперед, вытянув перед собой нож.

— Это я, — раздался голос мужа, и из клубов тумана возникла знакомая фигура.

— Джеймс!

Нож с глухим стуком упал на пол. Не знаю, какая сила толкнула меня вперед. Я очнулась уже в тот момент, когда прижалась к груди супруга и услышала ровный и уверенный стук его сердца.

— Ну что ты? — тихо спросил Кейн, обнимая меня одной рукой, а второй проводя по моему лицу, вытирая слезы. И откуда они только взялись? — Перестань, Кэри, все хорошо.

— Ты нашел его? — посмотрела в теплую серую тьму его глаз. — Ты нашел этого мага?

— Нет, — покачал головой Кейн. — Не смог, он слишком далеко. А вот избавиться от его фантомов мне удалось. Думаю, он не скоро оправится от их потери.

— А что они вообще такое? — спросила Лори.

— Часть сущности мага, его невидимое тело, — ответил Кейн. — Обычно так действуют некроманты, но тут какая-то другая магия, я с такой никогда не сталкивался.

— И что теперь будет?

Лори смотрела на Джеймса так, будто тот знал ответы на все вопросы, и меня это неожиданно задело. Незачем ей так смотреть на чужого мужчину. На моего мужчину!

— Да ничего особенного, — усмехнулся Кейн. — Я уничтожил часть его силы, поэтому магу придется долго восстанавливаться. Так что в ближайшие пару месяцев он сюда не сунется.

— А потом? Вдруг вас рядом не будет, когда он вернется?

— Завтра я поставлю вокруг всего форта защиту, — ответил Кейн. — снять которую сможет только обладатель родственной магии. Так что вам ничего не грозит. А пока давайте спать. Еще полночи впереди.

Он устало повел плечами, обнял меня и повел

к лестнице, оставив Лори обдумывать его слова.

Глава 14

Следующие два дня прошли в подготовке к походу в горы. Да, муж согласился взять меня с собой. Не спрашивайте, как мне это удалось, но чудо свершилось, и все мое время было занято сборами. Одежда, обувь, теплый плащ — я складывала вещи с расчетом приближающихся холодов и все не могла поверить, что супруг так легко сдался. Наверное, где-то в глубине души я даже ожидала, что в последний момент он передумает, но нет. Кейн занимался заготовкой провианта и оружия, из Сарджента приехал Крис Торнтон — знаток обычаев алайетов и один из участников нашего путешествия, а из селения акаучи-медведей явился Авиро — оборотень-проводник, который должен был отвести нас к горам Ареи. Он и в человеческом обличье походил на Хозяина леса — крупный, лохматый, с настороженным взглядом темно-карих глаз и с густыми, сросшимися на переносице бровями. Его черные волосы были перехвачены кожаным шнурком, а на шее болталась странная веревка с узелками. «Варитору, — пояснил мне муж. — С языка акаучи

переводится как Карта пути. Каждый узелок на ней обозначает какой-то понятный для оборотней ориентир». Я внимательнее присмотрелась к веревке. Она была длинной и чем-то напоминала наши четки, только все узелки были разной величины и расстояние между ними тоже было разным. Очень интересная вещица.

И вот наступил знаменательный день. Рано утром, еще до рассвета, мы попрощались с Лори и покинули Уэстен, чтобы отправиться на восток, туда, где, по словам проводника, «горы сливаются с небом и рождают зарю».

Когда ворота форта остались позади, сердце тревожно екнуло. Вернемся ли мы сюда? Суждено ли нам снова увидеть старый город и Лори? А Джеймс? Чем грозит ему это путешествие к алайетам? Боже, только бы все получилось…

Лес был темным и неприветливым. Птицы еще не проснулись. Тропинка тянулась вдоль реки, петляя вместе с ее руслом, и уводила нас все дальше от форта, в густую темную чащу. Проводник держался впереди. Кейн ехал за ним, моя лошадка неторопливо двигалась следом, а замыкал наш отряд Торнтон. Молчаливый, погруженный в собственные мысли и не выпускающий изо рта темную, чуть надколотую по верхнему ободу

трубку, Крис Торнтон производил впечатление человека себе на уме. Широкополая шляпа скрывала острый взгляд, длинные усы свисали по сторонам худого лица, делая его еще более острым, а довершали картину орлиный нос и тонкие губы. За вчерашний день Кристофер сказал от силы пару слов, да и сегодня не казался особо разговорчивым — буркнул что-то вроде «Доброе утро, миледи» и замолчал, посасывая свою трубку и с равнодушным видом глядя вперед.

Проводник тоже не отличался многословием, хотя, возможно, он просто плохо владел эрдеронским.

Время шло, но солнце так и не выглянуло из-за туч. В лесу было прохладно и сыро, листья деревьев сочились влагой. Дорога пока была несложной, и я успевала смотреть и по сторонам, и на мужа, любуясь его уверенной посадкой и крепкой фигурой, и невольно вспоминала минувшие ночи — горячие, безумные, наполненные огнем и страстью. Мы с Джеймсом словно пытались наверстать то, чего были лишены. Медленно, шажок за шажком, раскрывались навстречу друг другу — уже не враги, но еще и не друзья.И я молилась, чтобы ничто не нарушило этот хрупкий мир ,чтобы мы смогли преодолеть все то, что еще

оставалось недоговоренным. Наши новые отношения напоминали беркос — страстный танец, в котором партнеры делали два шага навстречу друг другу, замирали, плотно прижимаясь всем телом, и тут же оступали назад, забирая с собой пробежавшую искру, грозящую перерасти в полноценный костер. И в этот момент все зависело от двоих. Кто-то вспыхивал и позволял пламени испепелить все вокруг, а кто-то благоразумно отступал, не поддаваясь бурлящему в крови жару. Знать бы, как далеко зайдем мы с Кейном? И чем закончится наш «танец»?

Стук копыт стал тише. Я огляделась. Лес стал другим. Березы, клены и осины постепенно уступили место соснам и елям, и тропа оказалась усыпана бурыми иголками, мягко скрадывающими звуки. Неширокая, извилистая, она вела нас на восток, к далеким горам Ареи.

— Артэро ваи, — неожиданно поднял руку проводник, оглядываясь по сторонам и к чему-то прислушиваясь.

Мы остановились. Джеймс нахмурился и посмотрел на акаучи, словно безмолвно спрашивая о чем-то, но тот отрицательно качнул головой и снова замер.

— Савиро олхри, — негромко, слегка растягивая

гласные, сказал Торнтон.

Он настороженно покосился вправо, коснулся мягких полей невысокой шляпы и сдвинул ее на затылок.

— Сабезо, — обронил Кейн, тоже пристально вглядываясь в густые заросли орешника.

Мне ужасно хотелось узнать, о чем говорят мужчины, но я сдержала свое любопытство, понимая, что им сейчас не до объяснений. Правда, на всякий случай тоже уставилась на перепутанные ветви лещины, пытаясь сообразить, что с ними не так.

— Ахир, — коротко произнес проводник, спешился и скользнул в заросли.

Пара минут прошла в тишине.

Я прислушивалась к доносящемуся снизу плеску реки, рассматривала окрестности, но ничего подозрительного так и не заметила. Или просто не знала, куда смотреть?

— Верто, — бросил появившийся из-за деревьев Авиро.

Несмотря на крупную комплекцию, он легко взлетел на коня и двинулся по тропе. Мы отправились следом, но я видела, что мужчины напряжены и внимательно поглядывают по сторонам.

— Джеймс, что происходит?

— Авиро показалось, что в зарослях кто-то есть, — ответил муж.

— Человек?

— Зверь.

Кейн сказал это быстро и уверенно, но у меня возникло подозрение, что он просто не хочет меня волновать. Что ж, узнаю свойственную всем мужчинам уверенность, что женщины — существа слабые и чувствительные и их нужно оберегать от любых волнений.

— Давай вперед, — съезжая с тропы к реке, велел муж.

— А ты?

— Я поеду за тобой.

Я не стала спорить. Дядюшка Джобс не раз говорил, что залог удачного похода — морского ли, пешего — это беспрекословное подчинение командиру. В любом отряде принимать решения должен кто-то один, иначе начнется анархия и все пойдет прахом.

— Не устала? — тихо спросил Кейн, когда я проезжала мимо него, и мне стало жарко от того, как он на меня посмотрел.

— Нет, — мотнула головой, всем телом ощущая взгляд мужа, и направилась вперед.

Сердце стучало быстро — гораздо быстрее положенного. И дыхание сбилось. А перед глазами снова возникли картинки нашей недавней близости, и щеки залило жаром.

— Перестань, Кэри, — еле слышно сказал муж, пуская своего коня следом.

— О чем вы, дорогой?

— Ты слишком громко думаешь, — голос Кейна звучал хрипло. — А я не железный.

В груди стало тесно. А на губах, помимо воли, расцвела улыбка.

— Тренируйте выдержку, дорогой, — обернувшись, посмотрела в потемневшие глаза и провокационно усмехнулась. Ну да, мне нравилось проверять свою власть над этим сильным и опасным мужчиной!

— Боюсь, еще одно слово, и выдержку придется тренировать вам, дорогая, — в тон мне ответил Кейн и взглянул так, что я разом почувствовала, как внутри все опалило жаром, а седло стало удивительно неудобным. Что ж, еще неизвестно, кто в этом противостоянии окажется сильнее.

Джеймс насмешливо улыбнулся и приподнял широкополую шляпу. Похоже, наш беркос все еще продолжался…

***

Хвойный лес быстро закончился, ему на смену снова пришел смешанный. Птицы, разбуженные хмурым рассветом, негромко щебетали, перелетая с ветки на ветку, под копытами лошадей тихо шуршала листва, тропа то поднималась вверх, то спускалась вниз, а река Интари говорливо шумела по камням и без устали несла свои воды к Искайскому заливу.

К обеду мы выехали к Престону, немного отдохнули и двинулись дальше, намереваясь к вечеру добраться до Аванарубу — небольшого поселка акаучи, расположенного недалеко от границы.

Пока дорога шла через заселенные эшерцами земли, наше путешествие было больше похоже на легкую прогулку. Правда, когда мы снова въехали в лес, более густой и темный, чем в окрестностях Уэстена, в душе тонко зазвенела тревога. Мне даже показалось, что за деревьями скрываются какие-то бестелесные тени, да и мужчины выглядели настороженными. Торнтон, вроде как между делом, постоянно поправлял мушкет, Джеймс незаметно оглядывался по сторонам тем самым взглядом, из-за которого я и прозвала его флибустьером, а Авиро несколько раз останавли-

вался и прислушивался, а потом снова погонял своего коня, бормоча что-то себе под нос.

Мы ехали уже несколько часов, и вскоре в лесу заметно потемнело.

— Нужно поторопиться, — негромко сказал Кейн. — Надо успеть до темноты добраться в поселок. Авиро, сахна кай? — обратился он к проводнику.

— Варни басо, — отозвался тот. — Эстуро двани аих ватон.

— Что он говорит? — спросила я.

— Что селение волков в одном переходе отсюда, и он уже чувствует запах жареной оленины, — ответил муж.

Авиро оказался прав. Чуть меньше чем через полчаса мы подъехали к селению акаучи, и я увидела те самые домики с затянутыми шкурами дверными проемами, что изображались в столь любимых мною книгах по истории. Только там они казались карикатурно дикарскими, а наяву выглядели вполне симпатичными: небольшие, одноэтажные, с квадратными окошками, с конусообразными соломенными крышами и связками маковых головок, развешенных над проемами.

Аванарубу был совсем небольшим поселком. Я насчитала пятнадцать домов и длинное прямо-

угольное здание в центре — Дом Духа, из которого как раз выходили несколько мужчин-акаучи. Высокие, одетые в широкие штаны и просторные кожаные жилетки, волки выглядели удивительно похожими.

— Братья Акау, — тихо пояснил муж. — Дети местного главы. Можно сказать, что поселение состоит из одной семьи Акау, тут все друг другу родственники в нескольких поколениях.

— И они не боятся вырождения? — удивленно посмотрела на мужа.

— Волкам оно не грозит, — хмыкнул подъехавший ближе Торнтон.

— Савасари итош вараби, — повернулся к нам проводник.

— Говорит, что духи благоволят нашей поездке, — перевел его слова Джеймс. — Что ж, помощь духов лишней никогда не бывает, — абсолютно серьезно добавил он, с легкостью спешился и протянул руки, помогая мне спрыгнуть на землю.

— Если бы я знал, что ты наденешь этот костюм, то ни за что не согласился бы взять тебя с собой, — задерживая меня в своих объятиях, прошептал муж. — Это просто невыносимо, видеть тебя в этом… наряде и не желать его сорвать.

— К счастью, ты этого не знал, дорогой — улыб-

нулась я. — А с твоими желаниями мы вполне можем что-нибудь придумать. Как насчет сегодняшней ночи?

— Играешь со мной, Кэри?

Глаза мужа опасно блеснули.

— Ну что ты, — невинно улыбнулась в ответ. — Всего лишь пытаюсь помочь.

Сказать по правде, я не знала, как Джеймс отнесется к моей идее, потому и не стала заранее показывать ему «костюм для верховой езды», как назвала наше совместное творение Лори. Когда я попыталась найти в лавке Болтона нужную мне одежду, то ничего подходящего не обнаружила. Зато наткнулась на отрез светло-коричневой шерсти, из которого позже мы с Лори соорудили нечто похожее на жакет и штаны с удобной посадкой.

Надо было видеть выражение лица супруга, когда он узрел это творение на мне сегодня утром! К чести пирата нужно признать, что он сдержался и ничего не сказал, правда, перед выходом из комнаты ненавязчиво накинул мне на плечи плащ, скрывая под ним наш с Лори смелый эксперимент.

— Ты удивительно добра, дорогая, — хмыкнул муж и уже серьезнее добавил: — Держись рядом

со мной.

Он снял с коня одну из кожаных сумок и неторопливо двинулся вперед, к вышедшим из своих жилищ акаучи. Пока мы с мужем разговаривали, волки незаметно выстроились полукругом и сейчас настороженно смотрели на нас темными, отливающими желтизной глазами.

— Варха имари, — громко произнес Кейн.

— Имари, — ответил за всех крупный пожилой мужчина.

Даже среди остальных, весьма не маленьких соплеменников, он выделялся ростом и статью. Смуглый, с резкими, немного грубыми чертами лица. Мочки ушей растянулись под тяжестью длинных разноцветных серег из ракушек и перьев. Широкий лоб пересекает кожаный ремешок, удерживающий темные, с густой проседью волосы. Видимо, перед нами стоял сам глава Акау.

— Духи предупредили нас о тебе, чужестранец, — негромко, с сильным гортанным акцентом сказал он, глядя прямо на Кейна. — Волки послушают их волю и окажут гостеприимство тебе и твоим людям.

— Благодарю, Вару Акау, — ответил Джеймс, а потом поклонился и достал из сумки небольшую

резную шкатулку. — Прими от нас этот скромный дар, — протянул он ее волку, — в знак уважения и как свидетельство наших мирных намерений.

— Слезы богов, — откинув крышку и рассматривая два крупных серебристых камня, лежащих внутри, сказал Акау. — Редкий дар.

Он перевел взгляд на меня, потом посмотрел на Торнтона и снова вернулся к моему мужу.

— Пусть Духи будут добры к тебе, чужестранец, в том, что ты задумал, — тихо добавил он, и в его взгляде на миг сверкнула желтизна. — Арду, отведи наших гостей в дом, — обратился Акау к одному из своих сыновей, и меня поразило, что он продолжает говорить на эрдеронском языке. Вероятно, глава хотел показать свое доброе расположение к гостям и то, что у него нет от нас секретов.

— Идите за мной, — посмотрел на Кейна молодой мужчина, удивительно похожий на своего отца. Для полного сходства ему только серег не хватало.

Он направился к одному из домов, и мы с мужем пошли следом. Торнтон присоединился к нам, а проводник успел раствориться в толпе акаучи, и я потеряла его из виду.

Я старалась не показывать слишком явного

любопытства, но не могла удержаться и из-под ресниц разглядывала местных женщин. Высокие, крепкие, широкобедрые, в удобных прямых платьях и с многочисленными костяными украшениями на груди и руках, они были красивы какой-то первобытной красотой и держались с таким достоинством, что вызывали невольное уважение. Я видела взгляды, которые они даже не пытались скрыть, слышала негромкую, чуть гортанную речь и понимала, что вызываю у волчиц тот интерес, с которым женщины всегда оценивают другую женщину.

— Арду Акау принимает вас под свой кров, чужеземцы, — торжественно объявил оборотень, откидывая выдубленную шкуру и приглашая нас пройти внутрь. — Пусть Духи будут к вам милостивы.

Он посторонился, и Джеймс, не выпуская моей руки, первым вошел в жилище акаучи. Судя по всему, муж держался настороже, потому и не пропустил меня вперед.

Внутри было тепло и пахло молоком и сушеными травами. Деревянные стены украшали яркие плетеные коврики с затейливыми узорами, на полу тоже лежал большой ковер, прямо в центре находилась жаровня, дым от которой подни-

мался через трубу к отверстию в потолке, вдоль стен стояли накрытые покрывалами из заячьих шкур широкие лавки. В одном из углов комнаты я заметила большой сундук, на крышке которого были вырезаны странные символы.

— Даро вади, — видя мой интерес, тихо пояснил Торнтон. — Переводится, как сундук жены. С ним девушка приходит в дом мужа.

— И что там внутри?

— Несколько перемен одежды, домашняя утварь и сшитые невестой покрывала, а еще украшения, которые будущий муж преподнес ей в качестве свадебного подарка.

— Что-то вроде приданого?

Крис молча кивнул и, сняв с плеча кожаную сумку и мушкет, отошел к одной из лавок. Похоже, решил, что сказал слишком много, и поторопился избавиться от моих расспросов.

— Иди туда, — посмотрев на Джеймса, указал рукой на один из ковриков Арду.

Он так и продолжал стоять за порогом, придерживая длинную выдубленную шкуру.

— Пусть твоя женщина принесет тебе еды и воды, чужеземец, — добавил он и перевел взгляд непроницаемых темных глаз на меня. — Варитарх ахши, — сказал волк и кивнул мне,

предлагая выйти.

— Идите, миледи, у них так принято, — негромко сказал Торнтон. Он успел поставить мушкет в угол и растянуться на лавке, подложив сумку под голову. — Жена должна показать заботу о своем муже, тогда его будут уважать остальные мужчины. А иначе…

— Кэри, ты не обязана это делать, — перебил его Джеймс.

— Почему же? Я с удовольствием принесу тебе еду и воду, дорогой, — усмехнулась в ответ и добавила с нарочитой серьезностью: — Как и подобает примерной жене.

— Хорошо, я пойду с тобой.

Кейн выступил вперед. Он выглядел спокойным и собранным, но губы его были твердо сжаты, а взгляд снова стал опасным.

— На вашем месте я бы этого не делал, милорд, — остановил его Торнтон. — Иначе акаучи решат, что вы им не доверяете, и больше не ответят ни на один ваш вопрос.

Я покосилась на Арду. Тот стоял с невозмутимым видом, словно бы и не слышал нашего разговора, но глаза его изменили цвет, став ярко-желтыми, звериными, настороженными.

— Джеймс, все в порядке, — касаясь руки мужа,

тихо сказала я.– Не волнуйся, я вполне справлюсь сама.

Кейн промолчал, только посмотрел на меня странно задумчивым взглядом и неохотно отступил в сторону, а я улыбнулась ему и вышла вслед за оборотнем.

— Туда.

Арду кивнул на длинный сарай, возле которого суетились женщины. Одни носили от колодца глиняные баклаги с водой, другие разделывали тушу оленя. Пожилая, но все еще крепкая на вид волчица помешивала что-то в большом котле, который висел на вбитых в землю крюках и распространял невероятный аромат мяса и незнакомых мне душистых трав.

Именно к ней я и направилась, ощущая на себе взгляды наблюдающих за мной женщин.

— Авах варцо? — спросила волчица, уставившись на меня блестящими темными глазами.

И что это значит?

— Мне нужна еда для моего мужа, — громко сказала я и посмотрела на замерших женщин.

Те разом заговорили на своем языке и принялись жестикулировать, но я ничего не понимала. И что прикажете делать? Как объяснить им, зачем я пришла?

— Кто-нибудь говорит на эрдеронском? — оглянулась вокруг. — Нет? Еда. Мне нужна еда, — попыталась показать, чего я от них хочу.

Женщины заговорили еще громче, перебивая одна другую, но тут вперед вышла симпатичная круглолицая девушка и улыбнулась мне такой сияющей улыбкой, что невольно захотелось улыбнуться в ответ.

— Идти, — сказала акаучи и подала глиняную миску и плоское блюдо, больше похожее на поднос. — Брать еда. Здесь, — кивнула на котел, и ее длинные черные косы качнулись в такт словам.

— Вахраби унц, — проворчала пожилая волчица и ловко всунула мне в руку деревянный черпак. — Ихви, — подбодрила она меня, показывая, чтобы я зачерпнула кипящее варево.

Остальные дамы-акаучи подошли ближе, выстроились в кружок и замерли, напряженно наблюдая за тем, как я держу огромный черпак. Мне даже не по себе стало. Почему они так смотрят? Это что, какая-то проверка?

«Так, Кэри, выше голову. Представь, что ты дома, а рядом крутится Ильда и привычно ворчит себе под нос, что без нее госпожа с голоду помрет».

Как ни странно, воспоминание о верной слу-

жанке помогло успокоиться, и я уверенно опустила черпак в густое булькающее варево, в котором плавали куски мяса, какие-то незнакомые мне овощи, кукурузные зерна и разваренный ячмень. От котла распространялся непередаваемый аромат специй.

Стоило мне положить в миску крупный кусок мяса, как волчицы снова громко заговорили, без конца восклицая одно слово: — «Ахван». Что оно значило, я не поняла, но на всякий случай вытащила из котла еще пару кусков и добавила густую подливу.

— Ахван атори, — произнесла пожилая волчица и на губах ее появилась скупая улыбка. — Ати.

Она забрала у меня черпак, ткнула им в сторону дома Арду и снова произнесла: — Ати.

— Идти, — перевела ее приказ черноволосая девушка. — Брать вода и идти.

Она положила мне на поднос небольшой кожаный бурдюк и пару лепешек и тоже указала на дом.

— Еда, вода. Нести, — улыбаясь, пояснила моя помощница.

Что ж, меня не нужно было уговаривать. Я кивком поблагодарила женщин и, с осторожностью удерживая на подносе горячую миску, отправи-

лась к мужу.

Под ногами шуршали кленовые листья. В воздухе звенел звонкий стук топора — крупный седой акаучи обрубал ветки с лежащей рядом с Домом Духа сосны. В центре поселка, прямо напротив дома главы, несколько волков разводили большой костер, к которому постепенно подтягивались все мужчины Аванарубу.

Я наблюдала, как они расстилают шкуры и рассаживаются вокруг огня, как молодые помогают пожилым и с каким уважением к ним обращаются, слышала негромкую гортанную речь и видела на смуглых лицах скупые улыбки. И мне было интересно узнать, что будет дальше, что это за приготовления такие, но тут рядом со мной появился Арду и молча кивнул на дом, напоминая, что меня там ждут.

Что ж, он был прав. Стоило мне открыть дверь и войти, как Джеймс тут же забрал у меня из рук поднос и внимательно посмотрел в глаза, словно безмолвно спрашивая, все ли в порядке. В последние два дня, в окружении новых людей, мы часто общались вот так, без помощи слов, одними лишь взглядами.

— Я принесла тебе еду и воду, муж мой, — нарочито серьезно поклонилась супругу, но не сумела

выдержать роль до конца и улыбнулась. — И, судя по всему, все сделала правильно. Местные дамы одобрили.

— Да? — хмыкнул Торнтон. Он поднялся с лавки и подошел к Кейну, разглядывая содержимое миски. — Ну конечно. Еще бы они не одобрили! Ваш выбор говорит сам за себя. Вот это — мясо артана, который водится в самых глухих чащах Волчьего леса, — указал он на кусок, плавающий в густой подливе. — Акаучи считают, что к тому, кто съест артана, перейдет и его сила. Это — вард, тоже довольно редкий зверь. А вот это — ахван, царь всех зверей. Какой из них вы зачерпнули первым? — посмотрел он на меня.

— Если судить по тому, что говорили женщины, это был ахван.

— Лучший выбор из возможных, — кивнул Торнтон и повернулся к моему мужу. — Поздравляю, милорд, ваша супруга сумела показать, как высоко вас ценит и уважает, а это значит, что вы достойны и уважения волков.

— Получается, это была проверка?

— Да. Акаучи считают, что жена, или, как они говорят, акари, — показатель мужчины. Если духи соединяют двоих, они дают им общую тропу и общую судьбу, по которой супруги должны

идти рука об руку и заботиться друг о друге. Муж ставит дом, а жена зажигает в нем очаг, муж убивает оленя, а жена готовит из него еду, муж дает семя, а жена приносит плод. Хорошая жена — сила мужа, а муж — слава жены.

Торнтон вернулся к скамье, достал из кармана кисет и принялся набивать трубку. Лицо его было задумчивым, даже немного мечтательным, в глазах появилась непривычная мягкость, а суровые морщины, пересекающие лоб, почти разгладились. Правда, спустя пару секунд Кристофер поймал мой взгляд и нахмурился.

— Вот такая у них философия жизни, — немного скомкано пояснил он, а я задумалась.

Общая тропа… Двое, идущие рука об руку… Красиво.

— Но ведь я не знала об этой традиции.

— Так на то и был рассчет. Общий котел — нечто вроде гадания. Никто не знает, какой кусок попадется, вот все и смотрят, что акари чужеземца зачерпнет.

Торнтон усмехнулся и принялся раскуривать трубку.

— Советую поесть, милорд, — спустя пару секунд, буднично произнес он. — Скоро вас позовут на совет, и сколько он продлится, один Бог знает.

И вы, миледи, тоже поешьте. Негоже голодной ходить.

— Крис прав, Кэри, — согласился с ним Джеймс. — Присядь, — он поставил поднос на лавку и усадил меня рядом. — Вот, держи, — у меня в руках оказалась деревянная ложка.

— А ты?

— Я не голоден, — покачал головой муж и незаметно убрал руки за спину, но я успела заметить, что они снова дрожат.

Я присмотрелась внимательнее. Бледный. И на лбу испарина. Да что с ним такое?

— Джеймс, с тобой все в порядке? — с тревогой спросила супруга.

— Да, — отрывисто ответил Кейн и тут же добавил: — Поешь, пока не остыло.

Он отошел к Торнтону и что-то тихо ему сказал. Крис также тихо ответил.

А я зачерпнула ложку, поднесла ее ко рту и от одного запаха мяса неожиданно почувствовала нестерпимую тошноту. Не знаю, каким чудом мне удалось сдержаться. Не иначе, местные духи помогли.

Задержав дыхание, незаметно отставила тарелку, посидела немного и встала со скамьи.

— Кэри? — вопросительно взглянул на меня

муж.

— Позже доем. Хочу немного отдохнуть. Это ведь наша спальня, я правильно поняла?

Я кивнула на завешенный ковром проем.

— Да, — коротко ответил Джеймс и посмотрел странно задумчивым взглядом. Как будто пытался понять, что со мной не так. Если бы я сама понимала…

Перед глазами все расплывалось, голова кружилась, казалось, еще немного, и я попросту лишусь чувств.

— Варду Акау ждет тебя на совете, чужеземец, — послышался от входа голос Арду.

— Иду, — отозвался Кейн, все еще не отрывая от меня взгляда, и я поторопилась скрыться в отведенной нам комнате.

И только там, сев на застеленную разноцветным покрывалом кровать и отдышавшись, попыталась обдумать пришедшую в голову мысль и кое-что подсчитать.

Со времени свадьбы прошло чуть больше двух месяцев. И в последние пару недель меня несколько раз тошнило по утрам. А сегодня вот и вечером. Плюс сюда же стоит добавить некоторые особые симптомы. И что это значит? Неужели уэстенские кумушки были правы, когда

предполагали, что я в положении? Да нет…

Я прислушалась к себе. Мысль о том, что у нас с Джеймсом может быть ребенок, вызвала и радость, и страх одновременно. Все то время, что я была женой Роберта, я страстно мечтала о детях, надеялась, ждала, но чуда так и не случилось. И сейчас, когда все вроде бы говорит о том, что оно произошло, я никак не могла в него поверить. Сколько раз у меня были похожие симптомы раньше? Сколько раз я радовалась и торопилась сказать Бобби, что у нас будет малыш? И ведь ничего не вышло. Вот и сейчас, скорее всего, мне просто кажется. Но что, если это все-таки правда? Как Кейн примет невероятную новость? Обрадуется? Или разозлится?

Я вздохнула. Глупо об этом думать. Уверена, муж сделал все, чтобы наша близость обошлась без последствий. Маги обычно легко справляются с подобными вещами, и дети у них появляются только тогда, когда они действительно этого хотят. Хотел ли этого Кейн? Не знаю. Не уверена. Но ведь пират не их тех, кто не думает о последствиях, о нет. За то недолгое время, что мы провели вместе, я успела понять, что у Джеймса очень гибкий ум, с легкостью просчитывающий несколько вариантов развития событий, и умение четко

планировать все на несколько шагов вперед. Но тогда, выходит, он сознательно отказался от заклинания, препятствующего зачатию? Или я все придумываю, и нет никакого ребенка?

Снаружи послышались странные звуки. То ли пение, то ли вой волков. Я подошла к окну и подняла закрывающую его кожаную штору.

Зрелище, которое мне открылось, заставило удивленно податься вперед.

Вокруг большого костра, пылающего в центре площади, в два ряда стояли акаучи. Они медленно раскачивались и пели, и эти звуки — низкие, гортанные, похожие на звучание органа, будили в душе странные эмоции и чувства. Мне казалось, что я вижу бесконечные леса, простирающиеся до самых гор Авенау, дорогу, бегущую между деревьями, полную яркую луну, занимающую полнеба, мерцающую россыпь звезд. Под ногами, или, скорее, под волчьими лапами, шуршали потемневшие листья, лицо овевал прохладный вольный ветер, в душе вскипало шипучее, как молодое игристое вино, счастье… И я стояла, словно в трансе, а незамысловатая мелодия, в которой явственно проступал высокий волчий вой, уносила меня все дальше, влекла за собой, открывала тайны древних племен и такой же

древней земли, на которой они жили.

Не знаю, была ли это магия оборотней, или я теперь чувствовала все иначе, но окружающий мир казался совсем не таким, каким я привыкла его видеть.

— Асаури! — долетел до меня громкий возглас.

Круг распался, и в центре, у самого костра, подняв руки, замер одетый в длинную белую хламиду старик.

— Сахраш ави! — повысив голос, добавил он.

И тут я заметила мужа. Кейн вышел вперед, шагнул в центр и остановился рядом со старым акаучи. Лицо Джеймса выглядело сосредоточенным и строгим, отблески огня придавали ему совсем незнакомый вид, как будто передо мной стоял древний воин, один из тех, что населяли когда-то Эрдерон.

— Саноси? — услышала я обращенный к мужу вопрос.

— Апи, — ответил Кейн.

— Вархаби дан, — старик наклонился, поднял большую деревянную чашу и протянул моему мужу.

Я наблюдала, как Кейн берет ее, подносит ко рту и делает несколько глотков. Окна спальни выходили как раз на площадь, и все происходя-

щее разворачивалось передо мной настолько ярко, словно это была пьеса, разыгрываемая на сцене Уэстенского театра.

— Асах, — Кейн вернул старику чашу, поднял руки и уставился на огонь.

А в следующую секунду я увидела, как за спиной супруга появляется силуэт огромной птицы — яркой, похожей на сгусток пламени, медленно расправляющей острые огненные крылья. Они трепетали на ветру, горели и сверкали золотом, и Джеймс стоял в этом свечении, а в его глазах отражалось пламя костра, сверкающие искры и странная, нечеловеческая суть.

Я видела все это так отчетливо и ясно, словно находилась совсем рядом с мужем.

— Авассур! — послышались громкие голоса акаучи. — Авассур рау!

— Ты потомок фениксов? — недоверчиво спросил Кейна глава Акау.

— Да, — твердо ответил мой муж.

А я смотрела на него и вспоминала запись Анны Эстари, где она писала о проклятии фениксов. Господи… Неужели предки мужа имеют отношение к бедам моей семьи?

Акаучи продолжали что-то громко обсуждать, но я их не слышала. Смотрела на Кейна, видела,

как медленно исчезают огненные крылья, и пыталась осознать, что произошло.

Я слышала, что есть зелья, проявляющие родовую сущность мага. Похоже, в чаше было именно такое. Но Джеймс… Кто бы мог подумать? Феникс. Высший. Но как ему удавалось это скрывать? И почему его семья переехала в наш затрапезный Уэстен? Отчего Кейны не остались в столице, где живут все сильные маги?

В этот момент на площади раздались громкие голоса, и мне пришлось отвлечься от размышлений.

Джеймс отошел от костра к Варду Акау, старик в хламиде вылил остатки зелья из чаши на землю, произнес какое-то заклинание, и к огню один за другим потянулись акаучи. Они подходили к жрецу, тот осенял их каким-то странным знаком, напоминающим круг, и мужчины шли к Дому Духа, где их уже ждали женщины.

Постепенно площадь опустела, волки разошлись по домам, и я встревожилась, не видя, куда исчез мой супруг. Правда, вскоре в соседней комнате раздались шаги и приглушенные мужские голоса, а потом край ковра, закрывающего дверной проем, дрогнул, и в спальню вошел Кейн. Воздух сгустился, не давая вздохнуть.

Боже, нет… Я смотрела на мужа и понимала, что наша идиллия была временной. Настороженный взгляд, сумрачное, будто почерневшее лицо. И стена. Тяжелая, непробиваемая стена, которая снова отделила нас друг от друга. Она была такой ощутимой, что я даже каменную кладку увидела. И неровные швы.

— Джеймс.

Я протянула супругу руку, всей душой надеясь, что он откликнется на мой призыв, но нет. Серые глаза заледенели. Губы, которые умели быть такими нежными, плотно сомкнулись. На щеках заходили желваки.

— Джеймс.

Я не желала принимать происходящее. Не хотела мириться с тем отчуждением, которое чувствовала от мужа. Не после той ночи, когда ощутила, как в сердце вновь расцветает яркий огненный цветок.

— Вы еще не спите, миледи? — сухо спросил Кейн.

Сейчас передо мной был тот самый пират, которого я так хорошо помнила по Уэстену.

Он прошел к постели, снял дублет, одним движением стащил через голову рубаху и, повернувшись ко мне, обронил:

— Ложитесь. Выступаем на рассвете, у вас есть всего несколько часов, чтобы отдохнуть.

— Джеймс, я хотела спросить…

Я все еще пыталась пробиться через возведенную преграду, все еще верила, что смогу растопить возникший между нами лед. Не отрывая взгляда от мрачной серой тьмы, затаившейся в уголках любимых глаз, приблизилась к мужу, закинула руки ему на плечи и прижалась всем телом. Плевать на гордость! Плевать на самолюбие! Только бы стереть это чужое выражение с родного лица. Только бы не дать ненавистной пропасти стать еще шире!

— Джеймс, то, что я видела… Это невероятно! Вы…

Я не смогла договорить. Дыхание сбилось, сердце заныло, как больной зуб. Грудь под моей щекой была такой твердой, что напоминала ту самую невидимую стену. И на ум тут же пришла мысль — нет никакой преграды. Нет никаких камней, с неровными швами кладки. Кейн… Он и есть эта самая стена. Это его внутренние демоны постоянно возводят между нами преграды, не позволяя сблизиться и стать одним целым.

В горле появился комок.

— Джеймс…

Я подняла глаза и наткнулась на тяжелый, немигающий взгляд. Слова замерли на языке. Руки сами соскользнули с шеи мужа, и я отступила на шаг. Да что там, на шаг? Мне хотелось бежать без оглядки, лишь бы не видеть, лишь бы не чувствовать то, что бурлило в темно-серых провалах.

Это было больно. Очень больно.

Грудь сдавило так, что стало нечем дышать. А в голове билось только одно: — «За что? Что я сделала? Почему он смотрит на меня так, будто готов убить?»

— Я не хочу об этом говорить, — после долгой паузы сказал Кейн, и в его взгляде полыхнул огонь. — Доброй ночи, Кэри, — устало добавил супруг.

Он снял сапоги и растянулся на кровати. А потом отвернулся, словно мое присутствие причиняло ему неудобство.

В комнате стало тихо. Так тихо, что я отчетливо слышала гулкие удары собственного сердца. Оно билось, билось, билось… Глупая доверчивая птаха…

— Доброй ночи, дорогой, — с трудом проглотив возникший в горле комок, ответила мужу.

Тот лежал с закрытыми глазами, но я была

уверена, что он не спит. Не спит…

Что ж, мы с Кейном снова вернулись к тому, с чего начинали. Ничего не изменилось.

***

(Из дневника Дж. Кейна)

31 сентября по местному календарю

То, что испытал сегодня, невозможно передать словами. Я видел сущность феникса, ощущал ее, как свою, чувствовал силу и впервые полностью осознал, чего оказался лишен.

Проклятье! Можно сколько угодно представлять, что такое быть фениксом, но когда соприкасаешься с мощью настоящего огня, мир полностью меняется. И это не похоже ни на что из того, что я чувствовал раньше. Это сила, это мощь, это гудящая по венам магия. Это небо, зовущее в полет.

Никогда не думал, что мир может быть таким… ярким, осязаемым, огромным.

Но потом… Когда зелье оборотней перестало действовать, все вокруг стало пустым и серым. Бесцветным. Неживым.

Только секунду назад я был полон огня, который прокатывался по венам, соединялся с магией и расцветал ярким оперением крыльев, и вот уже

снова калека, обрубок, ущербный маг, еще горше, чем прежде, осознающий свое убожество.

Каюсь, не сдержался. Не смог смотреть в глаза той, что принадлежит к роду Озириса. Понимал, что она не виновата, но ничего не мог с собой поделать. Все внутри восставало против тех чувств, что вызывает жена, родовая клятва снова воскресла, прокатилась по крови, взяла власть, требуя отомстить, уничтожить, покончить со всем раз и навсегда.

А Кэри… Она глядела на меня и даже не понимала, что я чувствую и чем это ей грозит. Эти ясные глаза, эта улыбка… Она улыбалась и ничего не понимала. Ни-че-го!

Не знаю, как сумел сдержаться. Наверное, каким-то чудом. А может, мои чувства к жене — подлинные, а вовсе не результат магии алайетов? И именно они не позволили причинить ей зло?

Черт, порой я готов проклясть деда, связавшего своих наследников этой дьявольской клятвой мести! Сам лорд Джолион не сумел поквитаться с Избранными, а мне теперь приходится нести бремя его злобы и ненависти…

А боль все не утихает. Накатывает волнами, словно предвещая, что ждет впереди. Черт…

Глава 15

Утром мы выехали из Аванарубу и отправились вдоль русла Интари на восток. День выдался пасмурным. Настроение было таким же.

Ночью прошел дождь, и сейчас серые облака висели низко, почти над самыми кронами, а под копытами лошадей глухо чавкала грязь. Лес выглядел неприветливым и хмурым. Темные мокрые деревья уныло провожали нас ветвями, норовя ухватить за одежду, густые кроны не пропускали серую дымку рассвета. Дорога становилась все уже. Порой она совсем исчезала и тогда приходилось идти пешком, ведя коней на поводу и пробираясь через заросли орешника и волчьей сыти. Пару раз на пути попадались большие овраги, заставляющие ехать в обход, но Авиро уверенно перебирал свои «четки», и уже к обеду мы выехали на заросшую повиликой Заячью поляну. Она находилась ровно посередине между двумя селениями акаучи — Аванарубу, из которого мы вышли, и Авинау, где предполагали устроиться на ночлег.

— Привал, — спрыгивая с коня, скомандовал

Джеймс.

Он протянул руки, помогая мне спешиться, но в его глазах больше не было ни капли былых эмоций. Темные, мрачные, они казались холодными и страшными в своей непонятной целеустремленности. И жесты выглядели механическими.

Я вздохнула. За всю дорогу муж не сказал мне ни слова. Ехал, погруженный в собственные мысли, и ни на кого не обращал внимания, даже с Торнтоном не общался, хотя обычно перекидывался с ним парой-тройкой слов. Мне казалось, Кейн пытается что-то для себя решить, сделать выбор. И этот выбор, видимо, был нелегким.

— Авиро, ахави рваш, — сказал Кейн проводнику и повернулся к Торнтону. — Кристофер, я отойду ненадолго, а ты присмотри за миледи, — тихо сказал он, но я услышала. И насторожилась. Куда это он собрался? Что задумал?

В душе шевельнулась тоска.

— Присядьте, леди Кейн, — Торнтон расстелил на земле под деревом грубую конскую попону. — Вам не помешает отдохнуть. Путь до Авинау неблизкий.

Кристофер отошел к лошадям и принялся перевязывать седельные сумки.

— Далеко еще до Чертовых ворот? — провожая

взглядом исчезающего за деревьями Кейна, спросила Торнтона.

Чертовыми воротами называли нагромождение огромных, обтесанных ветрами и непогодой камней, обозначающих границу дружественных эшерцам акаучи-волков. Дальше начинались земли рысей, среди которых было немало тех, кто не признавал колонистов и всячески им вредил. До открытых стычек дело доходило редко, но передвигаться по территории рысей приходилось с оглядкой. Авинау — первый поселок после незримой границы — населяли мирные оборотни, а вот дальше Кейн собирался свернуть на земли нейтральных медведей. Ему хотелось избежать ненужных встреч с агрессивными рысями.

— К вечеру дойдем, если погода окончательно не испортится, — с сомнением посмотрев на серое, затянутое темными тучами небо, сказал Кристофер.

Он отвернулся и принялся подтягивать подпругу, а я молча села, достала из кожаной сумки фляжку и отпила пару глотков воды. На душе было неспокойно. Вроде бы на много миль вокруг нет ни одного поселения, но меня всю дорогу не покидало ощущение, что мы тут не одни и из-за деревьев за нами кто-то наблюдает. То ли обо-

ротни, то ли какие-то звери. Не в силах сдержать тревогу, незаметно посмотрела по сторонам. Ничего подозрительного. Только Торнтон, попыхивающий трубкой, да лошади, невозмутимо пощипывающие пробивающуюся из-под вороха листьев траву. А Джеймса так и нет. И Авиро тоже куда-то исчез.

— Держите, миледи, — Крис незаметно оказался рядом и протянул мне кукурузную лепешку. — Подкрепитесь, пока есть возможность. А то милорд вернется, и снова двинемся в путь.

— А куда он ушел?

— К реке, брод искать, — попыхивая трубкой, сказал Торнтон. — Авиро говорит, что переходить нужно на перекате, дальше Интари глубже и шире, там уже не пройти.

Крис сел рядом со мной, положил мушкет, с которым никогда не расставался, прислонился спиной к дереву и задумчиво уставился на растущую напротив березу. Та сиротливо белела среди окружающих поляну мрачноватых елей и выглядела на их фоне слишком легкомысленной со своими тонкими ветвями и нежными золотыми листочками.

Я смотрела на нее и вспоминала оставшийся далеко позади Уэстен. Не тот, старый, в котором

я оказалась, а мой, родной. Тот, где остались дядюшка и Ильда, чистенькие дома и вымощенные камнем улицы, удобные ребсы и новомодные мобили. «Доброго дня, леди Кейн», «Прекрасная погода, не правда ли?», «Ваши покупки уже упакованы, миледи». И так захотелось туда, в понятное и знакомое время, в понятную и знакомую жизнь. К теплу каминов, к размеренному дню — утренний кофе, переодеться к обеду, прогулка по Арвер-роу, вечерний чай, переодеться к ужину, «доброй ночи, миледи», — к простым заботам и приятным мелочам. Наверное, сейчас я была бы рада увидеть и Долли Марчем, и ее «соратниц» сестер Хьюз, и даже кузину Бетси. На расстоянии они казались вовсе не такими ужасными.

— Кристофер, а вы давно живете в Эшере? — спросила Торнтона, чтобы избавиться от тоски по родине.

— Десять лет, — ответил Торнтон. — Как со второй партией поселенцев приплыл, так и остался.

— А ваша семья? Вы женаты?

— Был, миледи, — после небольшой паузы, ответил он. — Элис моя от лихорадки померла, когда мы сюда добирались. Многие тогда померли.

Он вынул трубку, посмотрел, словно не зная, что с ней делать, и снова сунул в рот.

— Мне очень жаль.

Я коснулась грубой заскорузлой руки. Страшно это — терять близких. Мне представилось, с какими надеждами Кристофер с женой отправлялись в путь, как планировали начать новую жизнь…

— Дело прошлое, миледи, — на тонких губах появилась скупая улыбка. — Да и привык я уже один.

Торнтон повернулся и посмотрел на меня своими удивительно яркими голубыми глазами.

— Оно, может, и проще. Не за кого переживать и волноваться. Сами знаете, какая у нас тут жизнь. То с акаучи воюем, то с магами местными, то с природой.

Я собиралась ответить, но отвлеклась, увидев за березой промелькнувшую темную тень. Сердце забилось быстрее.

— По-моему, там кто-то есть, — тихо сказала Торнтону.

— Где?

Кристофер настороженно замер, прислушался и потянулся за мушкетом.

— За березой.

А внутри уже бьется-звенит тревога. И образы родного Уэстена растворяются без следа, возвращая меня к полному опасностей настоящему.

— Не двигайтесь, миледи, — прошептал Торнтон и резко развернулся. — Где же ты? Покажись, — еле слышно бормотал он. — Вы точно уверены, что там кто-то есть? — обернулся он ко мне.

И тут я их увидела. Высокие. Худые. Светловолосые. В длинных черных плащах, на фоне которых узкие лица выглядели мертвенно-бледными, а губы — неестественно красными… Вампиры. Это были они. Именно такие, какими их изображали в энциклопедиях и книгах про коренные народы Эшера. Мерзкие кровососы, обитатели болотистых земель Сумеречного леса. Древнее зло, искоренить которое не удавалось долгие сто лет. Неужели я действительно их вижу? Невероятно. Что они здесь забыли? И почему Торнтон их не замечает?

Вампиры шли прямо на нас, а Крис, напряженно сжав мушкет, смотрел совсем в другую сторону.

— Кристофер, вы их видите? — прошептала я, тщетно пытаясь что-нибудь придумать.

— Кого?

— Вампиров.

— Бросьте, миледи, откуда им тут взяться? Сумеречный лес совсем в другой стороне.

— Но они идут прямо на нас!

— Да нет здесь никого, — нахмурился Торнтон, глядя прямо в лицо одного из кровососов.

Боже, помоги нам! Это ведь одна из сверхспособностей вампиров… Дядюшка рассказывал, что они были способны отводить глаза.

— Джеймс! — вскочив на ноги, громко крикнула я. — Джеймс, на помощь!

Мой голос звенел, ладони вспотели от страха, а в голове метались мысли. Что делать? Если вампиров не остановить, то они выпьют нас с Торнтоном за считанные минуты. Но что мы можем? Бежать? Бесполезно. Это только вызовет лишний азарт. Применить магию? Даже если я могла бы это сделать, все равно я не умею ею управлять и не знаю ни одного заклинания. Выстрелить? Оружие против живых мертвецов не поможет, да и голыми руками сражаться с ними бесполезно.

«Думай, Кэри. Думай! Должен же быть какой-то способ!»

Ну почему я никогда не расспрашивала дядюшку Ирвина про нежить? Чего они боятся? Солнечного света? Но небо полностью затянуто тучами и нет никакой надежды, что появится хоть один яркий лучик. Осинового кола? Чесно-

ка? Да где ж их взять? Или…

Я потянулась к лежащему рядом кожаному мешку, в котором Авиро хранил продукты. Рука нащупала несколько крупных луковиц, мешочки с ячменем, кукурузные початки… Есть! Связка чеснока!

Я осторожно потянула ее на себя.

— Где они, миледи? Вы уверены, что здесь кто-то есть? — Торнтон продолжал напряженно озираться по сторонам, но я уже поняла, что рассчитывать на него не стоит. — Или вам только кажется? Вы же не маг?

— Крис, вы знаете, как бороться с вампирами?

Я напряженно смотрела на медленно приближающихся тварей.

— Но тут никого нет, миледи. Может быть, вы успокоитесь, и мы поговорим? В лесу и не такое случается. То чудовища всякие мерещатся, то видения.

Он говорил, а я смотрела на кровососов и видела, как они легко скользят над травой, как от их длинных костлявых рук протягиваются клочья тумана и плывут прямо к нам, на ходу превращаясь в размытые призрачные фигуры. Фантомы. Те самые, что были в Уэстене. Вот, значит, кто их насылал!

Господи, что же делать? От Торнтона проку мало, он мне не верит, а вампиры все ближе. Они не торопятся, сполна наслаждаясь ужасом жертвы, которой некуда бежать. Я вижу оскаленные рты, устрашающе длинные клыки, мерзкие лица…

— Джеймс! — громко крикнула в сторону реки, с отчаянием понимая, что все напрасно. Даже если муж услышит, пока он добежит, от нас уже ничего не останется.

Рука взметнулась сама собой. Чеснок полетел в приближающихся вампиров, крупные белые головки прошли сквозь них, и над поляной разнесся отвратительный громкий смех.

— Глупая девчонка! — прошипел один из упырей. Его седые волосы свисали на черный бархатный плащ неопрятными космами, а пышное жабо, выступающее из-под воротника, было желтым и ветхим. — Этим нас не остановить.

Он плотоядно оскалился, и меня окатило настоящим ужасом. По спине потек холодный липкий пот. В горле пересохло, время словно остановилось, и все сторонние звуки исчезли, оставив вокруг вязкую пустоту, в которой раздавались громкие удары моего сердца.

Наверное, вампиры тоже их слышали. Они переглянулись и довольно оскалились, а я непро-

извольно прикрыла живот руками и отступила назад, упираясь спиной в шершавый ствол сосны. Нет. Все не может закончиться так бесславно. Стать кормом для вампиров? Только не это! Нужно найти какой-то выход.

Я постаралась успокоиться и нащупать хотя бы маленькую толику силы, но отшельник Роунс хорошо знал свое дело. Его заплатка держалась крепко, не позволяя мне воспользоваться даром.

Боже, помоги… Где же эта проклятая магия Избранных? Всемогущая и всесильная, если верить Роунсу. Когда надо, так ее и нет!

А фантомы все ближе. Они плывут над плетями повилики рваными клочьями, кружат в воздухе зловещими серыми птицами, с каждой секундой становясь все ближе. И вот они уже рядом со мной, окутывают своими крыльями, которые превращаются в щупальца, оплетают по рукам и ногам, присасываются к шее. Я пытаюсь бороться, пытаюсь кричать, но перед глазами все расплывается, сознание ускользает, а ноги перестают меня держать, и я медленно сползаю вдоль шершавого ствола на землю. Взгляд выхватывает из тумана ногу в грубом сапоге, край темного дублета, чуть поодаль я замечаю знакомую трубку. Торнтон. Он лежит рядом с поваленной сосной,

крепко спеленатый туманными щупальцами, и не слышит ни моего невнятного стона, ни собственного хриплого дыхания.

Магия вампиров. Они обездвиживают жертву и лишают ее возможности сопротивления.

Я попробовала сбросить с себя липкие холодные путы, но фантомы, напрямую управляемые своими создателями, были не так слабы, как в прошлый раз.

Душу затопило отчаянием. Вот и все. Это конец. Конец моей жизни, конец моему браку, конец всему…

Чувства слабеют, утекают вместе с силами, на душу наваливается апатия…

— Аверо сарес! — как сквозь вату, долетел до меня знакомый голос, и сердце встрепенулось.

Джеймс… Он все-таки пришел…

А кольца тумана сжимаются все туже, перекрывая дыхание, по капле выдавливая жизнь, убивая. И у меня уже нет сил ни бороться, ни думать, ни существовать. Хочется просто закрыть глаза и погрузиться в небытие, уйти туда, где больше не будет страшно, снова увидеть родителей…

«Кэри, ты не должна сдаваться… — звучал внутри встревоженный голос. — Очнись! Неужели ты позволишь каким-то кровососам забрать твою

жизнь? Подумай о своем ребенке. О вашем с Джеймсом сыне. Он должен жить…»

Ребенок… А есть ли он на самом деле?..

— Саберо! — прогремело над поляной новое заклинание, и именно оно заставило меня очнуться.

«Джеймс! Он же там один!» — словно ледяной водой окатило изнутри.

Я с трудом открыла глаза и, сквозь пелену тумана, разглядела выстроившихся цепью семерых вампиров и стоящего напротив них Кейна.

— Джеймс!

Мне казалось, я кричу, а с губ слетал лишь невнятный шепот.

— Не приближайся, маг! — прошипел один из кровососов. — Это наша добыча. Ты знаешь кодекс.

— Отпустите женщину, — твердо сказал Кейн.

Его образ расплывался в окружающем меня тумане, но я видела высокую крепкую фигуру, и это видение не позволяло снова впасть в забытье.

— И ее спутника, — тут же добавил муж.

— Отпустить? — голос вампира звучал насмешливо. — Что ж, почему бы и нет? Мы не станем их удерживать, но хотели бы получить кое-что взамен.

Я не могла толком разглядеть говорящего, да это было и неважно. Сквозь застилающую глаза серую пелену я смотрела на мужа и молилась, чтобы Бог дал ему сил справиться с этой поганью. Семеро против одного… Нет, Джеймсу их не одолеть, его магии на это не хватит. Тут даже высший не справится.

Видимо, супруг тоже это понимал.

— Чего вы хотите? — спокойно спросил он, но я слышала за этим спокойствием сдерживаемую ярость загнанного в угол человека.

А вампиры, казалось, только и ждали подобного вопроса.

— Твою магию, — вкрадчиво произнес один из них, и мне неожиданно открылся смысл происходящего. Словно пелена с глаз упала. Господи, как просто… Не было никакого нападения. Мы с Торнтоном — всего лишь наживка. Если бы вампиры собирались нас выпить, они сделали бы это тихо и быстро, не устраивая ненужного спектакля. Но нет. Им нужен был Кейн. Его сила. Его магия. Его добровольное согласие.

В современном мне Эшере вампиров давно уже истребили, но я помнила, как дядюшка Ирвин рассказывал о Кодексе, который действовал в старые времена и регулировал права населяющих

материк оборотней, магов и вампиров. По нему у кровососов было право питаться, если жертва отдавала свои силы и кровь добровольно. Правда, до сегодняшнего дня я даже не представляла, что вампиры умеют подавлять сопротивление. То ли внушением, то ли своей магией, непонятно. Но я до сих пор еще толком не пришла в себя, а Торнтон так и вовсе казался бездушной куклой. И попробуй, докажи, что мы не изъявляли желания поделиться своей кровью!

— Хорошо, — ответил Джеймс. — Я отдам магию в обмен на жизни женщины и мужчины и на свою собственную. Но после этого вы уберетесь отсюда и вернетесь в Сумеречный лес.

Господи, неужели Кейн это сделает? Неужели он готов пожертвовать тем, что для него дороже всего на свете?

Туман вокруг меня заволновался. Я чувствовала, как колышется холодная зловонная масса, и пыталась вывернуться из ее мерзких объятий, избавиться от наваждения, вернуть себя.

— Принимается, — послышался шипящий ответ, и в ту же секунду белый студень исчез, подарив мне свободу.

Рядом послышался стон, а за ним — шуршание листвы и тихий вопрос:

— Что за чертовщина тут происходит?

Я повернула голову и увидела, как ворочается Торнтон. Он сел, растерянно потер лоб, поднял глаза и тут же громко воскликнул:

— Боже праведный, вампиры!

— О чем я вам и говорила, — буркнула в ответ.

Мне не хотелось объяснять очевидное. Все тело ломило, как после тяжелой болезни, перед глазами кружили темные мушки, но я нашла в себе силы распрямиться и сделать шаг вперед. Потом второй. На третьем голова закружилась, меня повело в сторону и последнее, что я увидела, это сомкнувшихся вокруг мужа вампиров. А потом услышала мерзкие причмокивающие звуки и лишилась чувств.

***

— Милорд, не волнуйтесь, с миледи все в порядке, она просто перенервничала.

Голос Торнтона звучал приглушенно.

— Она почти полчаса не приходит в себя.

А это уже Джеймс. Только вот говорит он как-то странно — хрипло и еле слышно.

— Скажи Авиро, чтобы развел костер. Остаемся здесь.

— Думаете, они не вернутся?

— Им это больше не нужно. Этим тварям переварить бы то, что получили, — невесело хмыкнул Кейн, и я вспомнила все, что случилось.

Боже… Вампиры… Джеймс…

— Джеймс!

Я открыла глаза и попыталась подняться с попоны, но Кейн не позволил.

— Тихо, миледи, — удерживая меня, произнес он. — Все хорошо. Вы в безопасности.

— А вы? Что они сделали с вами?

— Ничего особенного. Всего лишь отняли магию, — усмехнулся муж.

Выглядел он ужасно. Бледная, землистая кожа, запавшие глаза, темные, почти черные круги под ними, бескровные губы и шрамы… Уродливые следы зубов. На шее, на руках, на щеках. Господи, какой ужас!

— Джеймс…

Я смотрела на супруга и не могла сдержать слезы. Что эти твари с ним сотворили?!

— Джеймс…

— Тихо, Кэри, все уже позади. Мы живы, и это главное.

Кейн коснулся моего лица, вытирая мокрые дорожки.

— Все закончилось.

— Но вы могли погибнуть!

— Нет, — покачал головой муж. — Им не нужна была моя жизнь, они хотели получить магию.

Он улыбнулся, и от этой улыбки мне стало еще горше.

— Миледи, простите, это все из-за меня, — вынырнул из-за спины мужа Торнтон. — Я их не заметил и вам сразу не поверил.

Он переминался с ноги на ногу, избегая смотреть мне в глаза, лицо его было бледным, длинные усы уныло обвисли.

— Успокойтесь, Кристофер, вы все равно ничего не смогли бы сделать. К тому же, мы с вами были им не нужны.

— О чем вы говорите, миледи?

Торнтон смотрел на меня удивленно. Из потухшей трубки на дублет сыпался пепел, но Кристофер этого даже не замечал.

— Думаю, нас с вами просто использовали, чтобы вынудить Джеймса отдать свою силу.

Я посмотрела на мужа.

— Уверен, так и было, — кивнул тот. — Почти три недели эти упыри питались жителями Уэстена. Они потихоньку тянули из них жизненные силы, но никто этого даже не замечал. А в ту ночь, когда я прогнал их фантомов, они распробовали

мою магию и решили напасть. Выследили нас и сопровождали от самого форта, а сегодня и случай удобный представился.

Кейн говорил спокойно, так, словно ничего ужасного не произошло.

— Но я всегда считала, что вампирам нужна только кровь.

— Большинству — да. Но эти, они из Высших, для них величайшее наслаждение — жизненные силы жертвы, или ее магия. Именно для этого они выходят из Сумеречного леса, находят подходящее селение, в котором нет сильных волшебников, способных поставить защиту, обосновываются поблизости и неделями питаются теми, в ком есть малая толика силы.

— Как у Лори?

— Да.

— А ваша магия…

Я не договорила. Мне страшно было произнести эти слова.

— Ее больше нет, — подбросив в костер пару поленьев, буднично сказал Джеймс.

Сырые дрова растревожили огонь, и тот недовольно зашипел, заворчал, кашлянул трескучими искрами и обозленно вгрызся в темные стволы.

— Совсем?

Голос прозвучал хрипло.

— Совсем, — кивнул муж. — Теперь я обычный человек. И скорее всего, это надолго, если не навсегда.

— Но как же так? Зачем вы согласились? Вы ведь могли просто уйти.

Я даже приподнялась, глядя в усталые, ставшие очень светлыми глаза.

— Уйти?

Кейн посмотрел так, что у меня сбилось дыхание, и к щекам прилила кровь.

— Кэри, неужели вы еще не поняли? — тихо спросил он, не отрывая от меня взгляда. Костер выплюнул очередную порцию трескучих искр, нарушив повисшую над поляной тишину. — Не могу я никуда уйти. Не могу и не хочу. Я ваш со всеми потрохами, целиком и полностью.

Серые глаза ярко вспыхнули, в них закружился огненный листопад. Он кружился все быстрее и быстрее, а я смотрела на это золотое безумие и чувствовала, как в душе расцветает надежда.

— Я устал бороться с собой. Устал лгать и притворяться, — не отрывая взгляда, продолжил муж.

Он помедлил немного, а потом уголки чувственных губ дрогнули в теплой, совсем не похожей на

прежние, улыбке.

— Знаете, Кэри, а ведь когда вы были юной девушкой, я испытывал к вам очень нежные чувства, — тихо произнес Кейн. — Да-да, так и было, — видя мое удивление, подтвердил он. — Вы тогда казались мне настоящим ангелом, сошедшим на землю с полотен Боттелли. Нежное лицо, белокурые локоны, яркие глаза, лучащиеся светом и счастьем. Рядом с вами было так тепло и радостно, что даже мне, не самому легкомысленному человеку на свете, все время хотелось улыбаться.

Кейн замолчал, но я не рискнула нарушить это молчание, слушая громкие удары сердца. Неужели это правда? Вспомнились собственные чувства — робкие, несмелые, расцветающие с каждой новой встречей, с каждым новым приходом в наш дом красавца-банкира, и я вздохнула. Если бы он тогда не уехал…

— Наверное, если бы я не покинул Уэстен, — словно подслушав мои мысли, продолжил муж, — то дождался бы вашего совершеннолетия и пришел бы к полковнику за благословением на наш брак. Но судьба распорядилась иначе. В Вертене появился след одного из экземпляров «Клерво», и я сорвался туда. Потом была Ли-

рия, потом Дамес, я мотался по свету, гоняясь за призраками, и постепенно забыл своего милого ангела с белокурыми локонами. А когда, наконец, вернулся в Уэстен, вы уже были замужем за Дертом, да и я стал другим, мне больше не нужны были радость и свет. Часы — вот что стало моим наваждением. Кроме них все потеряло свое значение. А потом, когда я их все-таки нашел, то снова столкнулся с вами и с вашей магией. Я пытался ее ненавидеть, я пытался ненавидеть вас, но это оказалось невозможно.

Улыбка стала ироничной. И снова эта ирония относилась к самому себе. И снова она выворачивала душу.

— Джеймс…

Я приподнялась на локтях и уставилась в сверкающую глубину. И чем дольше смотрела, тем чаще становилось дыхание, тем сильнее билось сердце, тем ярче разгоралась надежда. Я слышала за словами мужа то, что он не произнес, но что так легко читалось в его глазах. «Прости, — виделось мне в теплой серой дымке. — Прости за все».

— Джеймс, это правда? Вы больше не испытываете ко мне ненависти?

— Разве я могу? — усмехнулся пират. — Нет, Кэри. Все, кто вас знает, обречены вас любить.

Иначе и быть не может.

Он снова легко коснулся моего лица, провел пальцами по губам, а потом резко, даже как-то рвано выдохнул и обнял меня, зарываясь лицом в мои волосы.

— Я чуть с ума не сошел, когда услышал твой крик, — хрипло прошептал он. — А когда увидел в этом мерзком склизком коконе…

Муж не договорил. Сильнее сжал руки и принялся покрывать поцелуями мое лицо, шею, волосы, не обращая внимания ни на то, что мы не одни, ни на собственное плачевное состояние.

— Кэри…

Губы мужа коснулись моих, и я подалась вперед, раскрываясь, стремясь стать ближе, без слов говоря все, что было на сердце. Горячее дыхание обожгло, жар костра потек по венам, сверкающие искры взбудоражили кровь, заставили ее бежать быстрее, расплавили золотой лавой.

— Джеймс…

Поцелуй получился горько-сладким, с привкусом пережитого ужаса и ярких надежд.

— Как бы я ни пытался себя обманывать, это оказалось бесполезно, — держа мое лицо в своих ладонях, тихо сказал муж. — Я люблю тебя, Кэролайн Кейн. И больше не собираюсь это скрывать.

В запавших, измученных глазах появился отблеск чувств. Настоящих. Беззащитно-искренних. Открытых и ранимых. И мое сердце откликнулось на этот яркий свет, в котором сгорали все былые обиды и недомолвки. И я поняла, что не могу больше таиться от мужа, что между нами не должно быть тайн.

— Джеймс, я должна тебе кое в чем признаться, — собравшись с духом, посмотрела на супруга.

— В чем именно?

Кейн посерьезнел. В его взгляде появилась настороженность. Руки сжались чуть сильнее.

— Я была с тобой не совсем честна, — слова шли с языка неохотно, но я твердо решила положить конец нашим недомолвкам и *лжи*. — Я отправилась в это путешествие не просто так. Мне необходимо найти алайетов и разобраться с собственной магией.

— Я подозревал что-то подобное, — после небольшой паузы, сказал Джеймс. — Расскажешь подробности?

— Да, — кивнула в ответ и поведала мужу все, что сказал отшельник Роунс. А потом добавила еще и то, о чем прочитала в семейной библии.

Кейн слушал молча, не перебивая. Смотрел на

меня одним из своих непередаваемых взглядов и изредка задумчиво хмурился. И лишь когда я замолчала, негромко спросил:

— Она у тебя с собой?

— Библия? Да.

— Можешь показать мне скрытый текст?

— Попробую, правда, не уверена, что ты его увидишь.

Я достала из сумки книгу, открыла ее и протянула мужу.

— Вот здесь, — указала на строки, написанные рукой моей маменьки.

Кейн разгладил лист ладонью, прикрыл глаза и замер. А через несколько секунд вздохнул и отдал библию обратно.

— Ничего не чувствую. Даже малейшего намека на магию.

Он попробовал усмехнуться, но усмешка вышла грустной.

— Значит, тебе нужно пройти инициацию, — задумчиво повторил он. — Что ж, предсказуемо. И что ты будешь делать потом, когда обретешь свою силу?

Серые глаза смотрели вдумчиво и серьезно.

— Пока не знаю, — я пожала плечами. — Не уверена даже, что у меня получится. Да и вообще

не очень хорошо понимаю, как к ней относиться, что она такое — добро или зло?

Джеймс погладил обложку библии, повторяя выбитые на ней узоры, а потом посмотрел на меня и сказал:

— Что ж, раз уж у нас сегодня вечер откровений, тогда и я признаюсь. В горы Ареи я иду не за золотом.

— Так я и думала. И что же ты ищешь?

В душе все замерло в ожидании ответа. Неужели я дождалась от мужа правды? Неужели наступил конец секретам и недомолвкам?

— Посох Силы, — негромко сказал Джеймс.– Артефакт алайетов, способный вернуть мне огонь и крылья.

Муж помолчал немного, продолжая невесомо обводить пальцем круги на кожаной обложке, и принялся рассказывать историю своего рода, а я слушала, и у меня перед глазами проходили жизни фениксов. Их сила. Их любовь к небу. Огненное возрождение. Магия. Кейн говорил, и в его глазах загоралось пламя, лицо преображалось, и я будто снова видела горящие золотые крылья за его спиной и ощущала жар окружающего его огня.

— Получается, твоего деда обрекли на страдания мои предки? — спросила я, когда муж

закончил свой рассказ. — Но за что? Что он сделал?

— Дед не любил об этом говорить. Сказал только, что его погубила женщина из рода Озириса, Амонерис. По словам деда, она была подлинным исчадием ада, заманившим его в ловушку и лишившим крыльев.

— А род Озириса…

— Это твой род, Кэри. Род Избранных.

Он отодвинулся немного, а я вздрогнула и нечаянно задела лежащую на коленях библию. Та упала, раскрывшись на Книге Есфири.

— Теперь понятно, почему ты так ненавидишь алайетов.

Сердце болезненно сжалось. Выходит, война фениксов и алайетов имеет очень давние корни. И мы с мужем — ее наследники. Среди волшебников Эрдерона такое случалось нередко. Я слышала много историй подобной родовой вражды: маги веками несли бремя семейных клятв, замешанных на крови и требующих своего исполнения. Бренеры и Игторпы, Лачистеры и Дроуны, Эстеверы и Стенсеры — древние магические семьи, изводящие друг друга на протяжении не одного столетия и не желающие положить конец своим распрям. Все знали об этой вражде и давно к ней

привыкли, относясь как к одному из развлечений, до которых были так падки эшерские маги.

Вот и у нас с Джеймсом оказалась своя история вражды. Знать бы еще, как с ней покончить…

Я наклонилась, чтобы поднять книгу и увидела, как между ровных строк появляются другие, новые, те, которых я не замечала прежде — угловатые, немного убегающие вниз, заходящие на поля и перечеркнутые какими-то странными знаками. Мне почему-то показалось, что они написаны совсем молодой девушкой. Я даже на секунду увидела ее склоненное над книгой лицо, распущенные светлые волосы, низкий вырез простого, похожего на старинную тунику платья. И торопливую руку, выводящую острые мелкие буквы.

«Пусть простит меня Великая Матерь, — прочитала неразборчивую вязь, — но я не смогла устоять. Увидела — и захотела до безумия. Он красив. Он обходителен. Он улыбается так, как не умеют улыбаться наши мужчины. А его глаза… В них светится настоящий огонь — золотистый, горячий, притягательный. Он обжигает душу и плавит тело, в его тепле можно согреться, а можно и сгореть. И я горю. Каждую ночь. Каждый украденный миг. Убегаю к Белому камню, кото-

рый находится далеко за пределами Алайи и не попадает под око Великой, и встречаюсь с моим фениксом. Его поцелуи сводят с ума. Его руки знают все секреты моего тела. Его губы коварны и искусны, они заставляют стонать, а речи столь сладки, что заставляют окончательно потерять голову».

— Джеймс, кажется, я кое-что нашла! — оторвавшись, посмотрела на мужа. — По-моему, это имеет отношение к фениксам.

— Сможешь прочитать?

Я кивнула и снова погрузилась в книгу.

«Он ничего мне не обещал. Ни имени, ни ритуала единения, ничего. Что ж, пусть. Я знаю, он должен будет уйти, вернуться в свой мир. И я знаю, что он не позовет меня за собой. Но я ни о чем не жалею. Наши мужчины слишком слабы. Они раболепно преклоняются перед нашей силой и не способны любить с такой страстью, как этот чужеземец. Джолион… С ним я узнала, что значит быть женщиной. С ним расцвела моя глубинная суть. С ним мир стал больше и шире. А заветы Великой Матери… Они давно устарели. Что значит чистота и девственность по сравнению с тем наслаждением, что может подарить мужчина? Нет, я не жалею, что нарушила закон. Ни о чем

не жалею. Тем более что об этом никто никогда не узнает».

Следующая запись была написана так неразборчиво, что я с трудом продиралась сквозь сбившиеся пляшущие буквы.

«Отец грозит мне судом Старейших. Он выследил нас, прошел за мной от самых Светлых врат до далекого Белого Камня, увидел Джолиона и обо всем рассказал матушке. А та на следующий день пришла к скале и едва не уничтожила феникса, отцу с трудом удалось ее остановить. Ох и бушевала же она! Разнесла все вокруг, кричала, что я опозорила род и прогневала Великую Мать.

Можно подумать, древнему божеству есть до нас дело!

Теперь чужеземец томится в гроте Надежды, а меня заперли в доме и не выпускают даже для еженедельных ритуалов поклонения духам.

Мать непреклонна. Она требует, чтобы Кейн на мне женился и стал Хранителем. Если бы только феникс согласился… Он говорил, что в Эрдероне его ждет невеста, девушка, принадлежащая к императорской семье. Но разве магия и бессмертие не стоят того, чтобы поступиться своей гордостью? Я ведь поступилась? Увидела в лесу златоглазого мужчину и так отчаянно захотела,

чтобы он стал моим, что забыла о стыде и гордости и сама подошла к нему и потянула за собой всеми силами, доставшимися от бабки, заставляя его потерять голову и влюбиться. Видно, не хватило тех сил, и голову он так и не потерял».

— Тут про твоего деда, — я подняла взгляд на мужа и пересказала ему то, что прочитала.

Джеймс слушал молча, внимательно глядя на меня своими удивительными глазами, в которых больше не было холода. И я когда-то считала их ледяными?

— Вот значит как. Что ж, он говорил, что не сумел устоять перед «дикаркой». Там есть что-то еще?

Муж отвел от моего лица выбившуюся прядь.

— Да, — мне хотелось потянуться к теплой руке, и я не смогла отказать себе в этом желании. И Джеймс не оттолкнул. Он легко провел пальцами по моей щеке — нежно, почти невесомо, и этот жест отозвался в сердце ответной нежностью, заставил податься вперед, коснуться губ, раствориться в поцелуе. Не в том страстном и горячем, что сводит с ума, а совсем в другом — искреннем, беззащитном, идущим не от плоти, а от души.

Не знаю, сколько времени прошло. Когда мы оторвались друг от друга, мне с трудом удалось

вспомнить, что было до.

— Давай все-таки дочитаем историю наших предков до конца, — предложила мужу.

Тот кивнул, и я вернулась к неровным строчкам.

«Все кончено. Кейн отказался. Даже перед угрозой лишения бессмертия он не пожелал взять в жены «необразованную дикарку» и остаться в Алайе. Это его слова. И Совет Старейших привел приговор в исполнение. Завтра мне тоже предстоит Совет. Не знаю, какое наказание меня ждет, но, судя по взгляду Артенис, самое суровое. Как же! Ведь я была нареченной ее сына и посмела нарушить слово! Не сомневаюсь, что старуха будет требовать, чтобы меня лишили магии, но вряд ли остальные с ней согласятся. Отец обещал, что мне ничего не грозит, а ему можно верить, ведь он Главный Хранитель Посоха Силы. Разве позволит он применить Посох против своей единственной и любимой дочери?»

— Как-то не вызывает она у меня симпатии, — пробормотала я, глядя на разнокалиберные буквы. — Ее возлюбленного лишили бессмертия и крыльев, а она переживает исключительно о себе.

Я перевернула лист и вчиталась в неразбор-

чивые слова. Некоторые из них были так густо зачеркнуты, что мне с трудом удавалось их понять. Похоже, девушка писала в сильном волнении.

«Эти старые карги… Эти проклятые старухи… Они ее забрали! Они забрали мою магию! Ни отец, ни матушка ничего не смогли сделать. Смотрели на меня и молчали, когда Сафита выкачивала Посохом мою силу. Ненавижу… Как же я всех ненавижу! И Совет, и Старейших, и феникса, не пожелавшего поступиться своей гордостью. И всех алайетов. Я больше не хочу здесь оставаться. С теми малыми крохами, что остались от моего дара, среди Избранных мне больше нет места. Аса атрон! Я, которая должна была стать одной из сильнейших Избранных и войти в Совет, вынуждена буду влачить жалкое существование среди корди — низшей касты, тех, у кого отобрали магию. Нет, я никогда на это не соглашусь! Стать несчастной приживалкой? Прислуживать Избранным? Ни за что! Отец предлагает изменить внешность и отправиться в одно из эшерских поселений. В Сарджент. Что ж, я поеду. Это лучше, чем смотреть в ненавистные лица тех, кто превратил меня в обрубок, лишенный живительной силы алайя».

Дальше шли еще несколько строк, но разобрать их я не смогла.

— Выходит, они оба пострадали, — тихо сказал Джеймс, когда я замолчала и закрыла библию.

— Но при этом они оба не вызывают жалости.

Я все еще не могла отойти от того неприятного чувства, что засело внутри после прочтения истории прабабки.

— Не могу не согласиться, — кивнул муж.

— Я только одного не понимаю, почему с твоим дедом поступили так жестоко?

— О, как раз это я понять могу. У алайетов очень многое завязано на телесной чистоте. И брак совершается не так, как у нас, а с особыми ритуалами, в магии которых первая брачная ночь занимает центральное место. Об этом писал Ларье — один из исследователей, сумевших раскрыть некоторые тайны Избранных. И то, что Амонерис вступила в связь с чужаком, было настоящим преступлением. Любого, кто посмел без брака посягнуть на девственность женщины-алайя, ждала смерть.

— Но твоего деда оставили в живых.

— Его оставили медленно умирать. Убить феникса невозможно, это не под силу даже Избранным. Но с помощью Посоха они сумели

лишить его сущности, и это стало началом конца, прекратив цепь перерождений.

— Получается, фениксы действительно могут жить вечно?

— Да. Если только сами не захотят уйти.

— А кроме вашего рода в мире еще есть фениксы?

— Императорская семья. Раньше мы тоже к ней принадлежали, но потом, оставшись без сущности, утеряли эту привилегию. Когда дед вернулся от алайетов, кузина, которая должна была стать его женой, та, ради кого он фактически отказался от бессмертия, разорвала с ним помолвку и вскоре вышла замуж за его двоюродного брата и вечного соперника Эбенезиуса Лина. С тех пор в жизни деда остались только две страсти: ненависть к женщинам и ненависть к Избранным.

— Но он все равно женился.

— Хотел продолжить род. И завещать свою ненависть потомкам.

Джеймс невесело усмехнулся.

— Отец последовал по его стопам. А вот я… Я оказался клятвопреступником. Не смог переступить через себя и оборвать твою жизнь.

— И чем это тебе грозит? Ведь у каждой клятвы есть магический гарант исполнения, нам говори-

ли об этом в пансионе.

Я с тревогой посмотрела на мужа, но тот отвел взгляд. Правда, сделал это недостаточно быстро.

— Джеймс?

Голос дрогнул. Внутри будто холодная волна прошлась. Вспомнились дрожащие руки мужа, гримаса боли, изредка появляющаяся на его лице.

— Джеймс, не молчи. Что служит гарантом? Что сделал твой дед? Ну?

— Кэри, это неважно, — Кейн говорил уверенно, так, словно речь шла о какой-то мелочи, и я вдруг неожиданно поняла, что все очень плохо.

— Это жизнь? Гарант — жизнь наследника клятвы? Ну конечно! Жизнь за жизнь. Либо ты, либо я…

— Какая все-таки умная жена мне досталась, — невесело хмыкнул Джеймс.

— И сколько у тебя времени? — сама не замечая, я вцепилась в руку мужа ногтями. — Подожди, ты снял комнаты на полгода, и часы ты тоже завел на полгода… Джеймс! Клятва уже начала действовать, да? Поэтому тебе так плохо, что ты не можешь скрыть боль?

Я подняла глаза и наткнулась на бесшабашный, горячий взгляд.

— Джеймс…

— Не бойся, Кэри. Я не собираюсь оставлять тебя вдовой. Только не теперь.

Муж усмехнулся, напомнив мне прежнего беззаботного пирата. На губах его заиграла веселая улыбка.

— И что мы будем делать?

— Мы? — муж отрицательно качнул головой. — Нет, Кэри, тебе не нужно в это вмешиваться. Это касается только меня.

— Даже не думай, Джеймс. Одному тебе не справиться. Наши предки оба виноваты в том, что произошло, так что придется нам вдвоем исправлять их ошибки. И не пытайся со мной спорить, — остановила я мужа и поторопилась перевести разговор: — Кстати, а почему в нашем времени об Избранных ничего не слышно?

— Примерно сто девяносто лет назад, когда выходцы из Эрдерона почти полностью заселили Эшер, алайеты ушли. Никто не знает, куда, есть предположения, что они перешли в другую реальность, которую сами и создали.

— Получается, в этом времени до их ухода остаются считанные месяцы?

— Да. Если быть точным, то всего три.

— Значит, твой дед уже потерял крылья.

— Именно так.

— И если алайеты уйдут, то Посох Силы, способный вернуть тебе магию и бессмертие, исчезнет вместе с ними?

Джеймс кивнул.

— Поэтому мне и нужно попасть в Алайю, — добавил он, а я задумалась.

Отшельник Роунс подтвердил слова Лори, значит, моя магия — полноценная, и алайеты должны будут признать меня своей. Получается, я смогу проникнуть к ним в город и узнать, где хранится артефакт.

— Джеймс, мне кажется, я знаю, что нам нужно делать, — взглянула на мужа, и рассказала о своем плане.

— Нет. Даже не думай.

Кейн был категоричен.

— Ты не можешь в этом участвовать.

— Простите, что вмешиваюсь, милорд, — подошел Торнтон. — Но миледи права. Одному вам не справиться.

— Кристофер.

В голосе мужа прозвучало предупреждение.

— Нет, милорд, я все равно скажу. Миледи дело предлагает. Если она сможет узнать, где хранят артефакт, нам будет гораздо проще его достать.

— Соглашайся, Джеймс. Меня они не тронут. Я же одна из них. И потом, я ведь должна хоть как-то исправить то зло, что причинили роду Кейнов мои предки?

Муж молчал. Долго. А потом неохотно сказал:

— Ты всего лишь выяснишь, где хранится Посох. Все остальное я сделаю сам.

— Хорошо. Договорились, — поспешила с ним согласиться.

Больше мы этой темы не касались. Авиро освежевал подстреленного зайца и приготовил из него похлебку с какими-то неизвестными мне овощами, мы поужинали, и Джеймс с Торнтоном обустроили все для ночлега. Поначалу я пыталась помогать, но мужчины были единодушны в своем желании оградить меня от работы и быстро отправили отдыхать, заявив, что справятся сами.

Что ж, я не стала спорить. Вернулась под дерево, на расстеленную попону, села и уставилась на огонь, раздумывая над тем, что буду говорить, когда попаду к алайетам.

Костер тихо потрескивал, рассыпая вокруг глазастые искры, Авиро перебирал веревку с узелками, напевая что-то еле слышно на языке акаучи, и под это гортанное пение я и сама не заметила, как уснула.

***

(Из дневника Дж. Кейна)

2 октября по местному календарю.

Пока Кэри спит, снова вернулся к дневнику. Странно все-таки. У Кэри есть Библия, в которой каждая женщина ее рода оставила часть своей жизни, а у меня — дневник поисков, который ведут все мужчины моей семьи. Дед, отец, теперь вот — я. И если с записями отца разобраться несложно, то закорючки деда с трудом поддаются расшифровке. Над некоторыми его записями мне приходилось биться неделями, но сегодня неожиданно повезло. Открыл на заложенной странице — и будто пелена с глаз упала. Слова, выглядевшие загадочной клинописью, теперь кажутся простыми и понятными, как и история, которую они описывают.

Такое чувство, что когда наши с Кэри жизни соединились воедино, это повлияло на старые семейные секреты обоих родов.

Итак. Как и поведала Амонерис, у деда был выбор. Он мог искупить свой грех, женившись на соблазненной им девушке и став ее Хранителем. И навсегда оставшись в Алайе. Но дед выбрал иное. Лорд Джолион не пожелал связать

свою судьбу с «необразованной дикаркой». Он, племянник императора Августина, слишком гордился чистотой крови. Что ж, за свою гордыню дед расплатился сполна. Его лишили крыльев и бессмертия с помощью Посоха Силы — древнего артефакта алайетов, способного поглощать сущность двуединых. И от былого могущества феникса осталась только часть магии, равная дару обычного человека.

Дальше дед пишет, что очнулся он уже в Сарджанте, оттуда отплыл на корабле в Эрдерон, встретился с императором и понял, что вместе с утерянной сущностью потерял и свое положение при дворе, и невесту, и прежнюю жизнь.

Как же он был зол! Те выражения, которые употребляет лорд Джолион, сполна доносят все его чувства, хотя, подозреваю, это лишь малая часть того, что он испытывал. Император Августин велел удалить род Кейнов из семейного древа, и это стало для деда настоящим ударом. Он уехал из столицы и несколько лет колесил по империи, пытаясь найти возможность вернуть свою сущность. Был у Эвмения — известного мага и целителя, у Авинуса и Горбина, обошел всех самых сильных магов, но никто из них не смог ему помочь. И только провидец Азир дал деду надежду.

«Поезжай в Эшер и найди часы, возвращающие время вспять, — сказал он. — Если ты сумеешь вернуться в прошлое, то изменишь свою судьбу». И назвал имя мастера, который делает такие часы — Гунар. А еще сказал, что Посох Силы, отнявший сущность феникса, может ее вернуть.

Так лорд Джолион оказался в Эшере, и так началась новая страница его судьбы. Он искал, спрашивал, изъездил всю страну, но не нашел никого, кто знал бы хоть что-нибудь о мастере Гунаре. Время шло, дед женился, родился мой отец и вот тогда прозвучали две клятвы. Первая — та, которую должны были нести все наследники Кейнов, а вторая… Вторая проклинала потомков Озириса.

Потом, когда Эшер получил статус империи, а ее правителем стал Эгберт — один из кузенов деда, лорд Джолион сумел получить должность при дворе и добиться влияния. И именно он был тем, кто ввел запрет на магию внушения. Его ненависть нашла выход в истреблении всего, что было связано с алайетами, будь то люди, вещи или память.

Не знаю, был ли он прав в своем стремлении полностью уничтожить все упоминания об Избранных. Думаю, нам с Кэри было бы сейчас

гораздо легче, если бы мы обладали большими знаниями, чем те, что нам достались.

Дьявол! Смотрю на Кэри и не могу избавиться от мысли, что она так же страдает от проклятия моего деда, как и я от клятвы рода. Вот уж поистине, никому не дано предугадать карты судьбы.

Глава 16

За следующие две недели мы преодолели несколько десятков миль и поднялись по устью Интари почти к самому ее истоку.

Дорога была сложной. Нам пришлось долго искать брод, а потом переправляться через своенравную реку, преодолевать овраги и взбираться по крутым склонам Авенау — горной цепи, пересекающей Эшер с запада на восток. В одном из последних поселений акаучи мы обменяли лошадей на мулов. Несмотря на свою медлительность и упрямый нрав, те больше подходили для путешествия по горам.

— На обратном пути заберем, — уверенно сказал Джеймс, оглядываясь на своего каурого, но я совсем не ощущала этой уверенности. Если говорить откровенно, мне было страшно. Очень. Как нас встретят в Алайе — главном и единственном городе алайетов? Торнтон говорил, что раньше поселения алайетов тянулись вдоль всего хребта Авенау, но потом, в одну ночь, бесследно исчезли. У меня этот рассказ вызывал вполне понятные сомнения, но муж отнесся к нему весьма серьезно.

«Избранным подвластна магия, равной которой нет в мире», — заметил он, и я почувствовала, как тревожно стало на душе.

С каждым днем алайеты представлялись мне все более могущественными, а наши намерения найти Посох — опасными и неосуществимыми. Что, если нас поймают? Что тогда будет с моим мужем? Он ведь не феникс, и бессмертия, в отличие от деда, у него нет. Да у него теперь даже обычной магии нет! А вдруг алайеты решат его убить? И кто они — друзья или враги? С каждым днем, с каждой пройденной милей, загадочные алайя вызывали у меня все большие опасения. Слишком мало информации у нас было. А ее отсутствие порождало неосознанные страхи и догадки.

Мой мул взбирался по горным склонам, а я смотрела вперед, на далекую, исчезающую в пышных облаках вершину, почти не замечая ни окружающей нас красоты, ни величественных старых елей, ни прыгающих с ветки на ветку савриков — мелких зверьков, чем-то похожих на белок, ни непроходящей усталости. Я свыклась с ней, как и с ноющей поясницей, и с немеющими пальцами, и с утренними заморозками.

К началу третьей недели тропа окончательно

исчезла, и, если бы не Авиро с его «картой», нам пришлось бы нелегко.

С каждым днем мы поднимались все выше, воздух становился холоднее и как будто гуще. Он застревал в горле, не давая сделать вдох, а на выдохе клубился белыми облачками пара.

Я старалась держаться наравне с мужчинами и делать вид, что все в порядке, но Джеймс удивительно точно чувствовал, когда мои силы подходили к концу, и устраивал привалы гораздо чаще, чем это было необходимо остальным. Я замечала, каким тревожным взглядом он смотрит на меня, когда думает, что я этого не вижу, и какая глубокая складка появляется между его бровями.

«Зря я взял тебя с собой», — читала я в его глазах. Но и я, и он прекрасно понимали, что другого выхода у нас не было.

Тропа поднималась все выше, леса становились реже, пока совсем не исчезли, и вот наступил тот день, когда мы подъехали к Светлым воротам — огромной арке между гор, ведущей во владения алайетов. С двух сторон от нее высились черные скалы, а под белыми каменными сводами клубился плотный туман, скрывающий раскинувшийся внизу город. Его не было видно, но я знала, что он там, у подножия Ареи

— Кэри, ты все запомнила? — с тревогой посмотрел на меня муж. — Никакой самодеятельности. Тебе всего лишь нужно провести нас в город и представить, как своих спутников и помощников.

— Успокойся, Джеймс. Я все сделаю, как надо.

— И постарайся не показывать волнения, — наклонился ко мне муж.

Его губы коснулись щеки, и тепло этого касания отозвалось в душе нежностью. А следом пришел страх — сильный, неконтролируемый. Только бы все обошлось… Только бы ничего не случилось.

— Кто вы и куда идете? — неожиданно послышался усиленный магией голос, и я оглянулась, пытаясь обнаружить говорившего, но вокруг никого, кроме нас, не было.

— Я иду за помощью, — отбросив сомнения, ответила я.

— А эти люди?

— Они мои провожатые.

Вокруг стало тихо.

— Оставьте оружие и мулов у ворот, и можете проходить, — спустя минуту велел голос.

Торнтон положил на землю мушкет, Джеймс — револьвер, а Авиро с сожалением достал из-за пояса нож.

— Женщина, ты должна войти первой, — последовал очередной приказ.

Я посмотрела мужу в глаза и шагнула под арку. И в ту же секунду туман рассеялся, и под каменными сводами вспыхнул ослепительно яркий свет. Он прошел сквозь меня, оставив ощущение легкого тепла, и растворился, словно его и не было, а по моему лицу скользнуло легкое прохладное дуновение.

— Великая Мать принимает тебя, дочь алайетов, под свою защиту, — мне показалось, что в голосе говорящего послышалось удивление. — Войди в Алайю и будь здесь в безопасности.

Я сделала шаг вперед и оказалась на вымощенной красным камнем дороге. Она вилась между окутанных облаками гор, скользила по уступам и спускалась вниз, в долину, где широко раскинулся город — огромный, призрачно-прекрасный, с высокими каменными башнями, со сверкающими ярким золотом крышами и с ажурными мостами, протянувшимися между ними, подобно невесомой паутине.

— Теперь вы, чужеземцы, — скомандовал голос.

Резко обернувшись, уставилась на плавающий под аркой туман и вскоре увидела появившихся

в его клубах Джеймса и Кристофера.

Я невольно напряглась, ожидая вспышки, но ее не последовало. Видимо, вампиры основательно постарались, и от магии моего мужа практически ничего не осталось, а Торнтон не обладал даже зачатками дара. Что ж, сейчас это было нам только на руку, но в глубине души я все еще не могла смириться с тем, что Джеймс оказался в стране алайетов полностью беззащитным.

— Теперь ты, медведь, — последовал следующий приказ, когда Кейн и Торнтон встали рядом со мной.

Авиро, беспрерывно кланяясь, вошел под арку. Та едва заметно заискрилась, черты лица проводника поплыли, превратились в медвежьи, и тут же снова вернулись к своему обычному виду, а сам оборотень буквально вывалился из туманной завесы. Мне даже показалось, что та его вытолкнула.

— Идите по дороге из кардия, она приведет вас прямо к храму Великой Матери, — напутствовал голос, как только оборотень оказался рядом с нами.

И в тот же миг под аркой вспыхнуло алое пламя, а когда оно схлынуло, мы увидели, что пространство под сводами полностью закрывает толстая

сверкающая решетка.

— Интересно у них тут гостей встречают, — пробормотал Торнтон и сунул в рот потухшую трубку. — Это что же, назад нам ходу нет?

— Идем, — не отвечая на этот вопрос, сказал муж и, взяв меня за руку, решительно пошел вперед.

Дорога бежала под уклон, и мы все ускоряли шаг, пока не дошли до моста, перекинутого над ворчливо пересчитывающей камни рекой.

— Интари, — пояснил Кристофер. — Если верить картам, ее устье — вон там, почти у самой вершины Большой Ареи.

Он кивком указал на гору — высокую, похожую на ровный конус, нависающую над городом, как орлица над своими птенцами.

— Ларье писал, что именно там находится Арта-Авир. Священное озеро Избранных, — глядя на нее, тихо сказал Джеймс и сильнее сжал мою руку.

— Вот уж не думал, что когда-нибудь попаду в Алайю, — идя за нами, задумчиво произнес Кристофер. — Говорят, тут чужаков не любят. Сдается мне, милорд, слишком легко нас сюда пустили, как бы это ловушкой не оказалось.

— Посмотрим, — хмыкнул Джеймс и прибавил

шаг.

***

В городе было тихо. Дорога из красного кардия вела нас вдоль высоких, похожих на прямоугольные башни домов, над нашими головами тянулись невесомые мостки, но ни жителей, ни торговцев, ни лавок не было. Казалось, что Алайя вымерла или спит. Наши шаги отдавались гулким эхом, между особняками гулял ледяной ветер, разносящий по пустынному городу ощущение безнадежности и тревоги. Большая Алайя встречала неласково.

Интересно, куда подевались алайеты?

Взгляд скользил по широким улицам, пересекающим ту, по которой мы шли, останавливался на пустых витринах лавок и магазинов, цеплялся за металлические указатели, на которых виднелась странная вязь. Алайя походила на расчерченный стрелами улиц квадрат — идеально ровный и бездушно холодный. Я смотрела по сторонам и не могла понять, что не так с этим странным городом. Вытянутые окна домов-башен загадочно блестели редкими для этого века стеклами, каменные стены молчаливой стражей теснили нас с двух сторон, а красная брусчатка казалась

окропленной жертвенной кровью.

Я покосилась на мужа. Джеймс шел справа от меня, и его профиль напоминал изображение на старинной монете. Кейн казался спокойным, но мне ли не знать, что он всегда так выглядит, даже перед лицом опасности!

— Не бойся, Кэри, — почувствовав мою тревогу, тихо сказал муж. — Они не посмеют причинить тебе вред.

Можно подумать, меня заботило именно это!

— А тебе, Джеймс? — спросила то, что мучило меня вот уже который день.

— И мне, — твердо ответил супруг, но меня его слова совсем не убедили.

Если алайеты узнают о наших намерениях… Боже, помоги нам выбраться отсюда живыми!

Ветер кинул под ноги россыпь мелких листьев. Ярко-желтых, почти золотых. Они выглядели в этом каменном городе такими же неприкаянными чужестранцами, как и мы. Откуда их занесло? Где их родина?

До храма дошли быстро. Голос, что отправил нас по дороге из красного камня, сказал правду. Единственная «кровавая» среди остальных обычных улица действительно вывела нас прямиком к огромному собору, возвышающемуся

посреди круглой площади. Ее брусчатка тоже была красной, и лишь перед высокой мраморной лестницей, поднимающейся к закрытым кованым дверям, я заметила белые вкрапления, образующие непонятный узор.

— Смотрите, — прошептал Кристофер.

Мы подняли головы и увидели прямо над нами, на белоснежном фасаде храма, огромные старинные часы. Большие, украшенные бронзовыми фигурками птиц и серебристыми металлическими кругами, они были очень похожи на папенькины «Клерво» и выглядели удивительно живыми, если можно так сказать про неодушевленный предмет. Птицы перелетали по блестящим веткам, круги загадочно поблескивали в солнечном свете, большие золотые стрелки застыли на цифрах один и шесть, а секундная — на пяти.

— Интересная вещица, — пробормотал Торнтон, а Авиро осенил себя каким-то знаком.

Стоило нам ступить на белый каменный узор, как круги пришли в движение. И в тот же миг соборные двери сами собой распахнулись, словно приглашая внутрь, и снова послышался знакомый голос.

— Войди под своды храма, дочь алайетов, — сказал он, и откуда-то сверху раздался тихий

мелодичный звон. — А вы, чужеземцы, ждите здесь.

— Я пойду со своей женой, — взяв меня за руку, твердо произнес Джеймс.

Несколько минут было тихо. Мне даже показалось, что обладатель голоса исчез вслед за остальными жителями Алайи, но это оказалось не так.

— Можешь войти, чужеземец, но знай, что перед лицом Великой Матери ваш брак ничего не значит, и эта женщина тебе не жена.

Я с тревогой посмотрела на мужа. Вот как чувствовала, что ничего хорошего алайеты не скажут!

— Не слушай его, Кэри, — тихо сказал Кейн. — Что бы они ни говорили, но ты — моя жена. Перед Богом и людьми.

Он бесшабашно усмехнулся, и эта знакомая пиратская усмешка придала мне сил. Джеймс прав. Никто и ничто не отнимет нас друг у друга.

— Идем, — почувствовав мою решимость, сказал муж и пошел вперед, так и не выпустив моей руки.

Стоило нам войти в собор, как двери тут же бесшумно закрылись, оставив нас в полной темноте.

— Джеймс?

Мой шепот разнесся тихим шелестом, усиленный многократным эхом, а в следующую секунду я почувствовала, как меня отрывает от мужа и несет вперед. Мимо мелькали круги времени, удивительно похожие на те, что были в лесу у отшельника. Тело овевал прохладный, напоенный ароматами роз воздух, лица легко касались чьи-то невесомые крылья, а перед глазами возникали картины моей былой жизни. Они мелькали с огромной скоростью, возвращая меня назад, в недалекое уэстенское прошлое: изящная колыбель, украшенная лентами и серебряными погремушками, лица родителей — молодые, улыбающиеся, счастливые, уютный особняк на Андер-роу, мои первые шаги, первый бал, первое знакомство с Джеймсом, первая встреча с Робертом, свадьба, похороны родителей, прощание с первым мужем… Все летело, как в сумасшедшей карусели, ускоряясь и ускоряясь, и мне казалось, что я заново проживаю минувшие события, ощущая все то, что чувствовала и думала тогда, окунаясь в прошлое с головой и тут же выныривая в настоящее.

— Жизнь — это всегда выбор, — неожиданно услышала я тихий женский голос.

У него была странная окраска: я бы сравнила ее с синевой глубокой реки. Или с прохладой весеннего утра. Высокие, чуть журчащие звуки и звенящая капель.

— Только от нас зависит, каким он будет, — слова лились тонким ручейком, почти осязаемо мягкие и нежные.

И я неожиданно осознала, что стою посреди огромного светлого зала, а прямо передо мной на высоком каменном троне сидит женщина. Лицо ее все время менялось, становясь то юным, цветущим красотой и молодостью, то зрелым, с едва заметной улыбкой, в которой таилось знание.

— Кто вы? — вопрос сам собой слетел с моих губ, и только потом я поняла, насколько это было невежливо. — Простите, я не хотела…

— Не нужно, Кэролайн. Не трать время на пустые извинения. Лучше скажи, что привело тебя в храм Великой?

— Моя магия. Я хочу понять, что она — добро или зло? И решить, что с ней делать.

Женщина замолчала, прислушиваясь к чему-то внутри себя.

— Подойди, — спустя несколько минут, приказала она.

Я сделала несколько шагов.

— Дай руки.

Я протянула ладони, и в ту же секунду ощутила невесомое прикосновение. По телу прошлась прохладная волна. Мне даже показалось, что я стою по пояс в воде и ощущаю ее ласковый плеск.

— Не бойся, — донесся до меня тихий шепот.

Женщина замерла. Я видела, как меняется ее лицо, как с каждой секундой оно становится все старше, как на лоб и щеки набегают морщины, как опускаются уголки рта. А потом синие глаза резко распахнулись, и я увидела в них отражение собственной жизни. Тот самый миг, когда стояла у алтаря Уэстенской церкви рядом с Джеймсом.

— Чужеземец, что остался при входе, — спросила женщина. — Ты его любишь?

— Люблю.

Мой ответ прозвучал твердо, без капли сомнения. Да я больше и не сомневалась. К чему себя обманывать? Я давно уже влюбилась в собственного мужа, и эта любовь с каждым днем становилась только крепче.

— И ты ручаешься, что и он, и твои спутники пришли сюда с чистыми намерениями?

— Ручаюсь.

Обман дался мне нелегко, но я справилась. Разве могла я ответить иначе?

— Что ж, Кэролайн, ты узнаешь, в чем заключается магия Избранных, и сможешь пройти инициацию.

Женщина улыбнулась мягкой, почти материнской улыбкой, и я почувствовала, как легко стало на сердце, какое тепло и радость поселились в душе.

— Приветствую тебя в Большой Алайе, Кэролайн, дочь Эдит и внучка Элинор из рода Ириды. Пусть твое нахождение здесь будет мирным и принесет пользу.

Прохладные пальцы соскользнули с моих рук, и в ту же секунду и женщина, и трон исчезли. А на их месте я увидела блестящий серебряный посох. Он стоял у каменного жертвенника и от него исходил мягкий голубоватый свет — такой же прохладный, как прикосновение Избранной. В памяти всплыли рассказы мужа о Посохе Силы. Неужели это он и есть?!

Словно завороженная, я сделала шаг вперед, протянула руку… и услышала за спиной неясный гул. Обернувшись, не смогла сдержать удивленный вздох. Храм был полон людьми. Вот только что никого не было и вдруг откуда-то появилось сразу несколько сотен незнакомцев. Мужчины, женщины, дети.

Я с настороженным любопытством разглядывала алайетов. Женщины показались мне удивительно красивыми: нежные, словно светящиеся изнутри лица, длинные светлые волосы, яркие синие глаза. Дамы-алайя напоминали изящные фарфоровые статуэтки и казались такими же хрупкими. Мужчины были иными. Высокие — гораздо выше обычного человеческого роста, крепкие, суровые на вид, словно отлитые из армийской стали. Они смотрели настороженно, как будто ожидая какого-то подвоха. Дети… Дети были такими же, как везде — с симпатичными личиками и живыми, любопытными глазенками.

Я переводила взгляд, рассматривая алайетов, но он скользил по красивым лицам в поисках одного. Джеймс. Мне нужно было найти мужа.

Он стоял справа от меня. Рядом с одной из огромных колонн. Спокойный, уверенный, ни в чем не уступающий ни ростом, ни статью, ни твердостью взгляда окружающим его алайетам. Стоял и глядел на присутствующих с хорошо знакомым мне пиратским прищуром.

— Джеймс!

Я поспешила подойти и взять супруга за руку, неосознанно пытаясь защитить и от соплемен-

ников, и от неведомой опасности, которой был наполнен воздух собора.

— Вы пришли в Большую Алайю за ответами, чужеземцы, — выступила вперед одна из женщин — невысокая, худощавая, отличающаяся от остальных цветом туники. Та была синей, как морская вода. — И вы их получите. Арио, Строман, Гавези, — обратилась она к стоящим впереди мужчинам. — Проводите.

Алайеты молча выступили вперед, окружили нас с мужем и повели к выходу из храма. Джеймс крепко сжал мою ладонь. «Не бойся, Кэри, — читала я в его взгляде. — Все будет хорошо». Как же мне хотелось в это верить. Но стоило выйти из храма, как внутри снова появилась тревога. Она заставляла присматриваться к идущим рядом с нами, к пустынной площади, по которой ветер гонял сухую листву, к кровавым плитам, кругами опоясывающим собор.

Кристофер и Авиро ждали нас рядом с храмом. Проводник невозмутимо сидел прямо на каменных ступенях и перебирал веревку с завязанными на ней узелками, а Тортон расхаживал вдоль стены, задумчиво покуривая трубку.

Увидев нас, Авиро оказался на ногах, а Кристофер остановился и вопросительно посмотрел на

моего мужа.

— Мы остаемся здесь, — негромко сказал им Джеймс.

— Следуйте за нами, чужеземцы, — бесстрастно произнес один из наших провожатых, но я заметила быстрый неприветливый взгляд, которым он окинул Джеймса.

От мужа тоже не ускользнул этот взгляд, но он и виду не подал, только чуть сильнее сжал мою ладонь.

— Сдается мне, милорд, не больно-то нам тут рады, — идя за нами, тихо пробормотал Торнтон.

Алайеты шли с невозмутимыми лицами. То ли не услышали, то ли не пожелали услышать. Я обратила внимание на их руки. У всех троих на правом запястье темнели длинные и узкие, похожие на браслеты, родимые пятна. Интересно, что это? Близкое родство? Или просто нарисованные знаки? Правда, подумать над этим я не успела. Мы пересекли площадь, свернули на одну из широких ровных улиц, что тянулись до самого подножия конусовидной горы, и вскоре остановились у небольшого особнячка с острой, похожей на шапку акаучи, крышей.

Стоило одному из провожатых дотронуться до плоских дверей, как те бесшумно разъехались в

стороны, пропуская нас внутрь. Странная магия. Или это не магия?

В просторном квадратном холле было светло, но этот свет выглядел каким-то странным. Он словно струился от стен, от потолка, от пола, мягко мерцал синеватыми бликами и казался прохладным, как вода в Интари.

Я огляделась. В просторном пустом помещении было пять закрытых дверей и три узких невысоких окошка. Ни стульев, ни зеркал, ни вешалки для шляп. Хотя, о чем я? Судя по одежде алайетов, шляп они вообще не носят.

— Сегодня вечером соберется Совет старейших, — сказал один из мужчин и посмотрел на меня. — За тобой придут.

— И что будет на этом Совете? Я должна как-то подготовиться, или…

— Тебе все объяснят позже, — невежливо перебил меня алайет. — Отдыхайте, чужеземцы.

В его устах это «чужеземцы» звучало почти как оскорбление.

— А с мулами нашими что? — вылез вперед Торнтон. — Когда нам их вернут?

— Они в надежном месте, — холодно ответил старший из троицы. — Будете возвращаться домой — получите их в целости и сохранности.

Он криво усмехнулся, но больше ничего не добавил и пошел к выходу. Остальные двое молча двинулись за ним. Высокие, широкоплечие, похожие на древних армов — праотцов эрдеронцев.

Я смотрела, как мужчины исчезают за дверью, и чувствовала непонятное облегчение. Почему-то в их присутствии мне было неуютно. То ли из-за явной неприветливости, то ли из-за ледяной настороженности одинаковых синих глаз.

— Ты как? — дождавшись, когда мы остались одни, спросил Джеймс.

Он окинул меня быстрым взглядом, словно проверяя, все ли со мной в порядке, и притянул к себе, укрывая в объятиях. И мне показалось, что это ощущение — уверенности, защиты, неназойливого внимания — всегда было в моей жизни. Хорошо бы, если бы так осталось и дальше.

Я вдохнула знакомый аромат кожи, хвои и дыма и уверенно солгала: — Со мной все прекрасно.

Вот где пригодилось уэстенское воспитание! У эшерцев всегда все прекрасно.

— Да?

В голосе мужа прозвучало недоверие. Но это было не то прежнее недоверие — холодное и подозрительное, а совсем иное.

— Конечно. Я полна сил и желания разобраться

со всеми загадками.

Я улыбалась, несмотря на ноющую поясницу и онемевшие пальцы ног.

— Ладно, пойдем поищем свободную комнату, тебе нужно отдохнуть, — не стал опровергать мою ложь Джеймс. Он тоже был эшерцем и знал цену словам. — Надеюсь, на втором этаже найдется подходящая спальня.

Стоило Джеймсу подойти к перилам, как лестница «ожила». Ее ступени вздыбились и медленно поплыли вверх, к площадке, на стенах которой мягко мерцали синие блики.

— Интересно, а кухня у них тут есть? — огляделся по сторонам Кристофер. — Не мешало бы подкрепиться. Как думаете, милорд, пир в нашу честь устроят? Или снова солониной обедать придется?

— На твоем месте я бы на пиры не рассчитывал, — ступая на «смятую» первую ступень, хмыкнул Джеймс. Он потянул меня за собой, и я ступила на плавно поплывшую под нашими ногами лестницу.– Не больно-то нам тут рады. Чудо, что вообще пустили.

— Это да, — согласился Торнтон. — Я слышал, алайеты чужаков не жалуют. Мало кому удавалось в Большой Алайе побывать. Ну, значит,

будем обед готовить, — тут же переключился он. — Авиро, ты со мной?

Меня всегда удивляла эта особенность Кристофера. Он умудрялся ко всему относиться ровно, не обращая внимания ни на трудности, ни на каверзы судьбы. Торнтон чем-то напоминал мне Лори. Той же хорошей, правильной приземленностью и умением не замечать плохое, и быстро приспосабливаться к любым, даже самым необычным условиям. Вот и сейчас, вместо того, чтобы нервничать и размышлять о том, что нас ждет, Кристофер думал исключительно о еде и ни о чем больше.

— Авиро! Чего застыл? — позвал он проводника, разглядывающего светящиеся стены. — Идем! Обед сам себя не сварит!

Торнтон усмехнулся, поправил на плече лямку сумки и направился к одной из дверей. Авиро пошел за ним, а мы с Джеймсом «доехали» до второго этажа и отправились осматривать его в поисках подходящего пристанища.

***

Вечер подкрался незаметно.

Казалось, мы только успели немного оглядеться и пообедать приготовленной Кристофером

зайчатиной и незнакомыми блюдами, оставленными алайетами, как в дверь постучали. Стук был громким и требовательным. Он разносился по особняку гулким эхом, заставляя сердце сжиматься нехорошим предчувствием.

Мы с Джеймсом молча переглянулись. Мы не разговаривали, да и к чему? Все уже было переговорено сотни раз, оставалось только смотреть друг на друга, слушать стук сердца, чувствовать дыхание и верить. Верить, что все получится.

Я не раз замечала, что в решающие моменты, когда случается что-то важное, слова иссякают за ненадобностью. Их заменяют взгляды, прикосновения, жесты. Вот и сейчас.

Джеймс мягко сжал мои пальцы.

— «Готова?» — говорил его взгляд.

— «Готова», — кивнула в ответ, вспоминая эшерское « благодарю, у меня все прекрасно».

Когда мы спустились, Торнтон уже успел открыть дверь, и двое алайетов ждали меня в холле. Высокие, длиннолицые, в свободных белых туниках, со светлыми бровями и ресницами, они казались бесцветными, и мне так и хотелось добавить в их внешность немного красок. Не знаю, хотя бы одежду заменить на более яркую. Новые провожатые старались выглядеть такими же

бесстрастными, как и те, что привели нас в дом, но я видела мелькающий в их глазах интерес и замечала, каким любопытством полнятся их взгляды. Да и по возрасту они были моложе своих предыдущих собратьев.

— Мы пришли за женщиной, — почти синхронно произнесли алайеты. — Совет уже собрался.

Тот, что выглядел чуть старше, посмотрел на меня, видимо, пытаясь решить, чего от меня ждать. Если бы я сама знала ответ на этот вопрос!

Я взглянула на мужа. Джеймс едва заметно кивнул и сжал мою руку, безмолвно пытаясь ободрить и передать каплю своей уверенности и силы.

— Я готова, — шагнула вперед.

Алайеты расступились, пропуская меня к распахнувшимся дверям, и вышли следом. А потом пристроились по обе стороны, и повели к храму. Правда, не доходя до площади, свернули на одну из боковых улиц.

— А где проходит Совет? — посмотрела я на старшего, но тот только головой качнул и не ответил.

Меня это задело.

— А Великая Мать? Кто она?

Лица мужчин закаменели. И снова в ответ ни

слова.

— Вам запретили отвечать на мои вопросы?

Мне досталась пара возмущенных взглядов. Что ж, понятно. Вероятно, я угадала.

Мимо мелькали дома — необычные, вытянутые кверху, напоминающие старую уэстенскую тюрьму. Под ноги стелилась вымощенная светлым камнем дорога, в воздухе стоял непередаваемый аромат цветущих яблонь, хотя никаких деревьев в городе не было. Не говоря уже о том, что осенью яблони не цветут.

Мы свернули еще раз, и вышли к странному маленькому домику, больше похожему на ветхую лачугу. Он смотрелся настолько неуместно среди соседних домов, что я даже остановилась, с недоумением разглядывая ветхую соломенную крышу, вросшие в землю окошки, низкую дверь.

— Нам сюда, — распахнул ее старший, но сам не вошел, пропуская меня вперед.

Не успела сделать шаг, как дверь захлопнулась, и я оказалась в полной темноте.

— Тут кто-нибудь есть?

Я попыталась разглядеть хоть что-то, но вокруг плавала непроницаемая чернота. Она выбивала из равновесия и не позволяла понять, что делать и куда идти.

— Эй?

Я вытянула руки и осторожно двинулась вперед. По крайней мере, надеялась, что иду именно вперед.

Шаг, второй, третий… Снаружи лачуга показалась мне малюсенькой, но шла я уже довольно долго, а вокруг все еще была пустота. В душу заползал страх. Что происходит? Может, это какое-то испытание?

Мне показалось, что темнота ожила, наполнилась едва уловимым движением.

— Кто-нибудь, отзовитесь!

Голос звучал глухо. Он словно тонул в тумане, и мне вспомнились уэстенские ночи, наползающая серая пелена, нападение фантомов. И вместо страха пришла злость. Кто-то хочет, чтобы я испугалась?

— Вы позвали меня на Совет, и я больше с места не сдвинусь, пока не появится тот, кто отведет меня именно туда.

Я остановилась, сложила руки на груди и принялась ждать. Почему-то мне казалось, что меня услышали. Время шло, в воздухе запахло речной влагой, тишина вокруг стала настороженной, живой, она обтекала меня, будто вода, мягко касалась тела, тянула свои пенные щупальца к

душе, заглядывала в самые отдаленные ее уголки и вытаскивала из них то, что я и сама давным-давно забыла. Чувства. Эмоции. Страхи. Все, что когда-либо волновало и затрагивало сердце.

— Кэролайн из рода Ириды, что ты хотела узнать?

Вопрос раздался так неожиданно, что я вздрогнула. И в ту же секунду послышался знакомый мелодичный звон и вокруг разлился яркий свет.

Я невольно зажмурилась, а когда открыла глаза, то увидела огромный круглый зал и сидящих в необычных круглых креслах женщин. Их было двенадцать, они выглядели удивительно похожими, и в то же время в лице каждой из них было что-то свое. Выражение глаз, мимика, возраст. Несмотря на то, что все женщины казались молодыми, я чувствовала, что это не так. Вот, например, та, что сидит в центре и, по-видимому, является главной. Ее кожа светится молодостью, а в глазах застыла вековая мудрость и тоска. А та, что справа от нее? Красивое, немного надменное лицо, пухлые губы, а во взгляде, которым она меня одарила… презрение? Но чем я успела его заслужить? А вот дама слева, напротив, смотрит с жадным любопытством, но не тем, обидным и унизительным, а настоящим, немного взволно-

ванным и нетерпеливым. Она даже чуть вперед подалась, разглядывая меня своими удивительно чистыми синими глазами. Длинная светлая коса, спадающая почти до земли, делала ее похожей на юную девушку, но это было не так. За прекрасной внешностью отчетливо проглядывал опыт прожитых лет.

— Добрый вечер, — опомнившись, поздоровалась я.

— Пусть тень твоей жизни будет длинной, — ответила главная, и звуки ее мелодичного голоса напомнили мне ту, что разговаривала со мной в храме. — Что привело тебя в Алайю, Кэролайн?

Она посмотрела на меня ласково, почти по-матерински, но я не могла поверить в эту любовь. За ней стояло что-то еще. Какие-то эмоции, разобрать которые мне не удалось.

— Моя магия была запечатана с самого рождения, но недавно эту печать сняли и сказали, что я должна пройти инициацию.

Я старалась говорить коротко, самую суть, но не смогла не спросить то, что меня мучило.

— Отшельник Роунс? — усмехнулась женщина. — Что ж, он обладает многими знаниями. Да, он сказал правду. Каждая алайя должна пройти инициацию.

— А ваша сила? Она действительно может сломать волю другого человека и заставить его сделать все, что вы захотите?

— Да, — кивнула главная.

Глаза ее были безмятежны.

— Но ведь это… несправедливо.

Я с трудом подобрала нужное слово.

— Что есть справедливость? — спросила та, что смотрела на меня с презрением. — Люди ничего о ней не знают.

В зале повеяло холодом и речной водой. Белые стены дрогнули, пошли мелкой рябью, лица женщин неуловимо изменились. Мне даже показалось, я вижу в них отражения далекого прошлого, минувших времен и веков, и при этом чувствовалось такое же далекое будущее. Не знаю, как это объяснить. В Алайе многое ощущалось иначе, чем за ее пределами. И я никак не могла понять загадку этого странного города.

— Не нужно, Артенис, — тихо сказала главная.

— Почему же, Сафита? Ведь это так и есть. Разве в мире людей знают хоть что-нибудь о справедливости? Или о высшем суде?

Чувственный капризный рот скривился. В ярких глазах мелькнула обида.

— Хватит, Арти, — властно произнесла главная

и поманила меня к себе. — Подойди, Кэролайн, — велела она. — Дай свою руку.

Я сделала несколько шагов и протянула ладонь.

Тонкие пальцы обхватили мое запястье, Сафита прикрыла веки и погрузилась в себя. Остальные замерли, глядя на меня с непонятным ожиданием.

— Полная сила рода, — спустя несколько минут, произнесла Сафита. — Водная стихия. Два брака. Магия, разделившаяся сама в себе. Выбор.

Она отпустила мою руку и взглянула прямо в глаза: строго, почти даже сурово. У меня внутри что-то неприятно екнуло.

— Ты принадлежишь к роду алайетов и, как и каждая из нас, должна принять свой путь.

Голос Сафиты звучал отстраненно.

— А если я не захочу владеть вашей магией?

— Свой выбор ты сделаешь после инициации. Если решишь отказаться, никто неволить не будет.

Красивое лицо стало холодным и бесстрастным. Яневольно поежилась, но все равно решила спросить.

— Могу я задать еще один вопрос? Почему в городе никого нет? Куда делись его жители?

— Тебе пока рано об этом знать, — ответила Сафита, и ее тонкие брови едва заметно нахмурились.

— А моя семья? — не отступала я. — Родители Амонерис… Кто-то из их рода еще жив?

В зале стало тихо. Лица женщин словно окаменели, разом лишившись красок и эмоций.

— Ты узнаешь ответ и на этот вопрос, но позже, — тихо произнесла главная. — А сейчас иди. Твои спутники тебя уже заждались, — мне показалось, в словах женщины прозвучал какой-то непонятный намек и что-то, похожее на жалость.

Ужасное ощущение! Я терпеть не могла, когда меня жалели. Особенно вот так, немного свысока.

Я поморщилась. После того, как не стало родителей, чего мне только не пришлось выслушать, каких только обещаний и сочувствий не прозвучало в мой адрес. Только вот ни один из тех, кто смотрел на меня с этой проклятой жалостью, не протянул руку, когда мне действительно потребовалась помощь.

— Как будет проходить инициация?

Я постаралась не думать о прошлом, которое почему-то так ярко воскресло в душе. Как и ста-

рые обиды. И боль от одиночества. И…

— И когда? — подавив эмоции, спросила у Сафиты. — Я должна к ней подготовиться?

Вот так. Лучше держаться за настоящее. Оно гораздо надежнее.

— Слишком много вопросов, — покачала головой главная. — Иди, Кэролайн. И пусть Великая Мать будет к тебе милостива.

Ответить я не успела. С последним звуком мелодичного голоса все вокруг подернулось дымкой, а когда она схлынула, я оказалась стоящей у низкой покосившейся двери в маленькой, пропахшей старыми сетями и рыбой лачуге.

— Как же любят мои соплеменники напускать ненужную таинственность, — пробормотала вслух и вздрогнула, услышав тихий шорох.

— Нужно идти, — долетели до меня негромкие слова.

Что за чудеса? Я обернулась и увидела своих сопровождающих. Они словно вышли из стены — холодные, невыносимо высокомерные и чужие, совсем не похожие на обычных людей. В голове забрезжила догадка.

— Вы умеете быть невидимыми? — вопросительно взглянула на старшего.

Вопреки ожиданиям, на сей раз мне ответили.

— Помимо всего прочего, — неохотно произнес мужчина.

Мне показалось, или в его голосе прозвучала неприязнь?

— А что еще вы можете?

— Если Великая Мать захочет, ты сама все поймешь, — ответил мужчина. — Мы не вправе отвечать на твои вопросы, пока ты не прошла инициацию.

Он кивнул на дверь, предлагая выйти, а второй также молча ее распахнул.

Что ж, мне не оставалось ничего другого, как подчиниться.

***

До особняка дошли быстро. Мне показалось, мои провожатые куда-то торопятся, потому что они все время ускоряли шаг, и мне приходилось почти бежать. Лица охраны выглядели озабоченными и встревоженными.

— Пусть Великая будет к тебе милостива, — открыв двери, произнес старший, а младший взглянул на меня и тут же отвел глаза. Но сделал это недостаточно быстро, и я успела заметить в них жалость.

Странно. Это уже второй раз за последние пол-

часа. Сначала Сафита, теперь вот этот алайет. Что происходит? Почему они так смотрят?

Раздираемая сомнениями, я вошла в особняк и сразу почувствовала, что что-то не так. Что-то случилось, пока я была на Совете. Кругом было тихо. Так тихо, что я слышала собственное дыхание.

— Джеймс? — позвала, уже понимая, что мужа здесь нет. — Кристофер?

Ответом мне была тишина. Страшная, неживая тишина.

— Авиро?

К горлу подкатил комок.

— Кто-нибудь!

Я подбежала к дверям гостиной, и те бесшумно раздвинулись. Пусто. Подхлестываемая тревогой дошла до следующей комнаты — тоже никого.

— Господи, куда они все подевались?!

Звуки моих шагов эхом отражались от светящихся стен и казались зловещими.

Я обходила комнату за комнатой, все три этажа, но уже понимала, что делаю это напрасно. Мужчины исчезли. Испарились, словно их никогда тут и не было.

— Джеймс!

Пустые залы, извивающиеся кольцами коридоры, бесконечное движение лестницы —все это

мелькало передо мной, а я, задыхаясь от страха, только ускоряла шаг и под конец уже почти бежала, пытаясь понять, куда пропали мои спутники.

— Джеймс! — шептала, глядя на постоянно меняющие окраску стены, а те, словно издеваясь, становились то синими, то зелеными, то голубыми.

— Это какое-то безумие…

Голова кружилась от бесконечной смены цветов, к горлу подступала тошнота, на лбу выступила холодная испарина. Внутри все сжималось от ощущения неизбежного повторения того, что уже было в моей жизни. Проклятье… Я очень хорошо помнила это чувство беспомощности и безнадежного одиночества. И понимания, что ты одна. Одна во враждебном и суровом мире.

Нет. Нельзя думать о прошлом. Сейчас все иначе. Я уже не та отчаявшаяся девочка, потерявшая родителей и мужа. И Джеймс — не Роберт. С ним ничего не может случиться! Пират так просто не сдастся.

Я пыталась убедить себя в том, что все будет хорошо, но сердце не хотело верить этим наивным убеждениям. Вспоминались слова, прозвучавшие у входа в храм — «Перед лицом Великой Матери он тебе не муж». И душу охватывал страх

— въедливый, коварный, не оставляющий места надежде. Что, если алайеты выгнали Джеймса из Алайи? Что, если он рискнул сам пойти в храм, чтобы отыскать Посох, и попался?

Нет, это просто какое-то недоразумение. Нужно найти Сафиту и выяснить, что происходит. Джеймс ведь не собирался красть посох. Ему всего-то и нужно было просто к нему прикоснуться.

Лестница плыла под моими ногами. Мягкий свет стен раздражающе мерцал, оставляя перед глазами расплывающиеся круги. Или это из-за слез?

Снова оказавшись внизу, кинулась к входным дверям и попыталась их открыть, но те не поддавались.

— Это что, какая-то проверка?

Я ударила по светлому металлу кулаком.

— Эй! Откройте! Немедленно!

Я кричала, стучала — сначала руками, потом, когда они устали, ногами, но толку не было. Меня никто не слышал. Или, скорее, не хотел слышать. Проклятые алайеты!

Я без сил сползла по стене вниз и села прямо на пол, пытаясь одолеть накатывающий ужас. Внутри все сжималось в тугой узел. Что могло произойти? Куда делся Джеймс? Может, его тоже

позвали на Совет? В доме не видно ни следов борьбы, ни каких-либо свидетельств насильственного похищения… Вряд ли мой муж сдался бы так легко. Конечно, как я сразу об этом не подумала?

Я почти уговорила себя, что ничего страшного не случилось, даже поднялась с пола, но посмотрела на запертую дверь, и меня снова охватила паника. Если мужчины ушли сами по себе и с ними все в порядке, то почему я не могу выйти из дома? Кто меня запер?

Взгляд упал на одно из окон. Улица за ним казалась безлюдной и тихой. Правда, сейчас я уже не была уверена, что это так и есть. Если алайеты умеют оставаться невидимыми, то город может быть совсем не таким уж пустынным.

Что ж, если за мной наблюдают, им вряд ли понравится то, что я собираюсь сделать!

Я бросилась в столовую, схватила ближайший ко мне стул и изо всех сил ударила его ножками по одному из окон. Послышался громкий стук, спинка выскользнула у меня из рук, больно ударив бедро, но стекло как было, так и осталось целым. Проклятье! Из чего оно только сделано? Или это и не стекло вовсе? Еще один удар — и снова никакого эффекта. Похоже, из дома действительно нет выхода.

Если бы я могла использовать магию! Я закрыла глаза, попыталась сосредоточиться и нащупать хоть малую толику силы, но ничего не вышло. Магия Избранных не торопилась откликаться на мой призыв.

А может, и нет во мне никакой магии? Что, если отшельник меня обманул?

Я отбросила стул и снова обошла особняк, пытаясь обнаружить хоть какие-нибудь зацепки, хоть что-то, что поможет понять происходящее, но в мерцающих разными цветами комнатах не было никаких подсказок. От собственного бессилия хотелось плакать, но я не собиралась показывать алайетам свою слабость. Не дождутся!

Время шло, за окнами давно уже стемнело, а мужчин все не было. Я расхаживала по холлу, потом переместилась в гостиную — не ту, привычную, с диванами и удобными креслами, с непременным камином и безделушками на нем, а пустую, холодную, со светящимися мертвенным голубоватым светом стенами и выстроившимися вдоль них непривычными стульями.

Сначала я сидела, потом ходила, потом опять сидела, пока измученная и уставшая не забылась коротким тревожным сном.

***

Утром за мной пришли. Четверо алайетов, среди которых был и один из тех, что вчера отводил меня на Совет. Лица их были сумрачными, вместо привычных уже белых туник я увидела черные плащи, под которыми сверкали серебристые кольчуги. В руках у мужчин были обнаженные мечи, при одном взгляде на которые я отчетливо поняла, что все очень плохо.

— Ты идешь с нами, — бесстрастно сказал один из воинов.

— Где мой муж? Что происходит?

Я пыталась разглядеть ответ в холодных синих глазах, но те были непроницаемы.

— Идем, — снова повторил мужчина. — Все вопросы задашь Старейшей.

Я молча вскинула подбородок, заставляя себя собраться, и сделала шаг вперед. Всего лишь шаг, но он оказался роковым.

Алайеты быстро переглянулись, взяли меня в кольцо, и в ту же секунду пол под ногами качнулся, все вокруг закружилось, потом появилась яркая вспышка, и я зажмурилась, а когда открыла глаза, то увидела, что стою на берегу озера — того самого, что когда-то виделось мне во сне. Неболь-

шое, идеально круглое, оно плескалось у моих ног, слепило солнечными бликами, шептало что-то и еле слышно, по-стариковски, вздыхало.

— Кэролайн, — долетал до меня журчащий голос. — Иди ко мне… Не бойся.

Я подалась вперед, вгляделась в ярко-синюю гладь и обомлела от ужаса. Джеймс… Мой муж, крестообразно раскинув руки, лежал на воде, в самом центре озера, а над ним хищно парили полупрозрачные фигуры в белых хламидах. Он и сам словно парил, распятый на невидимом кресте, бездыханный и неподвижный. У меня едва сердце не остановилось, когда я увидела его лицо — бледное, бескровное, невыразимо прекрасное и холодное, как алийский мрамор.

— Джеймс!

Я кинулась вперед, но руки тут же охватили невидимые путы, а ноги зажали тяжелые колодки.

— Джеймс!

Я рвалась к мужу, а внутри рвалась на части душа. Она чувствовала, знала, предугадывала будущее, и не могла смириться.

— Сестры и матери! — услышала я громкий, наполненный силой и уверенностью голос, и в тот же миг увидела двенадцать женщин. Тех

самых, что присутствовали вчера на Совете.

Они замерли на противоположном берегу и смотрели на Сафиту, застывшую чуть впереди. Ее белые одежды развевались и казались живыми, длинные распущенные волосы спускались до самых пят, раскинутые руки простирались к небу в жесте призыва, а бестелесные тени, такие же, как над озером, кружили над ними, то снижаясь, то взмывая в небеса.

— Мы собрались здесь, чтобы покарать чужака, посягнувшего на нашу святыню, — четко выговаривая каждое слово, произносила свою речь Сафита. — Вора, проникшего к храм и посмевшего прикоснуться к Посоху Силы. Лжеца, утверждающего, что он муж одной из алайя!

Господи… Все-таки случилось именно то, чего я боялась. Пока меня не было, Джеймс пошел в собор и попытался найти Посох… Но где же тогда Торнтон и Авиро? Неужели они отпустили Кейна одного?

Сердце дернулось, и я дернулась вместе с ним, пытаясь сбросить невидимые путы, а лица женщин на секунду подернулись рябью.

— Неправда! — глядя Сафите в глаза, громко крикнула я. — Мой муж не вор! Он всего лишь хотел вернуть свою сущность!

— Этот человек не может быть твоим мужем, — отрезала женщина.

Сейчас она совсем не походила на ту, что запомнилась мне по вчерашнему Совету. В ней больше не было ни капли тепла и света. Немезида. Неподкупная и бесстрастная — вот какой она казалась.

— Он мой муж перед Богом и перед людьми.

Я старалась, чтобы голос звучал твердо, в то время как внутри обмирала от ужаса. Они не сделают этого… Они не убьют Джеймса! Они не посмеют…

— Мы давали клятвы!

Губы произносили слова, но те падали в пустоту, не вызывая никакого отклика. А Джеймс не шевелился. Он все так же неподвижно лежал на воде, и мне начинало казаться, что он мертв, что приговор уже привели в исполнение, что я опоздала.

— Мы с ним едины! — с отчаянием выкрикнула Сафите.

А перед глазами снова появилось давнее видение: бездыханное тело, белое, неподвижное и страшное в своей красоте лицо, свечи, горящие рядом с гробом, мертвенная тишина церкви…

Нет! Нет, этого не случится! Этого просто не может случиться!

Я пристально вглядывалась в неподвижную гладь озера, пытаясь поймать хоть один вздох, хоть одно движение. Джеймс жив, он не умер, нет…

— Перед лицом Великой Матери этот чужестранец тебе никто, — грозно произнесла Сафита, и белые фантомы взяли ее в кольцо, а те, что кружили над моим мужем, опустились, зависнув буквально в нескольких футах от неподвижно лежащего на воде Джеймса. Боже, почему он даже не шелохнется?

Я с мольбой взглянула на женщин, пытаясь хоть в ком-то найти поддержку, но их лица были одинаково суровы и замкнуты. И лишь в одном мелькнуло что-то похожее на сочувствие. Мелькнуло и тут же пропало. Эта была та самая дама, что вчера на Совете смотрела на меня с нескрываемым интересом.

— Смирись, Кэролайн, — строго сказала Сафита. — От тебя ничего не зависит. Этот чужак совершил святотатство и должен умереть.

Она взмахнула рукой, и фигуры в хламидах, что кружили в небе, стали снижаться, и я неожиданно поняла, что как только они окажутся рядом с Джеймсом, тот лишится жизни. И это будет конец. Конец всему…

Внутри плеснулось горячим отчаянием: — «Нет! Не дам. Не позволю! Я не могу его потерять! Только не его…»

Душа разлетелась на мелкие кусочки, освобождая сырую силу, руки скинули невидимые оковы, колодки разбились вдребезги, и я прямо с берега нырнула в синюю чашу.

Мир исчез. Звуки исчезли. Мысли исчезли.

Тело завязло в прозрачной бездне, налилось тяжестью, потянуло ко дну. Я знала, что нужно плыть вперед, к Джеймсу, а вода сопротивлялась и тащила, как на аркане, вниз, в таинственно мерцающую глубину. Все ниже. Все неотвратимее. Мимо проносились мосты, изящные каменные башни, гроты и арки.

«Не сопротивляйся, — услышала внутри журчащий голос. — Отпусти себя».

Отпустить? Ни за что!

Я рванулась, пытаясь освободиться, но вода держала крепко. Она спеленала меня по рукам и ногам и несла сквозь прозрачную толщу, к появившимся внизу аркам. Удивительно похожим на те, что я видела недавно во сне. И камень внизу был точно такой же. Гладкий, с небольшими выемками, напоминающий обломок старинной мраморной колонны. Я коснулась его ладонью,

и тело тут же прошило вспышкой боли. Что за чертовщина? Перед глазами все поплыло, закружилось, свернулось кольцами времени, а потом они исчезли, и я увидела Роберта. Мой первый муж стоял рядом и протягивал мне руку. Улыбка, взгляд, выражение лица — все было таким знакомым!

— Бобби?

Я смотрела на Роберта, а перед глазами, в сменяющих друг друга кругах времени, появлялись картинки нашей жизни. Счастливой и беззаботной, наполненной тихими радостями и приятными мелочами, страстными ночами и долгими вечерними разговорами, чтением книг и прогулками… Ко мне снова вернулись молодость и беззаботность, легкость и то особенное состояние счастья, которое заставляет петь по утрам и будить любимого поцелуями.

Роберт глядел на меня серьезно, в его голубых глазах светились чувства — те самые, что делали меня счастливой целых четыре года. Пока не случилось той измены…

«Проклятие рода Озириса, полученное от фениксов, — снова услышала тихий голос. — Именно оно сломало вашу любовь. На каждого мужчину, связавшего свою судьбу с женщинами

рода Ириды, оно действовало по-своему. Кто-то быстро угасал от болезней, кто-то погибал от внешнего воздействия. А Роберта оно изменило внутренне. С каждым днем проклятие набирало силу, действуя на твоего мужа, ломая и перекраивая его душу, изменяя любящую суть на ненависть и злобу. Роберт не принадлежал себе. Не мог бороться. Мучился, хотел все исправить, но сила, что поселилась внутри, не отставала, и он бежал — в чужие постели, к чужим, ненавистным женщинам, к жадным, ненасытным губам и жестоким завистливым глазам».

Голос стих, а Роберт чуть повел плечом, и этот жест отозвался в сердце болью.

То, что я услышала… Я поверила всему. Сразу и безоговорочно. Сейчас я уже знала и о проклятии, и о том, на что способна магия алайетов и фениксов, и о собственном влиянии на людей.

— Прости, — прошептала бывшему мужу. — Прости, Бобби.

По губам Роберта скользнула грустная улыбка.

— Прости…

Вода не мешала ни дышать, ни говорить. И даже слезы, что бежали по моим щекам, ощущались настоящими холодными дорожками. Господи, я ведь чувствовала… Знала, что Бобби меня любит.

Наверное, именно поэтому я так и не смогла его возненавидеть после всего, что он сделал.

— Все еще можно изменить, — тихо прожурчал голос.

— Изменить? Как?

— Инициация. Ты можешь попросить все, что хочешь, — прозвучало у меня внутри. — Один единственный раз. Выбор, Кэролайн. Всегда есть выбор.

Голос стих, а я смотрела на Роберта, на такую знакомую улыбку, на протянутую ко мне ладонь… Мне нужно всего лишь сделать шаг, всего лишь принять ее, и мы снова будем вместе. И прежняя жизнь, в которой не было места мучительным недомолвкам и недопониманию, метаниям и горечи, в которой два сердца бились как одно, вернется, а прошлое растворится страшным сном. Сейчас, рядом с Камнем Истины, я видела это так ясно и отчетливо, что в душе не оставалось ни капли сомнения. Но…

А как же Джеймс? Что будет с ним?

Я словно вживую увидела Кейна, красивое мужественное лицо, серые глаза, в которых отражалась мятущаяся душа, тень золотых крыльев за спиной, отросшие за время странствий волосы. И улыбку — бесшабашную улыбку флибустьера.

Внутри все рванулось к этому образу, загорелось, обожгло, закружило…

«Выбор, Кэролайн», — снова повторил голос, и я оглянулась на Роберта. Тот смотрел на меня, и в его глазах я видела ту любовь, что когда-то заставила меня сказать ему «да».

— Прости, Бобби, — прошептала непослушными губами и, оттолкнувшись от дна, устремилась наверх, туда, где меня ждал Джеймс.

Сейчас, когда разумная бездна выпустила меня из оков своей магии, я кляла себя на чем свет стоит, а душу, собравшуюся из мелких кусочков, раздирало отчаяние. Потерять столько времени! Застрять в прошлом, когда здесь, в настоящем, мой муж стоит почти у черты.

«Только бы успеть! — стучало в голове. — Только бы Джеймс был жив!»

Плотная толща разомкнулась, небо кинулось навстречу — такое же синее, как и вода, в которой я захлебывалась, в попытках увидеть мужа. Где же он? Он должен быть здесь… В центре озера.

Но его не было. Не было…

— Джеймс!

Я кричала, оглядываясь вокруг, а на берегу молча стояли алайеты и смотрели на меня бесстрастно и равнодушно.

— Джеймс!

Слезы смешивались с брызгами, глаза застилала соленая пелена, тело наливалось усталостью.

— Джеймс, — прошептала онемевшими губами.

Я опоздала. Фатально и безнадежно опоздала. Душой овладела апатия. Руки двигались все медленнее, ног я почти не чувствовала, а внутри, там, где должно было биться сердце, разливалась пустота. Не знаю, какая сила удерживала меня на поверхности. Мне хотелось забыться, не существовать, не знать…

«И долго ты будешь ждать?»

Снова этот голос. Проклятый голос, из-за которого я потеряла драгоценные секунды, стоившие моему мужу жизни. Апатия схлынула. Злость и отчаяние вырвались громким криком. Толща воды поднялась в воздух и обрушилась на берег, накрывая алайетов с головой, смывая равнодушие с холодных лиц, скрывая их от меня, отрезая пенной стеной.

Я кричала, а вокруг бесновалась стихия, смешивая воду, потоком льющуюся с неба, из мгновенно затянувших синеву туч, и озерную пену. И я потерялась в этой воде, растворилась, выплеснула то горе, что раздирало душу на части, вырывая из

нее то, что было ее живой частью, ее половиной, ее сущностью.

Джеймс… Сложный, непредсказуемый, сильный, ироничный, скрытный… И одновременно нежный, любящий, заботливый, тонко чувствующий… Слишком поздно я поняла, что люблю. Слишком поздно осознала, что не променяю жизнь с ним ни на что другое. Слишком поздно…

— Джейми, — слетело с потрескавшихся, саднящих губ имя мужа. — Джейми… — отозвалось внутри, и сознание ускользнуло, отпуская меня в холодные волны водной стихии.

***

— Она очнулась?

Тихий женский голос звучал встревоженно и казался смутно знакомым. Бабушка?

— Нет, госпожа Ирида, — ответил другой голос: тонкий, нежный, серебристый, как колокольчик.

— Бедная девочка. Ее сила слишком долго была запечатана.

Я разлепила воспаленные, словно склеенные веки и уставилась на склонившуюся надо мной женщину. Ту самую, с длинной светлой косой и мягкой синевой глаз. Рядом с ней стояла миловидная светловолосая девушка в короткой

голубой тунике.

— Кэри, как же ты нас напугала, — увидев мой взгляд, выдохнула Ирида и быстрым движением отерла мокрые щеки. — Девочка моя, все уже позади. Все хорошо.

— Хорошо?

Я с трудом разобрала собственный хрип.

— Вы называете это — хорошо?!

Мне захотелось стереть с лица женщины нежную улыбку.

— Вы убили моего мужа… Вы…

Я задохнулась, не в силах продолжить. Грудь сдавило невыплаканными слезами и рвущимся наружу криком.

— Тихо, девочка, — коснулась моего лба прохладная ладонь. — Тихо. Никто не убивал твоего супруга. Он жив, и ты сама можешь в этом убедиться.

Она указала рукой куда-то мне за спину, я повернула голову и обнаружила лежащего на соседней кровати мужа. Глаза его были закрыты, тело прикрывала тонкая простыня, лицо выглядело измученным и бледным. Но он дышал. Дышал! Я видела, как медленно вздымается и опускается мощная грудь, и чувствовала, как оживает моя душа, как гулко бьется сердце, как…

— Джеймс!

Какая-то незнакомая прежде сила сорвала меня с постели и кинула к мужу.

— Джейми!

Я ощупывала лицо, руки, торс и смотрела… Смотрела на супруга и не верила собственным глазам.

— Почему он не приходит в себя? — не отпуская теплой ладони, повернулась к Ириде.

— Дай ему немного времени, — ответила та, глядя на меня с такой любовью, что у меня в голове возникло смутное предположение.

Ирида. Ее зовут Ирида. Так же, как мать Амонерис. Может, это семейное имя?

— Да, я твоя родственница, — улыбнулась женщина, и глаза ее мягко блеснули. — Амонерис — моя дочь.

Услышанное так меня поразило, что я невольно спросила:

— Разве это возможно? Сколько же вам лет?

— Много, Кэри, — по губам Ириды скользнула грустная улыбка. — Слишком много.

И столько боли скрывалось за этими словами, что я сильнее сжала руку мужа и чуть подалась вперед, разглядывая такое молодое и одновременно очень старое лицо. Нет, на нем не было

морщин или других следов прожитых лет, но сейчас оно казалось маской, скрывающей истинную суть.

— Но теперь, когда я тебя дождалась, — сказала Ирида, — я могу спокойно уйти к своему Озирису.

— А где он?

— За Гранями времени. В вечности. Твой прадед пожертвовал своей жизнью, надеясь защитить Амонерис и ее дочь от проклятия.

— Но как же…

Я не договорила, услышав слабый стон. Господи, Джеймс… Он пришел в себя!

Мне понадобилась всего секунда, чтобы повернуться к мужу. И чтобы тут же оказаться в его объятиях.

— Никогда, — хрипло сказал он, вытирая бегущие по моим щекам слезы. — Никогда больше не буду тебя слушать. Вернемся в Уэстен, запру в особняке и никуда не выпущу! Ты хоть понимаешь, что наделала? Зачем ты кинулась в то проклятое озеро? В нем же нет дна!

Он сжимал меня все крепче, а в серых глазах сверкали молнии.

— Черт! Да я чуть с ума не сошел, когда ты скрылась под водой и больше не вынырнула!

Муж смотрел на меня, а сам ощупывал мое лицо, плечи, руки, словно проверяя, все ли со мной в порядке.

— Сумасшедшая, — тихо пробормотал он, не отрывая от меня взгляда.

А в глазах кружилось совсем другое. «Люблю, — читала я в их серой глубине. — Больше жизни».

— Успокойся, Джейми, — прошептала, прижимаясь к груди мужа. — Все хорошо. Мы живы, и это главное.

Да, так оно и было! Я забыла, о чем говорила Ирида, толком не видела, где мы находимся, кто еще есть в этой просторной светящейся голубоватыми бликами комнате, не замечала никого и ничего, кроме своего мужчины.

— Ама Ирида, ама Сафита зовет вас к себе. Вместе с Избранной и ее хранителем.

В дверь проскользнула тоненькая темноволосая девушка.

— Кэролайн, Джеймс, нужно идти, — посмотрела на нас Ирида.

— Очередной Совет? — настороженно спросил супруг, не выпуская меня из рук, а я только сейчас поняла, что он одет в белоснежную тунику, точно такую же, в каких ходили местные мужчины.

— Нет, феникс, — покачала головой Ирида, и я

впервые задумалась, сколько же ей лет. Неужели алайеты действительно бессмертны? Но как же тогда моя мама? И бабушка? Они ведь умерли довольно молодыми. — Совет больше не нужен, твоя жена доказала свое право на магию и прошла инициацию. Теперь она одна из Избранных.

— Инициацию? — переспросила я.

— Да, — кивнула моя прабабушка. — Испытание Великой Матери. Раз в жизни каждая женщина-алайя должна его пройти. Никто не знает, когда и какое, для каждой Великая выкладывает карту жизни, а женщина делает выбор, и только от нее зависит, каким он будет.

— Получается, то, что я видела под водой…

— Нет, Кэролайн. Раньше. В тот момент, когда ты пренебрегла собственной жизнью и кинулась спасать мужа. Моя Амонерис в свое время тоже сделала выбор, но он оказался неверным. Она выбрала себя. Свое благополучие. Да, ее избранник совершил ошибку, за которую должен был расплатиться, но Ами могла все изменить, если бы любила своего феникса. Я знаю, вы прочитали ее историю и понимаете, о чем я говорю, — посмотрела на нас Ирида. — Великая редко устраивает двум женщинам такие схожие испытания, но вы с Ами оказались связаны одной историей. Моя

дочь положила ей начало, изменив ход судьбы, а ты, Кэри, завершила начатое и разорвала взаимные проклятия рода.

Она замолчала, и мы молчали вместе с ней, обдумывая услышанное. Надо же! Выходит, проклятия больше нет, и в моем роду никто не пострадает? А Джеймс? Он теперь сможет вернуть свою силу?

— Магия, которая дается нам с рождения, слишком велика, чтобы оказаться не в тех руках, — после паузы, продолжила Ирида. — Честь принадлежать к Избранным надо заслужить, настоящая алайя должна доказать свою зрелость и умение принимать верное решение.

Она улыбнулась, и эта улыбка осветила ее лицо, сделала его молодым и сияющим.

— Ты спрашивала себя, что было бы, если бы твоя магия не оказалась запечатана, — посмотрела на меня прабабушка. — Где был бы предел твоим желаниям. И это главный вопрос, который задает себе каждая из нас.

— И каков же ответ?

— Ответ лежит в твоем сердце, и ты его знаешь. Ничего для себя — все для других.

— Получается, нельзя использовать магию для собственных корыстных целей?

— Именно так. Она должна служить для помощи людям. Чем больше сила дара, тем больше ответственности. И тебе еще предстоит этому научиться.

— А то, что я видела под водой?

— Возможность изменить судьбу. Она дается каждой из нас всего раз в жизни. Во время инициации.

— И что было бы, если бы…

Я не договорила, надеясь, что прабабушка поймет и без слов.

— Ты могла вернуться в прошлое и начать все заново, — улыбнулась Ирида.

А я слушала ее и вспоминала пережитое. Да, все-таки мои соплеменники — те еще затейники! Да и Великая Мать, судя по всему, тоже.

— О каком выборе вы говорите? — настороженно спросил муж. Обнимающие меня руки напряглись, а я невольно вздохнула, вспомнив, каким взглядом смотрел на меня Бобби. В нем было так много боли и несбывшейся надежды… Но разве могла я сделать иной выбор? Разве могла отказаться от Кейна?

— Ты хочешь это знать, Джеймс? — спросила Ирида. — Что ж, смотри.

Прабабушка чуть наклонилась вперед и по-

ложила ладонь моему мужу на лоб, а когда она ее отняла, я услышала напряженный выдох и поняла, что Кейн попросту не дышал.

— Кэри.

Я подняла взгляд, глядя в горящие, обжигающие радостью и торжеством глаза, и почувствовала, как в душе разливается тепло. Оно затапливало сердце, разгоралось в пламя, и этот огонь тек по венам, смешиваясь с кровью, зажигая внутри настоящий пожар.

— Я люблю тебя, Джеймс Кейн, — потянувшись к таким близким губам, прошептала мужу.

— Ты — самое дорогое, что есть у меня в жизни, Кэролайн Кейн. Ты и есть моя жизнь.

— Ама Ирида, Старейшая ждет, — робко напомнила застывшая у двери девушка.

— Да, Сальми. Мы идем, — кивнула Ирида и посмотрела на нас. — Пора. Не бойтесь, испытаний больше не будет.

— А как же Посох Силы? Неужели алайеты нас простят?

— Это было частью испытания Великой Матери, плетением водных судеб. И кто мы такие, чтобы вмешиваться в ее решения? Если она оставила твоему мужчине жизнь, значит, сочла его достойным.

Ирида улыбнулась и направилась к выходу.

— А наши спутники? — спросил Джеймс. — Что с ними? Они живы?

— Живы и скоро вы с ними увидитесь. Не отставайте, — не оборачиваясь, сказала она.

Мы с Джеймсом переглянулись, поднялись с кровати, на которой сидели, и пошли за Иридой.

Глава 17

Город изменился. Он больше не был пустым и безлюдным. По тротуарам передвигались одетые в легкие разноцветные одежды люди, по дорогам ездили удивительно красивые мобили, чем-то похожие на те, что был у Джеймса, из распахнутых дверей кафе доносились музыка и многоголосная речь, а небо разрезали невиданные железные птицы. Кругом кипела жизнь, удивительно похожая на столичную. Помню, когда была в Лариделле, там было так же шумно и весело, и по улицам так же торопились люди, и рекламные объявления так же ярко сверкали на стенах домов. А еще повсюду сновали доставщики портинов и продавцы сидра. И в воздухе стоял непередаваемый аромат яблок.

Я оглядывалась по сторонам, рассматривала изменившуюся Алайю, и не могла поверить, что это тот же самый город, в который привела нас дорога из кардия.

— Откуда это все здесь взялось? — спросила у идущей впереди Ириды.

— А оно никуда и не исчезало, — усмехнулась

та. — В Алайе действует сразу несколько измерений. Одно — для чужаков, именно в него вы и попали. Второе и третье — для местных жителей, четвертое — для Совета и Избранных. Когда Эшер заполонили колонисты, алайеты ушли из своих поселений, собравшись в Главном городе. И чтобы помочь им обустроиться здесь, Старейшая использовала Часы времени. Вы могли их видеть на фасаде храма. Мы способны перемещаться между всеми измерениями, но никогда не выходим за пределы Алайи. Даже в нашей магии есть свои законы, преодолеть которые мы не в силах.

— Выходит, вы теперь живете только здесь, не появляясь в нашем мире?

— Именно так. После того, как Старейшая запустила Большие Часы, вся наша жизнь подчинена их стрелкам.

Что-то это мне напоминает… Я посмотрела на мужа и повернулась к Ириде.

— А те часы, что хранились в моей семье? Они ведь тоже переносят в другое измерение…

— Мастер Гунар был одним из нас, — улыбнулась прабабушка. — Он создал свои «Клерво», чтобы твой дед и Амонерис помнили Алайю и всегда могли вернуться в прошлое — в то самое прошлое, в котором мы еще жили на землях

Ареи.

— Подождите, — вмешался Джеймс. — Но ведь сейчас мы находимся в том времени, в котором моего деда лишили крыльев, и произошло это всего несколько месяцев назад. А вы говорите так, будто это было очень давно.

— Так и есть, — кивнула Ирида. — В Алайе пересекаются все времена, а Избранные могут быть одновременно и в прошлом, и будущем, видеть то, что уже случилось в Алайе, и то, что только должно произойти. Это сложно объяснить, легче почувствовать.

Она легко провела рукой, и я увидела вращающиеся круги времени. А между ними — эпизоды собственного прошлого. Вот мы проходим через Светлые ворота. А вот Джеймс, в сопровождении Авиро и Торнтона, передвигается по пустому городу и входит в храм. Муж медленно идет вперед и останавливается рядом с сияющим Посохом. Я вижу, как он замирает, а потом протягивает руку, касается артефакта, и в тот же миг из стены появляются воины. А дальше… Я закрыла глаза, не в силах смотреть на то, как моего мужа и его спутников обездвиживают магией и волокут по полу храма, потом по городу и, наконец, бросают под ноги двенадцати Избранным, составляющим

Совет. Но не успела я возмутиться, как тут же увидела совсем другую картину. Мы с Джеймсом стоим рядом с Иридой, она с любовью смотрит на меня и поправляет мой плащ, и я вижу свой округлившийся, слегка выступающий живот, и понимаю, что мои надежды подтвердились, и у нас с Джеймсом действительно будет ребенок! И я даже знаю, что это девочка…

— Кэри! — услышала я наяву голос мужа и, обернувшись, утонула в обожающем, сумасшедше-счастливом взгляде. — Ты тоже это видела? Ты…

Кейн не договорил. Он резко выдохнул и сжал меня в объятиях.

— Теперь вы понимаете, о чем я говорила? — улыбнулась Ирида.

Она махнула рукой, рассеивая видения, и погладила меня по щеке.

— Но ведь тогда получается, что вы можете изменить прошлое, исправить его, сделать так, чтобы каких-то событий не было!

Я даже остановилась, пораженная этой мыслью и перспективами, которые она открывала.

— Увы, Кэри, — покачала головой прабабушка. — Миры Алайи подчиняются строгим законам, преодолеть которые не может ни сила

нашей магии, ни сила нашего желания. Да и мы, без великой нужды, стараемся не заглядывать в будущее, принимая лишь настоящее.

Джеймс сильнее сжал мою руку, а я посмотрела на Ириду.

— А Озирис… Что было с ним?

— После того, как наша дочь потеряла большую часть магии, она не захотела оставаться среди Избранных и ушла в Сарджент. И Озирис ушел вместе с ней. Он ведь был ее Хранителем, — ответила прабабушка. В ее удивительно красивых синих глазах мелькнула боль. — Если бы Ами вышла замуж за одного из алайетов, он передал бы эту почетную должность ее супругу, но случилось так, как случилось.

— И они ушли?

— Да. И я видела будущее. Но я расскажу о нем чуть позже, а пока нам лучше поторопиться. Не будем заставлять Старейшую ждать.

Ирида замолчала и пошла вперед, а я смотрела на нее и думала о том, сколько же ей пришлось вынести. И душу затопило жалостью. Да-да, той самой, которую я так не терпела по отношению к себе! Магия, сила, могущество — все это оказалось бесполезным перед лицом судьбы, и Ирида, совсем как простая женщина, вынуждена была

смириться с обстоятельствами. Выходит, не так уж сильно алайеты отличаются от обычных людей. И вынуждены подчиняться тем же законам, что и мои соотечественники.

— А временные измерения, — я решила пока оставить расспросы о семье. — Мы же находимся в том, что для алайетов?

— Да. Но сейчас перейдем в иное, — ответила Ирида.

Мы как раз миновали оживленную площадь и подошли к храму.

— Здесь начинается Вечность, — посмотрев на огромный циферблат, серьезно произнесла прабабушка и вошла в распахнувшиеся перед нами двери.

Джеймс сильнее сжал мою руку и ступил на светлые мраморные плиты, увлекая меня за собой. Мы шли за Иридой между длинным рядом мраморных, теряющихся в высоте колонн, и смотрели вперед, туда, где на небольшом возвышении стоял простой каменный трон с сидящей на нем женщиной. Она не казалась ни величественной, ни какой-то особенной. Простое миловидное лицо, синие глаза, хрупкая фигурка, крепкие маленькие руки, перебирающие блестящие синие четки. Они перекатывались в тонких пальцах с

тихим мелодичным стуком, похожим на весеннюю капель, и мы шли на этот звук, как будто за путеводной нитью.

В воздухе тонко пахло благовониями. Свет из узких окон ложился на красный мраморный пол косыми полосками, над нашими головами бесшумно плавали магсы — большие, похожие на старинные эрдеронские люстры. Такие изготавливали во времена императора Трина. Между рядами скамей, которых в прошлый раз я не заметила, мелькали те самые тени, что кружили недавно над озером.

— Саверсы — тихо пояснила Ирида. — Служебные духи. Исполняют все приказы Старейшей.

Она остановилась перед троном, низко поклонилась и отошла в сторону. Мы с мужем тоже поклонились и замерли перед возвышением, не зная, что делать и что говорить.

— Кэролайн, — нарушила молчание женщина.

Она чуть повернула голову и светло улыбнулась, окутывая меня теплом этой улыбки, словно невесомой ажурной шалью. И я неожиданно поняла, что это та же самая женщина, которую я видела в первое свое посещение храма.

— И ты, Джеймс. Подойдите ко мне, — протянула она руки, и мы, словно завороженные,

шагнули вперед и вложили в них свои.

По запястью каплями скользнули бусинки четок, пальцы ощутили прохладу прикосновения, а я смотрела на склоненное к нам лицо и понимала, что синие, как вода в озере, глаза нас не видят. Женщина была слепа.

— Вы достойно прошли испытание, — в мелодичном голосе послышалось журчание реки. — Любовь не думает о себе и своей выгоде. Любовь не берет, а отдает. Любовь милосердна. Любовь жертвенна. Только истинная любовь способна спаять два сердца в одно и стать источником, необходимым для магии Избранных.

Она соединила наши с Джеймсом руки и добавила:

— Ты овладела своей силой, Кэролайн, и можешь использовать ее в делах света и добра, — моего лба коснулось прохладное дуновение. — Семейная ава-ран, которой в твоей семье стала библия, научит тебя всему, что необходимо. На ее страницах записана не только история рода, но и мудрость и заклинания Избранных. Учись, постигай, и используй. С этого дня они откроются тебе полностью.

Она отпустила мою ладонь и повернулась к Кейну.

— Теперь ты, Джеймс, — неподвижные незрячие глаза засияли яркой синевой. — Кэролайн выбрала тебя своим Хранителем, это великая честь. Храни и оберегай свою жену, ты ее Истинный, которого она приняла в сердце в самой ранней юности и сегодня подтвердила свой выбор. Ирида, подай мне сартон, — велела она моей прабабушке.

Та взяла из глубокой мраморной чаши, стоящей справа от трона, тонкий браслет и протянула его женщине.

— Старейшая.

Ирида низко поклонилась.

— Сартон — часть силы Хранителя. Он подскажет тебе, когда твоей Избранной нужна будет помощь, — золотая змейка обняла запястье Джеймса и растворилась, оставив на коже едва заметный темный след. — Мужчины-алайя рождаются с этим знаком, — объяснила Старейшая.

Я слушала льющиеся весенним ручейком слова, и передо мной открывалось знание прошлого. Старейшая — воплощение Великой Матери. Раз в тысячу лет среди алайетов рождается слепая девочка, которой суждено обрести внутреннее зрение и знание сути вещей, и стать Главой Избранных. У нее нет имени, нет рода, нет при-

вязанностей. Она любит всех и никого. Ее душа чиста, она ведает прошлое и настоящее мира, и способна его изменять в зависимости от того, какой выбор делают алайеты. Это сложно объяснить словами, но все эти знания всегда были внутри меня, только из-за печати я оказалась от них отрезана, а сейчас вот все раскрылось. Я посмотрела на Старейшую. Оказывается, она правит без малого девятьсот лет и скоро ее срок подойдет к концу, а потом она уйдет в круг перерождений, чтобы вернуться спустя какое-то время обычным человеком. Да, Избранные не бессмертны. Они живут долго — гораздо дольше обычных людей, но однажды, как и все, уходят за Грани времени. И уже от них самих будет зависеть — вернуться ли и начать все сначала, или остаться там, за пределами миров, в сияющей Вечности. Еще я «вспомнила», что у каждой Избранной есть Хранитель. Тот, кого она полюбит всем сердцем. До той поры, пока девушка-алайя не встретит свою любовь, обязанности Хранителя возлагаются на мужчин ее семьи: отца, братьев или опекуна. А вот после… Теперь я понимала, что Роберт не был моим Хранителем, как и моей первой любовью. Да, я с симпатией относилась к Бобби, который был так похож на Кейна, и крохи

магии Избранных крепко связали нас воедино, но свое сердце я отдала Джеймсу — тогда, в пятнадцать с небольшим.

— Согласен ли ты с выбором Избранной? — спросила Старейшая.

— Да, — прозвучал уверенный ответ мужа, а его взгляд сказал мне все, что оставалось невысказанным. И чем дольше я смотрела в родные серые глаза, в которых больше не было ни капли холода, тем отчетливее понимала, что нужно сделать.

— Старейшая, могу я просить тебя о милости? — спросила я.

— Ты хочешь, чтобы я вернула твоему мужу огонь и крылья?

— И бессмертие, — кивнула в ответ.

Старейшая замерла, обратившись внутрь себя, а мы с мужем молча наблюдали за тем, как быстро перекатываются в ее пальцах синие капли-бусинки. Их тихий стук отзывался в сердце тонким звоном напряжения. Великая Мать должна согласиться. Она обязана нам помочь, иначе все было напрасно. Зачем мне магия и долгая жизнь, если Джеймса не будет рядом?!

— Что ж, держи, — неожиданно сказала Старейшая, протягивая мне Посох Силы.

Я не видела, откуда он появился, но думать об

этом не стала. Все мое внимание было приковано к серебристому сияющему жезлу, от которого ощутимо веяло холодом.

— Сделай это сама, — негромко произнесла Старейшая. — Верни сущность своему фениксу. Она хранится там с тех самых пор, как Озирис забрал ее у Джолиона.

— Я должна что-то сказать? Какое-то заклинание?

Моих ладоней коснулся тяжелый металл, и я почувствовала, как душа отозвалось на это прикосновение. Как-будто все внутри меня настраивалось на огромный «камертон», выравнивалось, собиралось из разрозненных «звуков» и готовилось зазвучать правильно и свободно.

— Коснись сердца Хранителя, закрой глаза и прислушайся к себе. Ты сама поймешь, что нужно сделать.

Старейшая опустила руки, и синие бусинки мелодично звякнули, коснувшись пола. А я приложила сияющий наконечник к складкам белого хитона, закрыла глаза и в тот же самый момент погрузилась в безумие огненного вихря. Он ревел вокруг меня, бился, взвивался вверх и опадал вниз. И я видела в этом пламени сверкающий шар, который переливался всеми оттенками

золота и плавал прямо перед моими глазами.

У меня даже сомнений не возникло, что нужно сделать.

— Вернись к своему хозяину! — обратилась к огненному сгустку, и тот, будто только того и ждал, мгновенно слился с белой тканью, прошел сквозь нее и разлился по груди Джеймса, зажигая ее огнем и перетекая к плечам, к шее, к волосам, охватывая пламенем все тело и рисуя в воздухе огромные сверкающие крылья.

Секунда — и они ярко вспыхнули, распахнулись, а уже в следующий миг под своды храма взлетел огромный золотой феникс. Он ликующе кружил в воздухе, и гулкое эхо разносило под куполом собора громкий счастливый крик.

А я смотрела на этот полет и все сильнее сжимала в руках разогревшийся Посох.

***

— Кэри, ты не видела мой дневник?

Джеймс прошел в комнату и принялся рыться в сумке.

— Только утром был здесь, — бормотал он. — Куда я мог его деть?

— Хочешь оставить запись для потомков? — усмехнулась в ответ.

— Собираюсь показать его Ириде. Она попросила. Хочет узнать, к чему привели ошибки ее дочери.

— Может, не стоит?

Я с сомнением посмотрела на мужа. Сама я уже успела ознакомиться с семейным дневником Кейнов, и, надо сказать, некоторые записи… Не думаю, что бабушке стоит их видеть. Особенно те, где лорд Джолион проклинает Избранных.

— Разве я могу отказать твоей прабабке? — продолжая рыться в сумке, хмыкнул муж. — А, вот, нашел!

Он достал маленькую, в потертой обложке книжицу, коснулся титульного листа большим пальцем правой руки, и та мгновенно увеличилась в размерах.

— Не задерживайся, — попросила я Джеймса, когда он направился к выходу.

— Не волнуйся, Кэри, я недолго, — усмехнулся Кейн, и в его глазах блеснул яркий золотой огонь. — У нас еще вся ночь впереди.

Джеймс закрыл за собой дверь, а я откинулась на подушки, возвращаясь к прерванным приходом мужа размышлениям. Точнее, подведениям итогов.

Прошло уже полтора месяца, как мы жили в

Алайе.

За это время чего только не произошло! Я полностью освоилась со своей силой, узнала историю алайетов и собственного рода, а Джеймс свыкся с родовой сущностью, приспособившись перевоплощаться в феникса с такой легкостью, что на это уходили считанные секунды. Авиро и Торнтон тоже не теряли времени даром. Проводник-акаучи учился у алайетов делать самонаводящиеся луки, а Торнтон вел записи всего, что видел, и о чем считали возможным рассказать Избранные.

Для нас с Джеймсом больше не было загадкой наше общее прошлое. Теперь мы знали его во всех подробностях. Ирида рассказала нам то, что произошло двести лет назад.

Оказалось, что именно ее муж Озирис, как Главный Хранитель Посоха, был тем, кто отнял у Джолиона Кейна бессмертие и способность к перерождению. И именно моего прадеда тот ненавидел так сильно, что готов был проклясть всех его потомков. Кейн не знал, что магию алайетов наследуют только женщины. Он вообще ничего не знал об Избранных, кроме того, о чем невзначай обмолвилась Ами. Нет, он пытался выяснить хоть что-то о своих врагах и отыскать их земли, но, к тому времени, как лорд Джолион

вернулся из Эрдерона в Эшер и начал свои поиски, Избранные уже ушли из нашего мира в другие реальности, а Озирис и Амонерис изменили имена и внешность и обосновались в Сарджанте. Ирида рассказала, что спустя пять лет Амонерис встретила Генри Стоуна и вышла за него замуж, а вскоре у них родилась дочь, и Озирис, с помощью часов мастера Гунара, преодолел круги времени и увиделся с женой в том отрезке прошлого, когда она еще находилась в Алайе. К слову сказать, этот отрезок был единственным, в котором они могли встречаться. Озирис не имел права надолго оставлять дочь, и навещал жену лишь урывками. Он приносил новости об Ами, рассказывал о ее единственной дочери, Анне, и Ирида слушала эти рассказы и запоминала каждое слово, чтобы потом смотреть на магические портреты улыбающихся Ами, Анны и Генриха и повторять подробности их жизни. Так прошло десять лет. А потом Генри тяжело заболел. И Озирис, которого теперь звали Бенджамин Дрейк, привез в дом известного столичного целителя Руфуса Карди. Тот осмотрел больного и объявил, что на Генри подействовало сильное родовое проклятие, преследующее потомство Дрейка. И сказал, что снять его может только ритуал, замешанный на жизни

кого-то из Дрейков. Вот так и получилось, что Озирис в последний раз преодолел круги времени и рассказал жене о том, что собирается сделать. И как она ни уговаривала его подождать и поискать другой выход, тот не согласился. «Это моя вина, Ири, — говорил он. — Я был Хранителем, и не уследил за тем, какой выросла наша дочь. Не заметил гнилые ростки, что появились в ее душе. Мне и нести ответственность за произошедшее. А Ами… Она изменилась. Она научилась любить и жертвовать собой, она обожает мужа и дочь, она должна жить». Больше Ирида его не видела. И не знала ничего о жизни дочери и внучки. Но она верила, что однажды та воспользуется часами и придет, вернется в Алайю, вернется к своим корням.

«А пришла ты, Кэри, — улыбнулась бабушка. — Ты не похожа на Ами, но в тебе течет наша кровь, и ты смогла с честью пройти испытания и стать Избранной».

Мы с Иридой подолгу разговаривали, вместе листали Библию, узнавая историю рода и по крупицам собирая прошлое, я рассказывала о маме, вспоминала ее рассказы о бабушке и прабабушке. И из этих разговоров рождалось удивительное чувство единства и причастности семье. То, на

чем стояла вся жизнь алайетов.

Их жизнь вообще была устроена просто. Несмотря на все особенности магии и технологии, которых не знали в Эшере — да, многое из того, что мы видели, было совсем не магией, — алайеты не любили лишних сложностей. В обществе существовали три касты: Избранные — женщины, прошедшие искус и полностью овладевшие магией, Хранители — их отцы, мужья и братья, и корди — те, кто, как и Амонерис, не смогли пройти испытание Великой. Они владели небольшим даром и вели обычную, очень похожую на жизнь моих современников жизнь. К слову сказать, их было большинство.

Сейчас я уже знала, что дядюшка Ирвин должен был стать моим Хранителем, но мама, запечатав мой дар, разорвала связь между нами, и дядя утерял необходимые знания. А вместе с ними он начал медленно терять и обычную память, правда, про Библию все-таки вспомнил. И за это я была ему очень благодарна.

Но вернемся к алайетам.

Официально главой всех жителей Алайи считалась Старейшая — воплощение Великой матери и Верховная правительница. Правда, она никогда не появлялась на людях и вмешивалась в

их жизнь только в самых ответственных случаях. Фактически же главой народа была Сафита. Она управляла Советом и Избранными, ей подчинялись Хранители, она решала все бытовые вопросы.

За минувший месяц Сафита многому меня научила. И оказалась вовсе не такой холодной и строгой, какой была на последнем Совете. Пожалуй, только с Артенис — несостоявшейся свекровью Амонерис, мне не удалось подружиться. Но тут уж не моя вина. Я сделала все, чтобы подруга Сафиты забыла старую вражду, но та не пожелала протянуть мне руку дружбы. Что ж, каждый должен сам преодолевать собственные слабости.

Я бросила взгляд на окно и прислушалась к раздающимся за дверью шагам. Сердце радостно встрепенулось. Джеймс. Вернулся. Похоже, ночью мне снова будет не до сна.

— Кэри, ты еще не спишь?

Ну вот, я была права. Муж подошел к постели, на ходу снимая тунику, его теплые губы коснулись щеки, скользнули ниже, одарив горячими поцелуями рот, грудь, живот. Скользнули еще ниже, и заставили выгнуться и застонать от предвкушения горячей и бесстыдной ласки.

— Джеймс…

Мои руки зарылись в жесткие густые волосы, и свет в комнате сам собой погас, оставляя нас наедине со сладкой и многообещающей темнотой.

***

День отъезда подкрался незаметно.

Алайеты из всех измерений собрались в Аш-таване — мире, соответствующем тысяча шестьсот пятидесятому году, и в древнем городе стало непривычно многолюдно и шумно. Меня до сих пор удивляло это умение соплеменников расширять пространство. Алайю не зря называли Большой. В долине между гор, не превышающей в диаметре тридцати миль, размещались одновременно сразу три города, каждый из которых отличался от других веками и традициями. Первый, в который мы и попали изначально, принадлежал эпохе колонизации, во втором жизнь текла с размеренностью прошлого века, а третий и четвертый были ровесниками современного нам с мужем Эшера и миром будущего, в котором существовали летательные аппараты и скоростные мобили.

Алайеты с легкостью перемещались между временами, и лишь одно в их жизни было неизменно

— Храм Великой Матери, над которым время было не властно, и где в случае необходимости собирался весь народ: и Избранные, и Хранители, и корди. Именно магией корди когда-то обладали моя мама и бабушка, как и все женщины после Амонерис. Кстати, с ее несостоявшимся женихом и Хранителем Джеймс сумел найти общий язык, и многолетняя неприязнь между семьями Ириды и Артенис медленно пошла на убыль. А прабабушка даже сказала, что с таким талантом к улаживанию конфликтов моему супругу следовало бы податься в дипломаты. Мы тогда только посмеялись, но Джеймс загадочно улыбнулся и обронил, что все может быть. А уже после, наедине, добавил, что император наверняка захочет задействовать еще одного феникса в государственных делах. Так что, скорее всего, в будущем нас ждет жизнь в столице и новые обязанности. Я пока не знала, как к этому относиться, и иногда жалела, что Алайя может показать только то будущее, что произойдет в ее мирах.

— Что ж, пришло время прощаться, — оглядев нас повлажневшими глазами, сказала Ирида. Она поправила на мне меховой плащ и тихо добавила, положив руку на мой слегка округлившийся живот: — Когда родится дочка, не забудь надеть

на нее знак рода, — мне в ладонь лег золотой медальон. — Это передаст малышке силу и знания и защитит от зла.

— Не волнуйтесь, ама Ирида, — усмехнулся муж, помогая мне сесть на коня и сам вскакивая в седло огромного, черного, как смола, кертинца. — Я за этим обязательно прослежу.

Еще бы! В этом я даже не сомневалась. Во всем, что касалось нашего ребенка, Джеймс оказался очень ответственным. Порой даже чересчур.

Улыбнувшись, посмотрела на мужа, а тот взял меня за руку, обвел взглядом толпящихся алайетов и тихо спросил:

— Ну что, пора?

Я кивнула. Говорить не рискнула, потому что боялась расплакаться.

— Портал откроется неподалеку от Уэстена, — негромко напутствовал нас Адеру — муж Артенис. — Выйдете в паре миль от форта.

— Милорд, может, все-таки возьмем с собой наших мулов? — приблизился к Кейну Кристофер. Он перекинул трубку из одного уголка рта в другой и с надеждой добавил: — В хозяйстве-то такая животина всегда пригодится.

Джеймс хмыкнул и вопросительно посмотрел на Адеру. Тот усмехнулся в ответ и кивнул ма-

лышу Аресу.

— Я сейчас приведу, ам, — встрепенулся тот и сорвался с места, а спустя пару минут вернулся, ведя наших мулов.

— Вот уж благодарствую за щедрость! — просиял Торнтон. — Век не забуду. Авиро! Держи, — передал он пару мулов проводнику, а двоих оставив себе. — Чтоб не с пустыми руками возвращаться, — подмигнул он оборотню.

— Что ж, если никаких других просьб больше нет…

Адеру не договорил. Он рассек воздух рукой, и пространство раздвинулось, открывая проход.

— Прощай, Избранная! И ты, феникс. Пусть Великая Мать будет к вам благосклонна, — тихо пожелал нам родственник, глядя, как мы один за другим въезжаем в портал.

— Прощайте! — шептала я, все-таки не удержавшись от слез.

Они застилали глаза мутной пеленой, не давая рассмотреть песчаную дорогу и виднеющийся впереди старый форт.

— А это еще что? — громко спросил остановившийся передо мной Торнтон. — Милорд, смотрите!

Муж последним миновал портал, тот мгновен-

но схлопнулся, и мы все уставились на клубящийся над городом сизый туман. Он висел над Уэстеном огромным дымным спрутом и его щупальца извивались прямо над крышами домов.

— Эти твари опять за свое взялись, — процедил Джеймс и посмотрел на меня. — Кэри, поставь защиту. Торнтон, Авиро, оставайтесь с миледи и не отходите от нее ни на шаг.

— А вы, милорд?

— А я разберусь с нашими старыми знакомыми, — ответил Джеймс, и по его губам скользнула холодная усмешка, а взгляд блеснул расплавленным золотом. — Заставлю их вернуть долги. Кэри, не медли, — поторопил он меня, и я произнесла нужное заклинание, окружая своих спутников плетением защиты.

Муж понаблюдал, как появляется светящаяся полупрозрачная стена, а потом спешился, развел руки в стороны, и в тот же миг в небо взвился огромный огненный феникс. Я смотрела, как он рассекает воздух мощными крыльями и летит над лесом, выискивая затаившихся там вампиров, и не могла налюбоваться. Все-таки сущность мужа удивительно красива. Боялась ли я за него? Немного. Но, скорее, по привычке. Джеймс полностью овладел силой рода, и теперь его не одолеть

ни вампирам, ни магам.

Я посмотрела на город. Спрут все плотнее стягивал свои кольца, охватывая почти все пространство над крышами. Сердце болезненно сжалось. Там, в Уэстене, десятки беззащитных людей, которые в эту самую минуту теряют жизненные силы. Там Лори. Там невинные дети.

— Оставайтесь здесь, — велела своим спутникам.

— Э нет, миледи, — покачал головой Торнтон. — Одну мы вас не отпустим.

— Кристофер, там умирают люди!

— Вот поэтому я иду с вами, — решительно сказал Торнтон. — Авиро, ахави ран.

Он отвязал веревку и отдал своих мулов проводнику.

— Все, миледи, я готов следовать за вами хоть в туман, хоть к черту на рога, — вытащив изо рта трубку, сказал он.

Я бросила взгляд на кружащего вдалеке феникса, перевела его на форт и, одним движением усилив защиту Авиро, поскакала к Уэстену.

— Милорд нам головы оторвет, — послышался позади флегматичный голос Кристофера, и вскоре каурый жеребец Торнтона поравнялся с моей гнедой.

— Не оторвет, — усмехнулась в ответ и пришпорила лошадь.

— Вы уже знаете, что будете делать? — не отставал Крис.

Я не ответила, сосредоточившись на темных клубах, все плотнее заволакивающих город. По сравнению с прошлым разом вампиры стали гораздо сильнее. И нахальнее. Раньше они только ночью нападали, а теперь уже не боятся показываться в открытую, средь бела дня. Видимо, магия, отнятая у Джеймса, пошла им «впрок».

Я остановилась у ворот форта, подняла руки и обратилась к собственной магии. И в тот же миг внутри взорвалась смесь из страха, боли, ужаса, отчаяния и безнадежности. Я чувствовала эмоции тех, из кого утекала жизнь, тех, кто смирился, и тех, кто пытался бороться. Я знала их имена, видела их лица, ощущала все, что творилось у них в душах, и раскрывала собственную, отдавая свои силы, подпитывая ими тех, кто был при последнем издыхании, поддерживая в них жизнь и одновременно произнося заклинание уничтожения, отсекающее присосавшиеся к их сердцам щупальца.

— Асаравито!

Дымный монстр дрогнул и замер.

— Перцентио!

Щупальца взвились вверх и беспорядочно замельтешили в воздухе.

— Арборио!

Заклинание молнией разошлось по беснующемуся гигантскому фантому, выжигая в его серой плоти огромные дыры, и в ту же секунду я услышала вдалеке страшный вой, а вскоре над лесом взвился огромный столб огня, и земля содрогнулась от громкого хлопка. Спрут дернулся, сжался до маленькой черной тучки и рассыпался стылым пеплом. Я смотрела, как он медленно кружится в воздухе, оседая на крыши домов и стены форта, и понимала, что с вампирами покончено. Муж сполна вернул им долги.

— И все-таки милорд мне голову оторвет, — послышался рядом задумчивый голос.

— Сейчас не время думать о всяких глупостях, — не оборачиваясь, ответила Торнтону. — Нужно помочь горожанам.

Я тронула гнедую и поехала к воротам.

В Уэстене было тихо. Шумный и деятельный обычно город сейчас напоминал заброшенное кладбище. Дома стояли темные и неприветливые, крыши, мостовые, огромные бочки для воды — все было присыпано серой пылью. Цокот копыт

разносился далеко вокруг, но ни один человек не вышел из наглухо закрытых домов.

Я остановилась и прислушалась. Страх. Вокруг распространялся страх. Он вился тонкими струйками из щелей домов, из печных труб, из-за неплотно прикрытых ставень.

— Есть тут кто живой? — громко крикнул Торнтон. — Чего как крысы по норам забились?

В ответ не донеслось ни звука. Да я и не ждала, что люди выйдут. Слишком напуганы. Слишком слабы после недавнего нападения.

Свернув в проулок, я направила лошадь к дому Лори.

И вот передо мной знакомая дверь, и просмоленная бочка у входа, и дощатый настил. Я толкнула скрипучую преграду и вошла, а когда глаза привыкли к темноте, еле слышно выругалась и кинулась к лежащей на полу женщине.

— Лори!

Хозяйка не подавала признаков жизни. Бледная, исхудавшая, с рассыпавшимися по плечам рыжими волосами и осунувшимся лицом, она почти не дышала.

— Лори…

Я положила ладони на грудь женщины, закрыла глаза и, прошептав заклинание, принялась

вливать свою силу.

Торнтон тихо сопел рядом и переминался с ноги на ногу, отчего половицы противно поскрипывали.

— Аламито, — произнесла последнее слово.

И тут одновременно случились две вещи: дверь открылась, пропуская в комнату моего мужа, и Лори распахнула глаза, уставившись на меня немного мутным, но все же осознанным взглядом.

— Миледи, — прошептала она и попыталась улыбнуться, а потом увидела Джеймса и приподнялась на локтях. — Ой, милорд! И вы здесь?

— Где ж мне еще быть, как не рядом с геройствующей женой? — хмыкнул тот, но тут же посерьезнел. — В городе много пострадавших, — посмотрел он на меня.

И я без слов поняла все, что муж не сказал. Молча поднялась, взяла его за руку и пошла к выходу.

***

До самой ночи мы с Джеймсом обходили дома и лачуги Уэстена, делясь с его жителями силой и возвращая их к нормальной жизни.

И только ближе к полуночи вернулись к Лори,

в ее большой, жарко натопленный дом, к ярко горящему огню в очаге, к сыто улыбающемуся, не расстающемуся с трубкой Торнтону и к клюющему носом Авиро.

— Ох, святая сила, как же вы вовремя в Уэстен вернулись! — встретила нас Лори. Она раскраснелась, глаза ее ярко блестели, на шее была повязана кокетливая белая косыночка. — Если бы не вы, к рассвету в форте никого из живых не осталось бы. Господин Торнтон мне уже все рассказал: и про то, как вы с вампирами бились, и про ваш поход к алайетам, и про Большую Алайю.

— Болтун, — хмыкнул муж, выразительно посмотрев на проводника, а тот покраснел и виновато отвел взгляд.

— Ох, да вы садитесь, миледи! — вскинулась Лори. — И вы милорд! Я сейчас живо на стол соберу, через минуточку все готово будет!

Она покосилась на Торнтона, зарделась еще больше и принялась суетливо выставлять на стол тарелки.

И в этот момент за окнами послышался громкий скрип колес и цоканье подков.

— А это еще кто, на ночь глядя? — насторожилась хозяйка. — Кого там черти принесли?

Торнтон поднялся, собираясь узнать ответ на

этот вопрос, но не успел: дверь распахнулась, и на пороге появился Ваед. Оборотень сверкал белозубой улыбкой и выглядел ровно так же, как и при нашей последней встрече.

— Доброго здоровьичка всей честной компании! — поклонился он, обводя нас взглядом лукавых желтых глаз. — Ребс до особняка Кейнов на Арвер-роу заказывали?

Мы с мужем переглянулись и не смогли удержаться от улыбки. Так вот, значит, что имела в виду Старейшая! Мы с Джеймсом переживали, что придется остаться в форте до конца отведенного часами срока, но она лишь улыбнулась и сказала, что путь домой найдет нас сам.

— Прошу, миледи, — галантно изогнулся в поклоне Ваед. — И Вас, милорд.

Мы оглянулись на замерших вокруг стола Лори, Кристофера и Авиро и, не сговариваясь, шагнули к ним.

— Ох, миледи, да как же это? — обнимая меня, причитала Лоринда. — И не отдохнули, и не покушали. А я такую паринду сварила! Ум отъешь, не то что пальцы.

— Ничего, — улыбнулась в ответ и шепнула: — У тебя теперь есть, кого кормить. Не упусти свой шанс, Лори. Кристофер — хороший человек.

— А то я не понимаю! — хмыкнула хозяйка. — Живым не выпущу, миледи. Такой мужчина в хозяйстве во как пригодится!

Она отстранилась, заглянула мне в глаза и уже серьезно добавила:

— Будьте счастливы, миледи. Пусть Бог хранит вашу семью, а уж я за вас всю жизнь молиться буду.

Я смахнула выступившие слезы. Не думала, что успею так привязаться к людям, с которыми судьба свела меня в старом Уэстене.

— Прощай, Лоринда, — взяв меня под руку, попрощался Джеймс. — Деньги за постой в сундуке наверху. Надеюсь, их хватит, — добавил он, а я усмехнулась.

Еще бы их не хватило! Два кожаных кошеля, битком набитых золотыми. Да Лори на них половину Уэстена скупит и еще пару гостиниц откроет!

— Скажете тоже, милорд! — вспыхнула хозяйка. — Да зачем они мне, вы с миледи и так столько добра для меня сделали.

— Не спорь, Лори, — хмыкнул Кристофер, и глаза его насмешливо блеснули. — Вот надумаю я к тебе посвататься да в Сарджент к себе увезти, а у тебя и приданого нет! Так что ты деньгами не рас-

кидывайся, в хозяйстве они — первейшая вещь.

— Ага! Так я и согласилась! — подбоченилась Лори. — Да если хотите знать, я…

Мы с Джеймсом не стали слушать шутливую перебранку будущих жениха и невесты. Молча переглянулись и вышли из дома вслед за Ваедом.

— Уверен, что твоя колымага выдержит? — с сомнением покосился на ветхий ребс Кейн.

— Обижаете, милорд, — сверкнул улыбкой оборотень. — До Арвер-роу вмиг домчу!

— Ваед, а как ты это делаешь? Как ты пересекаешь круги времени? — спросила я возницу.

— Дар от прабабки Сафиты мне достался. Она у меня из Старейших Избранных, вот и наградила такой способностью, оказывать помощь тем, кто в ней нуждается, и соединять души даже через преграду времени. Вы ведь, миледи, когда ко мне в ребс сели, больше всего на свете хотели рядом с мужем оказаться. Вот я вас и привез. А сейчас о доме мечтаете. И милорд тоже. А мне разве сложно? Садитесь. Домчу с ветерком!

Он одним движением взлетел на козлы и сдвинул на лоб бессменную шляпу.

— Значит, леди Кейн, вы мечтаете оказаться дома? — на губах мужа появилась так любимая мной пиратская улыбка.

— Только если вы тоже там будете, лорд Кейн! — ответила я и, опираясь на руку супруга, поднялась в кабинку.

Джеймс запрыгнул следом, ребс дернулся, натужно заскрипел и поехал вперед. В тысяча восемьсот шестьдесят девятый год.

Эпилог

Новый Уэстен встретил нас мелким дождем и серым полуденным небом. Ничего не изменилось. Все те же нависшие над черепичными крышами тучи, все тот же ветер, несущий с залива холодную морось и все та же промозглая сырость, проникающая сквозь щели кабины. Ребс ехал по знакомым улицам, а я держала мужа за руку, смотрела в окно, но видела не привычные дома и общественные здания, а добрый Старый Уэстен. Он проглядывал в названиях улиц, в очертаниях водонапорной башни, в узких окнах старинного особняка мэра и в яркой вывеске гостиницы. Подмигивал названиями магазинов и улыбался растяжками рекламы.

Это было так необычно. Видеть одновременно два города, чувствовать две эпохи, две жизни: далекое прошлое и такое близкое настоящее. Как будто круги времени навсегда остались внутри меня, превращая мир в подобие того, в котором существовали алайеты.

— Непривычно, правда? — задумчиво спросил Джеймс, глядя на стекающие по стеклу капли. —

Кажется, мы все еще в старом Уэстене, хотя умом понимаешь, что это не так.

— Конечно, не так. Разве в Старом Уэстене встретишь на улице Долли Марчем и сестер Хьюз?

Я усмехнулась, разглядывая прикрывающуюся зонтом старую сплетницу и двух ее соратниц. Дамы остановились на перекрестке, огляделись и пересекли дорогу с таким решительным видом, словно шли на войну. А может, так оно и было? Интересно, куда они направляются? Кому на сей раз не повезло попасть в жернова их неиссякаемого любопытства?

Правда, эта мысль ускользнула, стоило мне заметить первые особняки Арвер-роу. Осталось всего несколько минут, и я снова увижу дядюшку и Ильду! Обниму их, узнаю, как они жили все это время…

— Что это здесь происходит? — вырвал меня из мечтаний голос мужа.

Джеймс чуть наклонился, разглядывая что-то в противоположном окне, и я повернулась, пытаясь понять, о чем он говорит.

Впереди, перед особняком Кейнов, стоял запряженный тройкой лошадей белоснежный ребс, и из него, опираясь на руку высокого мужчины в щегольском костюме и цилиндре, выходила

какая-то дама в светлом, похожем на подвенечное платье. И вуаль на ее шляпке подозрительно напоминала фату. Да и сама дама кого-то очень сильно напоминала.

— Ильда! — в один голос произнесли мы с мужем и переглянулись.

— Вот уж не думала, что Иль может выглядеть, как благородная леди, — пробормотала я. — Интересно, кто ее спутник?

В этот момент мужчина обернулся, и я удивленно воскликнула:

— Да это же дядюшка Ирвин!

И точно. Разодетый по последней моде, помолодевший на несколько лет, дядюшка выглядел таким франтом, что мне в голову пришло совершенно немыслимое предположение. Неужели мои упрямцы все-таки поженились?

— Тебе не кажется, что, пока нас не было, тут многое изменилось? — задумчиво спросил Джеймс.

Ответить я не успела. Ребс остановился, дверца открылась, и в нее просунулась лохматая голова Ваеда.

— Добро пожаловать домой, лорд и леди Кейн, — широко улыбнулся он. — Доставил, как и обещал.

Джеймс первым вышел из ребса, помог мне спуститься, и обернулся к оборотню.

— Мы благодарны тебе, Ваед, — сказал он и, сунув руку в карман, достал несколько золотых монет.

— Не нужно, милорд, — покачал головой оборотень. — Лучше пусть миледи меня отблагодарит по-своему, у нее это хорошо получается.

— Удачи тебе, Ваед, — от души пожелала хвостатому.

— Спасибо, миледи. Пусть тень вашей жизни будет длинной. Если захотите увидеться с оставшимися в Старом Уэстене друзьями, только позовите, мигом домчу! — весело ухмыльнулся Ваед, и его желтые глаза лукаво блеснули. — Хэй! — выкрикнул он, понукая лошадей. — Пошли, бедовые!

Ребс дернулся, заскрипел и медленно поехал в сторону Коннер-роу, открывая нам обзор на происходящее перед особняком.

А там было на что посмотреть.

Пока мы прощались, к дяде Ирвину и Ильде присоединились новые действующие лица.

— Господин Джобс, — услышала я голос Долли Марчем. — А что это здесь происходит? Неужели это правда, и вы действительно женились?

Главный рупор общественности малость задыхался. Могучая грудь ходила ходуном, полные щеки раскраснелись от быстрой ходьбы и от жадного любопытства.

— Так и есть, госпожа Марчем, — весело ответил дядюшка, и я не узнала его голос. Да и самого дядю Ирвина узнавала с трудом. Казалось, он помолодел на несколько лет и выглядел настоящим респектабельным господином.

— Но как же так? Ни оглашения в церкви, ни приготовлений, ни пышного обряда. Такое событие прошло незамеченным!

Марчем осуждающе покачала головой, но дядюшка с Ильдой — а точно ли это Ильда? Моя прежняя служанка уже сто раз отбрила бы Долли! — не стали вступать в диалог и скрылись за воротами особняка.

— Какое неуважение! Какая невоспитанность! Совершенно невозможные… — Марчем не договорила. — Что, Гвинерва? — обернулась она к одной из сестер. — Говори громче, ничего не пойму!

Госпожа Хьюз что-то сказала, и Долли стремительно повернулась в нашу сторону.

— Матерь Божья! — выдохнула старая сплетница, и глаза ее удивленно округлились. — Не может быть!

Она застыла, разглядывая нас с Кейном, а мой муж, улыбнувшись, приподнял шляпу.

— Светлого дня, госпожа Марчем, — поприветствовал он Долли. — Как поживаете?

Джеймс демонстративно взял меня под руку и повел к столпившимся у ворот «кумушкам».

— Лорд Кейн! — голос Долли задрожал. — Неужели это вы? И леди Кейн с вами? — на полном лице отразилось такое недоумение, что я не выдержала и усмехнулась. Что ж, представляю, какие слухи ходили о нашем с Кейном исчезновении! — А как же… Ведь говорили… Ох, милорд, мы рады вашему возвращению в родной Уэстен. И вашему, миледи, — добавила она, и тут ее взгляд застыл на моем слегка выступающем животе. — О! — воскликнула Марчем и снова повторила: — О!..

И замолчала. Неужели у главной сплетницы Уэстена не нашлось слов? Удивительно! Это был первый, на моей памяти, случай!

— Кэролайн! — послышался из-за ворот голос дядюшки. — Девочка, ты вернулась!

— Конечно, вернулась, — раздался ворчливый возглас Ильды, и я поняла, что моя служанка нисколько не изменилась. — Что я тебе говорила? Наша Кэри просто не может нас бросить!

А уже в следующую минуту я обнимала своих родных упрямцев, и не замечала ни «кумушек», ни собирающейся толпы, ни бегущих по щекам слез.

Да, я вернулась. Вернулась в свой родной Уэстен, в свое время, к своей семье.

Конец.

При создании обложки были использованы изображения:

Девушка https://ru.depositphotos.com/162457958/stock-photo-bl..

Мужчина https://ru.depositphotos.com/104707784/stock-photo-gu..

Мужчина костюм https://ru.depositphotos.com/241447392/stock-photo-re..

Девушка костюм https://ru.depositphotos.com/5290174/stock-photo-cute..

Фон https://ru.depositphotos.com/43921453/stock-photo-hou..